

Солженицынские тетради
Studying Solzhenitsyn
Cahiers Soljénitsyne

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

Солженицынские
ТЕТРАДИ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Москва
Русский путь
2014

3

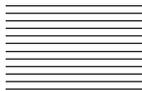
УДК 82.0
ББК 84(2Рос)6 + 83.3(2Рос)6
С-60

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Главный редактор *А.С. Немзер*
Оформление *С.А. Астафуров*
Макет *И.И. Антонова*

ISBN 978-5-85887-440-9

© Авторы, 2014
© Медведева-Томашевская И.Н. (наследники), 2014
© Солженицын А.И. (наследники), 2014
© Чуковская Л.К. (наследники), 2014
© Яшин А.Я. (наследники), 2014
© ГБУК «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына», 2014
© Оформление. ЗАО «Издательство “Русский путь”», 2014

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ: Из наследия Александра Солженицына

Александр Солженицын

ИЗ «ЛИТЕРАТУРНОЙ КОЛЛЕКЦИИ»

Публикация, подготовка текста и примечания
Н.Д. Солженицыной

«ОБРЫВ» ГОНЧАРОВА¹

В один год (1869)² с окончанием «Войны и мира» (а «Отцы и дети» 1861, «Бесы» 1871). В таком окружении — что же?

Очень медленно (полторы части из пяти) действие только *готовится*, и уже сомневаешься: да будет ли оно? Вся I, петербургская, часть — совсем лишняя, роль Софьи Беловодовой — притянута, не нужна. (Диалоги Райского с ней передлинены, состроены при потере всякой меры.) После I части — впору хоть бросить книжку, не читать. Надо бы строить совсем без I части, а длиннейшие экскурсии в прошлое вмежёвывать в сегодняшние события. И II часть — много короче бы — какая долгая подготовка к Вере, начиная с её комнаты. И *весь* роман, все диалоги писать короче, и не повторяться.

По центральному замыслу — как Вера душевной силой и христианской традиционной моралью противостоит Марку и даже пытается спасти его, обратить, — роман мог бы быть очень значительным, даже эпохальным. Но у Гончарова не хватило смелости, дерзости или понимания собственных персонажей — именно *это* и показать, из *этого* и состроить роман (сам обрыв, Волга, имение, бабушка, Марфенька и Тушин — всё найдено и всё пошло бы!). А Гончаров не решился? Тему о разрушителе он превратил как бы в игру, именно это главное всё поместил за кулисы, нам оставлены только намёки, пустынькая интрига угадать, *кто* там прячется, да потом беглый пересказ всего замысла. Только единственная прямая между ними сцена (IV, 12)³ —

¹ Солженицын читал «Обрыв», делая попутные заметки, в начале 1986 года, в Вермонте, по изданию, взятому в библиотеке соседнего Дартмут-колледжа (указать это издание сейчас не представляется возможным). Текст очерка написан не позднее 1987.

² Роман впервые напечатан в «Вестнике Европы» (1869. № 1–5).

³ Здесь и далее в скобках римские цифры — номер части, арабские — номер главы.

1

Р Голышев Иван Александрович (1812-1891)

1852-54 - поездка на границе Панаева
 с 1856 - цензор м. в. р. 1862-63 - глав редактор правительств газет,
 одесситовская печать (1847), Ветлеков (1859); Водрыв (1869)

р [нач. 1986]

Водрыв (1869) - в один год с окончанием "войны и мира". Ч. "Водрыв
 и Веси" 1861 - "Беси" 1871. В одном месте, в одном аккременте - 100 руб?

Время медленно (подари части из тебя) действительное время
глаголика, и урсе самонаблюдение: Да думает ли оно? Вся
 Ли, несоборная часть - совсем лишняя, роль Софии Белово-
 Давая - прищипана, не нужна. (Диалог Райского с ней пере-
 дименно, сососрски при падере всякой меры.) После Ли
 части - впару хаво просить кширку, не глать. Главо дано
 сорано совет дез Ли части, а димнейшие экскурсы в
 прошлые империровать в оладнящие садины. И весе
 раман, все диалог писать карого, и не подвараебы.

По центральному замыслу - как Вера душевной силой
 и христианской традиционной маралого предвидосаит
 Марку и ваве пидаете спасти его, адрыве - раман мог бы
 дит агев знаменитым, ваве эпикальким. Не у Гам.
 не хватило смелости, дерзости или члена, или понимая
 собственных персаматей - именно зов и наказав,
 ну этого и сделать раман (сам адрыв, вала, илени,
 дабушка, Маркушка и Грини - все найдено и все паки
 да). ~~Но~~ Гам. не ^{это парализует его парализует как до войны} ~~решал~~ увер ~~илени~~ этого ~~подварае~~
 все ~~написал~~ написал за кулисы, нам оставлена вакво
 маинки, ну посельская илениа урава, к до дан пре-
герво, да падем депный перекос всего замысла +1/10

А ведь Вера - выдумка да, она парализует парализует мно-
 гих дурневеких героев, и образные Вадими (Варикон),
 Варикон да да мар в женских адрывах +1/10 но лишь Вера
 с Валаховым судно от на, не парада, а за весе весе
дегоснавае адрыве, оста да не паде или, (1/10)

со 2+ 1/10 адрыве, адрыве словами марвало то, в чем, в каких дурных
суднах и вадрен да да созда этого раман: то именно про
ведывал Марк, как именно от аргументирован весе, по чему не удели ее,
как она переня его востра и вадрен, и подвала. Но да
у него не нашлось ни какой силы. В деи, да Голышев суд
срадел - и сказыва скрамные рамны его калан.

И до каса лишь каран да, какая вакво подварае к Весе,
какая е ее калан.

Страница рукописи А.И. Солженицына. Не позднее 1987.

5 с. 21,6×14 см. Черная шариковая ручка

тоже затянута, много объяснений от автора (и, как часто у него, — и не его одного — в ночной темноте видны все детали и цвета), но сцена верная (Марк — не уступил в принципе, и Вера сдалась). Кроме только неё — обзорно, общими словами названо то, в чём, в каких живых сценах и должен был бы состоять этот роман: что именно проповедывал Марк, как именно он аргументировал Вере, почему не убедил её, как она перешла его воспитывать — и влюбилась, и поддалась. На это — у автора не нашлось живых сцен.

А ведь Вера — вытянула бы, пожалуй, поживей многих тургеневских героинь, и — даже развитее Татьяны Лариной, важный был бы шаг в женских образах. Ночная прогулка её с Райским (IV, 8), когда она вырвалась из равновесия — сцена хороша. И продолжение кризиса (IV, 9) убедительно. (Однако наружности по одному подбородку, дрожащему в смехе, всё же не представить.) Но линия Веры с Волоховым скрыта от нас, не проработана, а затем вмиг бесосновательно отрублена. Остаётся непонятным, почему уж она сразу так отчаялась, не хочет даже прочесть письмо Марка, сразу считает всё потерянным, не хочет увидеться и объясниться. Дальше ещё неправдоподобней: она делится последовательно с бабушкой, Райским и Тушиным, как бы они избавили её спускаться в беседку. Это не в её характере, да даже и нескладно: а если три действующего столкнутся?

Но если это — просто «роман чувств», то неплохой, однако рядовой — и зачем тогда был нужен «новый человек» Волохов? Ведь он-то и есть главная проблема, и он почти обойден. Просто ли не понял Гончаров, насколько проблема «новых людей» глубока и серьёзна для России? Счёл, что это — просто мутации морали, которые можно устранить устойчивыми рамками морали прежней? Марк, конечно, недопредставлен, недорисован. Он кажется списанным с Базарова. Хотя, по малым признакам времени, действие происходит между 1851 (вступление во власть Наполеона III) и 1854 (Крымская война), — поразительно, что автор не нуждается в конкретном историческом времени, настолько роман не общественный, — так Волохов чуть ли не до Базарова? Но как примитивно подан: всё лазит через забор, где и без надобности; берёт деньги без отдачи; пронизателен; нахален, бесцеремонен; грубо откровенен в формулировках и мотивах (Вера ему: «волк, волчье») и неубедительно морализирует над собой (V, 17) — именно так, как надо автору, неловко за автора.

А ведь время уже началось бесовское, скоро напишутся (уже пишутся) «Бесы» — а мы всё чуть ли не в «лишних людях» 30-х годов? Та к о й роман нельзя писать без чувства напряжённой общественной атмосферы. Но и сам Марк — в обход общественных вопросов, не касается их.

И вдруг, неуместно и не в формате и тоне автора, — пафосное упоминание о декабристах (V, 7) — и это в романе о бесе?..

И как Гончаров робок о Марке, если уже *есть* «Некуда» (1864) Лескова, «Взбаламученное море» (1863) Писемского. Поразительна робость Гончарова, когда уже опубликованы и бурно обсуждены обществом 5–6 романов против нигилистов. (А через год в этом-то тихом Симбирске и родится Владимир Ленин.)

Гончаров, как он пишет, «расширил рамки романа» — произвольно, беспечно, никак не заботясь о плотности. (Ему казалось — для *той* провинциальной жизни и не нужна плотность? да, это отчасти и так.) Конечно, живых наблюдений над провинциальным обществом, над московским студенчеством — у него немало. Но взамен стержневого несостоявшегося наполнения — чем же роман напоён? Да — Борисом Райским, чуть не две трети. Бездельник, не знающий нужды в деньгах, «художественная натура» с непрерывной сменой неудавшихся видов искусств, раздражительный, переменчивый до психопатизма, безоглядно и унизительно влюбчивый, ничтожный до клоунады, потом и безвольный confident, тряпка (столь занятый им, опускается и Гончаров в нашем ощущении), — какой смысл был брать его в основу романа? Ничего нового, глубокого, содержательного. Этим растяпой роман и погублен, часто сбиваясь в фарс. Райский невыносимо ничтожен, жалок, но бывает вдруг необъяснимо груб в разговорах с бабушкой, да даже и с Верой: «Не любишь? так дай мне страсть, любви вообще нет» (III, 8) — вот так идеалист! В ухаживанье за Верой усиленно и гадко (как и с друзьями) накачивает любовную атмосферу. И автор в описании его переживаний невольно сбивается в безвкусицу, несносный пафос (например IV, 4–5).

А Марфенька хоть не нова — но получилась хорошо. Тем более — бабушка, хотя неприятно её безоглядное (и автором не укоряемое, а ведь пишет в 1869) крепостничество. «Человек, лакей, слуга, девка», терпеть не могла, чтобы кто-нибудь не работал и для того лечила их у бабки Меланхолихи... Да и у самого автора крепостные — как мебель. Но — фигуры, костюмы и быт народный — проглядывают. И природа бывает выражена отчётливо. И — свой жизненный душевный опыт.

Тушин — прост, но удался, очень симпатичен, и занимает верное место в романе. Но едва мы его начинаем любить — автор обрушивает на нас (V, 18) — объяснения, объяснения, возвышение.

И Леонтий Козлов хорош, верен. Неплох его монолог в защиту старых книг, знаний и героев (II, 8). А в горе (IV, 6) — трезво переходит от древности к современности.

С перебором шаржирована Крицкая, и много её, и всё в повторах.

Художник Кириллов — неплохо, пожалуй веришь.

Сам Обрыв — хорошо видится, и симбирцу естественно пришёл.

Но это роман — ещё беспечной эпохи, автору ничто не маячит из будущих бед России, и какая опасность в Волохове — он не чувствует, потому и не может написать. Гончаров принадлежит к беззащитной России.

Приёмы и писательская манера. — Все психологические ходы не только большей частью просты, но — на виду, и ещё *названы* автором. «В нём — только начинала разыгрываться сладость нервного раздражения». Называние — его болезнь, всё многократно поясняется. Вот бабушка «мирила старину с новизной», — но ни примеров тому, ни сцен, ни случаев — а просто обобщающий о том рассказ (II, 10). И обычаи Марфеньки — не показом, а рассказом. Что именно думает Вера о Райском? — изложено (III, 5) её письмом к попаде. Но автор не меняет точек зрения, держится за Райского, не возьмётся написать главу от Веры или кого другого, а разрешает себе общие описания характера, от себя. И много пояснительных абзацев среди повествования.

Размазаны и диалоги. Повторы — не убраны тщательной рукой, сразу же (I, 3) повторяются в описании дома Пахотиных, а «экспозиция» вообще тянется до 13-й главы. Глава 14 — совсем плохой разговор с Беловодовой, плоские и надоедлые комментарии Райского. Глава 15 — история с умирающей Наташей — невыносимо пафосная, наверно и во времена Гончарова уже нельзя было так писать. — Излишества речи автора, несдержанность оценок.

Повторение (без цели) одних и тех же ходов (бабушка со счетами — Райский равнодушен; то отдаст имение воспитанницам, а библиотеку Леонтию — а словами всё какими-то нетерпеливо недобрými).

В общем — читать скучно (искусственно строится интерес на том, что неизвестен возлюбленный Веры), настоящей пружины нет. А главное — нет **плотности**, Гончаров о ней нисколько и не заботится, он, как Райский, «расширил рамки романа» — произвольно, беспечно.

Книга — из тех, которые не могут сохраниться при новом веке, новой эпохе.

И не вижу, чтобы Гончаров был ярче, цепче, скажем, Глеба Успенского. (А по принятому «разряду» числится как бы выше.)

В **языке** — никакой индивидуальности, народности, языкового богатства. Средне-общий, скучный язык. Городской, образованный, никакого рельефа.

Не следит и за звучанием: «с старинной», «с сдержанным» и т.д.

Из мелочей (хорошо):

швейцар похож на Нептуна

пыльное воспоминание

весь спрятавшись в бакенбарды, усы и бороду (художник Кириллов)

Но вот что себе позволяет:

— (звуки музыки) обдавали точно морской волной, целые миры от-
верзались;

— он заронил в неё (Софью) сомнения гамлетовские;

— освещает тёмные места своего идеала;

- разобьёт свою статую в куски и потушит диогеновский фонарь;
- неги страсти тихо стукнулась к ней в душу;
- усталость моральная и физическая;
- исключительная глубокая натура её практиковала силу своей воли над окружающим деспотизмом.

Критика слева на «Обрыв» была очень резка уже в 1869.

(Кстати, и очерк «Милльон терзаний»⁴ — не нахожу пронизательным, в эпоху и в автора не вдумывается глубоко.)

⁴ «Милльон терзаний (Критический этюд)», посвященный комедии Грибоедова «Горе от ума», написан Гончаровым в 1872 году, после посещения в ноябре 1871 бенефиса актера И.И. Монахова (Чацкий) в Александринском театре. Опубликован впервые в «Вестнике Европы» (1872. № 3).

Комедии Грибоедова посвящен и очерк Солженицына «Протеревши глаза: “Горе от ума” глазами зэка». Написанный в 1954 в ташкентской онкологической клинике (в раковом корпусе), очерк был опубликован лишь через 45 лет. «Безо всякой цели что-то пересмотреть или переписать, просто понасладиться взял я в руки как-то в лагере “Горе от ума” и стал читать — глазами уже пожившего человека, изрядно повидавшего разных людских положений. И вдруг от страницы к странице я с удивлением обнаружил, что читаю как первый раз и вижу действующих лиц совсем не такими, как меня когда-то натаскивали в школе. Я протёр глаза — да, именно так. По-новому что-то» (*Солженицын А.И. Протеревши глаза. М.: Наш дом – L'Âge d'Homme, 1999. С. 344–365*).

«...РАБОТАЮ РАДОСТНО И МНОГО»

*Из переписки Александра Солженицына
и Лидии Чуковской
(1977–1979)*

*Публикация, подготовка текстов,
вступительная заметка и комментарии Е.Ц. Чуковской*

Продолжаем публикацию обширной переписки Александра Солженицына с Лидией Чуковской начатую в первом и втором выпусках «Солженицынских тетрадей» (М.: Русский путь, 2012. Вып. 1. С. 47–100; М., 2013. Вып. 2. С. 43–92). Указанные публикации охватывают десятилетие с марта 1967-го по январь 1977 года. Во вступительных заметках рассказано об объеме этой переписки, о том, как складывались отношения обоих корреспондентов, как развивалась их литературная судьба, где хранятся оригиналы писем. Не повторяя этих сведений, отсылаем заинтересованного читателя к этим заметкам.

В настоящем издании представлена переписка за 1977–1979 годы. За этот период сохранилось 4 письма Александра Солженицына и 8 писем Лидии Чуковской. Все письма передавались исключительно с оказией, что позволяло авторам писать без оглядки на цензуру.

Письма печатаются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации с сохранением авторских особенностей. Подчеркивание передано курсивом, разрядка сохранена. Бесспорные сокращения слов, имен и фамилий развернуты без угловых скобок (исключение составляют постоянно встречающиеся инициалы Л.К., А.И., К.И., А.Д.¹), купюры обозначены многоточием в угловых скобках.

Благодарю Н.Д. Солженицыну за сохраненные и предоставленные мне копии писем Л.К. Чуковской и за замечания и советы при подготовке этой публикации.

¹ Соответственно Лидия Корнеевна, Александр Исаевич, Корней Иванович [Чуковский], Андрей Дмитриевич [Сахаров].

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БТД — *Солженицын А.* Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996.

НМ — журнал «Новый мир».

Публицистика — *Солженицын А.* Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхне-Волжское изд-во, 1995–1997.

1. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

31 марта 1977. Москва

31/III 77

Дорогой Александр Исаевич. О том, чтоб я сердилась на долгое Ваше молчание, и речи нет, и никогда не будет. Каждое Ваше письмо — не заслуженный мною дар; одарите — спасибо, а не одарите — что ж! я понимаю: Вы сейчас пишете самое главное Ваше Письмо нам всем, значит, и мне... Если же оторветесь, чтоб написать мне, то не беспокойтесь насчет крупности букв: оптика увеличит любые! только бы фломастером. Пишите мелко, как привыкли. (Я получила Ваше январское.)

Вы пишете, что отчаянно собираете уменьшающиеся силы. А для меня — Вы и сила, грозная сила, добрая сила, могучая сила — Вы и сила — понятия однозначные. Не могу себе представить *уменьшения* силы в Вас. Александр Исаевич, да оглянитесь назад, поглядите, что Вы сотворили! Сотворенное Вами — это всё отступление от Вашей главной задачи, теперешней, я понимаю, но оно же — залог исполнения главнейшей из Ваших задач¹. Сила в Вас не иссякнет, пока Вы всё не исполните, я так верю. Уж Вам ли не верить в свою судьбу. Это было бы неверием в камень, который дышит². А он дышит несомненно, и, хотя живем мы в постоянном унижении, оскорблении, грязи, падшести — я думаю иногда, что

«На деле гораздо светлей»³,

иногда встретишь внезапно, где и не ждал, такую умную, светлую, сильную и понимающую молодость, что душа встрепенется. А сколько Вы для этой новорожденной молодости сделали — Вы и вообразить не можете.

Ну, что у нас? Та же старая скука. Не знаю, как решено всерьез, а вид такой: «сажали, сажаем и будем сажать». Но в этом много демонстративного:

на-ко-ся, выкуси! а в действительности это, по-моему, не от хорошей жизни... Дней 10 назад из Союза исключили Володю Корнилова, сегодня исключают Льва⁴. Эти процедуры намечены были уже годика два, да все откладывались, а сейчас вдруг в быстрейшем темпе и с улюлюканьем. Думаю, тоже нарочно, назло. Не знаю, напишу ли об этом что-нибудь, потому что не об исключениях сейчас писать надо, а об Алике и Юрии⁵. Но об Алике Вами и Алей все сказано на весь мир⁶.

Вы меня поздравляете с выходом «полной Ахматовой» (моей). Спасибо; я очень сконфужена двумя портретами рядом, я этого не хотела⁷. Но это ведь и не полная моя Ахматова, а только годы 38–41. Это I том. Недавно окончила готовить текст II тома: 1952–1962 и вожусь с примечаниями. Получилось, страшно выговорить, 30 печатных листов! (О Вашей встрече с АА я уже написала, т. е. как я прихожу вечером на Беговую, а Вы были там днем, и АА мне про Вас рассказывает⁸.) А еще предстоит III том: 1963–66. А еще кончить книгу «Дом Поэта» (о Н.Я. Мандельштам). А еще хочу написать о Корнее Ивановиче — не детство мое, а его путь...

Завтра — 1/IV — ему исполнится 95 лет. Мне неделю назад, 24/III — грянуло 70... И в этот день я получила Ваше письмо и фотографию. (Как Вы угадали!) Белоголовые Ваши сыновья, и Вы, и камень... Вот какой мне подарок. Обнимаю Вас и благодарю со слезами.

ЛЧ

PS. А мне сдается, Новый и Старый Свет все-таки Вас расслышал. Они часто повторяют Ваши мысли, не называя Вас.

¹ Имеется в виду работа над многотомной исторической эпопеей «Красное Колесо».

² К письму Солженицына приложена фотография: он сидит на камне с тремя маленькими сыновьями. Об этой фотографии А.И. писал: «Вот этот камень, на котором я сижу с сыновьями, они знают — есть заколдованный крылатый конь, и ночами он слегка дышит, как дышит Россия, а как только Россия полностью вздохнёт — так конь расколдуется, и мы на нём полетим на родину. Ложась вечером, ребята просят: а ты ночью проверь — дышит?» (См.: «Открытую почту нам Москва обрубила в оба конца...» // Солженицынские тетради. М.: Русский путь, 2012. Вып. 1. С. 100 (Письмо 18 от 25 января 1977)).

³ «На деле гораздо светлей» — строка из поэмы Бориса Пастернака «Девятьсот пятый год» («Отцы»).

⁴ Владимир Николаевич Корнилов (1928–2002), поэт, друг Лидии Корнеевны; Лев — Лев Зиновьевич Копелев. Речь идет об их исключении из Союза писателей.

⁵ ...об Алике и Юриш. — Речь идет об Александре Ильиче Гинзбурге и Юрии Федоровиче Орлове. А.И. Гинзбург (1934–2002) в 1974-м после высылки А. И. Солженицына принял на себя обязанности распорядителя Русского общественного фонда помощи политическим заключенным и их семьям. Ю.Ф. Орлов (р. 1924), физик, член-корреспондент Армянской академии наук, основатель и первый руководитель Московской Хельсинкской группы (с 1976). 6 января 1977 года Л.К. пишет в дневнике: «Обыски у Орлова, Гинзбурга,

Алексеевой. Первые двое (а м. б., и третья?) были временно арестованы; Орлов почему-то схвачен на улице “дружинниками”, которые насильно втащили его в автомобиль» (Чуковская Л. Отрывки из дневника: Александр Солженицын // Чуковская Л. Из дневника. Воспоминания. М.: Время, 2014. С. 470).

⁶ Речь идет о радиointerview и заявлениях, распространенных мировыми телеграфными агентствами сразу после ареста А.И. Гинзбурга 3 февраля 1977 года; см., напр.: Солженицын А. Об аресте Александра Гинзбурга // *Публицистика*. Т. 2. С. 469.

⁷ В 1976 году в парижском издательстве «УМСА-Press» вышел первый том «Записок об Анне Ахматовой». На обложке были помещены портреты Анны Ахматовой и Лидии Чуковской.

⁸ Знакомство Ахматовой с Солженицыным произошло 29 октября 1962 года на квартире М.С. Петровых, у которой остановилась Анна Андреевна. См.: Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. М.: Время, 2007. Т. 2. С. 561–562 (запись от 30 октября 1962).

2. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

1 июня 1977. Вермонт

1.6.77

Дорогая Лидия Корнеевна!

В этот раз имею возможность ответить Вам мгновенно (позавчера получил Ваше от 31.3.77), хотя и коротко — но зато и фломастером, надеюсь, будет хорошо видно.

Очень рад, что нечаянно поздравил Вас с 70-летием. Если бы мог расчитать, то сделал бы это в более сильных выражениях. Вы героически перебарываете немощ глаз и немощ тела — и досылаю Вам теперь пожелания, чтобы Вы и дальше одерживали над ними верх и сумели бы выполнить своё задуманное. Никак не думал, что об Ахматовой будет ещё III том, очень интересно! Это — всем нам будет подарок. С очень тёплым чувством вижу Вас попеременно в Ваших московской и переделкинской комнатах. Последние месяцы жизни в Переделкине очень меня приобщили к Вашему быту.

В ходе «Марта Семнадцатого» я хорошо разработался, работаю радостно и много. Имею под рукой весь мыслимый по теме материал (его вообще много), как этого не было никогда. И, как никогда в прежние годы, на 5 столах все мои рукописи и материалы, ничего не надо ни разделять, ни прятать, ни перебрасывать, а только перехаживать от стола к столу. Писать живую большую революцию в действии — это совсем особенное состояние, и задача особенная, к которой, однако, я всегда считал себя призванным — этого не сравнить ни с каким общественным или военным полотном. У нас в литературе ещё такого опыта нет. Иногда материал подсказывает приёмы совершенно неожиданные для самого автора. Очень интересно и огромно!

Только (несмотря на сбор эмигрантских воспоминаний) не хватает показаний живых свидетелей. Увы, опоздание в 60 лет.

Печататься в ближайшие годы не думаю, а потом сразу двинуть несколько Узлов или сразу Собрание сочинений (томов только основных набирается уже больше 15).

Сейчас дошла до нас статья Лакшина против меня¹. <...> Лакшинская статья после его 7-летнего (!) молчания показывает, что художественно-го критика в нём уже больше нет, она вся лежит за пределами литературы, очень длинная, злая, но главное с подлыми приёмами искажения, вроде того, что в самом главном месте, где цитата перевирается (например, «нож за голенищем») вместо страницы (288) вдруг как бы по забывчивости указан год (1969) — так и за полные сутки не долистаешься, где это место². Так же подло переврал с детьми, да много. Походя облаял и «Архипелаг», ничего! — Жаль, что Эткин³ способствовал её распространению во Франции, дав объединить себя с ней в одной брошюре, придал неизвестному Лакшину респектабельность своего имени, известного во Франции⁴. <...>

Надеюсь, что отсутствие Люшиного письма при Вашем — не означает её нездоровья или каких неурядиц. Сердечный привет ей! — и перделкинским друзьям моих последних месяцев.

А Вам — здоровья, глаз и работоспособности, дорогая Лидия Корнеевна!

Ваш А.С.

¹ Лакшин В. Солженицын, Твардовский и «Новый мир» // Политический дневник. 1977. № 2. С. 151–218.

² Страница неточно указана Солженицыным по первому изданию *БТД* (Париж: УМСА-Press, 1975). На самом деле фраза «Прощался я от наперсного разговора — а за голенищем-то нож, и показать никак нельзя...» находится на странице 291. В мемуарной книге «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» Солженицын приводит много примеров того, как Лакшин «систематически искажает цитаты из “Телёнка” — либо усечением, либо недобросовестным истолкованием», он пишет: «...а читатель — где будет проверять (редкому москвичу моя книга попадёт, и то на неполные сутки): что “нож за голенищем” — это разгромное моё обращение к Секретариату СП, которое показать Твардовскому никак нельзя, он будет удерживать от борьбы» (Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» (НМ. 1999. № 2. С. 94–97 (ч. 1, гл. 4: В Пяти ручьях)).

³ Ефим Григорьевич Эткин (1918–1999), специалист по французской и германской литературе, переводчик, профессор. В Париже Эткин некоторое время был представителем Л.К. в ее отношениях с тамошними издательствами.

⁴ *Lakchine V. Réponse à Soljénitsyne*. P.: Albin Michel, 1977. Помимо одноименной статьи В. Лакшина, брошюра содержит «Открытое письмо Солженицыну» Валентины Твардовской, статью «Александр Твардовский» Роя Медведева и обзор «Нового мира» Ефима Эткина.

3. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

8 июля 1977. Москва

Дорогой Александр Исаевич. Ваше письмо от 1/IV 77 я получила быстро, и очень оно меня обрадовало (Вашей работой) и даже возгордило (Вашей добротой ко мне), но отвечаю с опозданием, потому что одновременно получила другое Ваше письмо — интервью о прозе в № 120 «Вестника», на которое тоже хочется отвечать. То есть не отвечать, а жить им, откликаться на него. Неужели оно не будет издано отдельной книжкой?¹ И что за несчастье — расстояние и сроки: Вы сказали это в марте 76 года, а я читаю — в июне 77.

Но сначала отвечу на Ваше письмо ко мне. Я надеялась, Лакшин до Вас не дойдет. А он (узнаю от Вас) напечатан. Я его читала в машинописи — с гадливостью. Его статья ходила тут по рукам. Конечно, недругам она пришлась весьма по вкусу, но из достойных людей никто на нее не попался. Лживость, мелкость, самолюбие бросаются в глаза. Защищать Твардовского от Вас может только человек без слуха (и без совести), потому что Ваш портрет Твардовского — во славу Александра Трифоновича. Передержек у Лакшина полно. А главное — желание выставить себя, а вовсе не защитить Твардовского. И большая часть читателей очень ясно это поняли. Самиздат эту статью не только не принял, но знаю случаи, когда люди спускали с лестницы тех, кто ее пытался распространять. Знаю и письма, адресованные автору (к сожалению, частные), в которых перечислены передержки и лжи. В Самиздате эта статья провалилась. <...> Отвратительна в Лакшине — ясность задания, ясность цели... Но как же Ефим Григорьевич? Иногда мне кажется, у всех уехавших меняется состав крови или мозговых клеток, и они перестают понимать *здешнее*. Будь Еф. Гр. здесь, он разобрался бы в Лакшине *мигом*. <...>

Да, у меня будет и III том «Записок об АА», е. б. ж.² Ведь II том — это 52–62, а III — 62–66, самое жгучее время, умирание Ахматовой и смерть. Две осени: 63 и 64 я провела в Комарове и видела ее *каждый день*. Но пока все мои писания застыт комментарии ко II тому; гоню, гоню, загоняю в болезни и себя, и своих помощников, но к сентябрю должна кончить. Потом приведу в порядок две, уже написанные книги, — «Памяти детства» и «Процесс исключения»; а потом вернусь к книге против Н.Я. Мандельштам и возьмусь за III том «Записок»... (Вот как долго я собираюсь жить.) В сентябре 77 г. обещаю мне выход в свет книжки моих стихов «По эту сторону смерти»; жду ее с нетерпением и глубокой неуверенностью. Но раз я решилась, дала согласие, то ждать очень *трудно*... Между прочим, хочу Вам наклеузничать. В № 120

«Вестника», очень богатый номер, кроме интервью с Вами, напечатана публикация писем Мандельштама. И там обезображено, убито одно из лучших его стихотворений. См. стр. 156. Мандельштам говорит о *литераторах*, воспевающих колхозы:

Какой-нибудь изобразитель,
Чесатель колхозного льна,
Чернила и крови смеситель,
Такого достоин рожна³.

А напечатано: изобретатель! Убита рифма и убит смысл. Ну при чем тут изобретатель?.. На стр. 4 цитируются две строки из четверостишия Ахматовой — в неверном порядке. Ну, тут «смысл» не поврежден... Но следовало бы заглянуть в презренный сборник «Памяти АА», где это четверостишие, уцелевшее чудом, сохраненное чудом, доставленное в Париж чудом — напечатано. Загадочны для меня эти увечья стихам — и не прощаемы.

В Переделкине переполох: выселяют вдов. Живым писателям не хватает дач. Вместо того чтобы строить новые дачи, Литфонд выселяет вдов (старых). И хотя эти дамы отнюдь не почтенны (например, вдова Аркадия Васильева⁴), но они уже в почтенном возрасте. Есть что-то противоестественное в этом мероприятии: «выселение вдов». Очень жаль семью Яшина — достойные и бедные люди... Пощажены только две дачи: наша и Пастернаковская. Доброжелатели мои меня поздравляют, а я как-то не жду добра. Очень всё напряжено и в макро- и в моем микро-мире. Моя поездка в Ленинград обернулась не бедами, правда, но неприятностями для моих любимых друзей, хотя я виделась там только со стариками, своими сверстниками, молодых себе не позволяла. Никуда, ни к кому не ходила, встречалась поодиночке в Летнем Саду. Это был мой отпуск, мой отдых, мой Сад. Впервые я пришла в Летний в 1918 г., когда девочки играли в серсо и катали по аллеям обручи... Теперь этим девочкам (тем, кто жив) 70 лет. Чуть я вернулась в Москву, я узнала, что не должна была ездить в свой родной город, что мой приезд не пошел им впрок. Мне, очевидно, разрешено пребывать только на улице Горького и на даче; и это надолго ли? не знаю. Писем мне не доставляют никогда никаких, ниоткуда. По телефону стараюсь не говорить вообще. Два раза выгнала с дачи двоих проходивцев (поодиночке), пытавшихся всучить мне письмо от «бывшего жильца». «Да вы взгляните! да вы ведь знаете его руку!» За дурочку меня считают. (Сегодня целый день у моих ворот стоит такси.) И все это пустяки по сравнению со страшными вестями, которые ежедневны... И потому я особенно была счастлива прочитать в Вашем письме, что Вы захвачены работой,

что работа разложена на 5 столах и ничего никуда не надо уносить. Ведь подумать только: в Вашей жизни это *первый дом. Свой*, в котором Вы можете наконец расположиться по-своему — и — главное! — откуда можете не уносить бумаг... Спасибо Вам за Ваши добрые пожелания к моему 70-летию. Физически я чувствую себя не очень плохо; понимаю, что в 66 г. и в 68 и в 69, я была *больнее* (помню, как писала ответ «Литературной газете»; жила в своем домишке; t° каждый вечер 38.2; РОЭ оказалось 69... Потом больница. Писала я тогда про Вас и думала: только бы — сквозь жар — дописать... Помню внезапное Ваше лицо в окне, в лесу... Сейчас у меня tbc просто нет, залечили... Когда умирал и умер К.И., я тоже была *больнее*, чем сейчас. Глазам, правда, стало хуже)... Поднадзорность же моя сейчас несомненно растет, я чувствую это нарастание с каждым часом... Ну да, она, конечно, не *моя*, а *общая*: тех, кто не арестован и не уезжает... Очень чувствуется также (конечно, не среди друзей, но среди «знакомых») растущая ненависть к так называемым «диссидентам»: к Вам, к АД, ко мне, к любому, кто говорит или даже молчит, но вдруг завтра заговорит. Целые теории строятся для обоснования этой ненависти: «вот, кричите на весь мир, рассуждаете, и в конце концов из-за вас и корреспондентов будет погром». — «Да ведь при Сталине молчали, и не было корреспондентов, и все равно был погром». Лакшину удивляться нечего, он знает, *что* делает и *когда* делает — и кому на радость...

Перехожу к № 120, к Вашему интервью. Когда я чувствую совпадения мыслей о прозе — моих с Вашими — я это чувствую, как ожог: хватаю бумагу, делаю выписки. Таких совпадений много, и даже до странности: у меня много выписок из работ Станиславского о личном опыте, без которого нельзя понять другого человека, другой характер; о личном опыте как основе воображения — и вот теперь Вы говорите то же, и на том же была построена вся редакционная система Маршака... Но сейчас я буду писать не о совпадениях, а вразброд, по поводу несовпадений. А Вы бросьте, когда скучно станет, и не тратьте времени на ответ. Радуюсь я совпадению таких моих идей с Вашими: Вы называете плотностью то, что я, в своем письме к Вам об «Архипелаге», назвала, помниться, ёмкостью. Радуюсь, что «мирные» главы «Августа 14» написаны, оказывается, 40 лет назад — может быть, потому я их ощущала и при первом чтении более слабыми, чем военные? Меня «Август» захватывает с Воротынцева и Самсонова. Радуюсь всему о Пушкине — но почему Никита Алексеевич думает, что на Пушкине можно *отдыхать*? Пушкин так ёмок и так огромен, дает счастье, но заставляет мысль и душу трудиться, а не отдыхать... О прозе Лермонтова не согласна с Вами, она не фехтовальная, она — с примесью психологии, а ведь вся дальнейшая русская проза пошла психологическим путем. Удивляюсь Вашей недооценке Чехова: как, говоря

о *плотности*, не сказать о позднем (да иногда и раннем) Чехове: например, «Архиерей». Ведь это максимум плотности, не меньшей, чем в «Хаджи-Мурате». Я высоко ценю Замятина (в особенности «Лица»: Блок, Кустодиев, «Я боюсь»), но никогда бы я не поставила его выше Чехова... Почему Замятин на Западе растерялся? (Я его хорошо помню, для меня он живой.) Думаю, потому, что уходить в чужой язык он не желал и не мог (это в СПб его прозвали «англичанином» — манера держаться у него была «английская»; «И вновь / Замятин улыбнулся по-английски», — шутил Шварц⁵); он улыбался по-английски и говорил по-английски, и пробор, и глаженные брюки, но художественно писать (т. е. мыслить) по-английски он не мог. А по-русски — для кого ж в Англии в то время писать? Ведь *тогда* никакой надежды, что написанное попадет в Россию, *не было*. Потому и *потерялся*. Для эмигрантов же, сколько я понимаю, писать *неинтересно*... Удивило меня, что Вы любите прозу Цветаевой. Давно ль? Это, конечно, проза стоящая; как и ее стихи; но для меня очень избранно, кусками, страницами — только. В ней действительно *сила*, но *сила истерическая*, ведь истерические люди очень бывают на подъеме сильны. Но т. к. я сама истерична (по наследству, да и базедова с обеих сторон), то я все время, всю жизнь ищу спокойной, уравновешенной силы, а истерическая, пусть и сильная сила, отталкивает меня. Ну, это, конечно, факт моей биографии, а Цветаева замечательна (страницами)... Теперь о мужике. Вас спрашивает Ваш собеседник, не идеализируете ли Вы крестьянина. Вы отвечаете: «нет, а это так может только показаться, потому что на Западе знают Россию от революционеров, а революционеры всё в России чернили». Тут я удивилась. Почему же на Западе — только от революционеров, которые хаяли? А как же русская литература, которая только и делала, что воспевала мужика, призывала господ каяться перед мужиком и пр.? Разве на Западе не читали Достоевского — «Мужик Марей» или Толстого — Каратаев? Или Герцена и всех народников? с пресвятыми мужиками? Все воспевали мужика, один Чехов осмелился пойти наперекор идеализации и написал «В овраге», «Мужики», «Новую дачу» и т. д. Вы скажете, что он очернил, не понял; я не спорю (не знаю) — но ведь Чехов-то не революционер... А вы пишете, что *революционеры* охаяли крестьянство... Чехов же описал мужика столь жестко, таким, каким он его увидел еще до революции, до «Грабь награбленное» и пр. Тут у Вас что-то не сходится.

Теперь главное: о том, что форму подсказывает материал, а не *поиски новых форм*. Так. Но и еще кое-что. Форму подсказывает материал + воля художника, его угол зрения, а еще точнее — его *боль*. Конечно. Вам форму «Архипелага» подсказали груды материала и Ваш личный опыт (з/к, каменщик), но и Ваша личная боль, от которой Вы могли излечиться, только *опровергая ложь*. Если бы не Ваша боль и не чужая ложь — Вы бы формы для груды материала не нашли. (Я это к тому, что один материал, сам по себе, еще не определяет форму.) Тут еще интересно: иногда тембр голоса худож-

ника рождается раньше, чем художник встречается со своим материалом. Странно, что это так, но бывает. Например, Ахматова стала «негодующей Федрой» *раньше*, чем ей встретился материал, вызывающий ее негодование⁶. То есть природа (или Бог?) как будто заранее заготавливает *инструмент* для восприятия материала; и боль — как предчувствие — приходит прежде, чем «материал» — жизнь — наносит рану. Вообще, исключения против правила (материал диктует форму; опыт личный позволяет понять чужое) — исключения разительные. Чехов в 29 лет написал «Скучную историю» — о том, как отмирает жизнь у 65-летнего старика, хотя сам он был еще в расцвете жизни и еще не чахоточный. Откуда же знал умирание? Лермонтов — гусар, мальчишка, распутник — создал «Молитву» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою») — написал рыдающим материнским голосом, словно не мужчина просит защитить возлюбленную, а мать молит о дочери. (Перечтите, это упоительная рыдающая музыка.) Откуда он знал самую суть материнства? Таинственно.

И последнее. Плотность, емкость. Да, конечно — «Пиковая Дама», «Хаджи-Мурат», «Архипелаг», Ахматова. Да, но какое бывает наслаждение испытывать как бы разлив, как бы половодье словесное; бурный ритмический словесный поток — в «Мертвых Душах» Гоголя, в некоторых стихах Пастернака («Я тоже любил, и она жива еще»⁷). При этом нарочито ритмизованную прозу я не терплю (например, Белого)... Ну, хватит Вам моей неритмизованной прозы, кончаю.

На стр. 48 не опечатка ли «Эх, яблочко, куда катишься»? Я помню «котишься» и рифма «не воротишься».

Знаете ли Вы, что мы здесь так низко пали, что кое-кто... торгует Тамиздатом? Срам. Это как лекарствами торговать... И не на черном рынке, а среди знакомых! Такси у моих ворот стоит. С утра — а сейчас вечер.

Получили ли Вы книжки для детей, посланные мною? Маршак «Сказка о глупом мышонке» и Некрасов «Мазай»?

Обнимаю Вас. Люша Вам писала.

Л. Ч. <...>

¹ ...интервью о прозе... — Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве // Публицистика. Т. 2. С. 417–448. (Впервые: Вестник РХД. 1977. № 120. С. 130–158.)

² ...е. б. ж. — если буду жива (сокращение, заимствованное из дневников и писем Льва Толстого).

³ Строфа из стихотворения О.Э. Мандельштама «Квартира тиха, как бумага...» (1933).

⁴ Васильев Аркадий Николаевич (1907–1972), секретарь парторганизации Московского отделения Союза писателей. С 1929 года — работник ОГПУ.

⁵ Евгений Львович *Шварц* (1896–1958), драматург. Л.К. цитирует его стихотворение из «Чукоккалы» (см.: Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Русский путь, 2006. С. 412).

⁶ «Негодующей Федрой» в стихотворении «Ахматова» (1914) назвал ее О.Э. Мандельштам: «Так — негодующая Федра — / Стояла некогда Рашель».

⁷ Строка из стихотворения Б.Л. Пастернака «Я тоже любил, и дыханье...» (1916).

4. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

12 сентября 1977. Москва

12 сентября 77

Дорогой Александр Исаевич. Трудно писать, не зная, получили ли Вы мое предыдущее письмо, посланное ровно 2 месяца назад: *12 июля*. Там я подробно высказывала свои соображения о Вашем интервью с Н. Струве. Повторять нет сил: длинно. Меня поразило почти полное совпадение терминов: когда я писала о емкости Вашей прозы, Вы назвали ее «плотной». Ну, повторять не стану, авось Вы получили или получите то письмо. У Ахматовой о пушкинской прозе: «головокружительный лаконизм “Пиковой дамы”»... Я обрадовалась, что Вы со спокойствием и достоинством сказали несколько слов о Пушкине, но сказали как-то внелично, т. е. не понять, что *Вы* у него *любите* (не только «воздаете должное», а любите)... Кстати: тут сейчас вышла книга «Анна Ахматова. О Пушкине» (Советский писатель, 1977). Здесь ее не достать — весь тираж ухнул! — но попросите, чтоб ее прислали Вам из Парижа. Там статьи — печатавшиеся и не печатавшиеся — черновые заметки — наброски — неинтересное послесловие и богатейший комментарий. Статьи Ахматовой о Пушкине, собранные воедино, обрели новый звук и смысл. Видно, как Ахматова от «литературоведения» пришла к прозе, и видно, как глубоко, все глубже и глубже, с годами проникала она в тайнопись Пушкина. Замечательны статьи «Каменный гость», «Болдинская осень» (о VIII главе «Онегина»), «Пушкин и Невское взморье», «Гибель Пушкина» — и ошеломляет статья: «Слово о Пушкине» и одна черновая страница (169) — о Пушкине-«моралисте». Не думаете ли Вы, что «Слово» + одну страницу стоило бы перепечатать в журнале? Они очень важные. Кроме всего, важны 4 строки в «Слове о Пушкине», которые Ахматова, конечно, написала о себе:

За меня не будете в ответе,
Можете пока спокойно спать.
Сила — право. Только ваши дети
За меня вас будут проклинять.

Вчера весь вечер провел у меня дорогой гость: АД. От каждого его рассказа волосы становятся дыбом. Как у него хватает сил переносить беспрерывно стекающиеся к нему со всей страны ужасы? Даже если не говорить о его борьбе; душа его вся насквозь изрешечена чужими несчастьями. Он не жалуется, — так же, как всегда, спокоен, невозмутим, ровен, тих. Если бы я разглядела нимб вокруг его головы, я не удивилась бы. Утомлен он безмерно. Сейчас у него отняли последнюю его отраду: малышей¹. Навсегда. А они были для него кислородом.

Я продолжаю корпеть над примечаниями ко 2-му тому «Записок». Кончу к 1 октября непременно. Они превращаются из справок во что-то другое — изображение очень бурного (и болтливое!) времени.

У нас новости: я и Женя Пастернак² получили извещение из Литфонда, что в 1978 году на наших дачах будет произведен капитальный ремонт. Хорошо это? Плохо? Не знаю. Во всяком случае, тревожно. Придется вывозить все вещи — а куда? И, главное, пустят ли *меня* обратно? Я склонна смотреть на будущее оптимистически, однако червячок все же гложет <...>.

Люша месяца два назад послала Вам большое письмо и пачку бумаг. (Другим путем, чем я послала свое последнее письмо.) Получили ли Вы? Неужели пропало?

Где Вы были летом? Путешествовали или работали? Я думаю, работали, раз у Вас завелись наконец 5 стойких честных постоянных, не кочевых столов. Интересно бы знать, который Узел сейчас Вами распутывается. И как живут Аля, Екатерина Фердинандовна, дети. Привет им. Я иногда хожу гулять мимо Вашего подъезда, дóма, садика. Странно! Ждем Вас — и вас всех — ждем, не теряя надежды.

...А у нас на даче вчера были воры. Среди бела дня. Влезли в окно Вашей комнаты (там теперь постоянная выставка всех изданий «От 2 до 5») и пытались украсть платя из шкафа. Дежурила не я; моя сменная вызвала милицию, воры бежали. Я очень боюсь своего испуга — а ведь мне придется много дней дежурить здесь одной. (Моя сменная, к счастью, была не одна. А воров было двое.)

Все Ваши друзья Вам кланяются и Вас ждут, чтут и *читают*. Жаль, книг мало. Обнимаю Вас.

PS. Я написала Никите Струве о двух ошибках в № 120 — в стихах Мандельштама и Ахматовой. Это что-то роковое.

¹ Маленькие внуки Е.Г. Боннэр — Аничка и Мотя — вместе с родителями Татьяной и Ефремом Янкелевич уехали из России. В те годы казалось, что железный занавес — навсегда.

² Евгений Борисович *Пастернак* (1923–2012), старший сын Б.Л. Пастернака. Дача Б.Л. Пастернака, как и дача К.И. Чуковского, в эти годы существовала как домашний самодельный музей, не имеющий никакого государственного статуса.

5. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

2 января 1978. Москва

2/178

Дорогой Александр Исаевич. Я прочла в 122 номере «Вестника» об архиве — и вспрыгнула от радости¹. Вы всегда делаете самое нужное. Я сейчас же начала распространять среди тех, от кого можно ждать проку. Но известно ли Вам, что здесь уже года 2 как возникла подобная идея (она носилась в воздухе), и люди собрали и подготовили к печати уже 3 тома «Памяти», очень богатых, и том I должен выйти в свет (в Ваших краях) вот-вот?² Я к этому делу имею отношение лишь косвенное, вижу весьма немного, но то, что я видела, было весьма питательно. Кое-что может, на мой взгляд, и Вам пригодиться; поэтому, когда I том выйдет — затребуйте и перелистайте.

А замысел там такой же, как Ваш: собирать все по крохам. Меня поразило это. Я сейчас же вручила им Ваше воззвание, и они на него откликнутся плодотворно, я уверена.

Привет Але, Екатерине Фердинандовне и Мите. А не помнящих меня поглядьте по милым круглым головам. Обнимаю Вас.

ЛЧ

PS. Здесь событие: книга Анны Ахматовой; «О Пушкине»³.

¹ *Солженицын А.И.* Всероссийская мемуарная библиотека: Обращение к российским эмигрантам // *Публицистика*. Т. 2. С. 471–473; впервые: Вестник РХД. 1977. № 122. С. 283–285. Солженицын призвал соотечественников, находящихся в эмиграции, написать о пережитом и передать воспоминания и уцелевшие архивы в основанную им Всероссийскую мемуарную библиотеку, «сгусток народной памяти и опыта».

² См.: *Память: историч. сб. М., 1976. Вып. 1; переизд.: Нью-Йорк: Хроника, 1978.*

³ Об этой книге Ахматовой см. также письмо 4.

6. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

27 марта 1978. Вермонт

27.3.78

Дорогая милая Лидия Корнеевна!

Не знаю, достаточно ли это крупно для Вас, но письма должны быть малообъёмны по условиям, да я и отучился писать крупно.

Уже банальным стало начало, что я прошу прощения за должайший неответ. И повторять стыдно, и не просить прощения нельзя. Но Вы — из тех немногих, кто может понять и простить, ибо знаете, как жизнь перестаёт быть личным существованием, а превращается в процесс одной работы. Понятие «писем» почти ушло из моей жизни, и нужно редкое стечение рабочих обстоятельств, чтобы я мог за них сесть. Живу в острейшем дефиците времени. Казалось бы: открыта для меня теперь хоть Азия, хоть Австралия, езжай и гляди — а я за последний год выезжал за ворота только к зубному врачу, и всё. Дорвался до работы, как мечтал всегда!

Передо мной Ваши письма — от 12.6, 12.9 — и приписка свежая новогодняя. Вот теперь только отвечаю на них! (Кроме того, была злополучная история с Вашим письмом XIV от 7 июля 76 — оно пришло в Цюрих в короткие дни почтового перебоя после отъезда наших, попало не к тем соседям и достигло нас с годовым опозданием! — но всё-таки достигло!)

Прежде всего рад узнать, что Вас основательно вылечили (увы, кроме глаз!), что Вы чувствуете себя гораздо лучше прежних лет. Дай же Вам Бог здоровья и лет для работы, лишь бы выдержали глаза. И больше всего будем ждать III тома «Воспоминаний об Ахматовой».

Но и тут же очень встревожен «капитальным ремонтом» Вашей дачи. Ох, не нравится это мне, очень похоже на западню. Если бы было в Ваших силах не согласиться, то надо бы не согласиться — посмотреть сперва, как «отремонтируют» Пастернаковскую, например, дачу. Не верю я им, жду от них коварства (особенно после «выселения вдов») — а каково бы Вам потерять весь бытейный мирок Корнея Ивановича — да и самой лишиться любимого места работы!

С великой благодарностью и теплотой вспоминаю свою жизнь на Вашей даче именно и особенно в последние тяжкие месяцы 1973 года, как-то врезалось всё так остро, с такою силой! Незабываемые месяцы!

Спасибо, что ждёте нас и верите в возврат. Мы тоже — мало сказать верим, но только этим и живём. А я — так просто задыхаюсь на Западе, он мне отравен и невыносим, ненавижу это существование, всё сводимое к юридической правоте. А Вы помните, что за два часа до моего взятия мы с Вами уговорились по телефону, что в тот вечер я к Вам приду? Так надо же исполнить обещание, правда? Вы пишете: такое впечатление, что у уехавших меняется

состав крови и мозговых клеток. Вы знаете, это действительно так, и даже для 90 %, Запад сглаживает наших людей, — но мы-то остались в 10 %. <...> О, парижский котёл, что там только не переваривается и не происходит, я инстинктивно держался от него подальше ещё и в европейские годы. После лишения гражданства Стивки¹ — теперь премированы советским гражданством едва ли не одни Синявские. <...>

Вполне *согласен* с Вашей поправкой, что форму определяет не только материал, но и личность автора, его боль (и его характер, и его тональность) — это я поспешил сказать, упростил. Вернее: я имел в виду — в пределах одного автора, но не оговорил этого, виноват. А «негодующая Федра» — как верно и как убедительно.

Но вот я сейчас в «Марте», оставаясь со всей моей болью и тональностью испытал резкий удар от смены материала: кончились дни бурной революции и начались плавные (с 4 марта 17 г.) — и сразу оказался негоден метод, с которым я шёл по бурным дням, испытал кризис, ломку, перестройку.

Работа моя — грандиозна по объёму («Август» в двух томах теперь, «Октябрь 16» — в двух, а «Март 17» — ...в четырёх!), такого я никогда не писал и даже не задумывал, но если показывать всесторонне, что было — то короче не уместиться. И невозможно выпускать по одному тому, пока не будут кончены все вместе. А это — долго ещё. (И со стороны можно подумать, что я в изгнании перестал писать — а я теперь-то и расписался, вся недохватка родины — тоже уходит в работу.) Ещё чего не ожидал: пришлось взяться описывать изнутри десятка два виднейших деятелей революции — потому что никакими персонажами их не заменить, действуют — они.

Теперь буду, пожалуй, отдельные главы, совсем уже конченные, печатать — чтоб хоть что-нибудь доходило в Россию (а переводить на языки не буду). В «Вестнике» № 124 будет огромная глава о Николае II, в основном — первой половине царствования (другая половина охвачена в других)².

А «голоса моего» Вам не услышать ещё особенно потому, что «Голос Америки» меня ненавидит и третирует, например моё обращение к Сахаровским чтениям в Риме вообще не передали, хотя имели заранее³. А другие мои высказывания — цензуруют, сокращают, правят. Я же вынужден слушать их кашу, потому что никакие другие русские передачи сюда не доходят.

Об опечатках в «Вестнике» и у ИМКИ. Ох, Л.К., уж я ли от них не страдал, уж как они меня кромсали! Вот и в ВМБ конечно опечатка: 284, 4 снизу — «с нами бесславно», а не «с ними»⁴. Но имейте снисхождение: в то время как «Континент» хорошо финансируется покровителями, и сотрудники, и авторы, — «Вестник» и ИМКУ можно считать настоящим Самиздатом, в условиях Запада немислимым, потому что здесь *никто*, самый лучший человек, вам ничего бесплатно не сделает, потому что он умрёт с голоду — а «Вестник» делается весь на бесплате, полуголодности, в свободное время и в ночное.

А если б не мои многотиражные книги, то ИМКА вообще бы уже лопнула, не существовала. <...>

«Письмо от бывшего жильца» — ну какие ж мерзавцы! Никогда не верьте. Мой почерк они научились отлично подделывать.

Все посланные Вами книги дети получили, спасибо большое! Люша не пишет, что послала мне «пачку» — но некая безымянная была, которую вполне можно было приписать ей.

Аля всё собирается Вам написать.

Она и Екатерина Фердинандовна шлют Вам самый сердечный привет.

И я Вас обнимаю, повторяя мои пожелания — и предостережение о «капитальном ремонте». Придумайте, как бы отвертеться хоть год!

P.S. <...> А о ребятишках уже не пишу, не осталось сил и времени, но — очень яркие, разнообразные, по-русски твёрдо и только теперь стали учить английский.

Ваш А. Солженицын

¹ *Стивка, Стива* — так Солженицын называл Мстислава Ростроповича. В марте 1978 года М.Л. Ростропович и его жена Г.П. Вишневская были лишены гражданства СССР.

² *Солженицын А.* Из полного текста «Августа Четырнадцатого». Гл. 67 (Этюд о монархе) // Вестник РХД. 1978. № 124. С. 153–249. В окончательном тексте «Августа Четырнадцатого» эта глава имеет номер 74.

³ См.: *Солженицын А.* Сахаровским слушаниям в Риме (ноябрь 1977) // *Публицистика*. Т. 2. С. 478.

⁴ ВМБ — здесь и далее Всероссийская мемуарная библиотека; см. примеч. 1 к письму 5.

7. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

11–12 мая 1978. Переделкино

Дорогой Александр Исаевич, от Вашего письма (27/III 78), как всегда, хоть и горечь, но сила, и мне сразу становится стыдно, что живу в душевном упадке. Получив, теряюсь — не знаю, о чем и писать, хотя мысленно всегда Вам пишу, чуть не каждый день. Насчет здоровья — это я тогда зря похвасталась, на самом деле сейчас мне опять худо. Стенокардических приступов нет, зато общая слабость, муть, *болит голова* (которая никогда раньше не болела) и все труднее двигаться, ходить... Ну Бог с ним. Сначала буду отвечать Вам по порядку. Спасибо Вам, что помните о нашем доме и о совместной жизни последних трех месяцев, но насчет «капитального

ремонта» (о котором я получила официальное известие) уже можно не беспокоиться. Он отменен. Председатель Литфонда Алим Кешоков¹ вычеркнул нашу дачу и Пастернаковскую из списка подлежащих ремонту *собственноручно*. Мы могли бы обжаловать, но не будем, потому что не знаем, чего хотим. Правда, у меня в комнате, внизу, когда тает снег — идет дождь, и я сижу в плаще, но это и поправимо самим, да и все равно. Смеха ради, вдумайтесь в интересную экономику (не в этику или политику). 1) Литфонд — организация, содержащаяся на отчисления от авторских гонораров. Ведь кроме государственных налогов, у авторов отчисляют еще деньги на Литфонд, 2) детские книги К.И. печатаются и расходятся многомиллионными тиражами, сомневаюсь, чтобы хоть один литератор столько давал государству и *Литфонду*, 3) подозреваю, что весь Городок Писателей существует на его деньги со всеми своими Кешоковыми, асфальтом, дачами и т. д., 4) кроме того, я ежемесячно вношу огромную арендную плату. И вот именно дача К.И. не подлежит ремонту! Не только капитальному — вообще никакому. Такова экономика. А других-то ремонтируют на счет «Мойдодыра» и «Мухи-Цокотухи».

У нас случилась большая беда: пожар в Библиотеке². Это было 27 марта (как раз в тот день, когда Вы мне написали). 8 пожарных машин. Люша. (Я была в городе, мне Люша сказала не сразу.) Здание отстояли и часть книг. Погибли автографы, детские рисунки, редчайшие книги, портреты Корнея Ивановича, иллюстрации детей к его сказкам. Люша спасла портрет Пушкина, сделанный девочкой, и картину «Кит» (к сказке Ершова «Конек Горбунок»), которую специально в подарок К.И. написал Конашевич³. После пожара началось страшное сочетание официальной охраны и безудержного грабежа: книги плавали в воде, следователи расследовали дело, дети воровали. Мы отдали наш гараж (благо он пуст, у меня уже давно нет машины, потому что шоферов таскали в ГБ и потому что *машины АД и Войновича искалечили*, и я решила продать) — так вот, библиотечную мебель снесли в наш гараж. Теперь Люша возится с художниками, пытаемся реставрировать «Кита» и «Пушкина». И обгорелые «памятные доски», которые были сделаны Шаховским (ученик Фаворского)⁴. А когда Библиотеку вновь отстроят, нам снова придется отдать эти ценности в те же холодные руки. Я после пожара заболела. Я не могу каждый день видеть эти останки. Столько туда вложил души (не говоря уж — десятков тысяч) К.И. Это душа его там горела. (Пожар — не нарочно, по неряшеству.) 1 апреля, в день рождения К.И., к нам пришли не 40–50, как обычно, а 70 человек. Люша и Клара Израилевна читали вслух дневник К.И.: *Library for children*⁵. Как ему Литфонд мешал строить эту Библиотеку, как рабочие воровали, как он собирал книги. Есть такая запись: «Выдавать книги недостаточно, по настоящему следовало бы мне бросить свою литературу и заняться только детьми, учить их разумной человеческой жизни».

А сколько было кривых улыбочек насчет «личной благотворительности». О, если бы он догадался сохранить свою благотворительность «личной», а не дарить государству на губительство.

P.S. Я и после смерти К.И. продолжала собирать книги, главным образом классиков — Толстой, Пушкин, Лермонтов, Чехов, Герцен — и весь этот шкаф сгорел. Как назло.

Да, за 2 часа до того, как Вас увели, мы собирались вечером повидаться. Значит, должны. Но ведь Вы нам позвонили из... не помню? из Германии и сказали: «Я вернусь... Я вернусь меньше чем через 4 года». А уж срок истек. Вот. Но я все равно жду.

Теперь должна Вам покаяться. Я про Вас написала. Я никогда не думала про Вас писать. Но я в последние месяцы решила кончить свою книгу «Процесс исключения» (I часть написана сразу), и там теперь есть глава, как я возвращаюсь после Секретариата на дачу и наш с Вами разговор. Захотелось немного дать штрихи Вашего облика, быта, Вашего труда, Вашей самообреченности на труд. Не знаю, удалось ли и будете ли Вы сердиться. Не знаю, кто, где, когда напечатает⁶. Не знаю, когда и как дойдет до места (еще не отправила)... Там я и об «Архипелаге» немного написала⁷. <...>

Просьба к Вам: когда дойдет до Вас книга «Процесс исключения» (это будет весьма нескоро — она еще и до издателей не дошла), прочтите главу о Вас и напишите, не сфальшивила ли я где-нибудь хоть невольно. Я ведь давно уже делала какие-то наброски, очерки (о Солженицыне), но ведь без фона реального никого не изобразишь, а мне, признаюсь, смерть не хотелось хвастаться, что Вы у нас жили. От природы не выношу хвастаться, да и бабушка меня учила: «не фастай». Но ведь повторяю, нельзя написать портрет в безвоздушном пространстве, а фон для Вашего лица в моей главе — полосатые шторы в нашей столовой «Закроемся, закроемся от Катаева!» — помните?

Недавно вышла книжка моих стихов «По эту сторону смерти»⁸. Я просила Ефима Григорьевича послать ее Вам, исправив две главные опечатки. В № 128 «Нового журнала» напечатана одна глава из книги «Памяти детства»⁹ — как Корней Иванович в море учит нас грести и читает нам Баратынского, Некрасова, Пушкина. Если попадетсЯ, прочтите.

Вы пишете, что в 124 «Вестника» будут Ваши главы. Но известно ли Вам, что до нас почти перестали доходить книги — и Ваши, и не Ваши? Вообще книги. Недавно я получила известие: *ящик* с книгами, посланный

мне, вернулся обратно! И это еще не худший вариант. Книги либо не доходят, тая где-то в вышине, либо доходят до Москвы, но не до нас (т. е. не лично не до нас, а вообще не доходят до адресата), а доходят до спекулянтов и идут на черный рынок... Всяко бывает. <...> И я становлюсь скрягой и уж никому не даю ничего Вашего, потому что если пропадет, то откуда же я возьму снова? А без них и жить не хочу. (Вас жизнь, не щадя, пощадила для того, чтобы Вы написали свои книги, а меня — чтобы я их прочла.)

«Голос Америки» ненавидит Солженицына... Как подумаешь, то ведь это естественно. «Нет пророка в своем отечестве» — да ведь и в чужом — нет, если пророк пророчит и *всё сбывается*. Вы им такое напророчили! <...>

Будьте здоровы. Мучаюсь, хорошо ли я поступила, что написала о Вас в своей книге. Еще раз обнимаю.

Л.Ч.

Кстати, укрупнять почерк не надо: все равно лупа.

Тут зазеленела трава — только что.

PS. Из Вашего письма неясно, получили ли Вы мою записочку к Вам о «Памяти»? Я считаю это дело очень важным, а для Вас — встречаемым, братским. Там не все равноценны — но не беда.

11 мая 78

PPS. Сейчас позвонил АД и сказал, что 15-го будут судить Юрия Федоровича. Это человек замечательный, и потому, наверное, случится что-нибудь ужасное. В Люберцах, там же, где судили Твердохлебова¹⁰. Вот все во мне уже перевернулось, и не знаю, как взяться снова за свою тупую работу... Да, я не ответила Вам на Ваше замечание о Некрасове! Вы прямо слово в слово повторили мною как-то замеченное (когда я прочла «Взгляд и нечто»): «Его, оказывается, держала тема». «В окопах Сталинграда» — война, в «Записках зеваки» — Бабий Яр... А «Взгляд и нечто» читать нельзя, даже обидно¹¹. Ну зачем он мне рассказывает, как Мила покупает туфли, каким ремешком подпоясан Татищев, сколько комнат в особняках у эмигрантов? Какое мне дело? Об Италии и об Израиле написано поверхностно, под статью туристам. Он, наверное, воображает, что работает в жанре «Былого и дум» — там тоже много «отклонений в сторону» и много «домашнего». Но там *работает мысль*, там не автобиография только, а *биография мысли* — и потому все отклонения милы, и юмор, и зарисовки, и легкость переходов от трагического к смешному — прекрасны. Тут же — пожилой резвый господин, которому «все интересно». Мелькают Вадики, Люсики и пр. ... Слова же насчет Вашего «Ар-

хипелага» — что из него надо выжать «воду» — меня даже не рассердили, до такой степени они глупы. Он говорит о прозе столь тесной, что даже иголку между одним словом и другим вогнать негде; даже иногда задыхаешься от *тесноты* — а для него «вода»...

Итак, суд над Орловым...¹² А я почему-то думала, что над Аликом раньше. (Могут нарочно устроить и враз.)

АД явно болен (сердце), живет на нитроглицерине, но делает вид, что совершенно здоров, и сердится, когда его спрашивают: как Ваше здоровье? (Скажу Вам по секрету, общаться с гениями, даже благостными, трудно.) АД вовсе не открыт, а наоборот, *скрытен*. Он до такой степени деликатный, вежливый и добрый, что я, уж и попривыкнув к нему, никогда не в силах угадать: рад он мне или, наоборот, я ему помешала? То слышишь разговоры (окольные), что вот мы все его оставили и забыли, то ясно чувствуешь, что ему без нас всех было бы куда легче. Хотя, повторяю, он деликатен, приветлив и добр бесконечно.

Еще раз обнимаю.

12 мая 78
Переделкино

¹ Кешоков Алим Пшемахович (1914–2001), кабардинский поэт.

² Речь идет о детской библиотеке им. К.И. Чуковского. К.И. выстроил эту библиотеку по соседству с участком своей дачи и подарил ее государству.

³ *Конашевич* Владимир Михайлович (1888–1963), автор классических иллюстраций к детским стихам К.И. Чуковского.

⁴ *Шаховской* Дмитрий Михайлович (р. 1928), скульптор.

⁵ Детская библиотека (англ.).

⁶ Впервые опубликовано: Париж: YMCA-Press, 1979.

⁷ См.: *Чуковская Л.* Процесс исключения. М.: Время, 2007. (Гл. Дополнительная. 3.)

⁸ *Чуковская Л.* По эту сторону смерти: Из дневника 1936–1976: [Стихи]. Париж: YMCA-Press, 1978.

⁹ *Чуковская Л.* Памяти детства: Глава из книги // Новый журнал (Нью-Йорк). 1977. Кн. 128. С. 7–22.

¹⁰ *Твердохлебов Андрей Николаевич* (р. 1940), физик, основатель Комитета прав человека в СССР, секретарь Советской секции «Международной амнистии». В 1975 году арестован и сослан в поселок Нюрбачан (Якутия). В 1980-м эмигрировал.

¹¹ *Некрасов В.* Взгляд и нечто // Континент. 1976. № 10. С. 11–85; 1977. № 12. С. 90–119; № 13. С. 7–82. Л.К. имеет в виду слова Солженицына, высказанные в письме к Е.Ц. Чуковской, написанном и полученном одновременно с письмом, адресованным

ей. Солженицын замечает о Викторе Некрасове, что он «...пишет то “записки зеваки”, то “взгляд и нечто”. Твардовский всегда говорил о нем, что он — ничто, повезло ему только попасть под Сталинград, — но в эмиграции, где перо не держит, стало очень видно, как он мелок» (архив Е.Ц. Чуковской).

¹² Ю.Ф. Орлова судили в Московском городском суде 15–18 мая 1978 года. Его приговорили к 7 годам лагерей строгого режима и 5 годам ссылки.

8. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

28 ноября 1978. Москва

28/XI 78
Москва

Дорогой Александр Исаевич. Поздравляю Вас. Очень ясно помню, что было в этот день 10 лет назад¹. «Десять лет! Вымолвить тяжко, а вытерпеть!»² Но, слава Богу, и эти десять лет — прошли.

А сегодня мы — я и Вл. Корнилов — загодя передаем корреспондентам, с просьбой опубликовать, поздравительную телеграмму. Исполнят ли они обещание? Увидите ли Вы, услышите ли наши слова? В каком обратном переводе с какого языка? На всякий случай посылаю Вам наш подлинный текст:

«Ложь, клевета, изгнание не властны разъединить Вас и Россию. Вы всегда здесь. Желаем Вам покоя и здоровья для Вашей великой работы».

Только две подписи — я да Володя. Больше мне ни с кем не захотелось. Обещано напечатать 11 декабря. Но исполнят ли?

В Ваш день соберемся, отпразднуем. Меня пригласили люди, которых я знаю как хороших людей, хотя и не всех знаю лично. Я поеду. Но уверенности, что доеду или что всем дадут возможность (физическую) доехать — у меня нет. Чтобы удалось, надо молчать «на предварительном этапе», а люди этого не умеют. Раз. А второе — даже если и соблюдали осторожность — смотреть будут в этот день за всеми зорко.

Попробуем³.

Свою последнюю книгу я отправила в готовом виде уже очень давно — месяцев 6 тому назад. Три месяца меня уверяли, что она уже «там», и я дивилась отсутствию подтверждения. Затем выяснилось, что она никуда не уходила, а валялась на соседней улице (и не только валялась). Тогда я повторила операцию по-другому. И вот уже два месяца — опять подтверждения нет. А книга о многом — об эмиграции, о литературе, о себе, о Косте, о Вас⁴.

Комментарии ко II тому «Записок» идут к концу. Это, собственно, не комментарий, а «книга в книге»; как будто героиня на сцене, в свете рампы; действие происходит на сцене — а также и за. Вот «за» — и есть комментарий. Кончу в декабре — январе. И «пошло».

«Спирали» я не читала⁵: Люша вынула у меня из рук по соображениям, она говорит, медицинским. Может быть, она и права, потому что я наблюдаю вокруг, как люди *физически* заболевают (та же Люша): перестают есть, спать, работать и пр. Многие. А так как я сейчас действительно чувствую себя не очень крепкой — я отложила эту *скарлатину*, этот вирусный грипп — на потом.

Вашего Николая прочла. Труднейшая задача: изобразить нуль, ничто; человека, о котором можно сказать, что не «он был, а его было»; человека, которого ни в чем нельзя винить, ибо его и самого-то не было. Это, наверное, труднее, чем Ленин. И это удалось. Конечно, у меня скопились придирки, но придирки мои мелки (возраст слов) — да и не юбилейное это занятие — придирается. Откладываю.

А пока поздравляю Алю, Екатерину Фердинандовну, Митю, Ермошу, Игоню, Степушку — и всех друзей, которые празднуют Ваш день и помогают Вам.

Обнимаю Вас — желаю Вам сил для продолжения Вашего художнического и нравственного подвига.

Л.Ч.

PS. А какая гнусность — Нобелевская премия мира за 78 г.!⁶ Не могли подождать 79-го — ведь договор-то еще не подписан. А дали бы нашим — может быть, и спасли бы их... Или хоть Вышинскому⁷.

Наши-то заслужили. <...>

¹ Т. е. как отмечалось 50-летие Солженицына в России, в условиях его травли и преследований.

² Слова Тараса Шевченко, которые Л.К. приводит в своем «Прочерке» (М.: Время, 2009. С. 313).

³ 11 декабря 1978 года — 60-летие А. Солженицына. Л.К. пригласили выступить о нем на каком-то домашнем, неофициальном собрании.

⁴ Речь идет о книге Лидии Чуковской «Процесс исключения». ...о Косте... — Имеется в виду Константин Петрович *Богатырев* (1925–1976), поэт-переводчик, германист; в «Процессе исключения» Л.К. пишет о его трагической гибели: он был избит неизвестными на пороге своей квартиры и умер в больнице; убийцы не найдены.

⁵ Упомянута клеветническая книга Томаша Ржезача «Спираль измены Солженицына» (М.: Прогресс, 1978). Книги этой не было в свободной продаже и в библиотеках, ее распространяли по каналам агитпропа — для лекторов и пропагандистов. В секретном письме Ю. Андропова сообщено, что «выход в свет данного издания явился результатом

добросовестного труда автора и настойчивой совместной работы с ним сотрудников 10 Управления МВД ЧССР и 5 Управления КГБ СССР» (НМ. 1999. № 11. С. 140).

⁶ Лауреатами Нобелевской премии мира в 1978 году за акции, способствовавшие «пониманию и человеческим контактам между Египтом и Израилем» (Кэмп-Дэвидские соглашения) стали израильский премьер-министр Менахем Бегин (1913–1992) и президент Египта Анвар Садат (1918–1981).

⁷ Наши — правозащитные группы Хельсинки. Стефан Вышинский (1901–1981), польский кардинал, архиепископ-митрополит Варшавско-Гнезненский, примас Польши. Вышинский олицетворял способность церкви противостоять атеистической власти.

9. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

2 января 1979. Вермонт

2.1.79

Дорогая Лидия Корнеевна!

С Новым Годом! Да не будет он слишком тяжёл ни для нашей страны, ни для всех нас — а радостных пожеланий составить не из чего... Главного Вам — здоровья!

Спасибо Вам и Володе за поздравительную телеграмму: я получил вовремя и письмо с ней (в самый день рождения), и была она напечатана в «Русской мысли» без искажений и за вашими двумя подписями.

Не писал я Вам, верно, полный год, а событий много было — у вас, у нас и у всех — теперь всего не охватишь, не вспомнишь. 1979 начинается при мрачных предзнаменованиях повсюду, как бы не было худа. Американские интеллектуалы и политики — младенчески невежественны, погубят они свою страну, если не весь мир, что они плетут ежедневно — в уши нельзя вобрать. Ведущий учёный и знаток: «Советский Союз охотно будет уничтожать каждый год 10 % своего вооружения, чтоб только поддержать разрядку». И т. п. Моя гарвардская речь смутила их, но недостаточно (большой успех имела — у простого народа). Американские историки в один голос: социализм — ни в чём не виноват, в СССР он искажён и погублен традицией Ивана Грозного и Петра Первого. И многие наши эмигранты зловредно подпитывают этот западный самообман <...>

Нобелевская премия мира — получилась смехотворна¹. Но вспомним их предыдущие позоры. Брандт за капитуляцию и Киссинджер со вьетнамцем². Премия эта в моих глазах совсем дискредитирована.

Кое-что я передавал Вам в письмах через Люшу, в частности: что я, конечно, нисколько не возражаю, что в воспоминаниях 1973 года Вы пишете и обо мне.

Но крайне важно, чтоб Вы доделали Ахматову до последней точки. Защитительный памятник Вы для неё составили.

Хочу представить, по-прежнему ли Вы полнедели зимой живёте в Переделкине. Прошло уже 5 лет — и так трудно представить, что всё на местах (без библиотеки...) — и та же покатиная в бока дорожка и та же, может быть, верёвка, между деревьями, в свете луны.

Правильно Люша сделала, что не дала Вам Ржезача³, уж так гнусно там наплетено, что зажигает. Мне он, дурак, прислал свою поделку «в подарок» — а то б где я её достал год и два? Я тоже загорелся — и в 10 дней написал ответ. Это было в начале сентября. Но 3 месяца никто из Москвы не сообщил мне, что она движется, и я 3 месяца не двигал свой ответ. Только теперь набрали — и моя брошюрка-ответ (как отрывок из продолжения «Телёнка») надеюсь, дойдёт до Вас этой зимой⁴.

Бережёте ли Вы глаза при чтении? Надо бы Вам напрягать их *только* при писании, а читал бы кто-нибудь (всё некриминальное) Вам вслух.

Сборники «Память» я оценить не могу, поскольку в них не вникал. Направление работы очень правильное — однако есть большая опасность делать их нерепрезентативными — просто по склонности составителей или случайности материала. Например, у нас в ВМБ⁵ уже есть первоклассный материал — но абсолютно некому и некогда доводить его до печати, нет сил. Как бы перекоса одностороннего не произошло.

Обнимаю Вас сердечно! Ваш

А. Солженицын

Наши все шлют Вам большой привет.

Да: начало выходить моё Собрание Сочинений⁶. Тоже зимой дойдет до вас.

¹ См. примеч. 6 к письму 8.

² Вилли Брандт (1913–1992), получил Нобелевскую премию мира в 1971 году, будучи федеральным канцлером ФРГ, «в знак признания конкретных инициатив, повлекших ослабление напряженности между Востоком и Западом». Генри Киссинджер (р. 1923), госсекретарь США, и Ле Дык Тхо (наст. имя Фан Динь Кхай; 1911–1990), вьетнамский дипломат, возглавлявший северовьетнамскую делегацию на мирных переговорах в Париже, получили Премию мира в 1973 году «в знак признания заслуг в связи с перемирием во Вьетнаме».

³ Об этой книге см. примеч. 5 к письму 8.

⁴ ... *брошюрка-ответ*... — Речь идет о брошюре «Сквозь чад» (Париж: YMCA-Press, 1979). Позже этот ответ вошел в виде отдельной главы в книгу «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» (НМ. 1999. № 2. С. 107–134 (ч. 1, гл. 5: Сквозь чад)).

⁵ См. примеч. 4 к письму 6.

⁶ Упомянуто Собрание сочинений Александра Солженицына (в 20 т. Вермонт; Париж: YMCA-Press, 1978–1991). На контртитule указано: «Восстановлены подлинные доцензурные тексты, заново проверенные и исправленные автором. Иные произведения печатаются впервые». В 1978 году вышли первые три тома: Т. 1–2: В круге первом; Т. 3: Рассказы.

10. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

22 февраля 1979. Москва

22/II 79

Да, дорогой Александр Исаевич, скажем друг другу по-ахматовски: «С Новым Годом! С Новым Горем!»¹ Уж 78-й был страшен, а 79-й начался — Китай и Вьетнам², в лагерях ужасы, травля АД растет, снова посадили Мустафу³ — ну, и т. д. Я все яснее вижу нимб вокруг головы АД, но «все страшней окружающий мрак»...⁴ Да, премия мира 78 г. уронена в грязь — и здесь это понимают почти все. (Правда, премия по Литературе была зато хороша: К.И. давно, еще в 68 г. читал Сингера и восхищался; и у него в кабинете стоит его портрет — под Вашим...⁵) Рада я была услышать Ваш голос — спокойный, *медленный*, *внятный*, но, к сожалению, слышала я толком одну лишь первую часть интервью — вторая глушилась отчаянно, так что я уж подожду напечатания⁶. В первой же много было для меня радостей. Да, наша проза цветет. Мы уж давно послали Вам «Старые истории» Можая⁷ — какие там рассказы! «Аноним», «Старица Прошкина», «Петька Барин», «Пенсионеры» — да и многое, многое. Опять я о К.И.: он любил Можая. Для меня всего выше «Кануны» Белова — такая гармония в этой прозе и с трепетом постигаешь, *что* к этой гармонии крадется (в дисгармонии официальных бумаг...). А вот «Живи и помни» — нет, я тут не согласна с Вами. Человек это написал, видно, талантливый, и сердечный, и со своею болью в душе, но и диалоги, и монологи звучат для моего уха фальшиво, потому что многие ситуации взяты психологически фальшиво — а при психологической фальши и язык не выручает. (Пишу бездоказательно, но выписки потеряла)...⁸ <...>

О себе. Гора у меня много: на днях Марию Сергеевну⁹ будут оперировать: удалят почку. Очень заболел Володя¹⁰: тяжелая форма базедовой болезни... А живу я так: 3 дня на даче (сменяя Клару Израилевну), а остальные в городе. На даче я *пишу*, а в городе с помощью Фины и Люши и мн. др. кончаю примечания ко 2 тому Ахматовой — да, все тому же, 1952–62. Текст давно готов, а примечаний — целый новый том, потому что хочется «за сценой» дать *фон* этого десятилетия: а ведь время было судорожное и говорливое. Я даю много объяснений, фактов, документов, выписок из дневников (не моих); дала историю «Поэмы без героя» и пр. Мне хочется точности; осточертела неряшливость, разнузданность лганья мемуаров. А работа эта трудоемкая весьма. Но она *почти* кончена... Это — в городе. Здесь же, где я совсем одна, я *пишу*. Что? Вот, написала целую книгу, которую послала на Запад 10 месяцев назад; посылала *трижды*; а она дошла только теперь, 1/II ...Тяжело мне было и страшно. Книга «про всё»: про Союз Писателей, про исключение — мое и не мое, про убийство Богатырева, про Вас, про эмиграцию, про АД. Горячая

книга — а вот уже и вопрос: где ее печатать? Дробить не позволю (только на 2 части можно); извлекать куски — не позволю... Что будет и как — не вем¹¹. <...>

Вашу Гарвардскую речь я знаю хорошо, и то, что мне в ней понятно — то я люблю и даже удивляюсь родственности. Например, очень понимаю Вашу ненависть к непрерывному потоку информации: для сосредоточенно работающей души избыток информации вреден. Душа сама знает, что ей на потребу, какое питание. И я, наверное, попав на Запад, возненавидела бы рекламу. Не сомневаюсь. И безответственность журналистов — страшная вещь, тоже понимаю. Сегодня так, завтра этак. Ну, о Средних Веках и о Возрождении — тут я судить не берусь, я не историк, увы! и такие обобщения мне не под силу. Насчет Израиля, где религия и государство слились — не вижу хорошего. Государство, самое справедливое, всегда насилие, и таким, до поры, оно и должно быть. А вот религия, в моем робком представлении, это высшая свобода, само подчинение тут свободно, как и во всем духовном. А в Израиле людей насильно принуждают к религии. Не вижу хорошего. Вы пишете: «Человек создан не для счастья — иначе он не был бы смертен». Для чего создан человек — об этом только один Бог судить может, а вот если человек никогда не летал на крыльях счастья (простите банальность!) — то из него выйдет урод. Счастье ведь не в том, что удалось «Запорожец» удачно обменять на «Жигули», основа счастья — духовная, и, Господи, сколько источников счастья: искусство, любовь, сосны, стихи, ребенок — снег! — и каждый знает, что, не будь у него за душой нескольких мгновений счастья — хотя бы мгновений — не выдержать бы ему горя, на него падающего. «Целая минута блаженства — да разве этого мало хотя бы и на всю жизнь человеческую!» — писал Достоевский в «Белых ночах». И каждый — я верю в это — жив и цел памятью о минутах счастья, копилкой счастья. ...Уверена, что Ваша Гарвардская речь непрерывно и неприметно и неуклонно *работает* в сердцах человеческих. Укрепляет их. И дает им *счастье* понимания новой мысли. Счастье общения с Вами.

Прочла я Вашу главу в 126 № «Вестника»¹². О ней пока промолчу: уж очень она «промежуточная»; в качестве отрывка я ее не поняла. А вот о Николае II напишу Вам. Мне кажется, удался Вам этот бедняга. Думаю, избразить его труднее, чем, например, Ленина: тот — характер, а этот амёба, неопределенность, бесформенность. Трудно влезть в шкуру отсутствия и говорить от имени отсутствия. Но я благодаря Вам увидела этого человека и пожалела. «Молился и плакал». Да, хоть я и не сторонница самодержавия, а враг (так уж воспитана), но понимаю: «Молился и плакал». Сделаю

несколько замечаний о языке — вдруг что-нибудь Вам и сгодится. Мне кажется, Вы иногда не чувствуете возраст слов. Например: мысль такая: «У России свои проблемы» (173) могла быть, а вот слова эти, простите, из «Голоса Америки»: «У России свои проблемы». Или: «Он хотел проводить время *исключительно* с Аликс». «Исключительно» — это наше, современное слово. «Душно без душки» (195) — описка. Немыслимо: «Аликс *подъедет* на шарабане» (179) — невозможно по тем временам «подъехать» в смысле догнать; это совершенно одесское выражение: «Вы поезжайте, а я *подъеду* позднее». Николай так не мог думать. Не его форма речи, не тогдашняя. То же: «потратить» (171) вместо «истратить» и «договориться» (172) вместо «условиться». (Это теперь каждый с каждым «договаривается»: «увидимся в пятницу? договорились!» а тогда договаривались между собою великие державы, в быту же, даже цари, уславливались. «Не *сумеет* подняться в гору» — опять Одесса. По-русски (простите!) слово «уметь» связано с умением: уметь плести кружева, или топить печь, или играть на скрипке. «Суметь» — форма вообще сомнительная; Вы хотите сказать: «под силу ли ей будет подняться в гору», а уметь тут нечего... Ведь Вы думаете *им, от него, за него* — значит, особенности речи того времени соблюдать обязательно. Конечно, «раность осени» или «пышноснегое Царское» — это думает не Николай, а Солженицын, но это освежает облик героя, это прекрасно — и ничему не противоречит... Немного странно мне, что Николай совсем не жалеет отца: смерть отца для него лишь неприятность новых обязанностей, не более.

(Мог ли Николай думать: террористы? Тогдашнее ли слово? Помнится: боевые дружины, экспроприаторы.)

О Ржезаче. Я не читала, но в пересказе знаю. Очень хотелось плакать. Со Львом порвала: с тех пор не вижу его, ни я у них не бываю, ни он у меня. С Раисой Давыдовной вижусь — она приходит одна: Лев, вероятно, Ржезачу ничего не говорил, но он годика 2 многое злое говорил *не* Ржезачу, и мы его предупреждали, что из этого выйдет. Вот и вышло. Раиса Давыдовна уверяет: «Это у него болезнь. Он слишком любил А.И.»

Да, дорогой Александр Исаевич, и в Переделкине, и в городе у нас все по-прежнему — только на 5 лет старше. И я все так же живу и там, и здесь, только всё одиночее (внутренне, да и внешне). Я одиночество люблю, на это не сетую, а сетую лишь на медленность своей работы, да вот и неудачливость моя — уж кончила книгу («Процесс исключения»; назову иначе), и 10 месяцев она не могла дойти до места, а теперь дошла — и — дальнейшая

судьба опять неизвестна... Сменяются за окном времена года: подняла голову — зима! а вот уже и сосульки! весна! а вот уже и листья! а я все корплю, и корплю, и корплю — бездарно. <...>

Если бы я умела молится Богу — молилась бы, чтобы дали премию Мира нашим группам хоть в 79 году, если преступно не дали в 78¹³. Может быть, хоть кого-нибудь спасли бы, хоть жизнь им спасли бы. Как мы ждали в те дни Премию Мира! А они дали ее двум воякам. Срам.

Слышу и ценю Алины разъясняющие усилия. Привет ей. Думаю, общение с молодыми американцами — плодотворное дело. У них, у молодых-то, может быть, и не замусорены головы¹⁴.

Жду, жду, жду Собрание Сочинений!

О детях бы Ваших что-нибудь. Я их помню — всех златоглавых, да и темноголавого — так ясно.

Обнимаю Вас. На приложенные страницы не гневайтесь, они ведь от любви и боли. Спасибо за письмо.

Л.Ч.

P.S. Жду книжку об Алике с Вашим предисловием¹⁵. Жду ответ Ржезачу. И не хочу читать, и хочу.

[Приложение:]

Не скрою, недавно, когда я прочла в № 126 Розанова¹⁶ — мне захотелось снова написать «Письмо Шолохову»¹⁷. Честное слово. Шолохов сетовал, что двух литераторов не приговорили к расстрелу. А Розанову хотелось, чтобы Короленко — Короленко! — отправили пешком в Сибирь и по дороге пристрелили при попытке к бегству... За что? Шолохов хотел бы, чтобы двоих расстреляли за то, что они недостаточно преданы власти. А Розанову хотелось расстрелять Короленко за то, что он не верно-подданный, а лже-подданный... <...> Для Шолохова русская литература — пустое место; а для меня — нет, и мне невыносимо читать, что мало еще в русскую литературу стреляли! Мало было убить Пушкина, Лермонтова, отдать в солдаты Шевченко, чуть не убить Достоевского, убить Полежаева, изгнать Герцена — все мало: Розанову хотелось пристрелить еще кого-нибудь. Большой лирический дар был у Короленко, и великое мужество было у него — защищать людей от насилия полиции и насилия ЧК. И вот его, именно его, по мнению Розанова, следовало пристрелить, а по мнению редакции, эту драгоценную идею запечатлеть типографски — и безо всякого примечания, без всякой оговорки отправить на Родину. Так, что-то во вводке говорится мимоходом, что Розанов, мол, многих «раздражал». Ну,

а редакцию — как? Не раздражает? Раздражение тут неподходящее, бледное слово... Мне скажут: Розанов — замечательный талант, каждая его запись — драгоценна. Да, в полном академическом собрании сочинений — каждая, каждая строка, написанная его рукой, но *только* там. Более *нигде*. А.А. боготворила Пушкина, она утверждала, что он — лучший поэт не России, а мира, что он выше, чем Шекспир, или Гете, или Дант. И при этом: «Гаврилиаду» и некоторые непристойные эпиграммы следует печатать *только* в полном академическом собрании сочинений, а в обыкновенных однотомниках не следует. Это Пушкина не всего следует печатать. А Розанова, по мнению редакции, следует — каждую строку — довести до читателя — срочно, теперь, сейчас? И его жидоморство сейчас — тоже предмет первой необходимости?

Когда жива еще была до революции русская интеллигенция, существовало общественное мнение, Розанов за свое юдофобство получал, что следует. А теперь? С какою целью *теперь* печатаются бредовые антисемитские страницы Розанова? И *кто* на них ответит? <...>

Больно мне было читать эти строки рядом с объявлением о Вашем Собрании Сочинений. Значит, Вы их видели... И допустили.

Я благодарна неведомому мне Бахраху: он напомнил Шафаревичу о существовании «Былого и дум» — одного из величайших художественных произведений в великой русской литературе¹⁸. Но Бахраху я напомнила бы, что гениальная проза Герцена — это не только «Былое и думы», а и гимны, молитвы, эпиграммы, пародии, проповеди, элегии, именуемые в просторечии «статьями». В.И. Ленин писал о Герцене всего лишь как о политике (да и политические его воззрения искажил), но — как пишет Иловайская о Достоевском — «что такое политические убеждения, когда речь идет о великом художнике»? (цитирую по памяти)¹⁹. Я с ней согласна. Что такое политические убеждения Герцена рядом с могуществом его художественного дара? Но даже если позабыть о его гениальности, позабыть слова Толстого: «Герцен — что Пушкин: где ни откроешь — везде превосходно», а взять всего лишь политику, то как же, постоянно говоря о великих реформах Александра II, забывать — упорно, настойчиво, нарочно — забывать о трех политических лозунгах Герцена: 1) освобождение крестьян от помещиков, 2) освобождение податного состояния от побоев, 3) освобождение слова от цензуры. Я не знаю, кто для освобождения крестьян сделал больше: Александр II или Александр Герцен...

№ 125 стр. 245–46. «Правда, так часто мы слышали о “передовой русской литературе” Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева — это вообще не литература, а критика»²⁰, — пишет Шафаревич. Крити-

ческих статей у Герцена очень мало. Самое же утверждение, будто критика — это не литература — глубоко ложное; когда критика перестает быть литературой, она перестает быть и критикой. Она превращается в циркуляр, в протокол, в постановление. Критика же, настоящая, есть *часть* литературы, иначе, повторяю, она ничто. («Структурализм».) Сопоставление же имен у Шафаревича — даже не только в смысле «художества», а и в смысле «идеи-направленности» весьма странное. Чернышевский и Герцен — оппоненты, Белинский — критик-художник.

Но это все пустяки по сравнению с тем, что хотелось бы пристрелить Короленко! Мимоходом сказано, а я русскую литературу люблю, как свою душу, и мне легче было бы читать, что надо пристрелить меня — чем что надо пристрелить Короленко. «Вестник» печется о России — да ведь и Короленко Россия, и Россия великая, и не довольно ли в ее величье стрелять? Я не удивилась бы, если бы эти страницы Розанова напечатаны были Синявским в «Синтаксисе» — он ведь сам в своем роде (в смысле извращенности) Розанов, только без розановского таланта. Я думала, хоть кто-нибудь, хоть где-нибудь любит русскую литературу. Нет. Любви не вижу. (В статье о Бродском строки из Гумилева приписаны Анненскому — и — ничего — никто не исправил: не до того²¹.) А как убого, как скудно, как *непразднично* отпразднован был в «Вестнике» великий праздник русской литературы (значит — России) — юбилей Льва Толстого. 150 лет со дня рождения. Даже у нас здесь, в казенной печати, кроме казенного словоблудия, напечатаны были новые интереснейшие документы, воспоминания, статьи, собранные сердечно, с любовью... Нет, эмиграция — страшная вещь и, по-видимому, всякая — не одна лишь третья (которая страшна своей невежественностью, кроме всего). Какая-то непостижимая в эмиграции — непостижимая для меня — шкала ценностей. Вышла (давно уж!) книга Ходасевича о Державине²². Изумительная книга: поэт о поэте, поэт об истории России, написанная чудотворным языком — воистину «классическая». Не вижу переизданий, не вижу отзывов. Глухо. Тихо. А вот Розанова: «пристрелить Короленко» и «у евреев жирные пальцы» — вот это необходимо воспроизвести и преподнести.

О Герцене уж я умолкаю — хоть кто-нибудь бы его прочитал, понял в его пути, в его развитии — об этом и мечтать нечего. Читают у него слово «социализм» и зачислят в определенную рубрику (совсем как здесь: литература под ярлыками). А *что* он вкладывал в это слово? Никому и дела нет, как и до его великого художественного дара. А у Герцена ведь славна, жива и велика Россия, и Россия без Герцена — как рука без пальца. Пушкин писал о Фонвизине: «он русский перерусский»²³. Вот и Герцен. Одна из великих тем: «Дневник писателя» и «Колокол». Вот ее бы поставить — а не о расстреле Короленко да о жидках... Больно.

¹ «С Новым Годом! С Новым Горем!» — Первая строка потаенного стихотворения Анны Ахматовой (1940), написанного вскоре после нападения СССР на Финляндию; см.: Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. М.: Время, 2007. Т. 1. С. 69 (запись от 13 января 1940).

² Китайско-вьетнамская война — вооруженный конфликт между Вьетнамом и Китаем в феврале – марте 1979 года, который иногда называют первой в истории войной между социалистическими государствами.

³ Мустафа Джемилев (р. 1933), лидер движения за права крымских татар.

⁴ Перефразирована строка Блока «нестерпим окружающий мрак» из стихотворения «Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...» (1916).

⁵ Премию по литературе в 1978 году получил Исаак Башевис Зингер (1904–1991), еврейский прозаик, писавший на идиш. Зингер жил в США с 1935 года.

⁶ Речь идет о «Радиоинтервью компании Би-би-си», которое передавалось по радио 13 и 18 февраля 1979 года (*Публицистика*. Т. 2. С. 483–504; впервые: *Солженицын А.* Интервью с И.И. Сапиэтом // *Вестник РХД*. 1978. № 127. С. 279–295).

⁷ *Можжев Б.А.* Старые истории. М.: Современник, 1978.

⁸ «Живи и помни» — повесть Валентина Распутина.

⁹ М.С. Петровых.

¹⁰ В.Н. Корнилов.

¹¹ Речь идет о книге Л. Чуковской «Процесс исключения».

¹² *Солженицын А.* Из Узла II. «Октябрь 1916». Гл. 56 (Прогрессивный Блок) // *Вестник РХД*. 1978. № 126. С. 53–77. *Примеч. автора:* «Эта глава относится к роду обзорных глав... содержащих лишь подлинный исторический материал, без вымышленных действующих лиц».

¹³ Имеются в виду правозащитные Хельсинкские группы по содействию выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

¹⁴ См. речь Н. Солженицыной в Дартмуте, где собралось две тысячи студентов (*Вестник РХД*. 1978. № 127. С. 256–266). «Вот два полных года, — пишет в своих воспоминаниях Солженицын, — вела Аля в Штатах и в Европе кипучую кампанию в защиту арестованного Алика Гинзбурга» (*Угодило зёрнышко промеж двух жерновов* // *НМ*. 2000. № 9. С. 123 (ч. 2, гл. 6: Русская боль)).

¹⁵ Книжка об Александре Гинзбурге (сборник документов) с предисловием А. Солженицына была составлена, переведена на иностранные языки, но не вышла в свет, т.к. А. Гинзбурга обменяли на советских шпионов и отпала необходимость бороться за его освобождение.

¹⁶ *Розанов В.* Неизданное. «Опавшие листья» // *Вестник РХД*. 1978. № 126. С. 78–102.

¹⁷ См.: Чуковская Л. Михаилу Шолохову, автору «Тихого Дона» (1966) // Чуковская Л. *Процесс исключения*. М.: Время, 2010. С. 217–223.

¹⁸ *Бахрах Александр Васильевич* (1902–1986), литературный критик, журналист. Бахрах в коротком письме в редакцию «Вестника РХД» возражает И. Шафаревичу по поводу его суждений о Герцене: «Нельзя не пожалеть, — пишет Бахрах, — что г. Шафаревич

заявляет, что Герцен — “вообще не литература, а критика”. А “Былое и думы”?» (Вестник РХД. № 126. С. 310).

¹⁹ *Иловайская И.* Россия в отрицательно-мистическом освещении // Там же. С. 193–206.

²⁰ Статья И. Шафаревича «Д.Д. Шостакович», на которую возражает Бахрах, напечатана в «Вестнике РХД» (1978. № 125. С. 232–250).

²¹ В статье «Вечер поэзии Иосифа Бродского» (Париж, 12 декабря 1977), подписанной Н.С., знаменитая строка из стихотворения Н. Гумилева «Слово» «Дурно пахнут мертвые слова» приписана Иннокентию Анненскому (Вестник РХД. 1977. № 123. С. 209).

²² *Ходасевич В.Ф.* Державин. Париж: Изд-во «Современные записки», 1931. К 100-летию автора факсимильно переиздана в эмиграции (Париж: YMCA-Press, 1986).

²³ Пушкин просил брата Льва Сергеевича, наблюдавшего за печатанием первой главы «Евгения Онегина»: «Не забудь *Фон-Визина* писать *Фонвизин*. Что он за нехрист? он русской, из перерусских русской» (А.С. Пушкин — Л.С. Пушкину, [первая половина ноября 1824] // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.: Воскресенье, 1996. Т. 13: Переписка 1815–1827. С. 120–121).

11. А.И. Солженицын — Л.К. Чуковской

18 июня 1979. Вермонт

18.6.79

Дорогая Лидия Корнеевна!

Ваши письма всегда так плотны содержанием и мыслью, особенно литературной, и движениями чувства, что грех мне держать их и дальше в том трудноразборчивом виде, как они есть. С этой осени у меня (впервые) представится возможность переводить на машинку часть моего письменного архива — и я переведу Ваши письма непременно.

Вы недовольны темпом своей работы, а я должен сказать, что при тяжелом состоянии Ваших глаз и многих других помехах — надо удивляться, как Вы одолеваете, движете параллельно несколько книг — и, в общем, постепенно со всеми ними справляетесь. Искренне желаю Вам выполнить эту задачу. Очевидно, сегодня уже можно поздравить Вас с окончанием II тома Ахматовой?

«Горячая» книга — вот видите! — ведь Вы же пришли к необходимости её печатать, а когда-то возражали мне, что «Телёнка» надо было долго не печатать. Очевидно, для советской действительности — особые литературные законы: настолько беспроходная глушь, что мемуарам надо пробивать брешь тотчас же.

Ваши возражения о человеческом счастье (по поводу Гарвардской речи) считаю очень вескими. Очевидно, я выразился плоско. Да ведь в публици-

стике всегда так: всей глубины и объёма никогда не выберешь. Потому публицистика так легко и оспаривается. На всякое рассуждение всегда есть контррассуждение.

Что же касается соединения государства с религиозными началами — я это не выдвигал как совет, я только отметил, что Израиль по этому признаку не может быть отнесён к безрелигиозному западному типу государств (и смелость его солдат может вполне объясняться этим источником). Хорошо ли это или плохо — но это веяние времени: Израиль с этого пути не соступит, и все арабские государства и, вот, Иран.

Спасибо за замечания о языке Николая. В книге что-то исправлю. Правда, «подъехать» я имел в виду не «вдогонку», а: «проехать небольшое расстояние вместо того, чтоб идти пешком». По-моему, так можно, но у Даля такого значения нет.

Пишу «в книге» — а когда будет эта книга — представить не могу. Несмотря на то что я, в общем, ничем серьёзным не занимаюсь, кроме своих Узлов — работа ещё очень-очень далека от конца. Не только мой замысел 20 Узлов был нечеловеческий, но сверхсилы нужны и для того, чтобы окончить эти 3 Узла в 8 томах. Громадина. И — бесследно канули всё то время и все те люди. И нет обновления впечатлений, которые даёт только родина. И возраст мой — уже не лучший. Всё же надежды не теряю и азарта не теряю — но долго будет.

Чтобы делиться некоторыми частными впечатлениями от эпохи и лиц — я и затеял печатание отдельных глав. Многие читатели, особенно по 80 лет и больше, настаивают хоть на этом, ждут правды о своём времени.

Собрание Сочинений тоже потребовало уймаищу труда у нас, проверку и исправление многих мелочей — и даже веду самодельную грамматическую разработку, которую напечатаю в 9 томе¹. Сейчас выходит 4-й том, а в малышках для СССР — 1 и 2 вместе («Круг» 96) — надеюсь, скоро достигнет Вас. (Но уж *Вы* не тратьте глаз на малышки!)²

Книжку об Алике, составленную Алей, — рынок теперь, очевидно, не возьмёт — но нельзя проговорить «увы», когда есть такая живая радость — видеть человека, внезапно вызволенного из бесконечной и безнадежной тюрьмы. Тяжело подорвали Алика — не быстро он возвращается в форму. Живёт у нас³.

Вы коснулись художественной критики. Высоко ставлю этот жанр, но он для меня в некотором смысле загадка. Обратите внимание, как редки настоящие высокие критики: их в 40 раз меньше, чем поэтов и в 20 раз меньше, чем прозаиков. Согласен с Вами: критика, которая *сама* не есть литература (обычный теперешний случай) — она и не критика. Но что за странный сплав? В каких пропорциях должны смешаться в груди таланты, чтобы человек *не* стал художником, *но* высоким критиком. (Большие ху-

дожники почти все могут быть критиками, но почти никогда этим не занимаются, редко.)

По поводу Герцена я не могу высказаться в полноте. Кому какая эпоха досталась: я отдал все силы — советской, революционной, предреволюционной, теперь ещё много пришлось отдать и 05 году и началу века, — на середину XIX меня уже никак не хватает, и вряд ли я когда-нибудь смогу прочесть Герцена в таком объёме, какой Вы считаете нужным для верного суждения. Но всё же мне чудится, что Вы к нему повышенно пристрастны. Такого уровня художественности я в нём не чувствую. И неосторожно приписываете Вы ему бóльшую заслугу в освобождении крестьян, чем Александру II: никакой советчик никогда не выше исполнителя, а к его советам и не прислушивались, — и освобождение Александр провёл вопреки дворянскому классу, трудно. (Провёл, конечно, далеко не лучшим образом, это мы и расхлёбываем в XX-м.)

Сейчас я стараюсь создать серию ИНРИ⁴. Очевидно, 1-м томом будет книга В.В. Леонтовича⁵, где много об этом освобождении. Очень надеюсь, что эта серия поработает в русских головах.

Рад, что Вы высоко оцениваете Белова и Можая. Я ещё причисляю туда Евг. Носова, отчасти Абрамова. О Распутине сказал бы так: не фальшь (фальшь — в главной завязке: что не доверился матери, а жене, все реальные дезертиры действовали наоборот, отсюда и некоторые фальшивости в сюжете), — но *тяжело* во многих местах, и психология подаётся с трудом и тяжело написано в некоторых важных местах. А всё-таки в печатной литературе — это значительный шаг.

Ржезачу я, думаю, ответил достаточно. Но дуют ещё какие-то книги против меня — в Восточной Германии теперь. На всё не начихаешься. Меня, собственно, не Ржезач понудил ответить, а друзья детства.

О Льве — только и могу руки развести. Никогда ничем я его не задел, не толкнул — откуда такая длительная ненависть. Правда, прислали мне с Раей телеграмму к 60-летию — но такой провал за эти годы образовался, что и ответить трудно.

О том, что творит «Голос»... не хочу даже заводиться, расстраиваться. Гадкая станция. Зимой слышно у нас и Би-Би-Си. Культурней гораздо — но тоже много чужого. Да кто обязан стараться за нас и для нас лучше нас?

На моё интервью само же Би-Би-Си отвечало в 6 голосов: 3 англичанина, Синявский, Плющ и Горбаневская. Все — возражали, но мне поймать не удалось, и текста получить с них не мог.

Жалко мне, что глушили 2-ю часть — она была самая ударная, и рассчитана не на круги Самиздата.

Вы пишете о «Вестнике» № 126: там объявление о моём Собрании — значит, «вы видели и допустили» всё остальное. Хочу исправить Ваше не-

верное впечатление. Я никогда не знал ни одного № «Вестника» в процессе его создания, никогда заранее не знал полного состава ни единого № (кроме 125, который составляли мои друзья), всегда знал только те материалы, которые я послал сам. А каждый номер я получаю вместе со всеми читателями и тогда впервые узнаю. Я отнюдь не направляю, не формирую «Вестник», да и считал бы такое насилие грехом. «Вестник» — отнюдь не идеальный для меня журнал, — но не заниматься же мне собственным журналом! Я сам много раз негодовал на публикации «Вестника» — но всегда в пустой след и безвлиятельно. В частности, я также решительно не сторонник этого вытаскивания писем и случайных записей отметных людей в журналы. Я и до этого очень не одобрял печатание каких-то ничтожных или кухонных писем Мандельштама, Цветаевой, Пастернака, Леонтьева. (Например, Мандельштам доказывает Гослитиздату, что лучше переводить не с языка подлинника...⁶) А № 126 я по занятости читал с опозданием, уже после 127-го — буквально в тех днях, когда пришло и Ваше письмо. Так же не одобряю я и этой публикации из Розанова — со строками пошлыми и грубыми, да может быть для печати и не предназначавшимися. Но, поверьте, ничего поделаться не могу — и в любом следующем «Вестнике» может быть любая неожиданность.

А в «Континенте» так и вообще России нет: ни языка, ни духа, ни пейзажа, ни истории, ни лиц. Была бы Восточная Европа — так и она сжата. А все страницы залиты просто эмигрантской шантрапой. (Как, тем более, и все остальные парижские русские журналы.)

Дети, слава Богу, растут. Двух старших обучил арифметике, учу уже алгебре.

Желаю Вам глаз, здоровья, трудового состояния.

Сердечно Вас обнимаю.

Ваш А. Солженицын

¹ Статья «Некоторые грамматические соображения, примененные в этом собрании сочинений» была напечатана в 10-м томе «вермонтского» Собрания сочинений (об этом Собр. соч. см. примеч. 6 к письму 9).

² Для облегчения доставки томов в Россию книги печатались не только в обычном, но и в уменьшенном формате на тонкой бумаге.

³ В апреле 1979 года пятерых советских политзаключенных, включая А.И. Гинзбурга, обменяли на двух советских шпионов, пойманных и осужденных в США, и вывезли из СССР. Первые полгода Гинзбург жил в Вермонте у Солженицыных. См. также примеч. 15 к письму 10.

⁴ ИНРИ — Исследования новейшей русской истории. Солженицын пишет о создании серии: «...чувствовал я на плечах берема шире только собственных моих книг. Поставлен я на такое место, и столько нитей ко мне сошлось — что и должен, и, кажется, нетруд-

но мне, и нельзя не — сплотить хоть малые силы, кто есть, для поднятия из пучин потопленной русской истории. Стал я простягаться, как бы нам начать выпускать историческую серию силами приглашаемых авторов, скажем — Исследования Новейшей Русской Истории, ИНРИ, — именно новейшей, потому что она более всего запущена и жжёт...» (Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // *НМ*. 2000. № 9. С. 119 (ч. 2, гл. 6: Русская боль)). Под общей редакцией Солженицына с 1980-го по 1995 год было подготовлено и осуществлено издание 12 книг. В 1995-м «УМСА-Press» передала выпуск серии московскому издательству «Русский путь».

⁵ *Леонтович В.В.* История либерализма в России, 1762–1914 / пер. с нем. И. Иловайской. Париж: УМСА-Press, 1980. – (ИНРИ).

⁶ Упомянута публикация: Материалы к биографии Осипа Манделъштама / публ. и коммент. Н. Струве // *Вестник РХД*. 1977. № 120. С. 235–262. В разделе «Вокруг переводческой деятельности (1828–1932)» помещено письмо О. Манделъштама к заведующему ГИЗом И.И. Ионову.

12. Л.К. Чуковская — А.И. Солженицыну

10 октября 1979. Переделкино

10/X 79
Переделкино

Дорогой Александр Исаевич.

Давно уже получила я Ваше доброе, щедрое письмо, которое было мне отрадой в болезни. Но не хотелось отвечать Вам *болезненно*, а потому и пишу только теперь, через месяц, когда голова вошла в норму.

Прежде всего, поздравляю Вас, Алю и Алика с тем, что Алик на свободе и вы — вместе. Если удалось Вам и Але совершить первое чудо: вызволить Алика, то, надеюсь, последует и второе: приезд Арины с детьми — родными сыновьями и приемным¹. (Ведь за приемных мы всегда больше в ответе, чем за своих.) А пока — обнимите Алика, скажите, что я дважды ему писала в лагерь, но конечно, зря. (Недавно я телеграфировала Юрию Федоровичу поздравление с днем его рождения. Получила ответ: «Ваша телеграмма Орлову вручена т. Акуловой»). Вот, наверное, мои письма Алику тоже в брюхе акулы... Лечится ли он?

Ваши «стенографические» главы я читала, но от суждения воздерживаюсь. Стенограмма коварна (даже искусно выправленная); она коварна, как фотография. Мнимая точность. Подлинная точность — это портрет, созданный художником. А я не знаю, предшествует ли «стенографическим главам» — портретная галерея героев? Или Вы полагаете, что для их воссоздания, во-человеченья — достаточно стенограмм? Я с детства помню имена: Чхеидзе, Маклаков, Милюков, Марков 2... Но созданы ли они Вами с такою же силой, как Воротынец? Или они у Вас говорят прежде рожде-

ния? Помню, окружающие меня в детстве люди называли Маркова 2 всякими худыми словами: монархист, черная сотня, жидомор. Допускаю — они ошибались. Но для опровержения Вам требуется создать другой портрет. Создан ли он? Вот я и не берусь судить о стенографических главах без предыдущих.

Чувствую, как надоела я Вам своим пристрастием к Герцену. Нет, дорогой Александр Исаевич, у меня нет глупого намерения поучать Вас и нет надежды, что Вы найдете время для 30 томов. Раз художнические чары Герцена не имеют на Вас воздействия — зачем он Вам? (Это я воспринимаю его статьи как стихи и поэмы.) Не нужен он Вам — не читайте, ведь Вам для Вашей родной работы столько требуется читать! Непосильно! Но есть одна мысль, на которой я буду настаивать. Роль Герцена в освобождении крестьян была огромна. Вы пишете, что «исполнитель всегда выше советчика» и что Александр II к советам Герцена не прислушивался. Нет, прислушивался: «Колокол» он читал, а в каждом номере Герцен в кровь избивал сопротивляющихся реформе крепостников и поддерживал каждый шаг Александра II, сделанный в сторону освобождения. Герцен создал в русском обществе такой воздух, такой климат, в котором «порядочные люди» не могли владеть «душами». (После «Архипелага» нельзя не сочувствовать з/к. «Неприлично».)

Александр II читал «Колокол» и даже приказывал пересматривать некоторые дела — взяточничество чиновников, насилия крепостников.

Кончилось влияние Герцена, когда он вступился за восставшую Польшу.

Ваше собрание сочинений жду, жду, жду, — всё и в любом виде. Мелкость шрифта мне не помеха — если шрифт черный, а бумага белая... И Лентовича тоже жду.

То, что Вы пишете о «Вестнике» (не читаете материал до печатания), очень меня смутило. Ржезач для Вас безопасен: ему не верит в интеллигенции никто, и, желая замарать Вас — он замарал только себя самого и своих «соавторов»... «Вестник» — например, Розанов — дело другое. «Вестник» здесь считают «журналом Солженицына» и решительно всё, что там напечатано, ставится в счет Вам. Все тамошние мнения, против которых Вы вслух не протестуете. Вот это для Вас опасно (в том смысле, что читатель бывает сбит с толку).

Если невзначай получите здешнюю книгу «Эйнштейн и теория гравитации» — знайте, что это от меня. Там помещен отрывок из диссертации моего мужа, М.П. Бронштейна — я в ней не смыслю ничего — но здесь сейчас Бронштейна поднимают, издают (и его популярные, и его научные труды); он, оказывается, был на пороге великих открытий; его работы пригодились для изучения космоса — и Бог знает что. О его конце — как они расстреляли

его в 38 г. — конечно ни звука. Ну и я молчу, чтоб не мешать изданиям. А Вы ведь физик? Прочтите несколько страниц из его диссертации, составители сборника уверяют, что диссертация не устарела до сих пор.

У нас все по-прежнему + на 5 лет старше. Дом совсем скопился и вот-вот рухнет. Когда на улице ливень — у меня в комнате дождь. 28/ X — десятилетие со дня смерти К.И., и мне удивительно, что мы прожили эти 10 лет, *ничего не дав изменить*. Экскурсантов все больше. Руки друзей восстановили костровую площадку: там все сгнило, но сейчас она опять веселая, новая, любо глядеть на скамьи под соснами. А с детской библиотекой — сгоревшей — начальством поступлено так: ее отстроили, но она стоит пустая... Дело в том, что десятки «простых советских людей», к моему удивлению, проявили большую активность — писали в газеты, в ЦК, Прокуратуру, в Литфонд — куда попало, — в Поссовет, в Моссовет, министеру культуры — что вот, мол, какое безобразие: посреди городка — вместо библиотеки им. Чуковского — обгорелые доски. Вид был действительно впечатляющий. Пришли рабочие и за 2 недели отстроили этот домик, очистили двор вокруг. И — всё. Там ни книг, ни библиотекарей, ни детей. Но внешний вид — пристойный.

Думаю, пока не кончится бедствие, именуемое Олимпиадой, библиотеку не откроют. А может быть, и нам велят закрыть Музей. (Но это — наименьшие из бедствий.) Уже сейчас всех гоняют строить «олимпийские объекты»; нельзя купить ни досок, ни красок; будущих гидов обучают, как отвечать иностранцам на их вопросы; детям в школах говорят, что американцы будут угощать их отравленными конфетами; указ о тунеядцах тоже объявлен не зря... Вот например такие писатели, как Корнилов и Войнович — они типичные тунеядцы... (Я и Копелев нет: мы пенсионеры. Но нас можно выжить как-нибудь иначе.)

«Сахаровские чтения» прошли на этот раз звонко. Не без прорех — например, материала о рабочих у них маловато, но все же приятно мне было услышать искренние голоса (многие) и медленный больной голос АД. Ваше письмо, когда Аля прочла целиком, блистательный образец публицистики. (А когда читали одну вырванную фразу — невыносимо.)²

Какой % художника должен быть у критика, жить в критике — спрашиваете Вы. Ну, на это не берусь отвечать. Каждый человек отчасти художник, иначе ему и читателем не быть. Критик — это образованный, тонкий читатель, способный понять замысел автора и сравнить замысел с исполнением. Но мало этого: критик еще должен «владеть пером», т. е. писать не наукообразно и не бюрократично; не на узком жаргоне, а на родном языке;

18.6.79.

Дорогая Людмила Кармеевна!

Ваши письма всегда так полны содержанием и мыслью, особенно литературной, и движением чувств, что грех мне держать их и дальше в том грубокордагарливом виде, как они есть. С этой осени у меня (впервые) представится возможность переписать на машинку часть ~~своего~~ письменного архива — и я ~~переведу~~ Ваши письма непременно.

Вы недовольны темпом своей работы, а я должен сказать, что при тесном составе Ваших глаз и многих других помехах — надо удивляться, как Вы ~~адекватно~~ параллельно несколько книг — и, в общем, постепенно со всеми ними справляетесь. Искренне желаю Вам выпарить эту завалу. Очевидно, следовало уже давно познакомиться Вас с окончанием II тома Ахмадзавай?

Гарячая книга — вот видное! — ведь Вы же пришли к неодолимости ее печатать, а книга ~~выражала~~ мне, что "Гел'нка" надо было долго не печатать. Очевидно, для советской действительности — особые литературные законы: настолько беспощадная глушь, что перунам надо продирасть драпало таттас же.

Ваши возражения о человеческом счастье (по поводу Гарвардской речи) слышны очень вескими. Очевидно, я выражался плоско. Да ведь в пудлинзисике всегда так: всей глупицы и адема никаква не выдерешь. Потому пудлинзисика так легко и оспаривается. На всякие расщепление всегда есть контррасщепление.

Что же касается соединения государства с религиозными нациями — я это не выдвигал как совет, а только отмечал, что Израиль по этому признаку не может дать адмесс'н к демократическому западному типу государств (и следовательно — создаст много вполне одеситовых элит и счастливцев). Хорошо ли это или плохо — но это веяние времени: Израиль с этого пути не соскочит, и все арабские государства и, в том числе, Иран.

Спасибо за замечания о языке Никарала. В книге это до и исправлено. Правда, "подвехать" я имел в виду не "вдохнуть", а: "пряхать небольшое расстояние вместо того, чтоб идти пешком". По-моему, так можно, но у Вас такое замечания нет.

Письмо А.И. Солженицына к Л.К. Чуковской. 18 июня 1979.

Кавендиш (Вермонт, США). Первая из четырех страниц. Папиросная бумага. 21×15 см. Черная шариковая ручка

Архив А.И. Солженицына

123
31/III 47
Дорогой Александр Иванович. О том, что я сдерживаю
на деле, Вам известно и рожу и никогда не бу-
дет. Какже Вам письмо - заслуженный много лет
добрый одарите - спасибо, а не одарите - это ж! Я
попытал: Вы сейчас пишете самое главное Ваше
письмо или все, знаете и мне... Если же оурубу,
тоб написать мне, то не беспокойте нас - крупно-
сти будет: оурика уважливой любви! Только бы
решает ером. Пишите мне, как привоклю (я
получил Вам автосам).
Вы пишете, что отчаянно собираете уменьшаю-
щуюся силу. А для меня - Вы и сила, грозная сила,
добрая сила, могучая сила - Вы и сила памяти и одно-
значные. Не могу себе представить уменьшения и силы
в у Вас. Александр Иванович, да ослышались назад, поглядите,
что Вы сообразили! Сообразили Вам - это всё оу-
ступки на оу Вашей главной задаче, тишеренной, и
попытал, но оно же - залог исполнения главнейшей
из Ваших задач. Сила в Вас не иссякнет, пока Вы
не исполните, я так верю. Вы же не верите
в свою судьбу. Это было бы неверие в камень, который
движит. А он движит несомненно, и, хотя эти же
мы в постоянном движении, искорблении, гряди,
надвигает - я думаю иногда, что
На деле гораздо светлей
иногда встретитесь внезапно там, где и не ждали,
такую ужную, светлую, сильную и поминающую
молодость, что душа вострепенится. А сейчас Вы
для этой повороченной молодости сейчас -

Письмо Л.К. Чуковской к А.И. Солженицыну. 31 марта 1977. Москва. Первая из двух страниц. Бумага обычная. 18,5×13,5 см. Черный и синий фломастеры
Архив А.И. Солженицына

обращаться не только к логике, но и к воображению, к чувству читателя. А это и значит — быть художником. Примечательно другое: всех великих — и больших — и малых художников тянуло и к критике: Пушкин издавал «Современник», где писал рецензии; Некрасов — тоже; Салтыков — тоже; Толстой — «Ясную Поляну»; Короленко — «Русское богатство» и Твардовский — «Новый мир». Ну, и многие мною пропущены. Замечательными критиками были Гончаров и Тургенев, что видно из их писем.

Итак, Ермолай и Игнат уже овладели арифметикой. Поздравляю Вас и их. Мне это никогда не удавалось. Так и помру.

Прислали бы когда-нибудь фотографии.

Насчет моего писания Вы заблуждаетесь: я ничего не успеваю и уже ничего не успею.

Меня всячески толкают на операционный стол — делать глазную операцию — но я упираюсь. Не хочу. Пока работаю кое-как — не хочу! А там авось либо уберусь на тот свет раньше, чем ослепну.

Сейчас сижу у открытого окна: дивная, тихая, блаженная, благословенная осень.

Обнимаю Вас. Сердечный привет Але, Екатерине Фердинандовне, Алику, ребятишкам. Когда приедут к Вам маленькие Гинзбурги (прелестные), будет настоящая Запорожская Сечь. Ни одной девицы!

Л. Ч.

P.S. 1 июня скончалась от рака М.С. Петровых. Вы были с ней знакомы, но не знали — ни ее, ни ее стихов. Для меня поэзия Петровых выше поэзии Цветаевой. Со смертью поэта еще раз умирает родной язык — в ком-то он вновь воскреснет?.. Сейчас мы пытаемся протолкнуть ее книгу через «Советский писатель». Может быть, теперь, когда она умерла, — это и удастся.

После смерти К.И. у меня оставались ближе всех — она и Толя³. (Он — ее ученик и получен был мною от нее.) Теперь их обоих нет. А какие у нее стихи! Мне хотелось бы послать Вам три... На похоронах мне сказал один наш общий приятель: «Словно мы снова хороним А.А.». Петровых — не Ахматова (по силе), но изо всех друзей и поэтов — избранница. АА подвергала критике Петровых все свои стихи и все пушкинистские работы... Так что для меня вместе с нею ушел еще один слой культуры, не только друг.

Л. Ч.

<...>

PPPS. Нет, и еще не конец. Вы пишете, что вот, мол, я возражала против спешности выхода «Теленка», а сама торопилась со своим «Процессом». Но «Теленок» мемуары, а «Процесс» — публицистика. Публицистика всегда срочная (или кажется таковой ее авторам). Прочли ли Вы «Процесс исключе-

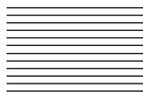
ния»? Не рассердились? А «Теленка» я недавно перечитывала и снова, снова, снова дивилась богатству и глубине в Вашем изображении Твардовского. И изгнание очень любила.

Л.Ч.
11/X 79

¹ *Жолковская-Гинзбург* Арина (Ирина) Сергеевна, жена А.И. Гинзбурга. После безуспешных попыток получить разрешение на выезд приемного сына Арина с двумя сыновьями Гинзбургов последовала за мужем лишь через год, весной 1980 года.

² Упоминается послание А.И. Солженицына «Сахаровским слушаниям в Вашингтоне», сентябрь 1979 (*Публицистика*. Т. 2. С. 508–510).

³ *Толя* — Анатолий Александрович *Якобсон* (1935–1978), историк литературы. С 1969 года — редактор «Хроники текущих событий», в 1973-м эмигрировал в Израиль, где тяжело заболел и в 1978 году покончил с собой.

П.Е. Спиваковский

ПОЛИФОНИЯ

У Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА¹

Мы сегодня поговорим о феномене полифонии у Достоевского и Солженицына. Хочу сразу уточнить: так как формат семинара рассчитан не только на ученых-профессионалов, то мое выступление будет достаточно популярным.

Итак, что же такое полифония? Слово это заимствовано из музыковедения, в его основе греческие слова πολύς (многочисленный) и φωνή (звук), а само слово «полифония» означает *многоголосие*. Но что такое полифония в литературе?

Как известно, о полифонии в литературе говорили и до Бахтина: например, в 1923 о ней упоминали Замятин² и Мандельштам³, но это были скорее метафоры, к тому же в обоих случаях речь шла о прямом влиянии музыки на литературу. Однако в 1929 году М.М. Бахтин выпускает монографию «Проблемы творчества Достоевского», где он говорит о сугубо литературной полифонии в романах великого писателя. Но чтобы адекватно понять концепцию этой книги, необходимо учитывать, в какой ситуации она была написана и опубликована. Достоевский в Советском Союзе того времени — писатель почти запрещенный. В школах проходят не Достоевского, а *достоевщину*, в большом ходу резко негативные оценки писателя и его творчества, принадлежащие М. Горькому, В.И. Ленину и т.п. К «архисквер-

¹ Текст доклада, прочитанного на семинаре, посвященном трудам и дням писателя, в Доме русского зарубежья 20 февраля 2014.

² «Вс. Иванов — живописец бесспорный, но искусство слова — это живопись + архитектура + музыка. Музыка слова — он слышит еще мало, и архитектурные формы сюжета ему еще не видны, оттого со сложной, полифонической конструкцией романа (“Толубые пески”) он не справился» (Замятин Е.И. Новая русская проза // Собр. соч.: в 5 т. М.: Русская книга, 2004. Т. 3: Лица. С. 128).

³ «В книге (А. Белого. — П.С.) “Пепел” искусно вводится полифония, то есть многоголосие, в поэзию Некрасова, чьи темы подвергаются своеобразной оркестровке. Музыкальное народничество Белого сводится к жесту нищенской пластики, сопровождающему огромную музыкальную тему» (Мандельштам О.Э. Буря и натиск // Полн. собр. соч. и писем: в 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. Т. 2: Проза. С. 132).

ному Достоевскому»⁴ в те времена лучше не приближаться, это политически опасная фигура, говорить о которой крайне рискованно. Однако Бахтин решается. И много позже, в беседе с Сергеем Бочаровым, когда он вспоминал об этой своей книге, Бахтин говорил, что в тогдашней обстановке «оторвал форму от главного. Прямо не мог говорить о главных вопросах»⁵, волновавших великого писателя. Так, например, Бахтин утверждал, что подходы русских философов к Достоевскому несостоятельны, религиозная философия — это очень нехорошо и неправильно: это была чрезвычайно опасная тема, и Бахтину было важно ее обойти...

Итак, что же обнаруживает в романах Достоевского Бахтин? Для того чтобы это пояснить, может быть, удобнее поговорить вначале даже не о Достоевском, а о Пушкине. В финале первой главы «Евгения Онегина» автор, говоря о только что написанном им тексте первой главы, замечает:

Пересмотрел все это строго:
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу⁶.

Очень странное заявление. Казалось бы, наличие противоречий должно ухудшить художественное качество произведения. Тем не менее выясняется, что зачем-то Пушкину эти противоречия необходимы, и об этом замечательно писал Юрий Лотман⁷. Итак, что такое принцип противоречий у Пушкина? Давайте представим себе задачу: нам нужно создать качественное изображение какого-то материального предмета. Что мы делаем? Берем хорошую фотокамеру и делаем снимок. Казалось бы, все замечательно. Однако с одной стороны у нас изображение получилось, а с другой ничего нет. Значит, для того чтобы получить качественное изображение всего предмета, мы должны *изменить пространственную точку зрения*. Попросту, мы должны поместить фотокамеру с обратной стороны, желательно даже с нескольких сторон, и сделать снимки. Потом, если мы их «суммируем» и если у нас снимков много, мы можем получить даже и голографическое изображение: «соединение» снимков может создать иллюзию, что изображаемый предмет находится перед нами, хотя его и нет. Сейчас это блестяще используется, например, в театре. Иначе говоря, для того чтобы получить полноценное изображение любого предмета, *односторонней точки зрения* явно недостаточно. Нужны *иные* ракурсы, которые на внешнем уровне вроде бы противоречат исходному изображению, они дают другую картину, они как бы *спорят* с исходной визуальной версией. В связи с этим стоит вспомнить,

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 48. С. 295.

⁵ Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки рус. культуры, 1999. С. 475.

⁶ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 5. С. 30.

⁷ См.: Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство—СПб, 2003. С. 395–410.

что в «Октябре Шестнадцатого», втором узле «Красного Колеса», описывается разговор священника о Северьяна с Саней Лаженицыным, и Саня, говоря о точке зрения различных религий на то, что истинно, а что нет, вспоминает сказку о Правде-матушке, которую разные люди видели с разных сторон и по-разному. И из-за непримиримых противоречий между разными ее видениями рубились, убивали друг друга за то, в чем, по их мнению, состоит правда, тогда как на самом деле все они видели ее с разных сторон и недостаточно хорошо⁸. Вообще-то, если применить эту модель к собственно религиозной проблематике, может быть, может получиться не слишком корректно (у религий часто нет какого-то единого Откровения и даже единой первоосновы), но мы сейчас говорим не об этом. Взгляды с разных сторон на *один и тот же предмет* вполне могут вызывать ощущение острейшего противоречия, очень острого конфликта между различными точками зрения. И конечно, точки зрения вовсе не обязательно должны быть пространственными: задача может быть сугубо интеллектуальной, философской, какой угодно. И если мы попытаемся для разрешения той или иной проблемы выбрать одну, как нам кажется, *самую правильную* точку зрения, то она может породить лишь некую проекцию, которая в силу самой природы точки зрения неминуемо окажется односторонней. Поэтому и необходимо совмещение различных взглядов, иначе говоря, *принцип противоречий*. Из этого пушкинского принципа со временем возникнет и полифония в романах Достоевского.

Итак, как Бахтин воспринимает полифонию Достоевского? Я буду рассказывать об этой концепции с некоторыми более современными добавлениями. Что лежит в основе полифонии, по мнению Бахтина? Полифонический диалог. Казалось бы, все знают, что такое *диалог*. Ан нет. Бахтин нередко использовал самые обычные, казалось бы банальные, термины, придавая им иное, новое значение (аналогичным образом поступал, например, и Николай Бердяев). Так вот, *полифонический диалог* у Достоевского основан на *идее*. Как известно, в центре внимания в романах Достоевского находятся герои-идеологи. По преимуществу это идеологические романы. И если, говоря о героях этих романов, «отмыслить от них идею, в которой они живут, то их образ будет полностью разрушен. Другими словами, образ героя неразрывно связан с образом идеи и неотделим от него»⁹. Ну, хорошо: перед нами герои-идеологи, которые спорят относительно какой-то *идеи*. Но ведь и с термином «идея» возникают определенные проблемы, потому что и он переосмыслен Бахтиным самым радикальным образом. Как мы обычно понимаем идею? На обыденном уровне это нечто статически определенное, неизменное. Допустим, у кого-то из нас есть идея, и мы эту идею можем записать в виде какого-то вполне определенного текста. Однако у Бахтина всё

⁸ См.: Солженицын А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2007. Т. 9. С. 65–66.

⁹ Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 99.

совершенно не так, потому что идея в его системе есть *динамически само-развивающаяся система*. Вот, допустим, встретились два героя-идеолога и они между собой спорят, — берем самый простой вариант. Диалог строится по принципу: высказывается аргумент про (за что-то) и в ответ на это тут же выдвигается аргумент contra (против). Но дело в том, что аргумент contra находится в сильнейшей зависимости от аргумента pro, он теснейшим образом с ним связан, он отвечает именно на конкретно эту постановку вопроса, он привязан к данному повороту мысли. Далее в ответ на аргумент contra опять следует аргумент pro, но его характер уже изменился, он снова находится в теснейшей диалогической зависимости от аргумента contra и нацелен именно против него и т.д. Каждый новый аргумент теснейшим образом связан с предыдущим, и таким образом выстраивается полифонический диалог. Поэтому идея все время меняется, она все время на наших глазах трансформируется в зависимости от хода мысли. Кстати, это обеспечивает очень высокое интеллектуальное качество таких диалогов: как-никак, именно из них затем вырастет практически почти вся русская религиозная философия, которая так или иначе связана с вопросами, заданными великим писателем. Кто-то соглашается, кто-то не соглашается, спорит, но связь с тем, о чем говорил Достоевский, была очень тесной.

Однако и тут Бахтин добавляет одну очень существенную деталь. Дело в том, что полифонический диалог у Достоевского потенциально бесконечен. В жизни так не бывает. И не потому, что нам просто некогда закончить диалог, но и по более существенной причине. Дело в том, что у Достоевского эта диалогическая стихия не может быть завершена, потому что в изображенном им идейном споре в принципе невозможна победа. В жизни-то она вполне возможна, в жизни человека нередко можно в чем-то убедить, здесь же писатель использует особую художественную условность. Бахтин говорит о глубокой *плюралистичности* мира идей у Достоевского, и в связи с этим потенциальная бесконечность диалога — очень странная вещь, которая не может не привлечь внимание (как известно, Достоевский называл свой творческий метод фантастическим¹⁰, то есть вводил заведомо условные принципы художественного изображения и нисколько их не опасался).

Однако Бахтин шел еще дальше, утверждая, что в романах Достоевского «всё средство, диалог — цель»¹¹. И тут возникает сложный и рискованный вопрос: если диалог является самоцелью и если победа в нем в принципе невозможна, то зачем он вообще нужен? Дело в том, что у Бахтина здесь есть явная недоговоренность, он явно избегает содержательных вопросов, поскольку вслед за ответом на них неминуемо возникнут серьезнейшие идеологические обвинения. Тем не менее Бахтин подчеркивает, что полифоническая система не является релятивистской, то есть ценность того, о чем говорится, о

¹⁰ См., например: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1982. Т. 24. С. 5.

¹¹ *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. С. 280.

чем идет спор, вполне реальна: нам не все равно, где правда, а где неправда, и Бахтин очень резко говорит, что полифоническая система у Достоевского принципиально не релятивистская¹². Хотя, с другой стороны, если диалог и в самом деле самоцель, торжество релятивизма было бы вполне логичным.

Это противоречие связано с некоторыми умолчаниями в трудах великого ученого. Позже ученик Бахтина Вадим Валерьянович Кожин, блестящий теоретик литературы и весьма сомнительный литературный критик националистического направления, предложил весьма ценное уточнение теории Бахтина. По словам Кожина, равноправие идеологических голосов, которое есть у Достоевского, ограничено лишь *миром идей*, и, как только идея тем или иным героем *воплощается в жизнь*, никакой относительности уже нет: мы сталкиваемся с трагическими последствиями воплощения данной конкретной идеологической системы¹³ (как правило, выясняется, что она достаточно кошмарная). Это уточнение очень важно, поскольку выявляет содержательную функцию полифонии у Достоевского.

Давайте представим, что мы живем, скажем, в 60-х или в 70-х годах XIX столетия, когда Достоевский писал свои основные романы. Что нас окружает? Вокруг довольно много относительно новых идеологических систем. Это и марксизм, и анархические системы, и социалистические, и множество иных. Создано множество различных идеологий, и они претендуют на то, что, если их воплотить в жизнь, будет *очень хорошо*... И для многих эти идеологии выглядят весьма привлекательно, а иной раз и соблазнительно. Причем очень хочется узнать: а что будет, если мы воплотим в жизнь вот эту конкретную идеологическую систему? *Что будет, если*... Но увидеть это, находясь в хронотопе России XIX века, невозможно, ведь к власти носители этих идеологий *пока* еще не пришли...

И тут Достоевский, опережая свое время, создает художественную систему, которая позволяет заглянуть в будущее, позволяет создать ситуации, когда эти идеологические модели можно будет проверить на прочность. Как это происходит? Вот, например, перед нами герой-идеолог. Как говорил Достоевский, на сугубо «головном» уровне у него все сходится, то есть на уровне чисто словесного проекта все кажется убедительным. И например, Шигалев в «Бесах» ведет вполне респектабельный образ жизни и ни в чем преступном не замешан, как, допустим, и Карл Маркс, который был кабинетным ученым... Да, он призывал бог знает к чему, но *физически* он ничего страшного вроде бы не совершал, а его сторонники к власти не приходили.

И вот Достоевский моделирует ситуацию, когда все эти идеи можно *попытаться* воплотить в жизнь. Для этого писатель привносит в свой художественный мир особую эмоциональную атмосферу, которая и по сей день от-

¹² См.: Там же. С. 81.

¹³ См.: Кожин В.В. Размышления о русской литературе. М.: Современник, 1991. С. 253–254.

пугивает некоторых наивных читателей: «Ах, я не могу читать Достоевского, потому что он на меня так действует, так действует, такие напряженные эмоции, я не могу, я просто вся не своя, это очень тяжело». Перед нами весьма широко распространенное наивное прочтение произведений Достоевского, когда концептуально значимые художественные модели воспринимаются сугубо эмоционально — как непонятно для чего существующая нервная напряженность, пугающая и якобы бессмысленная. А цель тут совершенно определенная. Дело в том, что Достоевскому нужно довести своих героев-идеологов до такой степени эмоционального напряжения, чтобы они уже не могли себя сдерживать и попытались воплотить свои идеи в жизнь. Очень характерно в этом смысле слово «проба» у Раскольниковца, и оно существенно отнюдь не только для этого героя. Не только ему, но и самому автору важно *попробовать*: что будет, если... Такого рода художественное моделирование бытийных последствий, возникающих на почве реализации популярных в то время идеологических концепций, было остро необходимо Достоевскому. Поэтому у него так много сверхэмоциональных персонажей. Несмотря на то что в жизни такие люди встречаются, их обычно довольно мало, тогда как у Достоевского «нервные» герои невероятно многочисленны. Перед нами не что иное, как художественная условность. Беспокойную, сбивчивую речь его персонажей некоторые наивно принимают за «плохой стиль»: дескать, писатель торопился, когда писал свои романы, или утверждают, что он якобы не умел «гладко» и «правильно» писать. На самом же деле это совершенно не так. Виктор Шкловский, сравнивая ряд черновых вариантов текстов Достоевского с более поздними, выявил очень любопытную вещь: Достоевский часто «взъерошивал» свой стиль, как говорил Шкловский. То есть первоначальный вариант текста был написан «гладким», почти нормативным языком, а дальше, при редактировании, стиль специально «взъерошивается», условно говоря¹⁴. На самом деле стилистика Достоевского совершенно блистательна, и тут нельзя не согласиться, в частности, с Ириной Роднянской, писавшей о Достоевском как «о величайшем стилисте (который, правда, не осознавал своей революционной роли в этой области <...>»¹⁵.

Важно учитывать и то, в какую художественную систему вписаны стилистические приемы Достоевского. Благодаря речевому и авантюрно-сюжетному «заострению», связанному с традицией криминального романа¹⁶,

¹⁴ См.: Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Сов. писатель, 1983. С. 300.

¹⁵ Роднянская И.Б. О «морализме» Набокова // Новый мир. 2006. № 11. С. 206.

¹⁶ Но отнюдь не детектива, как ошибочно полагают многие. Достоевский не ставит читателя перед необходимостью догадываться, кто из персонажей является преступником. Изображение преступления в авантюрном духе, характерном для криминального романа, соединенное с литературной традицией романа философского взрывает традиционные представления о жанровой иерархии и позволяет частично воплотить «головные» идеи его персонажей, проверив их таким образом на прочность.

Достоевский смог смоделировать, а значит, и предугадать то, что появится «в реальности» только в XX веке (и поэтому мы совершенно справедливо говорим, что он писатель-пророк). Его художественная система была выстроена так, чтобы суметь увидеть, что будет *далее*, понять то, на что существовавшие в то время идеологические концепции лишь намекают...

Так строится полифоническая система у Достоевского.

Что касается Солженицына, то он также полифонист, и это его сознательный выбор. Писатель говорил о том, что все свои крупные вещи он мыслит как полифонические: «...для меня главный герой тот, кому посвящена данная глава, и я должен строить всю главу полностью в его психологии, и стараясь передать его правоту. Больше того, я свой язык — не прямую речь, а свой авторский язык — строю так, чтобы он был верным фоном именно этому герою, именно в этой главе. И вот у меня столько точек зрения в романе, сколько героев»¹⁷.

С чем сталкивается читатель, который погружается в тексты Солженицына? Давайте для начала обратимся к произведению, которое не является полифоническим, но очень важно для адекватного понимания солженицынской полифонии. Это согласно авторскому жанровому определению рассказ «Один день Ивана Денисовича». Как там строится повествование? Еще в 1965 году Т.Г. Винокур писала, что в этом произведении Солженицын добивается уникального слияния образа автора и главного героя¹⁸. Каким образом это происходит? Дело в том, что практически почти во всем тексте рассказа доминирует психологическая точка зрения Ивана Денисовича Шухова. И даже когда о нем говорится в третьем лице, повествователем высказываются суждения, которые могут принадлежать только Ивану Денисовичу. Нередко это повествование в третьем лице легко переходит в несобственно-прямую речь (когда повествователь пересказывает то, что мог бы сказать герой, что он *мог бы* сказать, но не говорит). И здесь тоже господствует точка зрения героя. С другой стороны, можно сказать, что язык, которым пользуется Солженицын в этом рассказе, куда более изощрен, чем язык его героя-крестьянина. Как говорил писатель, «мужики — народ безсловесный, безписьменный, ни жалоб не написали, ни мемуаров»¹⁹, они не могли себя сколько-нибудь выразить, поэтому писатель считал своим нравственным долгом сделать это за них. Если интеллигент может сам сказать о том, что он думает и знает, то крестьянину в этом надо постараться помочь. Такого рода солидарность с наиболее беззащитным очень важна для Солженицына.

Итак, почти тотальное господство точки зрения Ивана Денисовича порождает впечатление, что автор *очень похож* на своего героя именно пото-

¹⁷ Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. Т. 3. С. 286.

¹⁸ См.: Винокур Т.Г. О языке и стиле повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» // Вопр. культуры речи. 1965. Вып. 6. С. 16, 18.

¹⁹ Солженицын А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 2010. Т. 4. С. 40.

му, что перед нами возникает некая повествовательная тотальность. Иначе говоря, образ автора — а образ автора — это такая вещь, которую, как показал Уэйн Бут, можно трансформировать достаточно свободно, — это «сосуд», в который умелый писатель может влить все, что угодно²⁰. И в данном случае образ автора оказывается максимально сближен (фактически почти слит) с образом героя. Есть, правда, три фрагмента текста, где совсем ненадолго, на один-два абзаца, кругозор раздвигается чуть-чуть шире, чем это могло быть в сознании Ивана Денисовича, а сами эти места графически очень аккуратно выделены в тексте (первым на это обратил внимание замечательный американский исследователь русского происхождения Алексей Климов²¹). Например, когда говорится о том, что писал Вдовушкин, появляется многоточие в начале абзаца, и тут же рассказывается чуть-чуть больше, чем может знать Иван Денисович. Затем в начале следующего абзаца снова возникает многоточие, означающее конец этого, можно сказать, «наплыва», и мы вновь погружаемся в «тотальность» точки зрения Ивана Денисовича²². То же самое происходит, и когда говорится о мыслях Цезаря²³, о душевном состоянии кавторанга Буйновского, постепенно привыкающего к лагерной жизни и незаметно для себя становящегося опытным лагерником²⁴. Однако доминирование точки зрения героя рассказа и слияние с ней образа автора несравненно весомее. И в этом смысле самая замечательная лакмусовая бумажка — восприятие простого, наивного читателя. В конце 2012 года в издательстве «Русский путь» была выпущена интереснейшая книга «Дорогой Иван Денисович!..»²⁵. Это письма, адресованные Солженицыну после публикации «Одного дня...». Среди авторов есть очень известные люди, но есть и самые простые. Так вот, почти все письма, которые писали Солженицыну эти простые, неискушенные читатели, начинались с совершенно замечательных слов: «Дорогой Иван Денисович!» То есть эти люди ни минуты не сомнева-

²⁰ См.: Booth W.C. The rhetoric of fiction. Chicago; L.: Univ. of Chicago press, 1967. P. 71–72. Примерно об этом же говорит и М.Н. Эпштейн: «Письмо оказывается сильнее и бытийнее голоса не потому, что автор в нем отсутствует, а потому, что он перешагивает себя, приносит бескровную жертву — а отчасти и кровавую, если вспомнить о связи крови и чернил и о жертвенных ритуалах, из которых возник семиозис, процесс означания.

Такое инополагание себя — самостирание через самонаписание — и составляет работу пишущего» (Эпштейн М.Н. Homo scriptor: Введение в скрипторику как антропологию и персоналию письма // Филос. науки. 2008. № 8. С. 128).

²¹ См.: Klimoff A. The sober eye: Ivan Denisovich and the peasant perspective // One Day in the Life of Ivan Denisovich: A critical companion / ed. by A. Klimoff. Evanston: Northwestern univ. press, 1997. P. 12–13. Рус. пер.: Климов А.Е. Иван Денисович и крестьянская точка зрения // Солженицын: мыслитель, историк, художник. Западная критика: 1974–2008: сб. ст. М.: Русский путь, 2010. С. 525–526.

²² См.: Солженицын А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 2006. Т. 1. С. 26.

²³ См.: Там же. С. 30.

²⁴ См.: Там же. С. 58–59.

²⁵ «Дорогой Иван Денисович!..»: Письма читателей: 1962–1964. М.: Русский путь, 2012.

лись, что в образе Ивана Денисовича автор изобразил самого себя. И действительно, раз образы автора и героя совпадают по точке зрения, как это еще можно интерпретировать? Искушенный читатель, разумеется, готов ко всему, он, конечно, легко может отстраниться и от этого приема, и от чего угодно. Но простое, наивное и непосредственное впечатление иногда более репрезентативно, чем изощренное и сугубо профессиональное. Например, Владимир Сорокин говорил о том, что филологи, с его точки зрения, напоминают одноглазых киклопов: они способны воспринимать литературное произведение, лишь сравнивая одни тексты с другими (лично мне, правда, кажется, что филологи могут не только это, но такова точка зрения писателя). Сорокин критикует филологов за то, что они не способны воспринять текст более наивно, сугубо эмоционально, подобно тому как дед писателя, лесник, плакал над судьбой Тараса Бульбы, читая Гоголя²⁶. Иначе говоря, более непосредственное и наивное прочтение иногда отчетливее вскрывает некоторые важные особенности сложного литературного текста. Так произошло и с рассказом «Один день Ивана Денисовича», героя которого приняли за автора.

Еще более интересная ситуация возникает в эпопее «Красное Колесо», произведении, где полифонические принципы Солженицына проявились с максимальной последовательностью. Например, когда мы читаем главу, посвященную какому-то из героев, то видим картину, примерно аналогичную той, которая присутствует в «Одном дне Ивана Денисовича». Иначе говоря, здесь безусловно доминирует точка зрения одного персонажа. И возникает ощущение, что автор (точнее, образ автора) близок именно этому персонажу, он ему сочувствует, разделяет его идеи — в общем, мы с такой системой знакомы и все замечательно. Но дальше мы переходим к другой главе и, читая о другом герое, видим, что с автором вдруг произошло нечто невообразимое: он вдруг переключается на нового героя и совпадает по точке зрения уже с ним... А затем — с третьим, с четвертым и так далее. Героев много... В том-то и дело, что читатель помнит свои прежние впечатления о слиянии образа автора с предыдущими героями, и все новые и новые «слияния» порождают в его сознании мощнейшее «головокружение», потому что так писать совершенно не принято, такая манера нарушает привычные представления о том, как может строиться художественный текст. Фактически перед нами возникает деконструкция («перестройка», новое построение) образа автора. Точнее, единый образ автора для нас фактически перестает быть единым, он распадается, и благодаря этому возникает мощный полифонический эффект. Но конечно, это полифония совершенно иного типа по сравнению с полифонией Достоевского. Если у писателя XIX века она строится на диалоге, на жестком идеологическом столкновении голосов персонажей, то здесь перед нами полифония индивидуальных восприятий, если сказать об этом

²⁶ См.: Сорокин В.Г. Mea culpa? // НГ Ex libris. 2005. 14 апр. № 13. С. 5. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2005-04-14/5_culpa.html.

простыми словами. То есть возникает ситуация, когда индивидуальные восприятия *внешне уравниваются*. Я подчеркиваю — внешне, потому что по сути они не уравниваются ни у Достоевского, ни у Солженицына.

Дело в том, что полифония вообще не предполагает истинного аксиологического уравнивания позиций. Она лишь создает *иллюзию* такого уравнивания, провоцируя читателя на поиск ответа на вопрос: кто же все-таки прав и почему? Ситуация *внешнего уравнивания*, псевдорелятивистского изображения ситуации, порождает ощущение *свободы*, ощущение, что читателю не навязывается какая-либо определенная точка зрения, как это происходит, допустим, в монологической художественной системе у Льва Толстого. Впрочем, это не касается публицистических глав, номера которых были специально отмечены штрихом, указывающим на их вставной характер. По словам писателя, он «не разрешил бы себе такого грубого излома романной формы, если бы раньше того не была грубо изломана сама история России, вся память её, и перебиты историки»²⁷. Более того, Солженицын всегда подчеркивал, что художественный текст в принципе намного глубже публицистического, всегда более прямолинейного, тогда как художественное изображение намного более сложно и многомерно²⁸. Эта полифоническая многомерность, «голографическая» сложность постановки вопросов — огромное завоевание полифонической системы как таковой. Но конечно, это касается лишь «чисто художественных» глав. В частности, о том, что в этих главах «Красного Колеса» бывает крайне сложно определить точку зрения самого Солженицына, говорила И.Б. Роднянская: прочитав «Апрель Семнадцатого» (четвертый, последний «Узел» «Красного Колеса»), мы убеждаемся «в полном отказе Солженицына от знаменитого толстовского всеведения, от, пользуясь термином Бахтина, “авторского избытка” по отношению к сознанию и кругозору персонажей. <...> Автора не видно нигде — ни на романских “небесах”, над взаимодействием лиц, ни в щелях между обрывками газетных сообщений и документальных цитат <...>». При этом исключением «оказывается одно-единственное появление автора», но как... биографического автора, когда Солженицын упоминает в скобках о своей встрече с 95-летним В.В. Шульгиным в 1960-х годах. И это, замечает Роднянская, лишь «подчеркивает отсутствие авторской фигуры во всех прочих ситуациях»²⁹. К похожему выводу относительно проблемы авторского присутствия в «Апреле

²⁷ Солженицын А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 2006. Т. 8. С. 144.

²⁸ «...Политическая публицистика, — по словам Солженицына, — отличается от художественного произведения тем, что автор для статьи или для речи должен принять, выбрать определённую точку зрения <...> и его изложение <...> становится однолинейным. А художественное произведение даёт всегда объёмное представление, даёт не только три измерения, но десятки направлений. По этой причине я испытываю большое стеснение от политической публицистики» (Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Т. 3. С. 285).

²⁹ Роднянская И.Б. Уроки четвертого узла // Роднянская И.Б. Литературное семилетие. М.: Книжный сад, 1995. С. 11.

Семнадцатого» пришел и Ж. Нива: «Я долго — и даже отчаянно — искал <...> в этом лабиринте зеркал точку зрения автора. К моему удивлению, — добавляет французский исследователь, — я понял, что ее нет, что она почти исчезла. Каждый раз, когда я ее улавливал, она ускользала. И приходилось приписывать ее одному из персонажей»³⁰. На вытеснение авторских смыслов и доминирование в тексте эпопеи личной «правды» персонажей обратил внимание и Эндрю Вахтель, который, в частности, отмечал: «В пределах каждой главы точка зрения ее центрального персонажа дается как бы без вмешательства чьего-либо внешнего сознания, в результате чего читатель не может отделить личную правду от Правды с большой буквы»³¹. Столь мощная эмансипация личностного начала, которое для весьма многих персонажей «Красного Колеса» приобретает весомость «авторской правоты», и порождает центробежную полифоническую композицию солженицынской эпопеи.

Это с одной стороны. Но полифоническая картина мира имеет и оборотную сторону. Важно отметить, что принципиальная невозможность завершения полифонического диалога у Достоевского связана и с довольно серьезными негативными жизненными явлениями, которые тоже запечатлены в его художественной системе. Если мы вспомним о снах Раскольникова на каторге, то увидим, что в будущем ему грезятся некие новые трихины, морозная язва, мельчайшие микробы, которые на самом деле являются духами, и люди, зараженные ими, становятся бесноватыми. Они считают истинными лишь свои мнения и готовы биться за это насмерть, в результате возникает анархия, разрушается всё и вся, люди в бессмысленной злобе убивают друг друга, доходя и до людоедства³². Когда Достоевский писал все это, казалось, что перед нами какие-то фантазии: мало ли что могло возникнуть в странных сновидениях убийцы-идеолога? Однако если люди с порога не признают ценности чужих мнений, это явно что-то напоминает... Вспомним, что полифонический диалог принципиально бесконечен именно из-за того, что люди не в состоянии друг друга в чем-либо *убедить*: каждый в конце концов стремится утвердить лишь свою «правоту». Это очень опасная тенденция, и в снах Раскольникова она утрирована, однако во время революции 1917 года и Гражданской войны фантастичность изображаемого будет практически дезавуирована. Собственно говоря, «Красное Колесо» Солженицына и есть *реализация* того, что изображено в этих странных снах, где все, вплоть до людоедства, будет воплощено в жизнь. Как видим, бытийная проекция бесконечного полифонического диалога выглядит пугающе. Почему же так случилось?

³⁰ Нива Ж. Поэма о «разброде добродетелей» // *Континент* (М.; Париж). 1993. № 75. С. 289.

³¹ Вахтель Э.-Б. Назад к летописям: солженицынское «Красное Колесо» // *Солженицын: мыслитель, историк, художник*. С. 637.

³² См.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. 1973. Т. 6. С. 419–420.

И для Достоевского, и для Солженицына это связано с господством антропоцентризма, с последовательным воплощением представлений о том, что человек есть высшая ценность и, следовательно, ему позволено абсолютно все. Впрочем, существуют и смягченные варианты антропоцентрических моделей. Господствующее сейчас на Западе гуманистическое сознание внешне очень часто отказывается от каких бы то ни было религиозных принципов и строится вроде бы на чисто антропоцентрической основе, однако культурная традиция, связанная с многими веками христианства, сказывается очень сильно, и такие общества весьма гуманны: они оказываются *неосознанно христианскими*.

Однако Достоевский и Солженицын говорят о радикальном антропоцентризме, который порождает самоубийственный эгоизм нигилистически своевольного человека. Бытийных центров при этом оказывается слишком много, и непримиримая вражда между ними приобретает апокалиптические черты.

Что еще важно подчеркнуть... Бахтин был прав: полифоническая система и в самом деле не может быть релятивистской, поскольку является *псевдорелятивистской*. Противники концепции полифонии, стремясь опровергнуть существование полифонии и у Достоевского, и у Солженицына, строят свои концепции на том, что полифоническая система в их произведениях «непоследовательна». Дело, однако, в том, что она *принципиально непоследовательна*. Более того, если бы релятивистское равноправие голосов и сознаний было по-настоящему последовательным, мы получили бы не полифонию, а нечто существенно иное. И это *иное* можно обнаружить в творчестве зрелого Чехова, для которого, по определению А.П. Чудакова, в зрелый период характерна так называемая «объективная манера»³³ повествования (я бы ее назвал *нейтральной*). То есть возникает ситуация, когда автор не проявляет себя «никак», когда мы воспринимаем лишь точки зрения героев и репрезентацию какой-то конкретной жизненной ситуации. В этом проявляется принципиальная агностическая позиция Чехова, который сознательно стремился к такой манере, видя в ней проявление наивысшей объективности. Автор отказывается от каких бы то ни было оценок и суждений и не ищет каких-то реальных выходов из ситуации, он лишь *показывает* ее или, по-другому, рассказывает некую *историю*, и только. При этом возникает картина в достаточной степени релятивистская³⁴.

Разумеется, ни Достоевский, ни Солженицын к такому не стремились. По сути дела, полифоническая система оказывается чем-то средним между

³³ Чудаков А.П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. С. 61.

³⁴ О художественных принципах зрелого Чехова здесь говорится предельно упрощенно. Подробнее об этом см.: Спиваковский П.Е. Проблема релятивизма: Солженицын, Чехов, Достоевский и поиск истины // Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу»: сб. ст. М.: Русский путь, 2013. С. 287–293.

релятивистско-нейтральной системой и системой авторитарно-монологической, где доминирует автор-демиург и его «высшее знание». Например, в финальной части «Войны и мира» говорится: «Общее мнение было то, что Пьер был под башмаком своей жены, и действительно это было так»³⁵, — добавляет повествователь, выражающий точку зрения автора. И в художественной системе Толстого это «наивысшая истина». Если сам Толстой говорит об этом, то такого рода метанарратив³⁶ неоспорим. Писатель, как Бог-Творец, знает о созданных им же самим героях абсолютно всё, вследствие чего другие точки зрения оказываются малоактуальными. У Достоевского и Солженицына создается принципиально иная ситуация. Как замечательно сказал Александр Хоц, «авторский смысл в полифоническом столкновении — первый среди равных»³⁷. И даже когда нам кажется, что автор так сильно сочувствует Столыпину, что «истина» лишь на стороне этого героя³⁸, потом выясняется, что перед нами очередная иллюзия. Мы добираемся до повествования о Шипове, враждовавшем со Столыпиным, и оказывается, что для нас все уже не так ясно и очевидно, потому что ситуация оказывается *проблематизированной*. В результате этого перед нами возникает сложнейшая интеллектуальная и художественная система, которая требует очень аккуратного обращения с собой, самого тщательного и непредвзятого прочтения, учитывающего самые разные факторы, позволяющие развеивать все новые и новые читательские иллюзии...

Солженицын говорил: «Труднее всего прочерчивать *среднюю* линию общественного развития...»³⁹. Радикалом быть куда легче, тогда как «средняя линия требует <...> самого расчётливого терпения, самого точного знания». Эти слова можно отнести и к «голографически» многомерному феномену полифонии.

³⁵ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1940. Т. 12. С. 268–269.

³⁶ Тотализирующие «возвышенные» системы ценностей, образы, тексты и т.п. Нередко это нечто величественное, грандиозное, подчиняющее себе и зовущее за собой.

³⁷ Хоц А.Н. Пределы авторской оценочной активности в полифоническом «самосознании» героя Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1991. Т. 9. С. 38.

³⁸ Надо учитывать и то, что этот текст набран мелким шрифтом и является элементом «вставной», публицистической главы.

³⁹ Солженицын А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 2007. Т. 9. С. 69.

А.С. Немзер

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ НА МАТРЁНИНОМ ДВОРЕ¹

В августе 1963 года, выступая на сессии Руководящего совета Европейского сообщества писателей, А.Т. Твардовский заметил: «душевный мир» героини рассказа «Матрёнин двор» «наделен таким качеством, что мы с ней беседуем, как с Анной Карениной». Суждение это глубоко тронуло Солженицына, вскоре написавшего Твардовскому: «Нечего и говорить, что абзац Вашей речи, относящийся к Матрёне, много для меня значит. Вы указали на самую суть — на женщину любящую и страдающую, тогда как вся критика рыскала всё время поверху, сравнивая тальновский колхоз и соседние»². Разумеется, Твардовский не намеревался отменить или приглушить социальное звучание солженицынского рассказа, но стремился выявить (как видим, в полном согласии с автором) его глубинную суть, сложно соотносимую как с общей трагедией русского XX века, так и с вечной проблематикой (в русской же огласовке). В этой связи сравнение Матрёны с Анной Карениной оказывалось не патетичным комплиментом автору, но точным указанием на смысловое ядро текста (историю «женщины любящей и страдающей») и включенность рассказа в большую литературную традицию. Не рискуя реконструировать в деталях ход мысли Твардовского, позволю себе предположить, что на аналогию «Матрёна — Анна» его навела не только тема злосчастной любви (ее сюжетные и психологические изводы у Толстого и Солженицына как раз не схожи), но и особая значимость проходящих сквозь оба текста «железнодорожных» мотивов, готовящих гибель героинь под колесами поезда³.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 году.

² Цит. по комментариям В.В. Радзишевского: *Солженицын А.И.* Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006—... Т. 1. С. 596 (далее ссылки на это издание даются в скобках); фрагмент письма Твардовскому опубликован: *Решетовская Н.А.* Александр Солженицын и читающая Россия. М.: Сов. Россия, 1990. С. 139.

³ Подробнее см. ниже.

Фактически достоверная история гибели Матрёны Захаровой, свидетелем которой был ее постоялец А.И. Солженицын, превращаясь в историю жизни, любви и смерти Матрёны Григорьевой⁴, обретает отчетливо символические черты. В немалой мере тому способствует нарративная структура текста: память о незамеченной праведнице дано сохранить только повествователю, исключительность позиции которого резко заявлена еще до начала собственно истории. Первой (означенной цифрой «1») главке предшествует короткая «увертюра» — совершенно загадочная при первом чтении (ясно из нее немного — «на сто восемьдесят четвертом километре от Москвы по ветке, что ведет к Мурому и Казани» произошло какое-то незаурядное, скорее всего — страшное, событие) и сигнализирующая о своей значимости композиционным (графическим) строем. Инициальный фрагмент состоит из четырех последовательно «сжимающихся» абзацев: в первом (обрисовка странной железнодорожной ситуации и недоуменной реакции на нее случайных свидетелей, пассажиров замедляющих ход поездов) — пять строк; во втором (разрешение ситуации — ясно, что вновь набирающим скорость поездам ныне ничего не грозит) — две (два предложения, девять слов); в третьем (намек на разгадку) — одна (сложноподчиненное предложение с изъяснительным придаточным, которое, однако, не «изъясняет», но усугубляет таинственность; восемь слов); в четвертом — строка, равная неполному предложению из двух слов — сочинительного союза и личного местоимения (подлежащего). «Только машинисты знали и помнили это всё.

Да я» (116).

Так вводится тема особой связи рассказчика (о котором читатель пока ничего не знает) и какого-то еще неведомого происшествия, метонимически предваряющая тему особого отношения рассказчика к героине (еще не появившейся, но названной в заголовке). По мере движения рассказа тема эта постоянно усиливается: «Но я уже видел, что жребий мой был — поселиться в этой избе» (встреча, определившая не только ближайшее будущее рассказчика, но и самое рождение рассказа); «Так привыкла Матрёна ко мне, а я к ней и жили мы запросто. <...> А я тоже видел Матрёну сегодняшнюю, потерянную старуху и тоже не бережил её прошлого, да и

⁴ Замена одной «нейтральной» фамилии на другую была, видимо, внутренне необходима автору (читатели некомментируемых изданий рассказа ее просто не могут воспринять), несомненно поэтически достраивающему жизненный сюжет. Реальная Матрёна могла рассказать Солженицыну о своей первой любви, обусловившей ее особые отношения с Фаддеем, но «фантастическая» атмосфера, окутывающая исповедь Матрёны, возникающий в ней символический (и много раз отзывающийся в других фрагментах текста) мотив топора, размышления о ходе времени и обусловленном им психологическом состоянии героини, решившейся на замужество, безусловно, домыслены Игнатъичем (литературным двойником автора). О значении поэтического достраивания реальности у Солженицына см.: Немзер А.С. Жизнь и Поэзия в романе «В круге первом» // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2012. Вып. 1. С. 101–117.

не подозревал, чтоб там было, что искать»⁵; «Так в тот вечер (после визита Фаддея и исповеди героини. — А.Н.) открылась мне Матрёна сполна»; «И только тут — из этих неодобрительных отзывов золовки — выплыл передо мною образ Матрёны, какой я не понимал её, даже живя с нею бок о бок» (119; 130; 135; 147).

Это — посмертное и последнее — «открытие» Матрёны (готовящее обобщающий «пословичный» финал рассказа) объясняет означенный последней строкой зачина исключительный характер памяти рассказчика. Хотя золовка погибшей праведницы отзывается о ней неприязненно, у нас нет оснований предполагать, что эти чувства разделяют *все*, кто знал Матрёну⁶. Напротив, в рассказе говорится сперва об искренних чувствах «второй» Матрёны, а затем — о еще большем горевании Киры: «И совсем уж не обрядно — простым рыданием нашего века, не бедного ими, рыдала злосчастная матрёнина приёмная дочь» (143, 144), заметим, и прежде благодарно заботившаяся о второй матери. И надо обладать поистине барским высокомерием, чтобы поставить под сомнение переживания Маши, хотя та сразу после смерти подруги напоминает Игнатьичу о вязаночке, которую Матрёна прочила Таньке (Машиной дочери или внучке). Получается, что по крайней мере три женщины оплакивают ушедшую отнюдь не ритуально. Почему же рассказчик утверждает: помнили «это всё» (трагедию на переезде) только машинисты (впрочем, лишь «с добрых полгода после того» и по понятным — профессиональным — причинам) «да я»? Говорится здесь, конечно, не о достоинствах рассказчика, якобы возвышающегося над любившими Матрёну бабами, но об устройстве человеческой памяти. Тут уместно будет привести удивительные (хоть и не вошедшие в «цитатный фонд») строки великого поэта: «Как нам, читатель, сказать — к сожаленью иль к счастью, что наше / Горе земное ненадолго? Здесь разумею я горе / Сердца, глубокое, нашу всю жизнь губящее горе... <...> Есть, правда, много избранных / Душ на свете, в которых святая печаль, как свеча пред иконой, / Ярко горит, пока догорит; но она и для них уж / Все не та под конец, какую была при начале, / Полная, чистая; много, много иного, чужого / Между утратою нашей и нами уже протеснилось; / Вот наконец и всю изменяемость здешнего в самой / Нашей печали мы видим... итак, скажу: к сожаленью, / Наше горе земное

⁵ Это зачин второй главки — Игнатьич прожил в Тальнове примерно пять месяцев (крещенский эпизод описан ранее). Конструкция «а я тоже...», формально указывая на симметрию в отношениях персонажей, на самом деле свидетельствует об ином. Матрёна не тревожит Игнатьича расспросами, потому что печальное его прошлое угадывает сама; Игнатьич, кое-что зная о былом Матрёны, пока не склонен размышлять о ее судьбе и личности.

⁶ Ср. после рассказа о неукротимой жадности Фаддея: «Перебрав тальновских, я понял, что Фаддей был в деревне такой не один» (145). «Такой не один», однако, не означает, что других не было вовсе.

ненадолго»⁷. По-настоящему сохранить память и об ушедшем, и о своей печали по ушедшему дано только художнику, запечатлевающему переходящее в неподвластных времени формах искусства. В нашем случае — в слове.

Рассказчик «Матрёнина двора» не просто свидетель последних месяцев жизни героини, посвященный в ее предысторию, но *писатель*. Все автобиографические мотивы вводятся в рассказ исподволь⁸, но и в рамках избранной повествовательной стратегии писательство Игнатъича «спрятано» с особым тщанием (что, на мой взгляд, не ослабляет, но усиливает звучание этого мотива). Первый намек вмонтирован в тот — чуть обособленный — фрагмент «бытоописательной» части первой главки, что посвящен доставшимся Игнатъичу «соседям» — «Кроме Матрёны и меня жили в избе ещё: кошка, мыши и тараканы» (120). В этом контексте возникает уточняющее (с семантикой времени) придаточное предложение, посвященное бдениям Игнатъича: «По ночам, когда Матрёна уже спала, а я занимался за столом, — редкое быстрое шуршание мышей под обоями покрывалось слитным, единым, непрерывным, как далёкий шум океана, шорохом тараканов за перегородкой» (121). Глагол «заниматься» вроде бы указывает на профессиональную деятельность Игнатъича (школьному учителю естественно «заниматься» проверкой тетрадей, составлением контрольных, подготовкой к урокам), однако второе упоминание о «занятиях» резко меняет смысловой рисунок: «Лишь поздно вечером, когда я думать забыл о старике и писал *своё* в тишине избы под шорох тараканов и постук ходиков, — Матрёна вдруг из тёмного своего угла сказала...» (132; курсив мой). «Писать свое» может никак не преподаватель математики, но писатель. Очевидное мотивное родство (ночь и ночные звуки — подробнее

⁷ Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Языки славянских культур, 2009. Т. 4. С. 170.

⁸ Сперва читатель узнает об одиночестве рассказчика («никто меня не ждал и не звал») и о том, что он «задержался с возвратом (в Россию. — А.Н.) годиков на десять» (116) — названный срок отсутствия персонажа в сочетании с точной датировкой действия («летом 1956 года») указывает не только на лагерь (тюрьму), но и на войну, с которой возвращались в 1945–1947 годах (отсюда неопределенность временной конструкции). Позже о военном и лагерном опыте говорится определенно, но не акцентировано, словно бы к случаю: «...ещё лагерная телогрейка на ногах...»; «Ел я дважды в сутки, как на фронте»; «И когда невскоре я сам сказал ей, что много провёл в тюрьме...» (важна не столько информация об Игнатъиче, сколько понимающая реакция Матрёны); «Телогрейка эта была мне память, она грела меня в тяжёлые годы»; «Неприятно это очень, когда ночью приходят к тебе громко и в шинелях» (122; 123; 130; 137; 138). Подчеркну, что речь здесь идет о собственно тексте рассказа, изначально писавшегося «в стол». Контекст публикации, последовавшей через два месяца после триумфа «Одного дня Ивана Денисовича», несомненно, придал автобиографическим мотивам большую определенность. О жизненном пути прежде никому не известного автора «лагерной» повести читатель был проинформирован заметкой П. Косолапова «Имя новое в нашей литературе» (Московский комсомолец. 1962. 28 нояб.); см.: «Ивану Денисовичу» полвека: Юбилейный сборник. 1962–2012. М.: Русский путь, 2012. С. 39–40.

об этом будет сказано) и синтаксическое тождество (одинаковые по семантике придаточные, вводимые союзом «когда») двух фрагментов заставляет признать их смысловое единство. Не менее важно, что Игнатъич «писал своё» в тот самый вечер, когда ему суждено было узнать о судьбе Матрёны (то есть сделать первый шаг на пути к будущему рассказу). Кажется, сходно обстояло дело и в роковой для Матрёны день: «За окнами уже стемнело. Я тоже (бессознательное самоотожествление рассказчика с убежавшей «за всеми» Матрёной. — А.Н.) влез в телогрейку и сел за стол. Трактор стих в отдалении.

Прошёл час, другой. И третий. Матрёна не возвращалась, но я не удивлялся: проводив сани, должно быть, ушла к своей Маше.

И ещё прошёл час. И ещё. <...>

Я очнулся. Был первый час ночи, а Матрёна не возвращалась» (138).

Игнатъич, несомненно, не спал — он придумал объяснение отсутствию Матрёны, обратил внимание на непривычную тишину и повышенную активность бегающих под обоями мышей, не включил (т.е. сознательно не стал включать!) приёмник. От чего же он в таком случае очнулся? В странное забытие, позволившее не тревожиться о пропаже Матрёны, его должна была ввергнуть без помех идущая работа над «своим», но не проверка домашних заданий. Игнатъич «пишет своё», не зная, что в это время происходит то, что станет для него понастоящему «своим», не отпускающим, требующим спасения от забвения — воплощения в слове. Этот парадокс сопряжен с постепенным приближением рассказчика к личности, судьбе, тайне Матрёны, с первой встречи ему полюбившейся, но долго не открывающейся вполне. Формально Игнатъича невозможно укорить как за «равнодушие» к Матрёне в ее последние часы, так и за запоздалое понимание ее сути, но для него самого эти «ошибки» крепко связаны и совокупно отзываются чувством вины. Потому и возникает в концовке рассказа местоимение первого лица, относящееся не только к тальновцам и проглядевшим других Матрён читателям, но и к рассказчику (в его обыденной ипостаси): «Все мы жили рядом с ней и не поняли, что она есть тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.

Ни город.

Ни вся земля наша» (148).

Таким образом, финал *дописанного* (одолевшего, казалось бы, неизбежное забвение) рассказа переключается с его зачином: поведать о русской праведнице (и тем самым сохранить ее праведность) дано только русскому писателю.

Отсюда неожиданная «литературность» рассказа, заявленная уже таинственной увертюрой, строй и композиционная роль которой совершенно несхожи с начальными фрагментами других рассказов Солженицына конца 1950-х – начала 1960-х годов. Читатель «Одного дня Ивана Денисовича» сразу же вводится в какое-то неведомое, но, без сомнения, страшное пространство: «В пять часов утра, как всегда, пробило подъём — молотком об рельс

у штабного барака» (15). Никаких предисловий и подводок здесь быть не может, лагерные реалии возникают раньше, чем прямое указание на «место действия», фамилию главного героя мы узнаем до того, как он как-то себя проявит. Тот же прием немедленного погружения в реальность (конкретные черты которой будут представлены позднее) употреблен в рассказах «Случай на станции Кочетовка» и «Для пользы дела», закономерно открывающихся репликами еще не названных персонажей: «Алё, это диспетчер?»; «...Ну, кто тут меня?.. Здравствуйте, ребятки! Кого еще не видела — здравствуйте, здравствуйте» (159; 210). Отождествить Ивана Денисовича с автором «Одного дня...» мог только очень простодушный читатель. Читатель сколь угодно изощренный (посвященный в тонкости литературной теории, прекрасно знающий о дистанции меж собственно автором и «нарратором») должен был угадать в рассказчике «Матрёнина двора» *писателя* (насколько это в принципе возможно — близкого реальному автору). Писатель этот предстает законным наследником той великой литературы, что некогда открыла (как теперь Игнатъич — Матрёну) особую стать русского мира, русского человека и русской истории.

Путь Игнатъича к пониманию Матрёны не менее важен, чем открывающаяся в финале человеческая суть героини. Металитературность «Матрёнина двора» (кроме прочего, это рассказ о том, как складывался рассказ) глубоко укоренена в национальной литературной традиции (начиная с «Бедной Лизы», «Евгения Онегина» и «Мертвых душ»). Рассказываться такая история может только на том языке, что был — во всем своем разнообразии — сформирован традицией, но оказался в новой социальной реальности чужим, погребенным в прошлом, дозволенным в хрестоматиях, но не нужным для «современной» литературы. Солженицын сложным образом восстанавливает этот язык в правах — отсюда густота и значимость литературных реминисценций, по-разному корреспондирующих со своими источниками, явленных с разной мерой отчетливости (иные должны распознаваться читателем, иные — одаривать беглыми ассоциациями), но неотъемлемо входящих в поэтическую ткань рассказа. Некоторые отсылки к русской классике прежде не фиксировались, другие были отмечены исследователями, но получили неполные или неточные истолкования, что, на мой взгляд, связано с установкой на интерпретацию отдельных реминисценций, складывающихся у Солженицына в сложную систему, ориентированную на «целое» русской словесности.

Характерный пример находим в интересной работе американского слависта. Совершенно верно указав на значимость восклицания рассказчика «Торфопродукт? Ах, Тургенев не знал, что можно по-русски составить такое» (117), исследователь делает сноску: «Тургенев, возможно, является величайшим стилистом русской прозы. Ссылка на Тургенева — единственного русского писателя, упомянутого в рассказе, — имеет, однако, более глубокий

смысл. «Матрёнин двор» в определенных чертах — открытой форме, использовании повествователя-наблюдателя и косвенной критике социальных порядков — напоминает тургеневские рассказы из «Записок охотника»⁹. Оставив в стороне оговорки (понятие «открытая форма» крайне неопределенно; отождествление позиций тургеневского и солженицынского рассказчика сомнительно; «критика социальных порядков», кстати, достаточно прямая, присуща всей русской дореволюционной «деревенской» прозе, от Григоровича до Бунина), укажу на два серьезных (и, на мой взгляд, взаимосвязанных) заблуждения автора. Во-первых, Тургенев не единственный упомянутый в рассказе писатель. Во-вторых, болезненно реагируя на уродливый неологизм, рассказчик напоминает читателю не столько о «Записках охотника» (отсылки к этой книге появятся в рассказе позже), сколько о другом, не менее хрестоматийном, сочинении их автора.

Первый пункт в известной мере опровергается самим Р.Л. Джексоном. Исследователь замечает, что «тусклое зеркало» похоже «на предмет из произведений Гоголя», тут же в сноске указывает реминисценцию «Шинели» (не давая ей, однако, какого-либо объяснения), сравнивает Матрёну с целой вереницей персонажей русской литературы XIX в., характеризуя «мотив железной дороги и несчастного случая на ней», утверждает, что здесь «Солженицын следует традиции Толстого и Достоевского», у которых «железная дорога служит символом капиталистического обезображивания русской жизни»¹⁰. Правда, в этих случаях (как и в ряде других, не отмеченных Р.Л. Джексоном) имена писателей не называются, однако две литераторских фамилии прямо введены в текст. Грубая плакатная красавица «постоянно *протягивала мне Белинского, Панфёрова* и еще стопу каких-то книг» (121). За именами канонизированного при советской власти критика и официозного прозаика, работавшего «крестьянско-колхозную» тематику, скрывается более значимое для рассказа имя поэта, писавшего: «Эх! эх! придет ли времечко... <...> Когда мужик не Блюхера / И не милорда глупого — / Белинского и Гоголя / С базара понесет»¹¹. Закурсивленный мной фрагмент солженицынского текста укладывается в две строки трехстопного ямба с дактилическими окончаниями

⁹ Джексон Р.Л. «Матрёнин двор»: Сотворение русской иконы // Солженицын: Мыслитель, историк, художник: Западная критика. 1974–2008. М.: Русский путь, 2010. С. 547 (пер. с англ. Б.А. Ерхова).

¹⁰ Там же. С. 551, 552, 553. Последнее наблюдение серьезно колеблет главную мысль статьи, согласно которой Солженицын ищет идеал в дореволюционном прошлом. Меж тем для Солженицына злосчастья России (олицетворением которой можно считать Матрёну) начались задолго до революции, что и обуславливает его обращение к классике, запечатлевшей не только красоту русского человека, но и его трагедию.

¹¹ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1982. Т. 5. С. 35. Реминисценция отмечена: Лекманов О.А. «От железной дороги подале, к озерам...» (О том как устроено пространство в рассказе А.И. Солженицына «Матрёнин двор») // Лекманов О.А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск: Водолей, 2000. С. 331; ср. также комментарии В.В. Радзишевского (с. 598–599).

ями — основной размер поэмы «Кому на Руси жить хорошо» — метрическая цитата поддерживает цитату тематическую, актуализирует собственно «некрасовскую» семантику «бытовой» детали, таким образом подготавливая появление других некрасовских реминисценций.

Примерно так же обстоит дело и с Тургеневым. Советскому («торфопродуктному») косноязычию противопоставлено не стилистическое мастерство Тургенева, но его мистически окрашенное (в известной мере — квазирелигиозное, заменяющее веру) отношение к русскому языку, увековеченное одноименным стихотворением в прозе. Напомню это тургеневское *credo*, хрестоматийная известность которого (по крайней мере — в пору «Матрёнина двора») не отменяет его смысловой сложности. «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу»¹². Живое бытие русского языка для Тургенева не отменяет печального (подводящего к отчаянию) современного (начало 1880-х годов) состояния России, но предполагает преодоление сегодняшних бед в будущем. Язык — залог величия народа, пребывающего отнюдь не в идеальном положении. При этом апология *народного* языка строится с опорой на великие *литературные* свершения. Определения, которыми наделен русский язык, восходят к «Песни о вещем Олеге», где они характеризуют боговдохновенное слово кудесника: «Волхвы не боятся могучих владык, / А княжеский дар им не нужен; / Правдив и свободен их вещей язык / И с волей небесною дружен»¹³ (эпитет «могучий» Тургенев отбирает у властителя). Мистическая связь «язык (слово) — народ (страна)» возникает в концовке V главы первого тома «Мертвых душ»: «...но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось бы из-под самого сердца, как метко сказанное русское слово»¹⁴. Гимн русскому слову (стимулированный непристойным речением встретившегося Чичикову мужика) предваряет центральную композиционно и поворотную в смысловой перспективе VI главу (история «умершего», но способного воскреснуть

¹² Тургенев И.С. Собр. соч.: в 12 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956. Т. 8. С. 507. Немаловажно, что начиная с прижизненной публикации «Стихотворений в прозе» (1882) «Русский язык» замыкает предназначенный автором для печати цикл, следуя прямо за трагическо-скептической «Молитвой».

¹³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 2. С. 100; подробнее о пушкинском плане «Русского языка» см.: Немзер А.С. «Песнь о вещем Олеге и ее следствия // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту: Univ. of Tartu press, 2013. С. 290. Следует отметить, что для «Песни о вещем Олеге» равно значимы сопряженные темы провидения (явленная сюжетно) и памяти (прямо обнаруживающаяся в финальных строках, но организующая повествовательную структуру текста).

¹⁴ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2012. Т. 7, кн. 1. С. 103.

Плюшкина), за которой (зачин главы VII) следует авторское размышление о писательских судьбах, завершающееся пророчеством о новом слове (= новой — преображенной — реальности).

Тургеневский русский язык есть одновременно язык народа и язык величайших национальных писателей, язык всей русской словесности, строящий обыденную речь, фольклор, «высокую» литературу. Такое понимание языка, восходящее к немецкой философско-литературной традиции конца XVIII – начала XIX века, подразумевает сложное взаимопроникновение «национального» и «универсального» начал. В «своем» открывается «всеобщее», что позволяет увидеть неестественность обычно воспринимаемого как норма социокультурного антагонизма, осознать русскую культуру в ее надсословном единстве. Эта установка обнаруживается у Тургенева уже в «Записках охотника», где рассказчику равно важны истории «дворянские» и «крестьянские»: первые оказываются при зримом универсализме обусловленными русским контекстом («Гамлет Щигровского уезда»), вторые при столь же очевидных «русскости» и социальной детерминированности — общечеловеческими (хотя Тургенев и вычеркнул из первоначального текста «Хоря и Калиныча» сравнение героев с великими немецкими поэтами¹⁵, прикровенная аналогия остается работающей; ср. также явно «байронический» характер Бирюка, романтический подтекст «Певцов» или «Бежина луга»).

Солженицын закономерно маркирует отсылки к Тургеневу и Некрасову. Именно с этими писателями традиционно (и вполне обоснованно) связывается открытие личностного начала (и, соответственно, «права» на сложные чувства и трагическую судьбу) в «человеке из народа» (прежде всего — крестьянине). Если универсализм Тургенева подразумевает синтез жизненных наблюдений и литературных традиций (европейской и русской), то у Некрасова место «западной» составляющей занимает национальный фольклор, сложно соотносящийся с «господской» литературой (всего нагляднее — в «Кому на Руси жить хорошо», но отнюдь не только там). Цитируя «Русский язык» и «Сельскую ярмонку», Солженицын сигнализирует читателю о менее явном присутствии в рассказе не только других сочинений Тургенева и Некрасова, но и иных русских фольклорных и литературных текстов — столь же известных, привычных, вошедших в культурно-языковую память. При этом отсылки к народной словесности и классике постоянно перемежаются, а один и тот же элемент солженицынского рассказа зачастую может (должен) прочитываться тройко — «фактографически», «фольклорно» и «литературно». С этой тройственностью мы сталкиваемся уже в заголовке.

¹⁵ Ср.: «...Словом, хорь более походил на Гёте, Калиныч более на Шиллера» — *Тургенев И.С.* Собр. соч. М., 1954. Т. 1. С. 467.

Мы не знаем, как нарек бы Солженицын героиню рассказа, если б его мельцовская хозяйка звалась не Матрёной, а, скажем, Евдокией, Фёклой, Маврой или Анастасией. Факт тот, что сохраненное в рассказе имя прототипа для русского читателя — имя прежде всего некрасовское. Решив отыскать счастливицу, мужики слышат: «У нас такой не водится, / А есть в селе Клину: / Корова холмогорская, / Не баба! Доброумнее / И глаже — бабы нет. / Спросите вы Корчагину / Матрену Тимофееву...». Героиня «Крестьянки» (название посвященного ей законченного повествования внутри «Кому на Руси жить хорошо», несомненно, символично) в изрядной мере соответствует и своей славе, и своему имени (в его начальном, римском значении): «Матрена Тимофеевна / Осанистая женщина, / Широкая и плотная, / Лет тридцати осьми. / Красива, волос с проседью, / Глаза большие строгие, / Ресницы богатейшие, / Сухова и смугла». Подробно поведав о доставшихся ей истинном счастье и таком же горе, Матрена говорит: «Что дальше? Домом правлю я, / Ращу детей... На радость ли? / Вам тоже надо знать. / Пять сыновей! Крестьянские / порядки нескончаемы, / Уж взяли одного», вновь вспоминает все выпавшие ей страшные испытания и пересказывает притчу о навсегда затерянных «ключах от счастья женского»¹⁶. Любящая и любимая мужем, сумевшая спасти его от солдатчины, многодетная некрасовская Матрена, разумеется, несопоставимо счастливее своей одинокой тезки, но ее судьба так же искорежена крепостным правом (и его следствиями), как судьба солженицынской героини — Первой мировой войной и дальнейшей страшной историей русского XX века. Обе они были сотворены для другой — лучшей — жизни.

Отсветы некрасовской поэзии (точнее — трагической апологии русской крестьянки) вспыхивают в рассказе не один раз. Упомянутое выше замечание о «грубой плакатной красавице» подготовлено первым описанием интерьера избы «с двумя яркими рублёвыми плакатами о книжной торговле и об урожае» (119–120). Некрасовская семантика этой детали раскрывается не сразу, но позднее — по введению цитаты (121). Если плакат «о книжной торговле» представлен достаточно конкретно, то об образительном ряде второго («урожайного») формально не сказано ничего. Между тем некрасовский подтекст первого плаката метонимически переходит ко второму, что обнаруживается, однако, несколько позднее. Сбор урожая — кульминация крестьянского года. В «Крестьянке» мужики встречаются с исполненной достоинства рачительной хозяйкой Матреной Тимофеевной в пору жатвы. Завершение жатвы возникает в предсмертном видении другой некрасовской героини — Дарьи («Мороз, Красный нос»): «В сверкающий иней одета / Стоит, холодеет она, / И снится ей жаркое лето — / Не вся еще рожь свезена». Это высший миг былого (невозможного после

¹⁶ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 119, 126–127, 186–187.

смерти мужа, но когда-то — сущего) счастья крестьянки, красота, сила и суровое достоинство которой описано в до дыр зацитированной IV главке первой части поэмы: «Есть женщины в русских селеньях...» Самая известная строка этой величальной главки — «Коня на скаку остановит»¹⁷ — развернута в эпизод «Матрёнина двора»: «Конь был военный у нас, Волчок, здоровенный <...> он стиховой какой-то попался. Раз с испугу сани понёс в озеро, мужики отскакивали, а я, правда, за узду схватила, остановила» (127). Этот случай вспоминает, рассказывая о гибели Матрёны, Маша: «Что она там (на переезде, при обрыве троса. — А.Н.) подсобить могла мужикам? Вечно она в мужичьи дела мешалась. И конь когда-то её в озеро чуть не сшиб, под прорубь» (140). Последние действия Матрёны показывают, что отнюдь не так сильны были ее устойчивые страхи, упомянутые вслед за историей об укрощении коня: «Боялась она пожара, боялась *молоньи*, а больше всего почему-то — поезда» (128), что в следующем далее описании Матрёны напоминает сказочное (угадывается — огнедышащее) чудовище. Если в первой главке двустрочная некрасовская формула по отношению к Матрёне скорректирована, то в третьей она полностью восстанавливается в правах: смысловая сцепка «поезд — огонь» заставляет отождествить Матрёну на переезде с ее литературным прообразом, о котором сказано: «В горящую избу войдет». «Конскому» эпизоду предшествует рассказ о незаурядной физической силе молодой Матрёны (частично, несмотря на недуги, сохранившейся и в старости): «Все мешки мои были, по пять пудов тижелью не считала»; ср. у Некрасова: «Я видывал, как она косит: / Что взмах — то готова копна»¹⁸.

Сближение солженицынской Матрёны не только с ее тезкой¹⁹, но и с Дарьей соотносится с возникающей в воображении Игнатъича (ср. видение Дарьи) картиной последних счастливых дней нынешней одинокой старухи: «...и вспыхнул передо мной голубой, белый и жёлтый июль четырнадцатого года: ещё мирное небо, плывущие облака и народ, кипящий со спелым жнивом. Я представил их рядом: смоляного богатыря с косою через спину; её, румяную, обнявшую сноп. И песню, песню под небом, какие уже давно отстала петь деревня, да и не споёшь при механизмах» (133). Но ведь только что-то подобное этой «некрасовской» картине и могло быть запечатлено на «урожайном» плакате. Даже если изображены там не молодые колхозники (иде-

¹⁷ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 105, 80, 81.

¹⁸ Там же. С. 80.

¹⁹ Укажу на еще одну частную, но потому показательную переключку в историях двух Матрён. «Уж будто не колачивал?» / Замялась Тимофеевна: / — Раз только, — тихим голосом / Промолвила она» (Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 138); Филипп единственный раз побил жену из-за того, что та не сразу дала башмаки его сестре (золовке Матрены). Ср.: «Меня сам ни разу не бил <...> То есть был-таки раз — я с золовкой поссорилась, он ложку мне об лоб расшибил» (134).

ологически правильные заместители по-разному утративших свою счастливую стать Фаддея и Матрёны), а еще более правильные «механизмы» (при которых не споешь), сельское торжество остается сельским торжеством, а яркие краски рублёвых плакатов воспроизводят (пусть вульгарно) великолепное цветение истинной крестьянской жизни (той, что оборвалась в июле четырнадцатого). Сходным образом «грубая плакатная красавица» заменяет Матрёну, какой она могла (должна была) быть. Здесь одинаковы важны и пародийность, и двойничество как таковое.

Понятно, что, описывая «книжный» плакат в Матрёниной избе, Солженицын саркастически откликается на просветительские грезы Некрасова и других народных заступников. Книги Белинского, Гоголя и поставленного в ряд с ними официального борзописца присутствуют в доме Матрёны как бессмысленные детали призванной украсить беспросветную жизнь картинки, а их «прообразы» не сделали крестьян свободными и счастливыми. Вдумчивый истолкователь рассказа видит в «книжном» плакате страшный символ: «... “советское” (читай — лживое) проникло внутрь Матрёниного дома»²⁰. Проблема, однако, в том, что аляповатые картинки не являются советским изобретением, а Некрасов, наивно мечтавший заменить «Белинским и Гоголем» аляповатые настенные украшения и такого же рода книжки, в то же время признавал их светлую роль в крестьянском бытии. Если во второй главе первой части «Кому на Руси жить хорошо» о лубочных картинках поэт говорит с презрением (а об их покупателях, мужиках, — с печалью), то в главе третьей («Пьяная ночь») он вынужден изменить интонацию. Накупив сыну картиночек, Яким Нагой «сам не меньше мальчика / Любил на них глядеть». Когда вспыхнул пожар, мужик позабыл о накопленном за всю жизнь капитале (тридцати пяти серебряных рублях): «Скорей бы взять целковые, / А он сперва картиночки / Стал со стены срывать; / Жена его тем временем / С иконами возилася, / А тут изба и рухнула — / Так оплошал Яким! / Слились в комок целковики, / За тот комок дают ему / Одиннадцать рублей... / «Ой брат Яким, недешево / Картинки обошлись! / Зато и в избу новую / Повесил их небось?» // — Повесил — есть и новые, — / Сказал Яким — и смолк»²¹.

Солженицын безусловно помнил и этот «картиночный» эпизод — он (с легким изменением) цитируется в третьей главке рассказа, когда избу готовят к прощально-поминальной церемонии. «И вот всю толпу фикусов, которых Матрёна так любила, что, проснувшись когда-то ночью в дыму, не избу бросилась спасать, а валить фикусы на пол (не задохнулись бы от дыму), — фикусы вынесли из избы. <...> Сняли со стены праздные плакаты» (142). Для интеллигентного читателя фикус — такой же символ дешевой безвкуси-

²⁰ Лекманов О.А. «От железной дороге подале, к озерам...». С. 331.

²¹ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 46.

цы («мещанства»), как и аляповатые картинки. Матрёна относилась к ним иначе. И это не знак ее «дурного вкуса», «бескультурия» (об эстетической чуткости Матрёны говорится в словно бы необязательной «музыкальной» концовке первой главки) — это то же, что у Якимы Нагого, инстинктивное стремление к красоте, пусть, с точки зрения читателя и даже рассказчика, ложной. Когда удрученному смертью Матрёны Игнатьичу кажется, что «портрет» по-гоголевски зловеще оживает («Разрисованная красно-жёлтая баба с книжного плаката радостно улыбалась» (141)), мы имеем дело с его реакцией — реакцией человека книжной (господской) культуры. Матрёна фальши и зла в ярко намалеванной красавице не видела (как и Игнатьич — покуда Матрёна была жива).

Принять миропонимание Матрёны *полностью* Игнатьич (и стоящий за ним автор) не может. Как не могли, искренне и глубоко сострадав крестьянину, видя в нем носителя высоких ценностей, признавая его духовную сложность, *вполне* отождествиться с ним ни Тургенев, ни Некрасов, ни Толстой (разве что в упрощающих интерпретациях, включая ленинскую). Матрёна — вопреки Р.Л. Джексону — не «русская икона», а человек со *своей* судьбой и своим характером. Праведность ее (так поздно открывшаяся рассказчику) не безгрешность и не поведенческая образцовость.

Потому и имя героини рассказа двойится — в точном соответствии с народной традицией. Исходно высокое, «римско-материнское», имя это может наделяться иной семантикой — игровой, иронической, даже чуть «солонватой», хоть и добродушно окрашенной («матрёшка», «ядрёна Матрёна», «тётя Мотя»). Таковы бедные, но щедрые (похоже — бессемейные и веселые) три Матрены из песни солдата («Пир на весь мир»): «Только трех Матрен / Да Луку с Петром / Помяну добром. / У Луки с Петром / Табачку нюхнем, / А у трех Матрен / Провиант найдем. // У первой Матрены / Груздочки ядрены, / Матрена вторая / Несет каравая, / У третьей водицы поплю из ковша: / Вода ключевая, а мера — душа!»²² Три Матрены являют собой тип крестьянки, резко отличный от их тезки Тимофеевны и сходной с ней Дарьи, о которой сказано: «Она улыбается редко... / Ей некогда лясы точить, / У ней не решится соседка / Ухвата, горшка попросить; // Не жалок ей нищий убогий — / Вольно ж без работы гулять»²³. Солженицынская Матрёна похожа и на «эпических» героинь Некрасова (такой она была «задумана»), и на трех бабенок (старушек? молодок?), что привечают бедолагу-солдата (а так-

²² Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 221. Некрасов использовал народные прибаутки, записанные им еще в середине 1840-х годов (Там же. С. 681–682; коммент. О.Б. Алексеевой); скорее всего, знал он и восходящий к сходным фольклорным источникам пушкинский набросок (1833; впервые опубликован в «анненковском» издании, 1855), где доминирует тема доброй памяти: «Сват Иван, как пить мы станем, / Непременно уж помянем / Трех Матрен, Луку с Петром, / Да Пахомовну потом» (Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Л.: Наука, 1977. Т. 3. С. 240).

²³ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 81.

же пушкинских «сватов» и много кого еще); ср.: «Я мирился с этим (бедной деревенской едой. — А.Н.)... Мне дороже была эта улыбка её круглового («матрешечного». — А.Н.) лица...» (123).

Такое смысловое двоение, разумеется, присутствует и в заголовке, причем семантическая многомерность простейшего словосочетания (образованное от женского имени притяжательное прилагательное + существительное) открывается по мере прочтения рассказа. При первом знакомстве с текстом название (предложенное Твардовским и принятое Солженицыным вместо первоначального «Не стоит село без праведника») смотрится таинственно (ср. загадочность «увертюры»): и имя героини, и ее двор возникнут почти тремя страницами позже (119). Рассказ расшифровывает заглавие, выявляя его парадоксальность: двор изначально *не* Матрёнин (она пришла сюда после замужества); он *не* стал Матрёниным, хотя к тому был предназначен (замужество оказалось ошибочным и злосчастливым); Матрёне выпадает участь хозяйки того, что «строено было давно и добротнo, на большую семью» (119)²⁴; дом, в котором «многое было под одной связью» (119), разрывается на части; в конце рассказа уже нет не только Матрёны, но и ее двора — «избу Матрёны до весны забили, и я переселился...», дом на время становится нежилым, а дальнейшая его судьба неведома. Тождество двоящихся, гибнущих, но живых в памяти писателя (и его читателей) Матрёны и «ее» двора подразумевает тождество Матрёны и России (матери), заставляющее вспомнить последнюю из песен героя поэмы о поисках русского счастливца, превращающихся в поиски русского праведника: «Ты и убогая, / Ты и обильная, / Ты и могучая, / Ты и бессильная, / Матушка Русь! // В рабстве спасенное / Сердце свободное — / Золото, золото / Сердце народное»²⁵.

В начале рассказа (фактографически точно и символично датированном летом 1956 года — временем прихода относительной свободы) Игнатич надеется отыскать Россию — «если такая где-то была, жила» (116). Восходящая к традиционному сказочному зачину формула в предложенных реальных обстоятельствах если не жестко указывает, то намекает на сомнительность успеха. Географическая Россия, расположенная «по сю сторону Уральского хребта» (116), став теперь досягаемой, не равна России искомой (истинной)²⁶. Красота являет себя только в единстве природы и поэтического слова. Появляющийся в «увертюре» словно бы случайно то-

²⁴ Ср. также словосочетание «безпритульная Матрёна» (135) — формально неверное (изба у Матрёны есть, говорится о ней в той же фразе!), но точное по существу.

²⁵ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 233–234.

²⁶ Ср. написанное в «вечной ссылке» стихотворение «Россия?» (1951): «Есть много России в России, / В России несхожих России <...> Среди соплеменников диких / России не нахожу <...> В двухсотмиллионном массиве / О как ты хрупка и тонка, / Единственная Россия, / Нелышмая пока» (Солженицын А.И. Протеревши глаза. М.: Наш дом — L'Âge d'Homme, 1999. С. 197, 198).

поним Муром ассоциируется с песенными лесами²⁷, такими же, как упоминаемые ниже — некогда «дремучие, непрохожие», но теперь сведенные «под корень» (116, 117). Местечко *Высокое Поле веселит* душу идеальной гармонией фонетики, семантики и денотата (чарующего среднерусского пейзажа). Внутренняя речь присевшего в рощице рассказчика — «...только бы остаться здесь и ночами слушать, как ветви шуршат по крыше» — инструментована с ориентацией на знакомые строки (прежде всего — «Знакомым шумом шорох их вершин...»²⁸), но стиховая певучесть разбивается о грубую реальность, выраженную образцово суровой прозой: «Увы, там не пекли хлеба. Там не торговали ничем съестным. Вся деревня волокла волоком снедь мешками из города» (117).

Если в Высоком Поле поэзия противоречит реальности, то в Торфопродукте господствует вывернутая, отрицательная, гармония. Антимир рождает антиязык, неведомый Тургеневу. Некогда живой (перестоявший революцию) лес вытеснен лесом давно мертвым — торфом. Смысловая связка «вырубаемый лес — железная дорога» отсылает к наиболее мрачным страницам «Анны Карениной» — романа о *переворотившейся* жизни. Гротескный диалог официального объявления и двух выцарапанных «с меланхолическим остроумием» надписей, по сути, сводится к зловещему пророчеству, начертанному при входе в ад²⁹. Торфопродукт с его дымом (фабричной трубы и паровозиков на узкоколейке), какофонией (свист паровозиков и угадываемая надрывающаяся радиола), серо-бурой окраской (торфяные плиты и брикеты), бараками (лагерные ассоциации), пьяными (блатарями, чертями), «подпыривающими» не только «друг друга» (117, 118) и есть ад в миниатюре³⁰. Противопоставляется ему (как и другому аналогу ада — лагерю) не взыскуемая Россия (мечта), но недавно оставленное пространство ссылки, «чужое», но сопряженное с вечностью: «А ведь там, откуда я приехал, мог я жить в глинобитной хатке, глядящей в пустыню. Там дул такой свежий ветер ночами и только звёздный свод распахивался над головой» (118).

²⁷ И более скрыто — со старым богатырем, премудрой лесной девой и дорожке, навсегда уводящей миленького.

²⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 314 («...Вновь я посетил...»).

²⁹ Эта общеизвестная строка служит названием 91 главы «дантовского» романа «В круге первом» (арест и первые лубянские впечатления Володина) (Солженицын А.И. Собр. соч. М.: Время, 2011. Т. 2. С. 654).

³⁰ Как Высокое Поле — миниатюрный рай, в котором можно обитать лишь человеку до грехопадения (не обремененному заботой о пище). Описывая оба локуса, Солженицын использует уменьшительные суффиксы, обретающие прямо противоположные значения; ср.: «местечко», «ложки», «взгорки», «плотинка», «рощица» — с одной стороны (117) и «узкоколейка», «паровозики» — с другой; зловеще окрашены и странноватые глагольные формы со значением «неполного действия» — «пображивать», «подпыривать» (117), ориентированные на песенный фольклор и его имитации, где они обычно несут иную семантику.

Это пространство — безлюдное, поднебесное, свободное от мирского шума (и обычных человеческих чувств) — сходно с тем, что предстает в последних стихах поэта-изгнанника: «Выхожу один я на дорогу; / Сквозь туман кремнистый путь блестит; / Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу, / И звезда с звездою говорит»; «И вот в пустыне я живу, / Как птицы, даром Божьей пищи; // Завет Предвечного храня, / Мне тварь покорна здесь земная; / И звезды слушают меня, / Лучами радостно играя»³¹. «Я» предсмертной лермонтовской лирики не обретает покоя в пустыне изгнания («Что же мне так больно и так трудно...»; пророк почему-то вновь и вновь попадает в «шумный град»). Незадолго до стихов о ночной божественной пустыне были написаны стихи о пустыне (долине) в «полдnevный жар», где место чаемого блаженного бытия меж смертью и жизнью занято «мертвым сном»³². Прохлада и зной лермонтовского Востока³³, простирающегося от Кавказа до Аравии («Спор»), взаимозаменяемы, ибо неразрывно связаны с меняющей обличья, то влекущей, то страшщей, но не знающей альтернативы смерти. Приязнь к земному бытию и «здешнее» (пусть недолгое) освобождение от тревоги и рефлексии связаны со «странною любовью» к отчизне — огромной, незнакомой, обрекающей странника на долгое одиночество, но вдруг сжимающейся в обыкновенную, обозримую и почти осязаемую деревню (или двор?) — с полным гумном и избой, покрытой соломой³⁴. Этот «малый» мир «нутрянной России» (России по-лермонтовски большой, а потому позволяющий «затесаться и затеряться» в ней) ищет солженицынский рассказчик.

И находит, услышав русскую речь, — ту, что слышали Лермонтов³⁵ и Тургенев. Эпизод с молочницей, с одной стороны, возвращает нас к тур-

³¹ Лермонтов М. Ю. Соч.: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. С. 208, 212.

³² Там же. С. 197.

³³ Ср. ту же мнимую антитезу у Солженицына; прежде воспоминаний о свежем ветре и звёздном своде в рассказе говорится о «пыльной горячей пустыне» (116).

³⁴ См.: Лермонтов М. Ю. Соч. Т. 2. С. 177.

³⁵ Лермонтовский «говор пьяных мужичков» в Торфопродукте не слышен (как и вообще человеческая речь). Там гремят другие (механические) звуки, а пьяные — вопреки требованиям жизнеподобия — даже не сквернословят и песен не горланят. Но слово им не будет предоставлено и дальше. Тальновский пейзаж (предвесье встречи с Матрёной) описан скорее в тональности «Отрывков из путешествия Онегина», чем чуть более сочного финала «Родины». «Так мы дошли до высыхающей подпруженной речушки с мостиком. (Вновь знакомые по пейзажу Высокого Поля деминутивы. — А.Н.). Милей этого места мне не приглянулось во всей деревне; две-три ивы, избушка перекособооченная, а по пруду плавали утки, и выходили на берег гуси, отряхиваясь» (118); ср.: «Иные нужны мне картины: / Люблю песчаный косягор, / Перед избушкой две рябины, / Калитку, сломанный забор, / На небе серенькие тучи, / Перед гумном соломы кучи — / Да пруд под сенью ив густых, / Раздолье уток молодых...». Откровенно цитируя Пушкина, Солженицын опускает последние восемь строк, не менее памятные, чем первые: «Теперь мила мне балалайка / Да пьяный топот трепака / Перед порогом каба-

геновскому стихотворению в прозе (есть язык — есть народ), с другой — отсылает к эпизоду испытания героя волшебной сказки потенциальным дарителем на границе «мира мертвых» (часто — «леса»). Досягнув пограничного локуса (избушки Бабы Яги), герой должен доказать свою «мертвость» — скрыть идущий от него «русский дух» (= дух живого человека), заговорить со страшной хозяйкой (на ее языке, что в сказке не манифестируется), вкусить чужую пищу (питье)³⁶ — и тем самым добиться помощи Яги. Солженицын эту ситуацию частью воспроизводит, частью инвертирует. Рассказчик (человек из другого мира — зауральского, лагерно-ссылочного, «дальнего») пьет молоко, но не начинает говорить на каком-то особом языке³⁷, а его *слышит*. В словах молочницы «Пей, пей с душою желадной. Ты, потай, приезжий?» живет единство звука (отмечена умильность интонации), смысла (скорее угадываемого, чем отчетливо внятного³⁸) и

ка. / Мой идеал теперь — хозяйка, / Мои желания — покой, / Да щей горшок, да сам большой» (Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Л., 1978. Т. 5. С. 174). «Недоцитата» (слово М.В. Безродного) возникает здесь по двум причинам. Во-первых, рассказчик не найдет (и не надеется найти) в Тальнове «хозяйку» и дом, в котором будет «хозяином»; силой вещей он так же далек от «самодостаточности» (свободы) бытия, как и Матрёна. (Курсивом у Пушкина дана переведенная в четырехстопный ямб — и тоже «недоцитированная» — строка «Сатиры V. На человеческие злонравия вообще. Сатир и Периерг»: «Щей горшок, да сам большой, хозяин я дома» (*Кантемир А.* Собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1956. С. 137).) Во-вторых же, Солженицын слишком хорошо помнит «пьяных» Торфопродукта, чтобы включить их в поэтический мир. Описанные в рассказе празднества и застолья практически бессловесны (сестры, навесившие Матрёну в крещенский вечер — сразу после случившейся с ней беды, пропажи котелка с освященной водой, — лишь пляшут да называют Матрёну «лёлка или нянька»; перед перевозом горницы громкая похвальба выпивающих сливается со стуком стаканов и звяканьем бутылки — собственно слова в текст не введены) или оркестрованы пустыми и фальшивыми словами (на поминках звучат ритуализованные молитвы, знаточеская болтовня «золовкина мужа» о церковной службе и его же «патриотическая» демагогия).

³⁶ Подробнее см.: *Пропт В.Я.* Труды: Морфология. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. С. 151–163.

³⁷ Ср. точно воспроизводящий сказочную модель, но пародийно окрашенный эпизод «Ночи перед Рождеством». Попавшие в Петербург (аналог «инишного царства») запорожцы и Вакула демонстрируют друг другу свою языковую компетентность: «Что ж, земляк, — сказал, приосанясь, запорожец и желая показать, что он может говорить и по-русски. — Што балшой город?

Кузнец и себе не хотел осрамиться и показаться новичком; притом же, как имели случай видеть выше сего, он знал и сам грамотный язык. “Губерния знатная! — отвечал он равнодушно, — нечего сказать, дома балшущие, картины висят сквозь важные. Многие дома написаны буквами из сусального золота до чрезвычайности. Нечего сказать, чудная пропорция”» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем. М.: Наследие, 2001. Т. 1. С. 176).

³⁸ В языковом плане это наиболее выразительное место рассказа. За рамки литературной нормы выходят и фонетика (диссимиляция в слове «желадный», видимо, обусловленная гиперкоррекцией: «желадный» вместо «желанный» по аналогии с «медный» при неверном «менный»), и лексика (загадочное без обращения к словарю слово «потай»), и фразеологизм, не под-

мира, который наделил собеседницу рассказчика таким языком. (Ср. выше о названии Высокое Поле.)

Об этом мире рассказчик узнает от молочницы (ср. в сказках утренние напутствия Яги-помощницы Ивану-царевичу). Она по-прежнему «напевает умильно» на своем языке, но в рассказе прямая речь заменена косвенной — повествователь овладевает языком собеседницы.

«И узнал, что не всё вокруг торфоразработки, что есть за полотном железной дороги — бугор, а за бугром — деревня, и деревня эта — Тальново, испокон она здесь, ещё когда была барыня-«цыганка» и кругом лес лихой стоял. А дальше целый край идёт деревень: Часлицы, Овинцы, Спудни, Швертни, Шестимирово — всё поглуше, от железной дороги подале, к озёрам.

Ветром успокоения потянуло на меня от этих названий. Они обещали мне кондовую Россию» (118).

Уже зачинное «и» (фольклорное и/или старокнижное) контрастирует с выморочным словарем оставляемого адского пространства («торфоразработки» — неологизм, неизвестный Тургеневу; «полотно железной дороги» — оксюморон, ставший стертым клише). Как и герой волшебной сказки, рассказчик обретает возможность пересечь границу, но в отличие от фольклорного прообраза он движется не из своего пространства в чужое³⁹, а из чужого — в свое (некогда утраченное). Он не вынужденно скрывает свой «русский дух», а возвращается в его пристанище. На ту же смысловую инверсию архаической пространственной оппозиции указывает деталь ландшафта («бугор»), отсылающая к общеизвестному фрагменту литературного памятника, традиционно почитаемого первым и основополагающим текстом отечественной словесности: «О Русьская земле! уже за шеломянем еси!»⁴⁰

дающийся пословной расшифровке («с душою желадной»), и передающая разговорную интонацию пунктуация (наречие «потай», т.е., «тайно, обособлено запятыми»). В дальнейшем народная речь подается не столь густо, хотя первые реплики Матрёны тоже лингвистически маркированы: «...держит два-дни и три-дни, так что ни встать, ни подать я вам не приспею» (заметим, впрочем, «городское» обращение на «вы», потом из речи Матрёны ушедшее — «Прости, Игнатъич»); «Не умемши, не варёмши — как утрафишь» (119, 137, 120).

³⁹ Сказочный лес (и его аналоги) — загробный мир. Герой отправляется туда, дабы, одержав победу (освободив или похитив невесту, добыв волшебный предмет), ликвидировать временное повреждение в мире живых, где с его возвращением (воцарением, свадьбой) восстанавливается гармония, нарушенная в начале сказки вредительством потусторонних сил.

⁴⁰ Слово о полку Игореве. Л.: Сов. писатель, 1985. С. 24. Этот призыв Слова в «Матрённом дворе», судя по всему, расслышал замечательный поэт и автор пронизательных работ об обсуждаемой формуле («Между шеломянем и Соломоном? К вопросу о связи между “Задонщиной” и “Словом о полку Игореве” и прозе Солженицына («Великолепное будущее России», «Поэзия и правда у Солженицына» и др.). На игре с многозначностью предлога «за» (с которой связана трансформация оборота из Слова в «Задонщине») строятся «Вариации для бояна», насыщенные реминисценциями «раннего» Солженицына («Не заутрени звон, а об рельс “подъем”; «Помнишь ли землю за русским бугром?») и развивающие тему извращения языка (изнасилования России). Соблазнительно предположить в этой связи присутствие автора «Ма-

Пространство, в которое попадает рассказчик, один исследователь описывает как сказочное, а другой — как исконно русское (оба, разумеется, говорят о постигшей мир Матрёны порче)⁴¹. Не оспаривая значения первопреходческих работ (стимулировавших и мои соображения), замечу, что в первой невольно игнорируется бинарность сказочного пространства (оппозиция «свое — чужое» снимается, в то время как Солженицын ее трансформирует), а во второй «русское» (тоже невольно) приравнивается, условно говоря, к «идиллическому». Между тем Солженицын вовсе не склонен видеть в старой России (при всей любви к ней и полном неприятии революции, неизбежно ведущей к «советичне») страну всеобщего счастья, покоя и благоденствия.

Не обращаясь к анализу эволюции исторических воззрений Солженицына, приведу несколько примеров из «Матрёнина двора», свидетельствующих о печальной трезвости отношения писателя к прошлому. «Но потому, должно быть, пришла она (неудобная для стряпни русская печь. — А.Н.) к нашим предкам из самого каменного века, что протопленная раз на досветы, весь день хранит в себе тёплыми корм и поило для скота, пищу и воду для человека. И спать тепло» (122). «Что ж, воровали раньше лес у барина, теперь тянули торф у треста» (124). «Своего рода политика» (143), которую рассказчик слышит в плачах над покойницей, — неотъемлемая особенность жанра причитаний, сложившегося задолго до бедствий XX века. Да и «д о б р о м нашим, народным или моим» стал «странно» называть «язык имущество наше» (145) не после (вследствие) революции — заданное по миротворению Создателем единство «материального» и «духовного» («И увидел Бог все, что Он создал, и вот хорошо весьма». — Быт. 1: 31; в церковнославянском тексте — «добро зело») распалось с грехопадением (началом земной истории). Злосчастья Матрёны (и Фаддея!) начались со вступления царской (барской) России в Первую мировую войну — в этой связи «Матрёнин двор» должно рассматривать как смысловое зерно «Красного Колеса», первое воплощение в слове солженицынской версии трагедии XX века.

Праведников мало было всегда. Любые бедствия могут исказить человеческую сущность. Любые, а не только новейшие, как бы жестоки они ни были. Игнатич недоуменно выслушивает Машу, пекущуюся сразу после смерти Матрёны о вязанке для Таньки; он с болью и презрением говорит о своекорыстии

трёнина двора» в закурсивленной мною строке финала: «О, Русская земля, ты уже за бугром! / Не моим бы надо об этом пером, / но каким уж есть, таким и помянем / ошалелую землю — только добром! — / нашу серую землю за шеломянем» (Лосев Л. Солженицын и Бродский как соседи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. С. 7; ср.: Там же. С. 8–13, 283–378).

⁴¹ Джексон Р.Л. «Матрёнин двор»: Сотворение русской иконы. С. 550–551; Лекманов О.А. «От железной дороге подале, к озерам...». С. 329–330. Отмечу не зафиксированный коллегами (хотя работающий на их концепцию) фольклорный подтекст еще одной топографической детали; конструкция «...подале, к озёрам» вызывает ассоциации с легендой о граде Китеже — ушедшем под воду и так сохранившем в годину бедствий русскую святость.

Матрёниных сестер (кстати, эпизод этот подан в фольклорной тональности; «Слетелись три сестры Матрёны, захватили избу, козу и печь, заперли сундук её на замок...» (143)⁴²); еще яростнее обличается Фаддей, который после смерти сына и некогда любимой им женщины (для рассказчика — случившихся по вине старика) захвачен одной думой — «спасти брёвна горницы от огня и от козней матрёниных сестёр» (145). Читатель не может не разделить чувств Игнатъича. Но строй рассказа (включенность текста в большую традицию) заставляет нас осторожнее отнестись к жадности персонажей. «...В Черустях, чтобы получить и удержать участок земли (вечная крестьянская мечта. — А.Н.), надо было молодым поставить какое-нибудь строение. Шла для этого вполне матрёнина горница. А другого нечего было и поставить, неоткуда лесу взять» (135). Как неоткуда взять (живучи среди лесов и полей) торфа или сена для козы — только украсть. Что и вынуждены делать тальновские бабы. Жадность Маши, сестёр Матрёны, Фаддея столь же вынужденная, не вчера в крестьянские души вошедшая⁴³ и могущая вызывать не только изумленное отторжение, презрение, гнев, но и сострадание. Как тут не вспомнить про щи, которые хлебала баба, схоронившая единственного сына: «И вспомнила тут барыня, как, потеряв несколько лет назад девятимесячную дочь, она с горя отказалась нанять прекрасную дачу под Петербургом — и прожила целое лето в городе! <...>

— Татьяна! — промолвила она. — Помилуй! Я удивляюсь! Неужели ты своего сына не любила? Как у тебя не пропал аппетит? Как можешь ты есть эти щи!

— Вася мой помер, — тихо проговорила баба, и наболевшие слезы снова побежали по ее впалым щекам. — Значит, и мой пришел конец; с живой с меня сняли голову. А щам не пропадать же: ведь они посоленные»⁴⁴. Разница меж тургеневской вдовой и солженицынскими персонажами велика⁴⁵ — как

⁴² Кроме синтаксического параллелизма (что чуть ниже отзовется в плаче сестер), очевидна близость «захватчиц» сестрам-вредительницам из сюжетов того типа, что представлены в сказках «Финист, ясный сокол», «Аленький цветочек» или пушкинской «...о царе Салтане...». Сказочные мотивы, однако, последовательно корректируются: сестры не старшие, а младшие; их не две, а три (т. е. вместе с Матрёной — четыре; зловеще переосмысливается фольклорная «троичность»); завидуют и вредят они не счастливце, а героине, уже безжалостно обделенной судьбой; грех, за который много лет спустя расплачивается Матрёна, совершен не по сестринскому наущению (рассказывая о замужестве, Матрёна вовсе не упоминает свою родню); злобное торжество в конце концов добившихся своего сестер прямо противоположно счастливым сказочным финалам, часто включающим мотив прощения злодеек (ср. посмертную неприязнь близких к одинокой и за гробом героине).

⁴³ Между прочим, Ефим сватает Матрёну летом 1917 года — то есть в ту самую пору, когда мужики, не дожидаясь декретов, бросились на «господские» земли. А для того «рук у них (Григорьевых, потерявших мать и полагававших погибшим старшего сына. — А.Н.) не хватало».

⁴⁴ Тургенев И.С. Собр. соч. Т. 8. С. 483–484.

⁴⁵ Впрочем, так ли далеко отстоит от осиротевшей Татьяны Маша, у которой осталась Танька?

меж царской и подсоветской Россией. Но есть и общность — они живут в одной стране.

В эту страну, о судьбе, укладе, красоте, праведности, бедах, грехах и трагедиях которой можно и должно говорить на языке Тургенева (русской литературы), и попадает рассказчик. Это *его* страна, в которой «испокон» было (и по сей день сохранилось) много всякого. Перечень деревень с полупонятными, но ласковыми старинными названиями — добрая вариация печального (и совершенно в каждой позиции ясного) топонимического ряда из некрасовской поэмы о поисках счастья и обретении России. Той России, что способна выстоять, — как конда, «боровая (не болотная) сосна, крепкая, мелкослойная и смолистая, растущая на сухом месте», ода-рившая русский язык прилагательным «кондовый» — «крепкий, плотный и здоровый, не трухлявый»⁴⁶. Солженицын вводит в текст оборот «кондовая Россия» демонстративно-полюемически. Определение и определяемое обречались на гибель вместе: «Товарищ, винтовку держи, не трусь! / Пальнемка пулей в Святую Русь — // В кондовую, / В избяную, / В толстозадую»⁴⁷. Когда угроза сбылась, поэтический эпитет был перемещен в ёрнический регистр — всерьез использовать подобные слова могут только нелепые и сомнительные персонажи из «бывших»:

«— Ах, — сказал Лоханкин проникновенно, — ведь в конце концов кто знает? Может быть, так надо. Может быть, в этом (порке, которой хотели подвергнуть обитатели «Вороньей слободки» своего «интеллигентного» соседа. — А.Н.) великая сермяжная правда.

— Сермяжная? — задумчиво повторил Бендер. — Она же посконная, домотканая и кондовая?»⁴⁸

Солженицын возвращает слову «кондовый» высокое значение, отнятое у него Блоком и авторами «Золотого теленка»⁴⁹.

Так рассказчик попадает (возвращается) в мир, жизнь которого по-прежнему отражается в «многоголосом» русском языке и воспринимается

⁴⁶ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.]. М.: Русский язык, 1979. Т. 2. С. 150. (Репр. изд. 1881.)

⁴⁷ Блок А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Наука, 1999. Т. 5. С. 12. В поэме «Двенадцать» призыв этот «карнавалено» исполняется убийством Катьки — «толстоморденоккой». Эти ассоциации не могли не возникнуть в рассказе, где Россию символизируют разрушаемая изба и женщина, погибшая (убитая) на железной дороге (ср. эту же проекцию России в соответствующем стихотворении Блока).

⁴⁸ Ильф И., Петров Е. Собр. соч.: в 5 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1961. Т. 2. С. 156. Отсылка к этому эпизоду «Золотого теленка» открывает 66-ю главу романа «В круге первом»: «Дружбу Нержина с дворником Спиридоном Рубин и Сологдин благодушно называли “хождением в народ” и поисками той самой великой сермяжной правды, которую ещё до Нержина тщетно искали Гоголь, Некрасов, Герцен, славянофилы, народники, Достоевский, Лев Толстой и, наконец, оболганный Васисуалий Лоханкин» (Солженицын А.И. Собр. соч. Т. 2. С. 482).

⁴⁹ Или двумя романскими персонажами?

при свете «многоголосой» же русской словесности; «сказка» и «идиллия» (чаемая или обреченная гибели) входят в его состав наряду с другими жанрами, топосами, традиционными стилистическими блоками, сюжетными ходами, психологическими типами, «идеологическими» комплексами. За «натуралистическим» (повернутым к быту) продолжением разговора с молочницей (характерно появление закурсивленного автором глагола «воспитывать» в непривычном значении, архаизм превратился в неловкое просторечие) следует выдержанный в тех же бытовых тонах рассказ о тщетных поисках жилья (дважды употреблено неуместное для идиллического пространства слово «квартирант»), переходящий в лирическую зарисовку — описанную вариацию строфы «Отрывков из путешествия Онегина» и «Родины». Возможно, лермонтовские обертоны этого пейзажа скрыто мотивируют решающий поворот сюжета первой главы: «Ну, разве к Матрёне зайдем, — сказала моя проводница, уже уставшая от меня. — Только у неё не так уборно, в запусси живёт» (119); ср.: «...и стал требовать казенную квартиру. К которой избе не подъедем — занята. Было холодно, я три ночи не спал, измучился и начинал сердиться. “Веди меня куда-нибудь, разбойник! хоть к черту, только к месту!” — закричал я. “Есть еще одна фатера, — отвечал десятник, почесывая затылок: — только вашему благородию не понравится, там нечисто”»⁵⁰. Мотивная близость фрагментов (фактура⁵¹, развитие действия, состояние и поведение персонажей) так же очевидна, как различие их сюжетных функций (Печорина ждет очередное опасное приключение, Игнатича — временный покой), но завершает Солженицын эпизод осмотра жилища лермонтовской темой судьбы: «Но я уже видел, что жребий мой был — поселиться в этой темноватой избе...» (119).

Память о двупланности «Тамани»⁵² вновь актуализирует сказочную семантику недавно описанной приграничной встречи. Так и далее: проводница управляется с «завёрткой», «нехитрой затеей против скота и чужого человека» (119) — так Иван-царевич обращается с избушкой на курьих ножках, доказывая ей, что он не «чужой», а «свой». Впервые Игнатич застаёт Ма-

⁵⁰ Лермонтов М.Ю. Соч. М.; Л., 1957. Т. 6. С. 250.

⁵¹ Не только пути к цели, но и (правда, в меньшей мере) обочинного местоположения и интерьера «фатер». Любопытно, что в первом описании избы Матрёны не упоминаются иконы (119), о них речь заходит ниже: «Был святой угол в чистой избе, и иконка Николая Угодника в кухоньке» (129); ср. «На стене ни одного образа — дурной знак!» (Лермонтов М.Ю. Соч. Т. 6. С. 251).

⁵² Чертыхание Печорина позволяет десятнику отвести его в место «нечистое» — отнюдь не в смысле санитарии (или комфорта), как подумалось странствующему офицеру. И даже не в смысле полицейском: «честные контрабандисты», безусловно, наделены демоническими чертами, новелла строится на двойных мотивировках, ирония повествователя — устойчивая примета как фантастической прозы, так и ее изводов, якобы дающих чудесным событиям разумное истолкование. О двуплановости «Тамани» см.: Лотман Ю.М. Три заметки о Пушкине. I. «Когда же черт возьмет тебя» // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПБ., 1995. С. 341; ср. также: Жолковский А.К. Семиотика «Тамани» // Жолковский А.К. Очные ставки с властителем: Статьи о русской литературе. М.: Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 2011. С. 139–145.

трёну в позиции Бабы Яги⁵³: «Когда я вошёл в избу, она лежала на русской печи, тут же у входа, накрытая неопределённым тёмным тряпьем, таким безценным в жизни рабочего человека» (119). Но не менее важна другая мягко введенная аналогия: «Я отправился по этой тропинке (ведущей к оврагу на краю сада. — А.Н.); дошел до пасеки. Рядом с ней стоял плетеный сарайчик, так называемый амшаник, куда ставят улья на зиму. Я заглянул в полуоткрытую дверь: темно, тихо, сухо; пахнет мятой, мелиссой. В углу приспособлены подмости, и на них, прикрытая одеялом, какая-то маленькая фигура... <...> Я приблизился — и остолбенел от удивления. Передо мной лежало живое человеческое существо, но что это было такое?

Голова совершенно высохшая, одноцветная, бронзовая — ни дать ни взять икона старинного письма; нос узкий, как лезвие ножа; губ почти не видать, только зубы белеют и глаза, да из-под платка выбиваются на лоб жидкие пряди желтых волос <...> Я вглядываюсь попристальнее: лицо не только не безобразное, даже красивое — но страшное, необычайное. И тем страшнее кажется мне это лицо, что по нем, по металлическим его щекам, я вижу — силится... силится и не может расплыться улыбка»⁵⁴.

Черная немочь обошлась с Лукерьей страшнее, чем с Матрёной, — та не утратила способности улыбаться. Не стала она «живыми мощами», только лицо у нее «жёлтое» и глаза «замутненные». И не всегда лежит ничком (как при первом разговоре с Игнатъичем) — недуг томит по три дня, а потом отступает. Да и прожила Матрёна в неустанных трудах больше шестидесяти лет, а не умерла молодой, как несколько лет промучившаяся Лукерья. Но сходство (на которое и намекает близость мизансцен) важнее различий. Лукерья и Матрёна были созданы для иной жизни — счастливой и полной любви. Любовь сгубила Лукерью — она оступилась (как оказалось — насмерть), услышав в соловьином пении зов жениха. Любовь к Фаддею, которой «согрешившая» Матрёна осталась верна и долгие годы спустя, заставляет ее не только отдать горницу, но и погибнуть на переезде. Мучения Лукерьи и Матрёны не отняли у них добрых чувств и благодарной памяти о минувших светлых днях. Они сумели сберечь свои души, красота которых светит сквозь нынешние скорбные обличья. Тургеневский рассказчик с ужасом понимает:

⁵³ Это мерцающее уподобление будет возникать и ниже.

«— Доброе утро, Матрёна Васильевна.

И всегда одни и те же доброжелательные слова раздавались мне из-за перегородки. Они начинались каким-то низким тёплым мурчанием, как у бабушек в сказках:

— М-м-мм... также и вам.

И немного погодя:

— А завтрак вам приспе-ел» (122). Трудно не вспомнить здесь эпизоды пробуждения Ивана-царевича в избушке Яги. Сходство с Матрёны с «лесной хозяйкой» заметно и в рассказе о ее походах за торфом и по ягоды (124).

⁵⁴ Тургенев И.С. Собр. соч. Т. 1. С. 417.

«Эта мумия — Лукерья, первая красавица во всей нашей дворне, высокая, полная, белая, румяная, хохотунья, плясунья, певица!»⁵⁵ Похожую на *такую* Лукерью, истинную Матрёну Игнатич увидит зимним вечером. От первых слов недужной старухи о дальнем прошлом преобразится ее лицо, а с ним и обветшалая изба: «Верхнего света не было в нашей большой комнате, как лесом заставленной фикусами. От настольной же лампы свет падал кругом только на мои тетради — а по всей комнате глазам, оторвавшимся от света, казался полумрак с розовинкой. И из него выступала Матрёна. И щёки её померещились мне не жёлтыми, как всегда, а тоже с розовинкой. <...>

Я невольно оглянулся. Этот старый серый изгнивающий дом вдруг сквозь блекло-зелёную шкуру обоев, под которыми бегали мыши, проступил мне молодыми, ещё не потемневшими тогда, струганными брёвнами и весёлым смолистым запахом» (133). А чуть позже прошлое предстанет рассказчику как въяве — он увидит «июль четырнадцатого года». Выше говорилось о связи ее «фактуры» и семантики с поэмами Некрасова, но выводит рассказчика на некрасовскую линию описанная Тургеневым метаморфоза Лукерьи. И она же мотивирует присутствие в вечернем (открывающем прошлое) эпизоде обертонов Гоголя⁵⁶ и оказавшейся пророческой «баллады с тенденцией»

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Игра света и цвета в темной комнате, вероятно, пришла из видения пана Данилы («Страшная месть»): «...и опять с чудным звоном осветилась вся светлица розовым светом <...> тонкий розовый свет становился ярче, и что-то белое, как будто облако, веяло посреди хаты; и чудится пану Даниле, что облако то, не облако, что то стоит женщина; только из чего она: из воздуха, что ли, выткана? Отчего же она стоит и земли не трогает, и не опершись ни на что, и сквозь нее просвечивает розовый свет и мелькают на стене знаки». Это колдун мучает душу пани Катерины (ср. власть Фаддея над Матрёной). Преобразование дома напоминает другое видение — Левка в «Майской ночи»: «С изумлением глядел он в неподвижные воды пруда: старинный господский дом, опрокинувшись вниз, был виден в нем чист и в каком-то ясном величии. Вместо мрачных ставней глядели веселые стеклянные окна и двери. Сквозь чистые стекла мелькала позолота. <...> “Вот как мало надо полагаться на людские толки, — подумал он про себя. — Дом новехонький; краски живы, как будто сегодня он выкрашен”. По-другому (без фантастической огласовки) этот мотив проведен в главе VI «Мертвых душ», рассказе о былом (веселом, многолюдном, деятельном) бытии оскудевшего и захлапленного дома Плюшкина (*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 196, 130; Т. 7, кн. 1. С. 112). Гоголевские реминисценции появляются в двух тревожных и загадочных (коли не сказать — мистических) эпизодах «Матрёнина двора». «Пальто из железнодорожной шинели», построенное портным-горбуном, получилось таким славным, «какого за шесть десятков лет Матрёна не нашивала» (128). Верно указав на отсылку к «Шинели», Р.Л. Джексон не обратил внимания на то, что эта удача Матрёны (как и прочие — с трудом выхлопотанная пенсия, деньги, которые стала она получать от постояльца и школы, купленные на них новые телогрейка и валенки, возможность сделать похоронную заначку) предвещает ее страшный конец. Точь-в-точь как сбывшаяся мечта Акакия Акакиевича. Или неожиданный уход в лес кошечки («Старосветские помещики»), верно понятый ее хозяйкой как знак скорой смерти — ср. в «Матрённом дворе» исчезновение колченогой кошки, случившееся между демонтажом горницы и гибелью Матрёны (136). В этом контексте похищение котелка со святой водой видится «гоголизированно» — бесовской проказой.

(«Порой веселой мая...»)⁵⁷. Наконец, зря что ли корили Матрёну за «рабское» смирение советские и пост(анти)советские публицисты? Странно только, что не вспомнили эпиграф к «Живым мощам»: «Край родной долготерпенья — / Край ты русского народа!»⁵⁸

Тургеневская Лукерья и некрасовские крестьянки (Дарья и Матрены) — важнейшие «литературные прототипы» солженицынской героини, но сквозь них просвечивают другие (разные, но в том или ином схожие) русские женщины — хозяйка леса Яга, сказочные «младшие сестры» (долго страдающие, но обретающие счастье), жена Добрыни Никитича (о чем ниже), лесная дева Феврония, гоголевская старосветская помещица, Настя из лесковского «Жития одной бабы» (тут важны трансформированные и рекомбинированные мотивы злосчастия семейной жизни, смерти младенца и черной немочи)⁵⁹, Анна Каренина⁶⁰.

В этом «едином и тесном» ассоциативно-поэтическом ряду (кажется уместным использовать здесь метафорический термин Ю.Н. Тынянова) значимое место отведено той героине нашего культурного пантеона, чьи имя, «образ» и сюжет крепко встроены в миф о русском поэте. «Может, кому из деревни, кто побогаче, изба Матрёны и не казалась доброжилой, но нам же с ней в ту осень и зиму вполне была хороша: от дождей она еще не протекала и ветрами студёными выдувало из неё печное грево не сразу, лишь под утро, особенно тогда, когда дул ветер с прохуdivшейся стороны» (120). В деревенском доме, худо защищающем от непогоды (на что сетовать недавнему эзку неловко), при слабом свете (что отмечено позднее, в эпизоде исповеди Матрёны), под угадываемое (хоть и

⁵⁷ «В то лето... ходили мы с ним в рощу сидеть, прошептала она. — Тут роща была, где теперь конный двор, вырубили её...» (133); ср.: «Она ж к нему: “Что будет / С кустами медвежины, / Где каждым утром будит / Нас рокот соловьиный?” // “Кусты те вырвать надо / Со всеми их корнями, / Индеек здесь, о лада, / Хотят кормить червями”» (Толстой А.К. Полн. собр. стихотворений и поэм. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2004. С. 221). Напомню о соловьином пении в «Живых мощах».

⁵⁸ Тургенев И.С. Собр. соч. Т. 1. С. 415; ср.: Тютчев Ф.И. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1987. С. 191. Тютчевскую межстрочную запятую Тургенев заменил на тире.

⁵⁹ Ср. восторженную оценку первой части повести, впервые прочитанной будущим автором «Матрёнина двора» в тюрьме (1945 или 1946): Солженицын А.И. Из «Литературной коллекции». Николай Лесков // Солженицынские тетради. Вып. 1. С. 17; ср. также: Мелентьева И.Е. Солженицын читает Лескова // Там же. С. 118–134. Своей приятнью к повести Лескова Солженицын наделил Веру Воротынцеву, для которой «живыми спутниками» остаются «пронзительно обречённые Варвара и Настя из «Жития одной бабы» — «беда у нас смирному да сиротливому» (Солженицын А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 2008. Т. 14. С. 128 («Март Семнадцатого», гл. 556)). Трудно, однако, предположить, что Вера (все же библиограф, а не историк литературы) могла отыскать всеми забытую раннюю повесть Лескова, опубликованную в 1863 году («Библиотека для чтения», № 7) и впервые переизданную Б.М. Эйхенбаумом: Лесков Н.С. Избр. соч. М.; Л.: Academia, 1931. Видимо, Солженицын читал в тюрьме этот однотомник, в котором вслед за «Житием одной бабы» помещен столь дорогой героине «Марта...» рассказ Лескова «Тупейный художник».

⁶⁰ Эта параллель подробно описана и внятно истолкована Р.Л. Джексоном; см. примеч. 10.

не названное) завывание дважды помянутого ветра обретаются равно одинокие изгнанник (писатель) и старуха с голосом, «как у бабушек в сказках» (122)⁶¹. Эта вариация «Зимнего вечера» будет продолжена во второй главе, где просторечное словцо Матрёны занимает позицию смысловой рифмы и обретает пушкинскую окраску: «Но в тот же день началась мятель — дуэль, по-матрёнину» (136). Горницу не могли вывезти из Тальнова две недели – похоже, дуэль случилась в день пушкинской дуэли (или близ него)⁶².

«Пушкинизация» фрагментов текста, посвященных однообразной осенне-зимней жизни в тальновской избе и февральской непогоде (задержке с перевозом горницы), открывает и усиливает смыслообразующий пушкинский подтекст описаний ночных (позднеевечерних) бдений Игнатъича. Сперва о них говорится обобщенно: «По ночам, когда Матрёна спала...» (121), затем — в двух сюжетно сильных позициях — перед исповедью Матрёны и в первые часы по ее гибели (рассказчику еще не открывшейся). По сути, описывается повторяющаяся (неизменная) ситуация: ночь, тьма (или полутьма), странные звуки, связанные с нечеловеческим таинственным миром и движением времени. «Редкое быстрое шуршание мышей под обоями покрывалось слитным, единым, непрерывным, как далёкий шум океана, шорохом тараканов за перегородкой» (121); «...писал свое (именно здесь рассказчик показывает себя писателем. — А.Н.) под шорох тараканов и постук ходиков» (132) — мыши не названы (о них читатель и так помнит), но введен новый значимый звук; «...я заметил, что очень уж, как никогда, развозились мыши: всё нахальней, всё шумней они бегали под обоями, скребли и попискивали» (138). Резко возросшую активность мышей можно объяснить двояко: рационально (из-за катастрофы прекратилось движение поездов, воцарилась непривычная тишина, в которой любой звук становится более ощутимым, чем обычно) и мистически (мыши почуяли гибель хозяйки и ее неизбежное следствие — конец дома)⁶³. Хотя рассказчик погружен в себя⁶⁴, он фиксирует движение времени: «Прошёл час, другой. И третий» (138) — ясно, что Игнатъич не на циферблат смотрит (это действие человека озабоченного), а в забытьи слышит бой ходиков.

⁶¹ Так метонимически замещаются сказки, которые в поэтическом источнике были превращены в песни.

⁶² М.В. Захарова погибла 21 февраля, что отделено от 8 февраля (27 января по старому стилю) тринадцатью днями. Солженицын всегда был склонен примечать символичность дат и их совпадений. Ср. приведенный в «очерках литературной жизни» его разговор с Твардовским 10 февраля 1970 года: «А.Т.! Тут какая-то мистика в датах. Вчера был день моего ареста, даже 25-летие. — (Да покрупней: 9 февраля нового стиля умер Достоевский.) — Сегодня — день смерти Пушкина, и тоже столетье с третью. — (А завтра, 11-го, разорвут Грибоедова.) — И в эти же дни вас («Новый мир». — А.Н.) разгромили...» (Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 260).

⁶³ Так же двояко (по законам романтической фантастики) мотивировано бегство колченогой кошки.

⁶⁴ Ср. сходное состояние в часы, предшествующие рассказу Матрёны о ее прошлом: «Я и о Матрёне-то самой забыл, что она здесь, не слышал её...» (132).

Три взаимодополняющих эпизода воссоздают атмосферу «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы»: «Мне не спится, нет огня; / Всюду мрак и сон докучный. / Ход часов лишь однозвучный / Раздается близ меня. / Парки бабье лепетанье, / Спящей ночи трепетанье, / Жизни мышья беготня... / Что тревожишь ты меня? / Что ты значишь, скучный шепот? / Укоризна или ропот / Мной утраченного дня? / От меня чего ты хочешь? / Ты зовешь или пророчишь? / Я понять тебя хочу, / Смысла я в тебе ищу...»⁶⁵ Солженицын, понимает, не стремится буквально «повторить» Пушкина. Он говорит о вечной связи: ночь — поэзия — воспоминания и предчувствия — инобытие, вдруг вмешивающееся в жизнь, окликающее человека на непонятном ему языке — неостановимый ход времени — смерть⁶⁶. Аккуратно сближая рассказчика с Пушкиным⁶⁷, а Матрёну — с Ариной Родионовной, Солженицын акцентирует две важнейших

⁶⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 186. Для первого (обобщенного) «мышинного» эпизода, вероятно, значимо и стихотворение единственного относительно дозволенного в сталинскую эпоху русского модерниста: «В нашем доме мыши поселились / И живут, живут! / К нам привыкли, ходят, расхрабрились, / Видны там и тут. <...> Свалят банку, след оставят в тесте, / Их проказ не честь... / Но так мило знать, что с нами вместе / Жизнь другая есть» (Брюсов В. Мыши // Брюсов В. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1961. С. 147, 148). Ср. о шорохе соседей и двойников мышей — тараканов: «...в нём не было ничего злого, в нём не было лжи. Шуршание их — была их жизнь» (121). О знакомстве Солженицына с поэзией Брюсова свидетельствует его вариация «Каменщика» в одноименном лагерном стихотворении (позднее отозвавшаяся в «Одном дне Ивана Денисовича»: «Вот я каменщик. Как у поэта сложено. / Я из камня дикого кладу тюрьму. / Но вокруг не город: Зона. Огорожено. / В чистом небе коршун реет настороженно. / Ветер по степи. И нет в степи прохожего, / Что спросить меня: кладу — к о м у?» (Солженицын А.И. Протеревши глаза. С. 192); ср.: «— Каменщик, каменщик в фартуке белом, / Что ты там строишь? кому? / — Эй, не мешай нам, мы заняты делом, / Строим мы, строим тюрьму» (Брюсов В. Стихотворения и поэмы. С. 212).

⁶⁶ Это сцепление мотивов характеризует большую традицию «ночной» (надгробной) поэзии, сложно претворенную Пушкиным в «Стихах, сочиненных ночью...». Закономерно, что в описание поминок включена инвертированная цитата из едва ли не самого известного русского стихотворения о неожиданной смерти и общей нашей обреченности: «Столы, составленные в один длинный, захватили и то место, где утром стоял гроб» (146); ср.: «Где стол был яств, там гроб стоит». В той же оде «На смерть К. Мещерского» поэт задает отчаянные и безответные вопросы: «Здесь персть твоя, а духа нет. / Где ж он? — Он там; — Где там? — Не знаем. / Мы только плачем и взываем: / О горе нам, рожденным в свет!» О том же (и даже со сходными синтаксическими конструкциями, с той же напряженной антитечностью) «строго» говорит, унимая «вторую» Матрёну, старуха, «намного старше здесь всех старух и как будто даже Матрёне чужая вовсе»: «Две загадки в мире есть: как родился — не помню, как умру — не знаю» (144). Начинается же ода с того звука, что раздавался в ночи, когда Игнатич «писал свое»: «Глагол времен! металла звон! / Твой страшный глас меня смущает, / Зовет меня, зовет твой стон, / Зовет, — и к гробу приближает» (Державин Г.Р. Соч. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002. С. 125, 124).

⁶⁷ Все пушкинские реминисценции прикровенны, фамилия поэта не произносится (ср. название Тургенева; бросающаяся в глаза «литературная» цитата из Некрасова примыкает к первой картине ночного — поэтического — бытия Игнатича) — как и имя рассказчика, называемого только по отчеству. Невозможно предположить, чтобы Солженицын не задумывался о том, что он тезка Пушкина.

взаимосвязанных темы «Матрёнина двора» — тему памяти (сохранения в слове того, что ушло, — погибшего человека, утраченных ценностей, истинного русского мира)⁶⁸ и тему единства многообразной и эволюционирующей русской словесности, смысловым центром и воплощением которой мыслится Пушкин.

«Матрёнин двор» не только продолжает русскую литературу, но и буквально ее возрождает. Солженицын поминает (возвращает из небытия) Матрёну вместе с безмянными сказителями и национальными классиками, а история жизни и смерти невидимой праведницы доказывает, что якобы переведенный на торфопродукт русский язык по-прежнему остается «великим, могучим, правдивым и свободным».

Дать исчерпывающий список реминисценций русской литературы в «Матрённом дворе» — задача едва выполнимая. Обратной стороной их густоты и разнообразия (не присущих прочей малой прозе Солженицына⁶⁹) оказывается их «неуловимость» и/или «случайность». Солженицыну чаще важны не столько обязательные для распознавания отсылки к конкретным текстам (хотя есть и такие случаи), сколько напоминание об общем — едином — языке русской словесности, органично сочетающей национальное и универсальное (всемирное) начала. Это сопряжение особенно ярко выступает в финалах всех трех глав.

Первая — условно говоря, очерковая, портретирующая Матрёну, какой ее видел чуть со стороны рассказчик, — завершается музыкальным эпизодом. Матрёна неприязненно реагирует на шаляпинское исполнение «рус-

⁶⁸ В этой связи перестает казаться случайной реминисценция «...Вновь я посетил...» в раздумьях рассказчика о Высоком Поле (см. примеч. 28). В стихотворении Пушкина речь идет о единстве природного и человеческого миров, о победе над временем (и конечностью человеческого бытия), о глубинной связи памяти и бессмертия. Первым свидетельством об одолении смерти становятся строки об умершей Арине: «Вот опальный домик, / Где жил я с бедной нянею моей. / Уже старушки нет — уж за стеною / Не слышу я шагов ее тяжелых, / Ни кропотливого ее дозора». Пушкинское «не слышу» опровергается следующими далее строками, «весомая» лексика которых заставляет нас ощутить присутствие умершей в длящейся без нее жизни. Выше говорилось, что «трех Матрен» Некрасов поминает вслед за Пушкиным. Стоит добавить, что той же народной прибауткой начинается откровенно игровой (сооруженный в паре с Вяземским) го-стинец старшему другу (всеобщему, а не только адресантов, пестуну, наставнику, учителю), поэту, чьи самые проникновенные строки посвящены светлой силе воспоминания, побеждающего смерть, — Жуковскому. Шуточный характер стихов, где причудливо перемешаны имена разно-мастных персонажей (живых и ушедших, друзей и недругов, великих мира сего и безвестных) не отменяет его внутреннего серьезного смысла: «Надо помянуть, непременно помянуть надо: / Трех Матрен / Да Луку с Петром; / Помянуть надо тех, которые например: / Бывшего поэта Пан-цербитера, / Нашего прихода честного пресвитера, / Купца Риттера, / Резанова, славного рус-ского кондитера, / Всех православных христиан города Санкт-Питера, / Да покойника Юпитера» (эти строки записаны рукой Вяземского) (Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 313, 366).

⁶⁹ Широта литературных горизонтов романа «В круге первом» обусловлена, во-первых, его жанровой — «металитературной» — природой (роман о романе), во-вторых, обилием героев-интеллектуалов, а в-третьих, объемом. Эти особенности «романной» прозы Солженицы-на будут явлены и «романной» составляющей «Красного Колеса».

ских песен» («Чудно поют, не по-нашему. <...> Не. Не так. Ладу не нашего. И голосом балует»), но растепляется до слез от «камерных романсов Глинки», то есть музыки, принадлежащей высокой культуре, музыке, в которой европейский «лад» позволяет выявиться национальному духу: «А вот это — по-нашему... — прошептала она» (130).

Душевная тонкость Матрёны, ее эстетическая чуткость и бессознательная включенность в мировую культуру обнаруживаются таким же образом, как у персонажей «Певцов». Жиздринский рядчик, подобно Шаляпину (не только в восприятии Матрёны), «балует голосом», а возникающий в сознании читателя контраст его «высочайшего фальцета» и легендарного шаляпинского баса убеждает в сходстве исполнительских стилей тургеневского персонажа и прославленного артиста: оба работают на краях вокального диапазона, выходят за пределы привычного звукового поля. «...Он играл и вилял этим голосом, как юлою, беспрестанно заливался и переливался сверху вниз и беспрестанно возвращался к верхним нотам, которые выдерживал и вытягивал с особенным стараньем, умолкал, и потом вдруг подхватывал прежний напев с какой-то залихватской, занозистой удалью. Его переходы были иногда довольно смелы, иногда довольно забавны; знатоку они бы много доставили удовольствия; немец пришел бы от них в негодование. Это был русский *tenore di gracia*, *ténor léger*. Пел он веселую плясовую песню, слова которой, сколько я мог уловить сквозь бесконечные украшения, прибавленные согласные и восклицания были следующие:

Распашу я, молода-молоденька,
Землицы маленько:
Я посею, молода-молоденька,
Цветика аленька»⁷⁰.

В пении рядчика Тургенев отмечает формальную «русскость» (Шаляпин в рассказе Солженицына поет не «Блоху» или арию Бориса, но «русские песни») при близости (если не тождестве) манеры с ее западными версиями (амплуа называются по-итальянски и по-французски), артистическую (противоестественную) изошренность (утеху знатоков, рационально оценивающих одоление трудностей), невнятность (переходящую в бессмысленность) с трудом распознаваемых слов, существующих отдельно от мелодии (ср. первую реакцию Матрёны). Восхищает рядчик квалифицированных слушателей мастерством — действительно незаурядным, хотя искусственный рассказчик говорит о нем с чуть приметной иронией.

Яков Турок поет совершенно иначе: «Первый звук его голоса был слаб и неровен и, казалось, не выходил из его груди, но принесся откуда-то из-

далека, словно залетел случайно в комнату. (Прежде описанному искусству управления своими органами противопоставлено небесное наитие. — А.Н.) <...> За этим первым звуком последовал другой, более твердый и протяжный, но все еще видимо дрожащий, как струна, когда, внезапно прозвев под сильным пальцем, она колеблется последним, быстро замирающим колебанием, за вторым — третий, и, понемногу разгораясь и расширяясь, полилась заунывная песня. “Не одна во поле дороженька пролежала”, — пел он, и всем нам сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос (голос рядчика для рассказчика не нов, так поют «мастера» во Франции и Италии. — А.Н.): он был слегка разбит и звенел, как надтреснутый; он даже сначала отзывался чем-то болезненным; но в нем была и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем, и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны. Песнь росла, разливалась. Яковом, видимо, овладевало упоение: он уже не робел, он отдавался весь своему счастью; голос его не трепетал более — он дрожал, но той едва заметной внутренней дрожью страсти, которая стрелой вонзается в душу слушателя, и беспрестанно крепчал, твердел и расширялся»⁷¹. Наряду с собственно пением описываются психологические перемены, происходящие с поющим, его вхождение в песню и подчинение ей. Мелодия и голос создают многомерный (тщательно прописанный Тургеневым) смысл в единстве с поэтическим словом, представленным одной — но выразительной и опять-таки многозначной — строкой. (Вмонтированной в тождественное песни Якова повествование, а не обособленной графически, как фиоритуристский куплет рядчика.) Слушатели не дивятся певцу, но переживают то же, что он сам. (Несомненно, по замыслу Тургенева, то же должно происходить с читателем его рассказа.) Песня освобождает всех слушателей (включая признавшего поражение рядчика) от их жизненных ролей — слезы поднимаются к глазам и у рассказчика, и у всех посетителей кабака, «жена целовальника плакала, припав грудью к окну». Такие же слезы не может сдержать Матрёна после романсов Глинки, заражаясь их жизненным содержанием, для которого равно важны скромное («камерное») искусство и чувства поющих «по-нашему», то есть растворяющих себя в пении, им живущих. Велик соблазн предположить, что среди услышанных Матрёной романсов был и «Я помню чудное мгновенье...».

Замордованная жизнью Матрёна так же духовно чутка, как тоже никак не избалованные судьбой (опустившиеся или, напротив, выбившиеся в люди) судьи кабацкого состязания. У Тургенева история о светлом единении в песне (духовной высоте русского мира) нагружена двумя мрачными «эпилогами». Поздним вечером рассказчик, заглянув в окно кабака, видит: «...все было

⁷¹ Тургенев И.С. Собр. соч. Т. 1. С. 305, 306.

пьяно — все, начиная с Якова». Покидая деревню с «говорящим» названием Колотовка, он слышит переключку двух мальчиков. Один неустанно кричит «звонким голосом» «с упорным и слезливым отчаянием, долго, долго вытягивая последний слог», другой едва слышно произносит: «Чего-о-о-о-о?»

«— Иди сюда, черт леши-и-и-й!

— Заце-е-е-ем? <...>

— А затем, что тебя тятя высець хочи-и-и-т»⁷².

Послесловия не перечеркивают слова (песни Якова). Страдальческая жизнь и гибель Матрёны не отменяют «пелены слёз в неярких... глазах», причастности старой крестьянки миру Глинки и Тургенева⁷³.

Вторую главу — рассказ о жизни, любви и смерти Матрёны — завершает неожиданно случившееся (как оказалось, не отмененное, а отложенное) отмщение изменившей невесте. «И вдруг в притёмке у входных дверей, на пороге, я вообразил себе чёрного молодого Фаддея с занесенным топором:

“Если б не брат мой родной — порубал бы я вас обоих!”

Сорок лет пролежала его угроза в углу, как старый тесак, — а ударила-таки...» (142).

При всей жизненности истории Матрёны и Фаддея она точно совпадает с архаическим фольклорным сюжетом «муж на свадьбе жены», используемым в эпических песнях и сказках многих народов. В русском фольклоре это история о «неудачной женитьбе» Алеши Поповича. Отъезжая на подвиги, Добрыня Никитич завещает жене ждать его три года (шесть, девять, двенадцать лет); коли муж не вернется, жена вольна оставаться вдовой или выйти замуж: «Хоть за князя поди, хоть за боярина, / Хоть за русского могучего богатыря, / А только не ходи за брата моего названого, / За смелого за Алешу Поповича»⁷⁴. Часто запрет мотивируется иначе (например, насмешливым нравом Алеши) или не мотивируется вовсе. Добрыня не успевает вернуться к сроку либо жена получает весть о смерти мужа (иногда ее сознательно вымышляет Алеша, погубивший Добрыню, иногда доносит молва). Жена Добрыни идет замуж за Алешу (в некоторых вариантах — по настоянию князя

⁷² Тургенев И.С. Собр. соч. Т. 1. С. 308, 309.

⁷³ «Певцы» — рассказ о русских людях и русских бедах, но строится он с опорой на европейскую традицию. Противопоставляя рядчика и Якова, Тургенев отсылает к не одно десятилетие кипевшему спору об «итальянском» и «немецком» вокальном искусстве, шире — об «итальянской» и «немецкой» музыке. Первая воспринималась как образец виртуозности и чистой красоты, вторая мыслилась серьезной, духовной, строгой. (Потому «немец пришел бы... в негодование» от пения рядчика.) Разумеется, Тургенев мог набрести на кабацкий турнир во Мценском (или ином) уезде, но и новелла Гофмана «Состязание певцов» (входит в роман «Серапионовы братья») была ему знакома. И конечно, писатель понимал, что и «средневековая» фантастическая история Гофмана, и общеевропейский спор о «немецкой» и «итальянской» музыке хорошо известны большинству его просвещенных современников — потенциальным читателям «Записок охотника».

⁷⁴ Добрыня Никитич и Алеша Попович. М.: Наука, 1974. С. 230.

Владимира), переодетый и изменивший внешность Добрыня появляется на пиру, жена узнает его (обычно по брошенному в ее чашу кольцу), оповещает о том всех пирующих, Добрыня вершит расправу над Алешей (иногда укоров, но простив жену и сосватавших ее от живого мужа князя и княгиню).

Примечательно, что в одном из наиболее известных вариантов былины (впервые опубликован в «Русских песнях, собранных П.Н. Рыбниковым»; выше цитировался именно этот текст) запрет на брак с Алешей (даже в случае смерти Добрыни!) связан с побратимством богатырей. В другой версии, напротив, их особые отношения спасают Алешу от смерти: «Хватил тут Добрыня Алёшу за желты кудри, / Ударил Алёшу о сыру землю: / — Кабы был, Алёша, не крестовый брат, / Придал бы тебе скоро смёртыньку»⁷⁵. Так или иначе, но побратимство может оказываться значимым мотивом. Солженицыну могли быть известны оба цитированных выше текста — вариант, впервые опубликованный в «Онежских былинах, записанных А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г.» не менее «хрестоматиен», чем «рыбниковский». В «Матрённом дворе» сюжетные версии парадоксально совмещаются: Фаддей не убил родного брата⁷⁶, а инородную для былины казнь провинившейся жены (никак не невесты!) свершил много лет спустя — и не своими руками.

О том, что Солженицын соотносил историю Матрёны с былинной, свидетельствует еще одна переключка рассказа с «рыбниковским» вариантом, где трижды описывается «пустое» и быстро бегущее время ждущей мужа Настасьи Никуличны: «Как день за днем, будто дождь дожит, / Неделя за неделей, как трава растет, / А год за годом, как река бежит. / Прошло тому времени да три году, / Не бывал Добрыня из чиста поля»⁷⁷. Ср. сперва о годах Первой мировой, а потом — о времени замужества Матрёны: «Да, да... Понимаю... Облетали листья, падал снег — и потом таял. Снова пахали, снова сеяли, снова жали. И опять облетали листья, и опять падал снег. И одна революция. И другая. И весь свет перевернулся» (133). (Социальный катаклизм, сломавший судьбу России, так же парадоксально вписан в вечный кругооборот природно-крестьянского бытия, как роковая ошибка Матрёны.) «И шли года, как плыла вода... В сорок первом не взяли Фаддея на войну из-за слепоты, зато Ефима взяли» (135). Вновь страшные события неожиданно входят в вечное течение жизни, вновь (хоть и по-другому) Матрёна теряет мужа — теперь любимого, но навсегда.

⁷⁵ Там же. С. 271.

⁷⁶ Его увела из мира живых вторая война с германцами, как когда-то Фаддея — первая. Тогдашняя «временная/мнимая смерть» старшего брата отзывается в рассказе пропажей без вести брата младшего. О сомнительном (погиб или сумел устроиться в чужом — мертвом — мире?) положении младшего брата читатель узнает раньше, чем о том, что прежде та же участь выпала брату старшему.

⁷⁷ Там же. С. 230.

Былина высвечивает «русскость» истории, случившейся в XX веке, но ее «всеобщий» сюжет открывает большую перспективу — подобно Добрыне, в последний миг успели попасть домой хитроумный Одиссей и бедный певец Ашик-Кериб, о котором русскому читателю рассказал Лермонтов. Только Матрёну жизнь не одарила тем счастьем, что в конце концов обрели Пенелопа, Настасья Никулична и Магуль-Мегери. Русский XX век жестоко поправил фольклорную схему, хотя и оставил ее распознаваемой.

Третью главу — поминовение Матрёны (сперва фальшивое, потом — истинное) — заключает пословица о праведнике, без которого «не стоит село.

Ни город.

Ни вся земля наша» (148).

Пословица эта, как и свойственно паремийным текстам, может читаться двояко. Первый план: если нет праведника, то селу (городу, стране, миру) устоять не удастся. Ясно (и не раз отмечалось), что прочитанная так (и только так) пословица отсылает к истории Содома, о спасении которого Авраам тщетно молил Господа: в городе не нашлось и десяти праведников (Быт. 18: 20–33). Но ударение в пословице можно поставить и иначе: нет такого села (города, страны), в котором не нашлось бы праведника, хотя его зачастую не видят — как не видели тальновцы (да и Игнатъич) праведности Матрёны.

Так понимал пословицу Лесков, предпославший ее (в церковнославянской огласовке) своему циклу рассказов о «хороших людях». В предисловии (появившемся впервые при рассказе «Однодум», 1879) Лесков рассказал, как удручили злые порицания, которые «один большой русский писатель», собираясь умереть уже «в сорок восьмой раз», низвергал на все вокруг: «По-вашему, небось, надо хороших писать, а я, брат, что вижу, то и пишу, а вижу я одни гадости <...> что же мне делать, когда я ни в своей ни в твой душе ничего, кроме мерзости, не вижу...» Автор будущих рассказов о праведниках не мог принять воззрений собрата по литераторскому цеху (его прототип — А.Ф. Писемский, действительно, «большой русский писатель» с явной склонностью к мизантропии): «“Как, — думал я, — неужто в самом деле ни в моей, ни в его и ни в чьей иной русской душе не видать ничего, кроме дряни? Неужто все доброе и хорошее, что когда-либо заметил художественный глаз других писателей — одна выдумка и вздор? (Этот вопрос очень важен для обсуждаемой «литературности» «Матрёнина двора»! — А.Н.) Это не только грустно, это страшно. Если без трех праведных, по народному верованию, не стоит ни один город, то как же устоять целой земле с одной дрянью, которая живет в моей и твоей душе, мой читатель?»

Мне это было и ужасно, и несосно, и пошел я искать праведных, пошел с обетом не успокоиться, доколе не найду хотя то небольшое число трех праведных, без которых “нести граду стояния”...». Лесков таких праведников нашел (куда больше, чем трех), хотя и завершил предисловие усмешливой оговоркой: «Праведны они, думаю себе, или неправедны, — все это надо

собрать и потом разобрать: что тут возвышается над чертой простой нравственности и потому “Господу свято”»⁷⁸.

Я не знаю, прочел ли Солженицын к августу 1959 года (время работы над рассказом) лесковское предисловие к «праведническому» циклу, но его смысл автору «Матрёнина двора», безусловно, был близок. Память о Матрёне (как и о лесковских героях, тоже оставивших землю) должна быть бережена для того, чтобы мы умели видеть окрест себя не одну лишь дрянь (которой с избытком было и в 1959 году), но и неприметных праведников. Для того чтобы мы и наши дети говорили (думали) на живом языке сказок, былин, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Некрасова, Лескова, а не «торфопродукта». Для того чтобы не постигла участь Содома и Гоморры «всю землю нашу». Между прочим, кроме русского смысла в этих словах есть и смысл буквальный — всемирный⁷⁹.

⁷⁸ Лесков Н.С. Полн. собр. соч.: [в 36 т.]. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1902. Т. 3. С. 73–75.

⁷⁹ Сердечно благодарю студентов факультета филологии НИУ «Высшая школа экономики», с которыми мы в 2012/13 и 2013/14 учебных годах медленно читали «Матрёнин двор», О.А. Лекманова, совместно с которым я вел соответствующий курс в первый раз, всех коллег по факультету, заинтересованно поддерживавших эту работу.

И.В. Дорожинская

КОСТЮМ В РОМАНЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»

Действие романа А.И. Солженицына «В круге первом» происходит течение трех дней в конце декабря 1949 года. Центр повествования — марфинская шарашка. Однако пространство романа не ограничено изображением спецтюрьмы МГБ, но включает в себя широкую картину московской жизни: улицы, метро, коридоры МИДа, кабинеты Сталина, Абакумова, студенческое общежитие на Стромынке, квартиры Володина, Макарыгина, комнатенку жены Герасимовича, камеры Лубянки и Бутырок. Расширено пространство и картинами прошлого героев. Это фронтовые воспоминания Рубина и Нержина, 30-е годы в биографии Яконова. Есть и выходы за пределы Москвы — убогий домик тверского дядюшки Авенира, летнее подмосковное путешествие Володина и Клары, деревенский мир прошлого Спиридона, эпизоды довоенного и лагерного бытия других эзков. Особую роль в изображении героев и создании образа эпохи играет костюм.

В романе «Круге первом» около двухсот персонажей — от эзков и «вольняшек» марфинской шарашки до Сталина и его окружения. «Круг» — роман автобиографический. Сам Солженицын признавался, что автобиографичность при работе над романом рождала легкость и трудность одновременно: «Когда сам пережил и видел — задача бывает <...> в том, чтобы отбиться от лишнего материала»¹. М.Г. Петрова, исследовавшая судьбу текста романа (от сохранившейся 3-й редакции к 7-й), работу Солженицына над «Кругом» в течение нескольких десятилетий, замечает, что в этот процесс естественным образом был заложен «отбор из множества *единственного*, того, что имеет художественную значимость»². Такой жесткий отбор писатель осуществляет на всех уровнях текста, в том числе и в работе с костюмами героев. Не случайно изображение мира эзков начинается не с останкинского пейзажа или

¹ Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль, 1996. Т. 2. С. 220.

² Петрова М.Г. Судьба автора и судьба романа. // Солженицын А.И. В круге первом. М., 2006. С. 687.

интерьера семинарии, приспособленной под нужды тюрьмы, а с живой сцены прибытия в лагерь новичков, вернее, с одной детали их костюма:

«— А что это у вас на груди, на шапке — пятна какие-то?

— Тут наши номера были. Вот на спине ещё, на колене. Когда из лагеря отправляли — спороли»³.

Читатель сразу слышит и видит главное — перед ним мир рабства, пронумерованных лбов. Ведь и относительно спокойный, даже сытый мир марфинской шарашки, «первый, лучший» круг ада, имеет свою маркировку отверженных:

«— А что за комбинезоны на вас? Почему вы все здесь как парашютисты?

— Форму ввели» (13).

Когда-то на заре марфинской шарашки здесь поддерживалась иллюзия свободы: «шарашечные эски ходили повседневно в хороших костюмах и пальто», потом, «чтобы часовые на вышках ясно отличали эсков от вольных» (117), их переодевают в синие комбинезоны. Примечательно, что это не обычные черные бушлаты рядовых эсков, а спецодежда («парашютисты»), комбинезоны технического персонала. Л.З. Копелев, появившийся в марфинской шарашке несколько раньше А.И. Солженицына, называет в автобиографической книге такой комбинезон «арестантской робой» и уточняет: «К лету нас всех обрядили в синие комбинезоны из чертовой кожи»⁴. Копелеву важно передать подробности быта эсков, поэтому он говорит и о цвете, и о материале костюма. Молескин, прозванный в народе чертовой кожей, — прочный, плотный, износостойкий материал, использовался преимущественно для производства книжных переплетов, обуви, спортивной и рабочей одежды, чаще был черного цвета (*англ.* moleskin — шкура кро-та). Солженицын не упоминает материал комбинезонов, но неоднократно указывает на их синий цвет, тем самым превращая описание добротной и, вероятно, удобной рабочей одежды из документальной подробности в знак эсковской судьбы. В романе эти синие комбинезоны не раз появятся перед читателем именно как знак отверженности от мира свободных людей. Например, «вольный» профессор Веренёв, «скромный человек в гражданском, в чёрном», с изумлением рассматривает «странный синий комбинезон вместо привычной людской одежды» (43) своего бывшего студента Нержина.

Однако и в одинаковой одежде эски сохраняют индивидуальность: «Хотя комбинезоны всем арестантам были выданы одинаково сшитые, но носили их по-разному. У Рубина одна пуговица была оторвана, пояс — расслаблен, на животе обвисали какие-то лишние куски ткани» (21). А молодой

³ Солженицын А.И. В круге первом. М., 2006. С. 13. Далее ссылка на это издание с указанием страницы дается в тексте в круглых скобках.

⁴ Копелев Л.З. Утоли моя печали. Харьков, 2011. С. 54.

инженер Пряничков «в таком же синем комбинезоне держался франтовски, его матерчатый синий пояс был затянут пряжками вокруг тонкого стана, а на груди, в распах комбинезона, виднелась голубая шёлковая сорочка, хотя и линялая от многих стирок, но замкнутая ярким галстуком» (21). Таким образом, стандартный костюм не в силах уничтожить выразительные черты характера, личности героев. Напротив, несломленный дух заключенных заставляет доработать, дополнить свою тюремную одежду, чтобы она была менее оскорбительной. Подробно, даже скрупулезно, Солженицын описывает служащую для этого своеобразную деталь эковского костюма — манишку: «...это был белый лоскуток (от простыни, разодранной на шестнадцать частей, но каптёр этого не знал) с пришитым к нему белым воротничком. Лоскутка этого хватало только, чтобы в распах комбинезона покрыть нижнюю сорочку с чёрным штампом “МГБ-Спецтюрьма № 1”. И ещё были две тесёмки, которые перебрасывались на спину и там завязывались. Манишка помогала создать видимость всеми желаемого благополучия. Незатейливая в стирке, она верно служила и в будни, и в праздники, не стыдно было перед вольными сотрудниками института» (180). Как видим, одна из главных тем романа — сохранение внутренней свободы личности в условиях жесточайшего ее подавления — отражена и в простом самоуважении, переданном в столь, казалось бы, незначительной детали.

Показательно, что для доклада о ходе работы над аппаратом искусственной речи в кабинет Абакумова эков-инженеров Пряничкова и Бобынина доставляют не переодетыми, а в арестантских комбинезонах. Министр госбезопасности желает знать правду, поэтому эков привозят спешно, в Neurочный час, в чем были. А на свидания с родственниками тюремное начальство заставляет заключенных переодеваться в «чи-то не новые костюмы и рубашки, могло стать, что и — конфискованные из частных гардеробов по описи имущества». Такой «маскарадный» костюм служит единственной цели — «родственники не должны были подумать ничего плохого о тюрьме» (177). Эта нехитрая ложь, казалось бы, должна сразу обнаружиться, но, например, измученная, затравленная жена Герасимовича видимое благополучие мужа принимает за подлинное: «Щеки были не впалые, морщин — никаких, костюм — дорогой, галстук — тщательно повязан» (233). Мнимое возвращение полноценного социального облика несколько не обманывает самих эков, не рождает у них иллюзий. Нержин на свидании в тюрьме сразу говорит жене о своем костюме: «Потёмкинская функция. На три часа» — и предлагает воспринимать происходящее в юмористическом аспекте. А инженер Бобынин в своем эковском комбинезоне не выглядит жалко или подавленно на фоне тяжеловесной роскоши кабинета министра госбезопасности, напротив, он демонстративно подчеркивает свою независимость. Именно синий казенный комбинезон позволяет Бобынину сказать всевластному министру ту правду, какую Абакумов совсем не желал знать:

«...вы сильны лишь постольку, поскольку отбираете у людей не в с ё. Но человек, у которого вы отобрали в с ё, — уже неподвластен вам, он снова свободен» (84).

Наделение костюма как необходимой бытовой детали чертами символическими видно и в других сценах «Круга». Например, сцена свидания в Лефортовской тюрьме. Солженицын особо выделяет здесь облик двух женщин, пришедших на свидание с мужьями, — Нади и жены Герасимовича. Надя молода, она находится еще в начале мучительного пути жены заключенного, поэтому ее костюм существенно отличается от костюма Натальи Павловны. Надя принарядилась, «ей хотелось показать мужу кроме новой, только в этом году сшитой шубки <...> ещё и новую блузку, и чтоб оранжевый цвет блузки оживил её лицо» (225). Наталье Павловне всего тридцать семь лет, но она давно бедствует, разделяя судьбу мужа-сидельца. На ней «фетровые боты довоенного выпуска», «очень неновая шуба, серый головной платок, с которого ворс начисто вытерся, и всюду обнажилась простая клетка вязки» (220). Весь ее облик подчеркивает обреченность, сломленность, страдание. Не случайно Солженицын еще дважды упомянет этот платок, который служил Наталье Павловне не одно десятилетие: «ещё в Комсомольске-на-Амуре его купили по ордеру, и в Ленинграде она ходила в нем к Невке по воду» (232). Надя воспринимает Наталью Павловну как «женщину в облезшем сером платке». Эта деталь — совершенно в духе русской классической традиции (пожалуй, как драдедамовый платок Мармеладовых в мире героев Достоевского) — становится символом многих женских судеб.

Женский костюм особо выделен в описании марфинской шарашки. Мужчины здесь — либо военные, либо ээки, поэтому вольнонаемные женщины в этом мужском мире весьма заметны. Например, на лекции по марксизму-ленинизму «всё сплошь было занято зелёными кителями и кое-где женские платья пестрели меж них» (529). «Мужеско-женские» (по определению Солженицына) сюжеты пронизывают и «шарашечные» главы романа. Линии Нержин — Симочка и Сологдин — Емина особенно ярко показывают, как мастерски Солженицын использует костюм для создания женских образов. Лариса Николаевна Емина, величавая, полная, с толстыми белыми косами, уложенными венцом на голове, изображена в шерстяном вязаном костюме, зелень которого была «резкая, дерзкая». И рукава, и кофта, и юбка плотно облегают, подчеркивают ее мощные формы, тем самым выводя на первый план телесное начало героини.

А Серафима Витальевна (Симочка) словно лишена плоти. Она «кутается в теплый платок», «крест-накрест стягивает на себе коричневый платок козьего пуха» (41). В день решающего свидания с Нержиным Симочка надевает свое лучшее, новое платье, которое призвано не подчеркнуть, а скрыть ее детскую фигуру. Однако именно она, эта женщина-ребенок, будет готова, рискуя свободой, сохранить рукописи Нержина.

Любопытно, что цвет блузки Симочки — апельсиновый — совпадает с цветом блузки, надетой Надей на свидание с мужем. В дневниковой записи Н.А. Решетовской о поездке в Торфопродукт (в это время Солженицын как раз работает над «Кругом») есть своеобразная рифма блузкам Нади и Симочки: «Приехала в абрикосовой крепдешиновой блузке, сшитой по типу той, которая когда-то так понравилась Сане на свидании в Лефортовской тюрьме»⁵. Таким образом, цвет блузки героини — это, конечно, след памяти Солженицына.

Острый писательский взгляд неизменно точен, когда повествование касается лично увиденного, пережитого. Например, Надя видит мужа в колонне заключенных словно сквозь усиливающую оптику: «в шерстяной гимнастёрке, ещё сохранившей на обшлагах красные выпушки, а на груди — невылинявшие подроденские пятна» (216). Именно малейшие детали дают почувствовать в облике зэка Нержина его недавнее фронтовое прошлое, драматический слом его судьбы. Или зэк Пряничков, которого неожиданно везут по вечерним московским улицам в легковом автомобиле, с жадным упоением рассматривает толпу и видит не пестроту цветowych пятен, а отдельные аксессуары женских костюмов: «мелькали шляпки, вуалетки, чернобурки». Такая отчетливость позволяет не только ощутить тоску Валентули по женскому обществу, по любви, но и дает молниеносную, точную характеристику модных деталей женской одежды зимы 1949 года, передает самый дух времени. Эта же точность видна подчас на уровне слова. Например, кителя немецких военнопленных Солженицын называет «ящеричные». Эпитет указывает на цвет и вместе с тем выражает отношение автора к недавним врагам.

Однако подробные описания женских платьев (Симочки, Клары, Динэры, Дотнары) опираются не только на личные наблюдения Солженицына. Писателю, сначала воевавшему, потом прошедшему тюрьму, лагеря, ссылку, для работы над некоторыми женскими образами понадобились специальные сведения. Реалии 1949 года предполагали, что не только дочери прокурора Макарыгина, но и скромная Симочка пользуются услугами портнихи (об этом прямо говорится в романе). Писателю, как и его героиням, приходилось обращаться к изданиям, посвященным моде. По свидетельству Н.А. Решетовской, Солженицын поручил ей «подобрать в старых модных журналах фасоны платьев для женщин-героинь “Шарашки”»⁶.

Модели 1949 года можно было увидеть в журналах «Советская женщина», «Работница», «Крестьянка» на страничках с фотографиями или рисунками модной одежды, рядом с которыми помещались сведения о рекомендуемой ткани и особенностях кроя. Выходил также солидный иллюстрированный «Журнал мод». Динэра, жена обласканного властью писателя Галахова,

⁵ Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия. М., 1990. С. 36.

⁶ Она же. В круге втором. М., 2006. С. 250.

и Дотнара, жена дипломата Володина, могли прибегнуть и к иностранным изданиям, а писатель Солженицын — едва ли. Описанные им в романе модели платьев, скорее всего, почерпнуты из советских журналов. Но подобрать фасон и «одеть» героиню — не одно и то же. Художнику не достаточно механически перенести в роман описание подходящего платья.

Выбирая наряд для Динэры, знаменитой в Москве своей принадлежностью к избранному кругу знатоков литературы и независимостью суждений, писатель подчеркивает ее несоветский, театральный облик: «вся в импортном чёрном шёлке “лакэ”, только алебастровые руки вырывались выше локтя из этой лакированной блестящей как бы кожи» (391). Дотнара обладает особой статью, женственностью, поэтому она одета несколько вопреки советской моде, по мало кому ведомым иностранным образцам — у нее нет «грубых ложных накладных плеч, какие были у всех женщин теперь» (358). Само ее вишневое платье сложной модели, которую надо разглядывать, любясь хозяйкой: «платье без рукавов, но зато полунакидка, отороченная мехом, — с рукавами, туготой обливающими у кистей, а выше разрезанными» (358). В этом фрагменте текста хорошо видна работа Солженицына с описанием замысловатого кроя платья: писатель включает в него невозможный ни в одном специальном издании оборот («с рукавами, туготой обливающими у кистей»), делая живой, объемной журнальную схему.

Особенно интересна работа писателя над изображением Симочкиного платья. Солженицын не раз подчеркивает женскую непривлекательность героини, известную и самой Симочке. Платье, надетое для свидания с Нержиным, должно отчасти скрыть телесные недостатки, поэтому автор описывает наряд героини именно с точки зрения решения этой непростой задачи: «при переходе же в юбку, чтоб искусственно расширить фигуру, жакет заканчивался двумя круговыми, вскидными на ходу, воланчиками, одним матовым, а другим блестящим» (537). Если туалет Дотнары дан статично, подчеркивая ее телесное совершенство, то платье Симочки — в движении. Модель платья, описанная автором, несомненно популярна в 1949 году: и двойные воланы на талии, и эффект сочетания матовой и блестящей поверхности креп-сатина (этот материал упомянут в тексте) рекомендовался модными журналами. Однако, вмешавшись в описание модели живым писательским взглядом («вскидными на ходу»; «воланчиками»), Солженицын отражает в наряде Симочки не просто следование портнихи рекомендации журнала, но и стремление девушки к счастью. Поэтому подробности кроя воротника автор передает как остроумную находку, словно «переводя» для читателя с языка отстраненно-журнального на живой, человеческий: «И в воротнике была наивно-милая выдумка: он выкроен был отдельно долгим дорожкой той же ткани, и свисающие концы его завязывались на груди бантом, походившим на два крыла серебристо-коричневой бабочки». Читатель, таким образом, получает исчерпывающее представление о модели модного платья зимы 1949 года и

видит в нем саму девушку, замирающую, трепещущую в ожидании любви. И когда надежды Симочки на счастье рухнули, «крыльца ее воротничкового банта бессильно опали» (539). В костюме героини словно отражена метафора бабочки-души.

Костюм Клары описан скупо, поскольку в ней самой нет женского очарования, любви к нарядам. Солженицын ограничивается кратким описанием платья или упоминанием его цвета («новое платье из матово-зеленого крепсатина с блестящими резными накладками на воротнике» (397)⁷; «в однотонном ярко-синем платье»; «надела коричневое платье, плащ взяла голубой»). Автор подчеркивает, что Клара вообще не умеет одеваться. Например, собираясь в загородную поездку с Иннокентием, промучившись два часа, она отказывается от вуалетки, но надевает «черные сетчатые перчатки». Солженицын замечает, что источником подражания для девушки являются кинофильмы, где женщины в вуалетках кажутся таинственными. Копирование костюма киноактрис — точно переданная черта эпохи, но такой выбор аксессуаров Klarой вряд ли уместен. Героиня, лишенная простого женского чутья, словно погружена в какую-то неженскую работу: внешне холодная, не очень привлекательная, она занята глубокой внутренней работой сердца и ума. В отличие от своих блистательных, но поверхностных сестер, Клара как-то механически одевается, подбирает платья, потому что автор наделил ее другим даром — героиня пытается постичь смысл противоречий, которые открываются дочке прокурора едва ли не каждый день, но вовсе не волнуют членов ее семьи. Такая же тайная работа совершается в Иннокентии, не случайно именно в Klаре он находит собеседницу. И она решает поделиться своими опасными мыслями с ним, а не с сестрами или родителями.

Прозрение Клары, которое явилось результатом долгой подспудной работы, происходит на лестнице в только что законченном доме МВД на Калужской заставе осенью сорок пятого года. Солженицын выстраивает эту сцену на антитезе, используя выразительные детали костюма для создания яркого контраста. «Грязно одетая женщина» моет лестницу. Отец «в генеральской шинели с распахнутой грудью, с орденами и медалями», мачеха «шелестя многоскладчатой надушенной юбкой», Клара в модном платье и плаще, любезный прораб прерывают работу поломойки. Их длинное шествие заставляет женщину поднять голову. Клара видит ее «жгучий презрительный взгляд» — и замирает от стыда. Именно контраст самодовольной праздности, «этого шелка и этих духов» с «юбкой в лохмотьях», «телогрейкой с вылезшей ватой» делает сцену символической. В солнечный послевоенный день Клара словно впервые увидела колючую проволоку поверх забора на стройке, сол-

⁷ Показательно, что описание этого платья Клары изначально, в 3-й редакции, было значительно более распространенным, а его модель — сложной. В процессе работы Солженицын опустил детали, видимо, как противоречащие образу героини.

дата при входе и услышала слово «заключенные». Но теперь она никогда не забудет, что «поломойка и сегодня стоит на их лестнице».

Женский мир особенно подробно представлен в «стромынских» главах. Для показа обычной жизни обычных девушек Солженицын наряду с широким охватом бытовых деталей изображает костюмы героинь. Таким примером повседневного облика служит Даша: «в тугом свитере, в простой юбке с тесным поясом». Соседки Нади по комнате в общежитии — провинциалки, пытающиеся устроить свою личную судьбу, а для этого нужно хорошо выглядеть. В послевоенную эпоху это не совсем простая задача, поэтому девушки показаны в заботах о своей одежде. Живя на аспирантскую стипендию, экономя даже на еде, Оленька боится ненароком испортить вечерний наряд — жакет и юбку: «ей было бы легче прожечь утюгом себе тело, чем этот костюм» (290). И у более состоятельной Люды на кровати «бережно разложено уже выглаженное голубое шелковое платье и чулки» (289). Даша ушивает доставшееся ей по случаю белье, а Оленька старательно укрепляет «розовые пуговицы на своей кремовой блузке». Идя на свидание, девушки стараются придать себе беззаботный, праздничный вид. Они не только красятся, завивают волосы, но и чуть-чуть дополняют свои выходные костюмы: Люда надевает вуалетку, а Оля вкалывает в отворот жакета брошку — «рубиновый цветочек». Однако стесненные материальные обстоятельства все равно ясно видны в их верхней одежде. Так, Даша одета в «дешёвенькое пальтецо с цигеечным воротником, три года назад полученное по талону в университетском распределителе» (294). У Нади хотя и новая шубка, но из дешевого искусственного каракуля. У Люды — простоватая беличья, а у Оли — и вовсе какая-то «меховушка с желтым воротником».

Еще один штрих эпохи — указание на материал костюма. В условиях тотального голода, недоступности широкого ассортимента одежды, да и просто общей нищеты качество, цена, модность ткани высоко ценились, обладание статусной вещью добавляло социальной значимости ее носителю. Поэтому Оленька, узнав о прибавке к стипендии, мечтает, что сошьет себе «платье гранатовое, креп-жоржетовое». Речь идет не о повседневной одежде, но о той, которая будет выделять девушку особой праздничностью, необычным цветом, фактурой тонкого прозрачного шелка в «двойных воланах». Новое платье — событие в жизни девушки. Обновку стремятся сшить к празднику. Симочке приходится придумывать правдоподобное объяснение, почему она надела новое платье в обычный рабочий день, ведь настоящая причина — тайное свидание с Нержиным. Примечательно, что коллеги живо обсуждают не только то, как платье сшито, но и интересуются, где куплен материал для него.

О некоторых второстепенных персонажах Солженицын высказывает так, как, вероятно, их воспринимали бы современники, замечая прежде всего материал их костюма: «девушка в эпонжевом платье», лектор обкома

партии в «светлом бостоновом костюме». Эпонж и бостон — ткани, весьма модные в конце 40-х годов. Если эпонж — легкая шелковая или хлопчатобумажная ткань, которая рекомендовалась модными журналами для повседневной одежды молодежи, то бостон — плотная шерсть высокого качества с характерной, легко узнаваемой фактурой использовалась для пошива солидных, дорогих костюмов. Таким образом, сами названия тканей участвуют в создании образов героев, эпохи в целом.

Пространство романа расширено включением в него эпизодов прошлого. Иногда Солженицыну достаточно единственной детали, чтобы передать колорит эпохи. Так, Сологдин вспоминает свою юность: «В юнгштурмовке, как все носили, с пролетарски расстёгнутым воротом поступал в комсомольскую ячейку» (179). Юнгштурмовка — широко распространенная среди молодежи в СССР в конце 1920-х — начале 30-х годов военизированная форма одежды, своеобразная модификация гимнастерки. Эта деталь — знак внешней принадлежности героя к тем идеям, которые ему внутренне чужды.

А Рубин, вспоминая юность в редакции заводской многотиражки, видит себя в косоворотке, единственно уместной для комсомольца в рабочей среде Харьковского тракторного завода. Солженицын подчеркивает также еще одну характерную примету эпохи — женскую безликость партийного секретаря Пахтиной. Ее красная косынка ярко обозначает не столько пол, сколько то, что перед нами коммунистка со стажем — она словно застыла в 20-х годах, времени своей юности. На фоне этих идейных товарищей следователь ГПУ выглядит подчеркнуто безыдейно. Он не в форме, а «в галстуке, костюме, желтых полуботинках» (434). Однако, как оказалось, именно этот вежливый «нерабочий тип» без особых внешних примет обладает зловещей компетентностью не просто в области идей, а в личной судьбе Рубина.

Мир мужчин в романе представлен прежде всего как мир униформы. Сапоги, мундир, шинель, погоны упоминаются при портретной характеристике героя чаще всего. Конечно, это следствие изображения первых послевоенных лет, жизни лагерей и тюрем. Но в идейном контексте романа черты реальности обретают характер символа. Погоны, звания перестают быть лишь чертами времени, знаком службы, они встраиваются своей иерархией в общую картину несвободы, насилия. Золото или серебро погон, цвет канта — первая, иногда единственная деталь костюма, определяющая героя. Например, облик министра госбезопасности Абакумова дан глазами заключенного инженера Прянчикова и исчерпывается одним штрихом: «пара золотых погон в конце зала есть хозяин кабинета» (80). Портрета министра Солженицын не дает, показывая, что Абакумов не личность, а функция. А в описаниях марфинских начальников погоны тоже на первом месте: «Яконов поднял из полуторного кресла своё представительное, нелёгкое тело, означенное серебряно-голубыми погонами» (44). Для одних — это знак власти, для других — полного бесправия. Голубой цвет погон МГБ определяет ли-

нию жизни большинства героев. Солженицын приводит характерную ироничную реплику в диалоге эзков по поводу включенной на ночь синей лампы:

«— Светит он мягко, и мне лично напоминает синюю лампадку, которую в детстве зажигала на ночь мама.

— Мама! — в голубых погонах!» (63).

Погоны не обязательно являются деталью формы начальства и лагерной охраны. Можно погоны и не носить, но быть частью системы подавления. Женщины, работающие в марфинском институте, не носят форму, однако они тоже служат в МГБ, поэтому их милые наряды — своеобразная декорация. В тексте романа Солженицын намеренно допускает такие столкновения смыслов: «Серафима Витальевна, лейтенант МГБ в апельсиновой блузке» (29) или Тоня, «тоже лейтенантка», «в импортной вязаной кофточке алого цвета поверх темного платья» (531). Для эзков подобный радующий глаз карнавал — дополнительное испытание: притягательный облик «вольняшек» скрывает опасность слежки, доноса.

Особенно густо наполнят текст романа голубые погоны после ареста Володина. Пестрота жизни Иннокентия после «маскарадного» ареста с фальшивыми шофером и механиком сменяется равнодушным функционированием «кукло-людей» мира Лубянки. Все они отмечены ясным знаком нескрываемой принадлежности к нему: «отворил дверь бесстрашный долголицый надзиратель с небесно-голубыми погонами и белыми сержантскими лычками поперёк них» (556). Затем будет женщина «в военной юбке и гимнастёрке с такими же небесно-голубыми погонами и такими же белыми сержантскими лычками» (558), а позже «широкий коридор, где мелькало много надзирателей с небесными погонами и белыми лычками» (576). Погоны могут быть прикрыты белым халатом врача или серым халатом хозяйственника, но именно они, а не черты личности определяют место человека в этом адском механизме. Лишение погон, угроза «сорвать погоны» в мире вольных людей означает не просто отставку. Это формула низвержения в ад.

Интересно, что один из второстепенных героев романа, «младшина» Наделашин, который сначала служил надзирателем на Лубянке, наделен автором тайной страстью к портняжеству. Служба, куда он попал не по собственной воле, тяготит Наделашина, а «после дежурств в накалённых безумием коридорах главной политической тюрьмы его успокаивал шорох ткани, податливость складок, беззлобность работы» (162). Тайное шитье одежды детям и жене воспринимается самим «младшиной» как постыдная слабость. Созидатель-портной и уничтожитель-тюремщик соединяются в двойственности героя. Однако природная наблюдательность, интерес к людям, мягкость, деликатность никак не могут трансформироваться в жестокость, грубость, равнодушие, заставляя героя приспособляться. Голубые погоны, как выясняется, не всегда уничтожают личность, но уродуют ее.

Одежда эков, помимо синих комбинезонов и телогреек, включает предметы их прошлого, чаще всего фронтового. Например, Нержин носит «старую офицерскую шапку, уже расходящуюся по швам» (149), у многих сохранились шинели. И Рубин, и Потапов надевают их на прогулку. Эта сугубо военная одежда присуща, конечно, и лагерному начальству. Так, глава отдела специальной техники Осколупов изображен «в сизой, тугой для него шинели и каракулевой генеральской папахе» (514). Но если в облике Фомы Гурьяновича шинель подчеркивает тучность генерала, передает негативный штрих его облика, то манера Нержина шагать на прогулке, «развевая фронтовой шинелью» отражает несломленность героя, его мятежный дух, является ярким положительным штрихом.

Не раз упоминает Солженицын в романе сапоги. В них обуты и жертвы, и палачи. Кирзовые сапоги носят зэки, но сами по себе они не становятся знаком отчуждения. Здесь важен контекст. Например, вспоминая весну на фронте, Рубин говорит чуть ли не с умилением: «ногами по воде хлюпаешь, в кирзовых сапогах по лужам». А «шарканье сапог по полу» тюремных коридоров мучительно для непривычного слуха Володина. Хромовые сапоги — безусловно, офицерская примета, знак прошлого многих героев. Наконец, в особых «мягких кавказских сапогах, похожих на плотные чулки» бесшумно ходит по своей таинственной комнате Сталин.

Сапоги — важнейшая часть мужского мира. Не случайно для опытного Нержина умение тачать сапоги представляется важнейшим в лагере. Зэки ценят добротные вещи. Понятия престижности, даже красоты в рассказе Земели о дореволюционном качестве сапог отступают перед долговечностью: «Сапоги — так сапоги, десять лет без починки носишь, а с починкой — пятнадцать» (254). Именно такие сапоги вызывают у героя поэтический восторг: «это душа вторая!» Из того же мира мечты показываются на мгновение «ярко-жёлтые американские ботинки, полученные по ленд-лизу» в рассказе Потапова о тюремной показухе. Эти фантастические ботинки служат, конечно, антитезой эковским «тупоносым кирзовым», но воспринимаются даже не как бывшая реальность, а как мираж.

Обмотки, портянки, носки — прозаические, однако необходимые детали, требующие стирки и штопки, тоже отражены в романе. Но особым образом автор выделяет валенки. Эта нехитрая обувь способна спасти здоровье, жизнь заключенного, дать ему надежду на будущее, потому Солженицын слагает настоящий гимн валенкам. Поэзия и проза простых вещей соединяются для зэка в валенках и сапогах.

Довольно подробно в романе показан костюм недавнего фронтовика — аспиранта университета Щагова. Собираясь в гости, он надевает «хромовые сапоги <...> бывшее своё парадное обмундирование с привинченными начищенными орденами, с пришитыми нашивками ранений», шинель. Писатель отмечает, что зимой 1949 года «мода на военную форму катастрофиче-

ски устаревала в Москве» (357), и Щагов среди гостей прокурора Макарыгина выглядит не совсем уместно. А старый большевик Радович смотрится уж совершенным анахронизмом. Он одет в «вытертый полувоенный френч», «выходя же на улицу, он до последней поры надевал будённовский шлем, пока не стала задерживать милиция» (378). И если Щагова здесь терпят, то Радовича откровенно стесняются. Оба героя призваны показать, как далеко сталинская элита отошла и от идеалов Гражданской войны, и от недавнего фронтового братства. Капитан Щагов даже чувствует неловкость за свои боевые награды — «скромные орденишки» — в обществе, где «государственный молодой человек», референт в секретариате Верховного Совета, «небрежно наискосок носил планку ордена Ленина» (390).

Единственный, кто может позволить себе носить «старый, обжитый» френч, не опасаясь оказаться несовременным, — это Сталин. Понятие «мода» вообще не применимо к костюму вождя. В главе «Этюд о великой жизни» Сталин рассматривает свои фотографии в томе «Краткой биографии», напечатанном к 70-летию юбилею. От снимка к снимку (Солженицын, несомненно, использует широко известные подлинные фотографии Сталина) выстраивается мифология вождя. Вот начало пути: тифлисский плебей, «пиджачок его куплен поношенным, дешёвый клетчатый шарфик с художнической вольностью облегает шею и закрывает узкую, болезненную грудь, где и рубашки-то нет» (93). Жалкий, даже убогий костюм помимо бедности указывает на стремление к независимости, попытке встать над стесненными материальными обстоятельствами. Следующий снимок демонстрирует эту обретенную свободу. Сталин эпохи Гражданской войны — уверенный в себе, молодцеватый военачальник: «...фуражка кожаная со звёздочкой; шинель офицерская двубортная, мягкая, с кавалерийским разрезом — и не застёгнута; сапожки хромовые, сшитые по ноге» (100). С годами в облике вождя исчезнет щегольская молодцеватость, но останется неизменным полувоенный костюм, указывающий на особую роль вождя, руководителя борьбы. Описывая костюм Сталина, Солженицын подчеркивает, что «френч с четырьмя большими карманами, нагрудными и боковыми», вождь носит, «немного повторяя Наполеона» (86). Облик вождя потерял броские черты, стал скромным, лаконичным, стоящим за пределами моды, вневременным. Вместе с тем костюм Сталина выделяет его как среди военных, так и среди гражданских, становится необходимой частью узнаваемого, канонизированного, бесконечно воспроизводимого образа «мудрого испытанного вождя». Власть ставит его словно вне времени, а потому можно повернуть время вспять даже в облике своих подданных. Нравится Сталину дореволюционная офицерская форма — возвращает покрой и погоны, нравится гимназическая форма — возвращает и ее, требует, «чтоб у каждого гражданского ведомства была своя форма и знаки различия» (125). И полицейская форма нравится Сталину. Вероятно, не случайно новая яркая форма милиционеров напоми-

нает пожилым ээкам городских. Не мода или функциональность направляют этот послевоенный процесс, а воля вождя.

Тема моды тесно связана с образом Володина. Собственно, костюм является существенной частью портрета героя: «высокий, узкий, не в мундире, а в костюме скользящей ткани, Володин казался скорее состоятельным молодым бездельником, чем ответственным служащим министерства иностранных дел» (7). Солженицын упоминает и другие детали элегантного облика Иннокентия: пальто, шляпу, замшевые перчатки. Однако именно этот фронт во «французских полуботинках, по моде без галош» решается на сопротивление, противодействие Системе. Это он ощущает себя смертником, грудь которого «распирало светлое отчаяние» (9). И контраст внешнего и внутреннего подчеркивает глубину сложных психологических процессов в герое. Солженицыну важно отметить, что Володин не становится рабом своего привилегированного положения, потому свой западный костюм он «таскал и мял с такой небрежностью, как костюм из «рабочей одежды» (249). Автор отмечает, что Иннокентия раздражает, как Дотти расчетливо использовала два парижских года, «чтоб отправлять в Москву большие картонки с отрезами, туфлями, платьями, шляпами» (361).

Настоящее назначение и цену вещей дипломат Володин успеет узнать в первые часы после ареста. Простые истины бытия открываются герою, когда он испытывает стыд и холод, потому что изымают белье, подтяжки, срезают с одежды пуговицы, и он сам так опрометчиво брезгливо расстаётся с оброненным носовым платком (а мог бы позже прикрыть им глаза от слепящего света в камере!). Открытия Володина пересекаются с рассказом неведомого ему инженера Потапова, что в камере Лубянской тюрьмы он подарил герцогу Эстергази «три пуговицы из хлеба — у него было всё начисто обрезано, — и он клялся, что даже ни от кого из Габсбургов не получал подарка более своеговременного» (172).

Конечно, отнюдь не случайно, что Володин арестован в роскошном «дипломатическом серо-сизом, вышитом золотыми пальмами» (562) мундире. Это знак наивысшего земного благополучия. Теперь, попав в адскую пропасть ГУЛАГа, Иннокентий должен пройти путь полного человеческого обезличивания. До ареста Володину казалось, что в схватке с «государственным Левиафаном» ему предстоит «высокое отстаивание своей судьбы и своих убеждений» (564), а в тюрьме начинается тупое, равнодушное, примитивное перемалывание личности, которое показано как цепь раздеваний, совлечения прежних покровов. Сначала совершается символическое, даже ритуальное действие — с Володина срывают серебряные дипломатические погоны. Далее следует требование бросить на пол мундир. Затем снять шелковое белье, носки, полностью обнажиться. А потом еще раз. А потом дать себя обрить. И еще раз раздеться. И только потом Володин получит «грубое застиранное тюремное белье с черными штампами “Внутренняя тюрьма” на

спине и на животе» (571). И эта новая (и последняя!) одежда — знак полной принадлежности аду. Одновременно с этим процессом в герое происходит стремительная духовная работа, которая освобождает его дух. Иннокентию открывается «высшее проникновение», приходит ясное понимание добра и зла, отступает страх. Символичен финал главы «Второе дыхание»: последний шаг героя — с запрокинутой головой.

Таким образом, костюм, деталь костюма, одежда в целом в романе А.И. Солженицына являются как способом характеристики персонажей и средством создания колорита эпохи, так и важнейшим средством организации смысловых пластов произведения.

М.Е. Федянина

АРХАИЗИРУЮЩЕЕ НОВАТОРСТВО: «АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ» КАК СИНТЕЗ КРЕСТЬЯНСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ И АВАНГАРДИСТСКОЙ ПОЭТИКИ

Дискуссии об «Архипелаге ГУЛАГе», даже и деполитизированные, как кажется, не могут быть доведены до простого логического завершения. Одна из причин этой тотальной непроясненности — неоднозначность самого статуса солженицынского текста, порождающая многократные попытки оспорить его художественность, что включает «Архипелаг ГУЛАГ» в ряд публицистики, мемуаров и прочей документальной и околодокументальной прозы, подходы к которой существенно отличаются от методов анализа художественной литературы. Эта точка зрения, безусловно, имеет свое основание, однако не только отвергает важнейший семантический пласт рассматриваемого текста, но и предполагает принципиальную несовместимость документальной точности и художественности, что совершенно неправомерно ограничивает эстетическую деятельность.

Одно из основных свойств любого художественного текста — особая структура, говоря словами Ю.М. Лотмана, — зашифрованность «многократно и разными кодами»¹. Определяющий элемент этой структуры — система тропов, благодаря которым возможна максимальная перегруженность значениями. В «Архипелаге ГУЛАГе» таких метафорических пластов несколько, и каждый из них связан с определенной сферой окружающего мира. Особенно интересны метафоры и сравнения, относящиеся к области, которую условно можно назвать физико-математической. Несмотря на очевидную близость этой сферы к биографическому опыту автора, использование такого рода метафор и сравнений может быть обоснованно художественно: они позволяют установить связь процессов, присущих неживой природе и сознанию людей. В результате человек познается через действительность, предполагается, что нематериальное в нем функционирует согласно законам развития материального в окружающем мире: так, например, злодейство оказывается поро-

¹ Лотман Ю.М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 204.

говой величиной по аналогии с физическим состоянием вещества, которое приводит к его изменению, часто безвозвратному (см.: 4: 164)².

Аналогичное использование метафор и сравнений уже встречалось в литературе, как правило, в качестве так называемого фольклорного параллелизма, известного нам по текстам народных песен второй половины XIX века. Например: «Нападала роса на темны леса; / Нападала грусть-тоска на мила дружка»³, — здесь эмоциональное состояние человека воспринимается через природное явление, которое происходит аналогичным образом, но, в отличие от психического процесса, отражает глобальное и повсеместное, чувственно постижимое изменение, что позволяет считать его закономерностью, сходной с обобщающими законами физики. Как известно, фольклорные тексты чаще всего создавались малообразованным крестьянством, которое склонно воспринимать мир на мифологическом уровне. Такое миропонимание прочерчивает четкую взаимосвязь между конкретными, ощущаемыми явлениями природного мира и состояниями человеческой души (в бытовом понимании), утверждает аналогичность самих процессов. Однако то, что мы обычно понимаем под фольклором, связано с текстами XIX века, которые отражают особое, мало затронутое ускоренным техническим прогрессом сознание, в XX столетии уже немислимое. Глобальные перемены, которые принес XX век, неизбежно преобразили бытовую картину мира, что привело к разрушению традиционалистских представлений о функционировании природы, многие явления стали восприниматься сквозь призму научного знания, не ограниченного повседневным чувственным восприятием. И потому закономерно, что Солженицын, с его особенным вниманием к крестьянскому мировоззрению, используя логику фольклорного параллелизма, преобразует систему метафор и сравнений в соответствии с естественно-научными открытиями XX века. Так этот принцип обоснован в «Архипелаге...»: «Двадцатые и тридцатые годы нашего века углубили человеческое представление о возможных степенях *сжатия*. Тот земной прах, та твердь земная, которая казалась нашим предкам уже предельно сжатой, теперь объяснены физиками как дырявое решето. <...> ...совсем даже не опираясь на успехи физики, сжимали и нас!» (6: 85), — оказывается, новейшие научные открытия соответствуют хронологически близким социальным процессам, «прогрессивная» советская мысль во всех областях развивается по одной и той же логике, «эволюционируя» к одним и тем же последствиям. Естественно-научный прогресс соответствует «прогрессу» в социальной сфере, т.е. очередному шагу к построению «идеального» коммунистического общества, настолько же бесчеловечного, насколько (к счастью) и неосуществимого.

² Здесь и далее в скобках указаны номера томов и страниц издания: Солженицын А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006–....

³ Великорусские народные песни: в 7 т. СПб.: Гос. тип., 1897. Т. 3. С. 347.

С другой стороны, физико-математические метафоры очень напоминают поэтику футуристов, которые стремились «механизировать» окружающий мир, переделать его в соответствии с законами, установленными человеком, потому что природа — «неусовершенствованная вещь»⁴, а художник — не творец, но инженер: он не создает мир, он переделывает его, что (в рамках авангардистской мифологии) дает ему право поставить себя на место Бога. Впрочем, по словам Б. Гройса, в этом — суть «советского коммунистического проекта», главной целью которого было «разорвать связь с природой, включая природу человеческую, и построить новое общество, представляющее собой полностью искусственную конструкцию»⁵. И потому закономерно, что, описывая реализацию этого проекта — формирование рукотворного мира (а точнее, антимира) и его населения, — Солженицын пользуется метафорической системой его провозвестников и в каком-то смысле создателей (по мнению Гройса, сталинская эпоха отчасти претворила в жизнь теоретические построения русских авангардистов). Таким образом оказывается, что советское общество организовано по принципу механистического перенесения законов физики в социальную сферу, и потому его «состояние <...> хорошо описывается физическим полем. Все силовые линии этого поля направлены от свободы к тирании. Эти линии очень устойчивы, они врезались, они вкаменились, их почти невозможно взвихрить, сбить, завернуть. Всякий внесенный заряд или масса легко сдуваются в сторону тирании, но к свободе им пробиться — невозможно. Надо запрячь десять тысяч волов» (б: 428), — «биологическое» здесь противопоставляется «механическому», неживому, советскому. Знаменательно, что выход из этого механизированного мира также описывается в рамках «физико-математической» метафоры: высокая «общественная температура» во время Кенгирского восстания неминуемо приводит к «переплавке» душ — такому качественному изменению, после которого все привычные модели поведения ээка, его стремление к самосохранению уже воспринимаются как недопустимые (см.: б: 287). Преодоление «механизированного» состояния связывается здесь с преображением, аналогичным физическому, поскольку само изменение происходит в рамках столь же «механизированного» окружения. Впрочем, в этом последовательном антимире невозможно само предположение о том, что нечто может существовать вне физических аналогий, и потому «те дифференциальные толчки, которые в разные годы разных людей вдруг направляли не в лагерь, а в ссылку» (б: 328), можно изучить только при наличии определенной информации, что аналогично необходимости «больших гидродинамических знаний» для объяснения «потоков жидкости» (б: 328). Влияние этой «машинности» оказывается настолько всепоглощающим и повсеместным, что все хоть сколько-нибудь коснувшееся этого советского ан-

⁴ Маяковский В.В. Я сам // Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 1. С. 11.

⁵ Гройс Б. Gesamtkunstwerk Сталин. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. С. 7.

тимира уже не может говорить прежним языком, использовать привычную метафорику: даже описывая «сферы мировой литературы», Солженицын обращается к «математическому» тропу, поясняя, что у создателей фольклора «был дробен досуг — дифференциалами доставался он отдельным личностям. И дифференциалами были безымянные вклады — непреднамеренно, в удачную минуту прозрением сложившийся образ, оборот слов» (5: 392). Экстраполяция поэтических приемов на давнее прошлое обусловлена здесь особенностями хронотопа, в котором создавался солженицынский текст, — после сталинской эпохи, после грандиозного в своей бесчеловечности коммунистического эксперимента использовать прежнюю поэтику оказалось невозможно, поскольку ее средства связаны с уже не существующим миром, а значит, не способны точно описывать новую действительность.

Используя физико-математические метафоры, Солженицын может вести полемику с режимом на его же языке, в рамках картины мира, которую создает официальная пропаганда. Так, «ошибка» государственного обвинителя объясняется его недостаточной образованностью в сфере естественных наук: «<...> легкомысленный Крыленко, вступая в новую для себя страну инженерии, не только не знал сопромата, но даже о возможном сопротивлении душ совсем еще не имел понятия, несмотря на десятилетнюю уже громкую прокурорскую деятельность» (4: 344), — «сопротивление душ», пусть несколько иронически, сопоставляется с физическим свойством твердого тела. Здесь интересно вспомнить одно из положений авангарда, а именно — миф о художнике-человекобоге, по словам Гройса, «преодолевающим сопротивление материи»⁶, чтобы придать быту новую форму. Так, Крыленко, находясь в положении приближенного к новому земному богу — Сталину, отчаявшись «преобразовать» «человеческое сырье» (инженера Пальчинского) в соответствии с «партийными нуждами», переводит его в состояние минимального сопротивления — попросту пытается до смерти, устраняя тем самым столь нежелательное и неожиданное свойство человеческой души вместе с его носителем.

Сходным образом строится описание советского судопроизводства, где «каждый московский процесс <...> это — перед разделом арифметического задачника одно образцовое решение, по которому ученики дальше сообразят сами» (4: 299). Сопоставление провинциального «копирования» столичных судебных дел с решением математических упражнений не просто свидетельствует о механистической подражательности, — оно утверждает: как для авторов «задачника», так и для их «учеников» подсудимый — безличная единица, сигнализирующая о своем существовании только цифрами в статистических сводках. Такое представление о человеке восходит к авангарду, который стремился выявить коллективное начало в творчестве, а следовательно, и в бытии как таковом, уничтожив любые личностные различия. Как

⁶ Там же. С. 101.

писал В. Маяковский, «я — поэт, / я разницу стер / между лицами своих и чужих»⁷. В свою очередь, значимость отдельного человека как определенно (притом индивидуализированного) числа проповедовал В. Хлебников, который обнаружил «чистые законы времени», где человек «набрасывается кистью числа»⁸, что связывает жителей разных эпох, позволяя осознать время как пространство, а впоследствии — «устранить» время, заставить его застыть, что, по словам В. Паперного⁹, реализовалось в сталинскую эпоху.

Впрочем, принцип переустройства мира по законам физики не создает абсолютно бесперспективного, тотально детерминированного антимира, поскольку невозможно полностью устранить из действительности другие явления. Так, общая беспросветность ГУЛАГа отчасти смягчается «химической» метафорой: «Как в природе нигде никогда не идет процесс окисления без восстановления (одно окисляется, а другое в это самое время восстанавливается), так и в лагере (да и повсюду в жизни) не идет растление без восхождения. Они — рядом» (5: 505), — надежда на возможность духовного возрождения подтверждается само собой разумеющимся параллелизмом природных и психологических процессов, что отчетливо указывает на близость солженицынского мышления к фольклорному.

Таким образом, в «Архипелаге ГУЛАГе» парадоксально, но вместе с тем и вполне закономерно сочетаются авангардистская метафорика и логика фольклорной поэзии: склонность искать аналогии между процессами природного мира и человеческой психики снабжается научными открытиями XX века, а сама действительность, в которой необходимо эти параллели искать, преобразуется до неузнаваемости в соответствии с проектами русского авангарда. Так, воспеваемый авангардистами марксистский принцип «отрицания отрицания», по словам Гройса, «на практическом языке диалектического материализма» означающий «мистическую возгонку человеческого материала с целью получения из него “нового человека” — во имя потустороннего транзисторического “нового гуманизма”»¹⁰, в сталинскую эпоху вполне реализуется в системе ГУЛАГа, где действительность перестраивается по законам неживой природы, что создает иллюзию подчиненности окружающего мира человеку. И уже этот рукотворный антимир служит источником метафор и сравнений для нового, советского сознания, постоянно окруженного механической пропагандой «неживых идей» (5: 400), «машинным» судопроизводством и ситуациями, «когда каждая пожелтевшая бумажка в семейном шкафу вдруг расцвела огненным папоротником гибели и сама порывалась кинуться в печь <...>» (5: 515).

⁷ Маяковский В.В. Владимир Маяковский // Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 1. С. 159.

⁸ Хлебников В. Слово о числе и наоборот // Собр. соч.: в 6 т. М.: ИМЛИ РАН, 2006. Т. 6, кн. 2. С. 11.

⁹ Паперный В.З. Культура 2. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

¹⁰ Гройс Б. Gesamtkunstwerk Сталин. С. 76.

И.Е. Мелентьева

ЛОШАДИ И ДРУГИЕ ЖИВОТНЫЕ В «АРХИПЕЛАГЕ ГУЛАГЕ»

Давно замечено исследователями, что в солженицынской поэтике одной из постоянных черт является «животная метафора», что человечество у Солженицына — это «басенный животный мир»¹. Вот и в «Архипелаге ГУЛАГе» дважды встречаются ссылки на басни Крылова: деятельность Хрущева 1960-х сравнивается сначала с тем, «как тот крыловский Мишка на поляне» перекачивает «чурбан без цели и пользы»², а потом с попыткой сделать «последний лебединый порыв вырвать телегу свободы в облака» (б, 442).

Из животных, упомянутых в «Архипелаге ГУЛАГе», наверняка более всего памятли кролики (они же в поэме «Дороженька» — зайцы). Все эти «благоразумный кролик» (4, 409), «честный хороший кролик» (5, 284), «заданное число во всём сознавшихся кроликов» (4, 106) и т.п. близки образам щедринских самоотверженного и здравомысленного зайцев, но не повторяют их, а продолжают, развивают и углубляют традицию политических сказок второй половины XIX века.

Солженицын населяет страницы «Архипелага...» множеством другой живности. Здесь и разные виды птиц: ласточка, ворон, орел, сокол, буревестник, цыплята, куры, петухи, гуси, воробей, сыч... Грызуны: крысы, мыши, суслики; морские млекопитающие: кит, дельфин, тюлень, морской котик; рыбы: горбуша, карась, треска, селедка; домашние животные: козел, овца, баран, ягненок, корова, бык, теленок, свинья, поросенок, кошка, собака, лошадь, осел, ишак, верблюд; дикие: тигр, обезьяны разных видов, медведь, лось, лиса, крот, бобер, барсук, шакал, олень, волк, еж... Гулаговский мир полон насекомых: комары, муравьи, шмели, трутни, мухи, бабочки, клопы, вши, гниды, блохи... Своя ниша у змей, раков, жаб, тритонов... Присутствуют в художественном мире «Архипелага...» неожиданные для России экзотические или фантастические существа: слон, крокодил, дракон, гибрид из

¹ Нива Ж. Солженицын. М.: Худож. лит., 1992. С. 140.

² Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования: 1918–1956 // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2006–.... Т. 6. С. 441. Далее «Архипелаг ГУЛАГ» цитируется по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы.

женщины, кошки и змеи и даже снежный человек. Многократно и во всех возможных значениях используются слова «зверь» и «скот» (а также их производные).

Каков же художественный смысл такого нарочитого присутствия фауны, в каких случаях и контекстах встречаются анимализмы и образы животных? Ведь не для того употребляются эти слова, чтобы показать, что «в лагерном мире человек человеку — крыса и людоед, и не бывает иначе» (6, 63). И не для того, чтобы проиллюстрировать пресловутую дарвиновскую идею борьбы за жизнь³. Так что же Солженицын-художник хочет сказать этим анималистическим письмом?

Мы заострим внимание только на некоторых случаях.

Слова с обозначением животных встречаются в описаниях примет быта. Например, один из заключенных «экспериментально установил, что в очень грязной одежде вши и блохи уже не размножаются, как бы брезгают» (5, 167). Или о еде: «Вспоминает теперь Иван Добряк: “В своё время я много протолкнул в себя дельфиньего мяса, моржового, тюленьего, морского кота и другой морской животной дряни”» (5, 159). А вот еще: «Другая еда была — круто солёная горбуша. Во рту пылало, и пылание заедали снегом» (5, 164). Или парадоксальная непуганость лесной фауны на Соловках должна бы свидетельствовать (так вроде логичней) о мирном, райском согласии на острове, о любви к живому, но на самом деле это лишь знак экономии патронов: «...ещё и в 28-м году зайцы доверчивым выводком выходят к самой обочине дороги и с любопытством следят, как ведут арестантов на Анзер. Как же случилось, что зайцев не перестреляли? Объясняют новичку: зверюшки и птицы не боятся здесь потому, что есть приказ ГПУ: *«Патроны беречь! Ни одного выстрела иначе как по заключённому!»*» (5, 36)⁴.

Образы животных возникают в тюремных мечтах о якобы райском месте заключения Алтае: «И особенно почему-то цвела в камерах легенда об

³ Ср., впрочем: «В жестоких островных условиях (столь близких к условиям животного мира, что мы безошибочно можем прилагать сюда дарвиновскую *struggle for life*) от успеха или неуспеха в борьбе за место часто зависит сама жизнь — и в этом пробитии дороги себе за счёт других туземцы не знают сдерживающих этических начал» (5, 414).

⁴ «Заячий» сюжет встречаем в книге воспоминаний Д.С. Лихачева (главка «Природа Соловков»): «На Заячьей Губе у Митрополичьих садков я познакомился с замечательной заячьей семьей. Я лежал в кустах и задремал. Когда я открыл глаза, я увидел прямо против себя на расстоянии чуть большем протянутой руки очаровательную зайчиху и несколько маленьких зайчат. Они смотрели на меня не отрываясь, как на чудо. Монахи приучили животных не бояться человека. Зайчиха явно привела детишек показать им меня. Я не шевелился, они тоже. Мы смотрели друг на друга, вероятно, с одинаковым чувством сердечной приязни. Такое бездумное созерцание не могло продолжаться вечно: я пошевелился, и они исчезли, но надолго осталось удивительно теплое чувство любви ко всему живому» (*Лихачев Д.С. Мысли о жизни: Воспоминания. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2014. С. 172–173*).

Алтае. Те редкие, кто когда-то там был, а особенно — кто там и не был, навевали сокамерникам певучие сны: что за страна Алтай! И сибирское раздолье, и мягкий климат. Пшеничные берега и медовые реки. Степь и горы. Стада овец, дичь, рыба. ... Ах, спрятаться бы в эту тишину! Услышать чистое звонкое пение петуха в незамутнённом воздухе! Погладить добрую серьёзную морду лошади!» (4, 249).

Образы животных появляются в тексте «Архипелага...» в пословицах, поговорках, фразеологизмах: «Позавидовала кошка собачьему житью» (4, 168); «...а кого медведь драл, тот и пня боится» (5, 352); «Будущее — это кот в мешке...» (5, 419); «Быстрая вошка всегда первая на гребешок попадает» (6, 192); «Порося перекрестили в карася» (6, 444); «крокодиловы слёзы» (5, 343) и др.

В животных образах осмысляется Сталин, хотя у него в «Архипелаге...» и так много других перифрастических именовании (например, «маленький рыжий мясник» (5, 265)), но кое-что добавляют и «Великий сыч» (5, 254), и «собака» (5, 263-264), и «игривец-тигр» (5, 265) и др. В именах палачей слышатся Солженицыну отзвуки их хищной беззаконной жизни (вот читаем о Вышинском: «...Андрей Януарьевич (так и хочется обмолвиться Ягуарьевич)» (4, 104)).

Или, обобщая образ зла, Солженицын обыгрывает реальные фамилии гэбистов-искусителей. Ведь какая ни была бы фамилия (Лосев или Лисов) — методы одни и те же: «Приехавший во Владикавказ уполномоченный центрального МГБ Лисов (да это же Лосев! он жив?? и как мало изменилось в буквах! лишь не так открыто выставляет голову, как лось, а шмыгает полисьи) предложил ей *сотрудничать* и за то — устройство на работу, защиту диссертации» (5, 532).

Хозяева ГУЛАГа пытаются унижить человека, доказать ему, что он скот, грязное животное. Для этого, например, заставляют заключенных сесть на землю так, «как сидят собаки у ворот, кошки у дверей» (4, 462) или, чтобы не убежали, «взять себя за ногу около щиколотки. И теперь — “шагом марш!”» (как комментирует автор — «карикатура на гусей» (4, 463)), а то и просто сбрасывают «в корытную ёмкость баржи» людей, где они лежат навалом и шевелятся, «как раки в корзине» (4, 503).

Но животные метафоры по отношению к человеку — это не всегда движение вниз. Часто Солженицын показывает, что животные выше, нравственней и чище людей. Ведь «глядя в покойные огромные глаза лошади или лаская прижатые уши виноватой собаки, как откажешь им в этике?» (5, 360). А все самое безобразное и уродливое, что можно найти в животном мире, сконцентрировано в образах блатарей, Солженицын именует их «гориллоидами», в сравнении с которыми и обезьяна кажется милой и разумной: «у обезьян же морда гораздо добрей и задумчивей» (4, 444). А этих гориллоидов даже нельзя назвать образинами, потому что «образина

хоть чем-то должна быть похожа на образ», а у них «жестокие гадкие хари с выражением жадности и насмешки» (4, 444). А вот портрет отдельного гориллоида-хуже-обезьяны: «Та передняя сторона головы, которая у двуногих обычно называется лицом, у этого пахана вылеплена природой с отворачиванием и нелюбовью, а может быть, от хищной жизни стала такая — с кривой отвислостью, низким лбом, первобытным шрамом и современными стальными коронками на передних зубах. Глазками ровно того размера, чтобы видеть всегда знакомые предметы и не удивляться красотам мира, он смотрит на меня как кабан на оленя, зная, что с ног сшибить может меня всегда» (4, 479).

Закономерно появление орнитологизмов в солженицынских текстах. Образ свободы решается именно через них. Для Солженицына нет выше «людской, птичьей» (5, 279) свободы, и его герои готовы скорее расстаться с жизнью, нежели со свободой. Так, один из пленных власовцев в Восточной Пруссии «вывернулся, прыгнул и ласточкой шлёпнулся под танк» (4, 233). Другие герои солженицынского повествования выбирают путь предательства. Становясь стукачами, они напоминают «птичек», которых ловят, «начиная с коготка» (5, 293). Однако свобода может быть не только физической. Солженицын напоминает, что стяжание, стремление к накоплению — это еще одно добровольное отступление от свободы: «Не имейте! Ничего не имейте! — учили нас Будда и Христос, стоики, циники. Почему же никак не вонем мы, жадные, этой простой проповеди? Не поймём, что имуществом губим душу свою? Ну разве селёдка пусть греется в твоём кармане до пересылки, чтобы здесь не клянчить тебе попить. А хлеб и сахар выдали на два дня сразу — съешь их в один приём. Тогда никто не украдёт их. И забот нет. И будь как птица небесная» (4, 455).

Образы лошади, собаки и свиньи в тексте «Архипелага...» вообще выстраиваются в систему, где лошадь — первое, что отнимает социалистическое государство «в последовательной борьбе против отдельности человека» «взамен обещая трактор. (Как будто лошадь — это только тяга плуга, не живой твой друг в беде и в радости, не член твоей семьи, не часть твоей души.)» (5, 342). Далее гонения воздвигаются на второго друга — собаку: «Их брали на учёт, свозили на живодёрню, а чаще особыми командами от местных советов застреливали каждую встречную. И на то были не санитарные и не скупостные экономические соображения, основание глубже: ведь собака не слушает радио, не читает газет, это как бы неконтролируемый государственный гражданин, и физически сильный, но сила идёт не для государства, а для защиты хозяина как личности, независимо от того, какое состоится о нём постановление в местном совете и с каким ордером к нему придут ночью» (5, 342–343). Взамен друзей человеку предлагается (Солженицын приводит в пример Болгарию 1960 года) заводить и выкармливать свиней. Такая подмена легко объяснима: «Свинья не имеет принципов, она растит своё мясо

для каждого, у кого есть нож» (5, 342–343). Солженицын создает глагол с корнем свин — «свинеть» и прилагает его к так низко нравственно павшим тюремщикам: «...смысл земного существования — не в благоденствии, как все мы привыкли считать, а — в развитии души. С такой точки зрения наши мучители наказаны всего страшней: они свинеют, они уходят из человечества вниз» (5, 494).

Лошадь в тексте «Архипелага...» очеловечивается. «Кулацкое животное» лошадь — это образ страдающего народа: «...лошадей вместе с заключёнными не жалеет Сталин и страна — а потому что это кулацкое животное, и тоже должно вымереть» (5, 76).

О лошадях в «Архипелаге ГУЛАГе» говорится всегда только уважительно и светло. Единственный, пожалуй, случай, когда с лошадью связана отрицательная коннотация, это отзыв об уродливой женщине в главе «Первая камера — первая любовь»: «...отвратительна библиотекарьша — белокурая девица несколько лошадиного сложения, сделавшая всё, чтобы быть некрасивой: лицо её так набелено, что кажется неподвижной маской куклы, губы фиолетовые, а выдерганные брови — чёрные» (4, 196). Во всех остальных случаях Солженицын сочувствует лошади, изображает лошадь или выше, или вровень с людьми. Так, например, то люди впрягаются в телегу и тянут ее, и называется это «вридло (временно исполняющий должность лошади)» (5, 33), то лошадь получает овес в зависимости «от выработки звена» (5, 203). «Надоело говорить “бедные люди!” — восклицает автор, — сказать хоть “бедные лошади!”» (5, 203). А «в цирке некоторые лошади» способны «извлечь простейший квадратный корень» (5, 69), что может не всякий человек.

Лошадиную тему, параллельную солженицынскому мироощущению, находим в таких родных для писателя русских пословицах и поговорках, собранных В.И. Далем. Приведем некоторые из них:

«Лошадь человеку крылья. Возит воду, возит и воеводу. ... Казак сам не ест, а лошадь кормит». «Конь, мой конь, ты мой верный друг. ...Добрый конь подо мною, Господь надо мною»⁵ и др.

Лошадь, наверное, самое любимое животное Солженицына. Эта связанность отражена во многих его текстах. Так, в ранней незаконченной автобиографической повести «Люби революцию» хорошее отношение к лошадям — одна из составляющих процесса нравственного роста героя: «...вдруг Нержину в первый раз за всё обозное время эти крупные животные показали не слоньямордыми символами крушения всех его блестящих артиллерийских надежд, а добрыми существами с жизнью, бесконечно более тяжёлой, чем у людей»⁶. В «Люби революцию» лошади изображаются человекоподобными: «Лошадь мотнула головой, взглянула на человека большими

⁵ Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 707, 708.

⁶ Солженицын А.И. Дороженька. М.: Вагриус, 2004. С. 338.

обиженными глазами, взмахнула хвостом с тем видом, как люди пожимают плечами, и, не торопясь, ушла в табун»⁷.

Появляются образы лошади и в романе «В круге первом», и в «Одном дне Ивана Денисовича», и в «Матрёнинном дворе», и в «Крохотках»; в «Русском словаре языкового расширения» есть раздел «О лошадях»; в очерках изгнания «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» есть образ заколдованного коня, который связан со свободой и родиной; лошадь — один из центральных образов-символов «Красного Колеса». Можно даже говорить о лошади как об одном из устойчивых образов солженицынской поэтики, так как появление лошади в его текстах всегда значимо, этот образ становится чем-то вроде камертона.

Художественный мир «Архипелага ГУЛАГа» един с миром других произведений писателя. Животная метафора, пронизывающая корпус текстов Солженицына, находит яркое выражение в «Архипелаге...». Очевидец и летописец эпохи, Солженицын прислушивается к анималистическому словоупотреблению, сам создает слова, сравнивает представителей человеческого и животного миров. Это сравнение двояко: с одной стороны, звериный образ имеет негативное значение, с другой — безгрешный животный мир нередко оказывается выше и чище падшего человечества. Анималистические образы у Солженицына можно рассматривать как избранную точку, связывающую плоскости в пучок: «Этот пучок плоскостей проходит через одну точку. Эту точку выбираешь по пристрастию, по биографии, по лучшему знанию и т.д. ...Всё отразить нельзя, а та часть целого, которая необходима, — она может быть изображена и через эту точку»⁸.

⁷ Солженицын А.И. Дороженька. С. 315.

⁸ Стенографический отчет о расширенном заседании бюро секции прозы Московской писательской организации Союза писателей РСФСР (16 ноября 1966). Цит. по: Нива Ж. Солженицын. С. 81.

«АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ» — СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

*Из материалов круглого стола,
посвященного юбилею первой публикации¹*

ЗАСЕДАНИЕ ПЕРВОЕ

«Архипелаг ГУЛАГ» в современной школе²

Ведущий: С.Ф. Дмитренко³

Выступления: О.О. Павлов, Н.Т. Орлова, Ю.С. Цурганов, Е.Е. Вяземский,
Н.Д. Солженицына, Л.И. Сараскина, Н.А. Формозов

С.Ф. Дмитренко: Добрый день! Мы собрались в связи с юбилеем выхода одной из главных книг русской литературы XX века, и не только XX, как показывают события последнего времени. Эта книга — «Архипелаг ГУЛАГ». Несколько лет назад она была включена в обязательный перечень произведений для школьного изучения. Этот процесс включения идет достаточно противоречиво, идет с трудностями, с вопросами. И мы собрались здесь с тем, чтобы эти проблемы обсудить, определить перспективы, виды на будущее.

Вчера мне довелось побывать, совершенно случайно (что называется, *шел мимо*) в бывшем Музее Ленина, где открылась выставка «Миф о любимом вожде» (для меня это будто метафорический эпиграф к нашей встрече). Она произвела на меня, надо сказать, ошарашивающее впечатление, поскольку это выставка апологетическая. В ее залах я вновь убедился, что книга «Архипелаг ГУЛАГ», о которой мы сегодня будем говорить, — не просто актуальная, она — ультраактуальная. Не только потому, что посвящена

¹ Круглый стол состоялся в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына 26 марта 2014 года. Стенограмма печатается с сокращениями. Тексты двух выступлений положены в основу статей, опубликованных в этом разделе, см.: *Федянина М.Е.* «Архаизирующее новаторство: “Архипелаг ГУЛАГ” как синтез крестьянского мировоззрения и авангардистской поэтики» (с. 112–116 наст. изд.); *Мелентьева И.Е.* «Лошади и другие животные в “Архипелаге ГУЛАГе”» (с. 117–122 наст. изд.).

² Материалы этого заседания частично опубликованы в журнале «Литература» (2014. № 5–7).

³ *Дмитренко* Сергей Федорович — историк литературы и культуры, шеф-редактор журнала «Литература» издательского дома «Первое сентября».

истории и специфике советской пенитенциарной системы. Это книга о человеческой свободе и несвободе. И потому она совершенно закономерно попала в круг книг, обязательных для школьного чтения. Но как сделать ее не только обязательной, а необходимой для человека, и школьника, и студента, и преподавателя, для любого человека России, — вот об этом мы сегодня и будем говорить.

Надо заметить, что идею этого круглого стола высказал не учитель. Ее высказал писатель Олег Павлов. Ему, человеку очень чуткому, хотелось, очевидно, понять, как «Архипелаг ГУЛАГ», который для него стал одной из книг жизни, отзывается в душах, в умах других людей, и прежде всего молодых, которым теперь вменяется эту книгу читать и изучать. Слово Олегу Павлову.

О.О. Павлов: Нельзя было подумать, что придется в России от кого-то защищать Солженицына, что придется в России когда-то говорить о том, что «Архипелаг ГУЛАГ» — книга освободительная для нашего народа своей правдой. Но это время пришло. Это когда начали говорить о том, что Солженицын фактически лгал в «ГУЛАГе», что он преувеличил количество жертв, что он — виновник нашего национального развала и национального позора. Это бесовестно, это безбожно, но, оказывается, возможно.

Необходимо вновь обрести, вернуть себе ощущение правды, которое все испытывали, читая «Архипелаг ГУЛАГ». Книга сейчас возвращается в Россию в форме самой необходимой — в форме урока. Какой это урок? Урок истории? Урок литературы? Урок правды? Это урок памяти — самый важный для нас, для этого, мне кажется, «Архипелаг ГУЛАГ» и писался. Эта книга, конечно, была судом, Страшным судом над властью коммунистической — судом, который неизбежно должен был состояться. И осуществился он именно способом, каким судить может только искусство, то есть бескровно, но при этом и беспощадно от света правды. Судом оказалась правда. Но книга эта была и остается также памятью народной о нашей трагедии, о нашей боли. Сама этика этой книги, движение ее душевное — в сострадании. И написана она силой сострадания. Когда Солженицын писал «ГУЛАГ», что говорить, о лагерях знали. Ну невозможно было не знать. Не знали о степени страданий в лагерях, о масштабе этих страданий. И именно этот масштаб, этот крик, эту боль людскую книга донесла. Поэтому, читая ее, люди, не познавшие ни этой боли, ни этих страданий, испытывали и испытывают, конечно же, острое чувство вины и сострадания. Такова этика книги, такова ее уже сорокалетняя работа. Если человек прочитал эту книгу и не испытал сострадания, то можно сказать: это негодяй, бесовестный человек. Можно как угодно его образовывать, чему угодно учить, объяснять ему механизмы репрессий, — он просто бесчувственный, бездушный и — главное — не имеющий никакой душевной, духовной связи со своим народом. У него нет чувства родства.

Инфантилизм — это чума нашего времени, знак нашего времени. Отказ от сострадания, мне кажется, и несет в себе эту чуму. Отказываясь от сострадания, мы и становимся инфантильными. Происходит задержка в развитии. У нас она стала уже в некотором роде исторической. Мы готовы усваивать уроки памяти вчуже. У нас каждый советский школьник прекрасно знал, что такое концлагеря. На примере Освенцима и Бухенвальда мы об этом знали. Мы не знали и, может быть, не хотели знать такого о себе. Но после прочтения «Архипелага ГУЛАГа» ты переставал быть советским человеком, ты становился самим собой. Например, я тогда еще не стал христианином, но именно эта книга толкнула меня к христианству. И эта книга возвращала чувство родины. Собственно, если говорить о большевизме, он отнял у нас именно чувство родины.

Большевизм и «Архипелаг ГУЛАГ» — это, конечно, два полюса. Безусловно, с «Архипелагом...» в школу сейчас придет и тема сталинизма снова, на новой волне. Это обязанность наша — объяснить хотя бы своим детям, что же такое сталинизм. Современная молодежь очень инфантильна. Не потому, что она многого не знает, она просто многого не чувствует, с очень важными вещами нет связи эмоциональной. А ведь объяснить это очень просто, надо поставить себя либо в положение палача, либо в положение жертвы — кто какое положение может считать для себя приемлемым. Перед этим выбором, безусловно, книга каждого ставит. Но сталинизм нас, конечно, еще догоняет, вот эта волна сталинизма — то, что, казалось бы, кончилось, ушло, откатилось, — как-то незаметно накатилось снова.

А накатилось — что? Собственно, что такое сталинизм? Это очень хорошо показывает Солженицын. Ведь сталинизм на самом деле даже не идеология — это мобилизация. Это такая мобилизация, при которой человеческая жизнь становится для государства лишь энергией и ничего не значит как таковая, не говоря уже о каких-то правах. Эта мобилизация, сталинская мобилизация, конечно, дала свой результат. И когда у нас сейчас решают: Сталин был руководителем нашей Победы или не был? — ну, отчасти был, потому что была эта мобилизация, да, народ был мобилизован, и народ жертву свою принес во имя этой Победы. Но дух сталинской мобилизации парадоксальным образом воскрес именно в 1990 годах, когда казалось, что мы с ним расстаемся. Вот почему никакой нравственной революции не произошло. Дух сталинской мобилизации воскрес в чубайсовской приватизации, во всех этих шоковых идеях, что ценой опять же народной жертвы можно проводить реформы. На самом деле мы и сейчас-то не можем сказать, оказались ли мы свободны от этой мобилизации, не призовут ли нас снова и какой ценой мы за что-то снова станем платить как народ. Но если бы была память вот об этих жертвах, если бы каждый школьник в каком-то возрасте почувствовал, что значит лагерная участь его народа, наверно, мобилизовать уже никогда и никого бы не удалось. Вот поэтому такая важная вещь — что «Архипелаг

ГУЛАГ» приходит в систему образования. Но, в общем, к определению «образованный человек» я отношусь все-таки с иронией. Я без иронии отношусь к понятию «воспитанный человек». Образование — такая позолота, которая должна покрыть какую-то очень твердую человеческую основу. А эта твердая основа достигается только воспитанием. Воспитанием чувств. Только через сострадание мы можем воспитать неприятие сталинизма, большевизма как такового. Или мы получим молодежь, какую получили в 1990-х, она будет ходить с флагами, полунацистскими, полусоветскими, и кричать: «Сталин, Берия, ГУЛАГ», — а вождем их станет какой-нибудь смехотворный Лимонов. И опять — совершенный инфантилизм, деградация.

Сейчас история пришла в движение. Сейчас, на наших глазах. Серьезная история, многовековая. И нам стало очень неудобно. Мы слышим голоса разных политиков. И понимаем, как легко, безответственно, просто абсурдно приводится в движение история их голосами. И еще потому это все страшно, что у истории есть одна фундаментальная черта: все в истории утверждается только кровью, и никак иначе. Слова сначала — но потом кровь.

Но в чем человеческая идея «Архипелага ГУЛАГа»? Сорок лет назад человек взбунтовался против истории. «Архипелаг...» — это бунт человека против истории, против навязанной человеку необходимости быть исторической жертвой, не важно чего, не важно кого. В «Архипелаге...» отстаивается самоценность человеческой жизни. И именно это и услышал мир в «Архипелаге...». Именно это мир в XX веке уже, в общем-то, выстрадал. Человек почувствовал свои силы защититься от истории и по-настоящему эту историю изменить.

Может, не в силах учителей изменить историю, но в их силах изменить что-то в душах своих учеников. Александр Исаевич сам был учителем. По духу его проза учительская, и я не вижу в этом ничего страшного, хотя этим нас даже пугают, что кто-то кого-то учит. Солженицын учит одному: учителем может быть каждый человек — тот, кто говорит другому человеку правду.

Н.Т. Орлова: Я учитель русского языка и литературы из города Бежецка, о котором Анна Ахматова писала: «Там белые церкви и тонкий светящийся лед. / Там милого сына цветут васильковые очи. / Над городом древним алмазные черные ночи, / И серп поднебесный желтее, чем липовый мед». Васильковые очи Льва Гумилева, сына Анны Ахматовой, видели Бежецк, где он окончил школу. Видели они и «архипелаг ГУЛАГ» — четыре раза был арестован этот впоследствии известный ученый, автор пассионарной теории.

Школа, в которой я работаю, находится при храме Иоанна Богослова. Это школа с углубленным изучением музыкальных предметов. Основал ее священник Постников, который двадцать лет прослужил в храме, а в 1917 году подвергся репрессиям, как и вся его семья. К изучению «Архипелага

ГУЛАГа» мы относимся серьезно. Мой жизненный и педагогический опыт (я уже более тридцати лет в школе) позволяет мне утверждать, что эту книгу Солженицына изучать в школе нужно. Вот один случай. В 1990-х у меня был ученик, который прочитал летом «Архипелаг...» (это произведение давалось по списку летнего чтения). Он шел на медаль, и на экзамене решил писать об этой книге — тогда мы еще писали сочинения. Потом это сочинение прошло две комиссии: городскую и областную. Выпускник наш защитил свою отличную оценку, потом окончил военную академию. Молодой человек прикоснулся к книге Солженицына, она повлияла на его судьбу, когда еще не была введена в программу. Но все-таки это исключительный случай. Учеников, конечно, нужно готовить к восприятию этого произведения.

Начиная с 5-го класса можно читать «Крохотки». Есть крохотка «На родине Есенина». Мы изучаем Есенина, но какой же безликий о нем текст в учебнике! А если прочитать крохотку Солженицына и программные стихотворения, то дети будут и фамилию знать, и какой-то факт биографии, ну, и почувствуют выраженную в крохотке любовь к поэту. В 6-м классе мы читаем крохотку о могиле Полонского. Есть всероссийский конкурс «Живая классика». Там дети читают только прозу. Я уже настраиваю своих шестиклассников на участие в этом конкурсе, мы будем работать с «Крохотками».

«Матренин двор». Я считаю, что в самом деле есть праведники на Руси. Восьмиклассники уже взрослые, с ними можно на эту тему говорить. А в 9-м классе — «Один день Ивана Денисовича». И уже в 10–11-м классах, когда дети знают и факты биографии писателя, и эти произведения, — «Архипелаг ГУЛАГ». Вот мой выстраданный, а точнее, удачный опыт. Мы проводили читательскую конференцию «Трагическая судьба человека в тоталитарном государстве». У меня один ученик прочел поэму Твардовского «По праву памяти» и стал сравнивать с ней первую главу «Архипелага...», ассоциативно к этому пришел.

Что бы я хотела предложить для того, чтобы изучение произведений Солженицына было более успешным? Нужно вводить тексты в школьные учебники и методические пособия. Например, мы с ребятами сами взяли главу «Следствие» из «Архипелага ГУЛАГа» и проработали ее в формате КИМов — контрольных измерительных материалов по русскому языку. Сначала нашли орфограммы и пунктограммы, потом и метафоры, и олицетворения, и синтаксические выразительные средства. В итоге ребята сами пришли к выводу, что перед ними художественный текст. Вот такая маленькая исследовательская работа на уроке. Хотелось бы, чтобы эти тексты чаще нам встречались — «Крохотки» могли бы поместить в хрестоматию для 5–6-го классов. То есть надо работать с авторами учебников.

Конечно, «Архипелаг...» потрясает детей прежде всего содержанием. Мы читаем и Ахматову, и Льва Гумилева. По моему мнению, зло, которое наделало столько бед в нашей стране, состоит в глубоком невежестве. Только не-

вежественный умом и сердцем человек способен идти по головам и не испытывать мук совести. А книги, серьезно написанные книги, просветляют ум и душу. И вот в наше время человеческое общество далеко от идеала, кровь льется, пусть не у нас, но совсем рядом, у наших братьев на Украине. А книги Солженицына заставляют нас мыслить, уменьшают беззаботность и безответственность в душе.

С.Ф. Дмитренко: Спасибо, Надежда Тарасовна. В ходе подготовки круглого стола мы провели обсуждение на эту же тему 14 марта в городе Великие Луки. На нем присутствовали 47 учителей истории и литературы. Первым делом выяснилось, что не очень-то доступны произведения Александра Исаевича в школе, прежде всего речь шла, конечно, об «Архипелаге ГУЛАГе», о сокращенном издании, что выпустило издательство «Просвещение». Издательство-то свою работу делает, книгу печатает, но современная система обеспечения школьных библиотек пособиями такова, что до адресатов книга не доходит. Напоминаю, что сокращенное издание есть на официальном сайте Александра Исаевича Солженицына, и оно доступно всем. Некоторые учителя используют именно эту электронную форму на своих занятиях.

В Великих Луках опытом использования «Архипелага ГУЛАГа» на своих занятиях делились и учителя истории. Они часто связывают изучение этой книги с личным опытом, как собственным, так и опытом учеников, историями их семей. А исторический опыт у большинства из нас драматичный, если не трагический. Приглашаю выступить Юрия Станиславовича Цурганова, историка, главного редактора журнала «Посев».

Ю.С. Цурганов: У меня стаж работы школьным учителем невелик, всего семь лет, — но это 1990-е годы. Причем это работа в общеобразовательной школе и в нескольких платных, разная социальная выборка семей. С 2000 года я работаю в системе вузов, и тоже опыт разнообразный. Это — родной Российский государственный гуманитарный университет, который вырос на базе Историко-архивного института, и Академия музыки имени Гнесиных (в ней вся Россия представлена географически — такова политика Академии). Кроме того, еще и технический вуз — Институт химического машиностроения. Другими словами, я вижу молодых людей, желающих получить самые разные специальности, выросших в разных по достатку и культурному уровню семьях из разных регионов страны. Я преподаю историю и литературу тоже.

Книга Солженицына воспринимается как роман. В лучшем случае — как исторический источник. И очень редко «Архипелаг...» воспринимается как исследование. Нужно доказывать, подводить к мысли, что в этой книге нет персонажей придуманных, даже таких, которые собирали бы в себе ряд людей, ряд судеб. Все люди реальные, кто представлен одним даже инициалом,

который по понятным причинам нельзя было раскрыть. И это не фантазии вроде оруэлловских или замятинских, которые тоже запрещали. Студентам приходится это все объяснять. Наталия Дмитриевна считает, что «Архипелаг...» нужно изучать именно в рамках курса литературы, а не курса истории. Но тут возникает вот такой «побочный эффект». И эту проблему нужно, конечно, учитывать.

С.Ф. Дмитренко: Многие учителя (и историки в том числе) дают ученикам эту книгу не просто как историческую иллюстрацию, а как книгу о человеке в условиях несвободы, о человеке, который ищет свою свободу и обретает ее. Не свободу от всего, а свободу для своей души, для своей жизни. Эта тема «Архипелага ГУЛАГа», мне кажется, должна быть четко и даже жестко обозначена во всех наших педагогических методических директивных документах. Тогда многие повернутся к «Архипелагу...». Слово Евгению Евгеньевичу Вяземскому, доктору педагогических наук, профессору.

Е.Е. Вяземский: По поводу школьных программ для истории. В концепцию нового учебно-методического комплекса по отечественной истории тексты Солженицына входят. В разделе «Культурное пространство повседневной жизни СССР, 1960–1980-е годы» дано перечисление: неформальные движения, клуб самодеятельной песни, КВН и проч. Дальше очень важно: диссидентский вызов; первые правозащитные выступления Сахарова и Солженицына; религиозное движение, национальные движения, борьба с инакомыслием, судебные процессы, цензура, самиздат. Вот официальное основание того, что никто проблемы цензуры, самиздата, инакомыслия и т.д. формально исключать из контента не намерен. Это политически существенно. Но наивно думать, что все будут аплодировать такой постановке вопроса, возможности изучения в школе трагических коллизий русского XX века, проблемы свободы человека в XX веке. Векторы эволюции общественного строя нашей страны таковы, что, возможно, будут попытки принизить значимость творчества Солженицына.

Включение прозы Солженицына в школьную программу произошло на волне общественного движения, противоположного сегодняшнему. Это понятно, не будем душой кривить. В работающем сейчас стандарте содержание курса истории никак не регламентируется — там речь идет об «умениях». Каждый учитель, преподаватель вуза, методист и т.д. делает свой профессиональный, моральный, гражданский выбор: или он акцентирует внимание на проблемах свободы/несвободы в России, или не акцентирует. Напрямую никто не может его принудить ставить тот или иной акцент — вопрос в его человеческом, гражданском, профессиональном сознании.

Сам же я считаю, что «Архипелаг ГУЛАГ» — чрезвычайно значимое явление. Никто так, как Солженицын, не показал проблему человека в советском

обществе. Но наивно думать, что каждый школьник автоматически захочет и сможет «Архипелаг...» воспринять. Недаром социологи и психологи отмечают, что сегодня в России выросло поколение мало читающих детей — либо не читающих вовсе, либо читающих плохо, без охоты. Культурное пространство России скукоживается, сжимается. Интеллигенция умирает, само понятие об этом социальном слое подменяется понятиями «креативный класс» или «сообщество интеллектуалов», западными по происхождению, несущими иной смысл. Поэтому для оптимизма оснований нет. Но вместе с тем преподаватели — умные, талантливые, граждански ответственные люди, которые работают в школах и университетах не потому, что их заставила судьба, а потому, что им хочется учить, — мимо «Архипелага...» не пройдут.

Р.А. Гальцева: Вы сказали о роли «Архипелага ГУЛАГа» антропологической. Это правда. Но есть еще роль историческая, а именно: как мы жили 75 лет, что за режим был такой? Конечно, сталинизм — это лишь один из этапов, ужасный. Речь идет о режиме коммунистическом. Мы не пережили декоммунизации, подобно тому, что пережила Германия. И в этом половина дела, а может быть, и все дело. Как бы ни были 1990-е годы бурны, как бы мы их ни называли, они были годами свободы. Сейчас мы как будто идем в обратном направлении. И вот для понимания, откуда и куда мы идем, обретения этого чисто исторического знания решающее историческое значение имеет «Архипелаг ГУЛАГ».

С.Ф. Дмитриенко: У «Архипелага ГУЛАГа», у этой великой книги, есть такое соблазняющее свойство — ее начинают превращать в какую-то сводку о репрессиях. Но на самом-то деле это опыт художественного исследования человека в условиях свободы–несвободы. И я заметил: как только учитель берет эту книгу в руки, он уже не может от нее оторваться, потому что находит в ней то, что ему нужно для каждого конкретного класса.

В преддверии круглого стола мы провели заочный опрос педагогов. Получили 62 сочувственных ответа и три негативных, такого рода: а зачем нам читать Солженицына, будем лучше читать другие книги. То есть люди боятся посмотреть в лицо правде, в лицо фактам и в лицо истории, возможно, своей собственной семьи.

Л.И. Сараскина: Я вернусь к выступлению Олега Павлова. Он говорил, что сталинизм — это мобилизационный проект. Так и есть. А множество сегодняшних публицистов, самых горячих, выступают именно с этой программой. Это и Проханов, и Кургинян, и Егор Холмогоров. Это такой мейнстрим сегодняшней «патриотической» публицистики. Вот интернет-высказывание представителя левых движений Российской Федерации: «Официальный указ о преподавании “Архипелага ГУЛАГ” в школе больше, чем преступление.

Это ошибка. Это уже вызвало резонанс среди людей неполитизированных. Реакция у них однозначная: нельзя это нести в юношескую среду. Не все, что известно взрослым, нужно доносить до детского сознания. Для человека, который не сталкивался с грязью, это шок. <...> Необходимо оберегать несформировавшиеся души от того, что происходило когда-то».

У меня коллекция такого рода маразма есть. Я хочу сказать, что неприятие «Архипелага...» нарастает. Я думаю, что надо учиться этому сопротивляться. Необходимо давать какой-то отпор: интеллектуальный, воспитательный, какой хотите, само это никуда не уйдет. Я начала это отслеживать примерно с 2004 года, за прошедшие десять лет такие настроения сильно выросли. И удержу этому нет.

Н.Д. Солженицына: Я вообще не собиралась выступать. Но некоторые выступления вызывают к уточнениям. Вы, Сергей Федорович, говорите, что не надо сводить «Архипелаг...» просто к отчетам о репрессиях. Конечно, мы не должны сводить, но наши оппоненты сводят. Я хочу обратить внимание учителей, что преподают «Архипелаг...», на факты, которые следует иметь про запас «в колчане». Наши оппоненты крайне недобросовестно сталкивают цифры, приведенные в «Архипелаге...», с теми цифрами, которые дает опубликованная статистика. Рассуждают и обличают — кто-то злонамеренно, кто-то потому, что сам не читал «Архипелаг...», легче повторить за чужими перьями, — при этом сравнивают несравнимое. Вот, например, пишет уважаемый автор: «Пора обнародовать точный мартиролог жертв тоталитарной власти, а не гадать, кто прав: Солженицын, который говорит о 67 млн., или его оппоненты, настаивающие на цифре в 3 млн.⁴ В этом сопоставлении — квинтэссенция подлога. И в «Архипелаге...» (ч. 3, гл. 1), и во многих интервью Солженицын приводит подсчеты профессора статистики И.А. Курганова: «...С 1917 года по 1959 только от внутренней войны советского режима против своего народа, то есть от уничтожения его голодом, коллективизацией, ссылкой крестьян на уничтожение, тюрьмами, лагерями, простыми расстрелами, — только от этого у нас погибло, вместе с нашей гражданской войной, 66 миллионов человек»⁵. Казалось бы — черным по белому: эта цифра включает — сверх ГУЛАГа, узко понимаемого ГУЛАГа, технически понимаемого ГУЛАГа, **сверх него**, — Гражданскую войну, красный террор первых лет советской власти, голод, коллективизацию со ссылкой крестьян, где погибла четверть высланных, да еще больше 10 миллионов ожидаемых, но не рожденных. А 3 млн., которые настойчиво противопоставляют солженицын-

⁴ Кантор М. Вне тусовки // Российская газ. 2012. 21 нояб. С. 11 (Федер. вып. № 5941). То же: URL: <http://www.rg.ru/2012/11/21/kantor.html> (дата обращения: 3.09.2014).

⁵ Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1996. Т. 2. С. 451.

ским 66, — это, по данным НКВД, погибшие **только в ГУЛАГе**, и не с 1917-го по 1959-й, а с 1929-го по 1953 год (отрезок короче на 18 лет). Мало того, эти данные не всё включают, они не учитывают смертность во время следствия, во время этапов, среди сосланных народов и разных групп населения. То есть и по ГУЛАГу эти цифры неполные.

А вот еще интересное сравнение: что написано в «Архипелаге...» о расстрелах 1937–1938 годов? Цитирую: «Какой правовед, какой уголовный историк приведёт нам проверенную статистику? где тот спецхран, куда бы нам проникнуть и вычитать цифры? Их нет... Осмелимся поэтому лишь повторить те цифры-слухи, которые посвежу, в 1939–40 годах, бродили под бутырскими сводами и истекали от крупных и средних павших ежовцев, прошедших те камеры незадолго (они-то знали!). Говорили ежовцы, что в два эти года расстреляно по Союзу полмиллиона «политических» и 480 тысяч блатарей» (ч. 1, гл. 11). Так вот, сегодняшние историки, в том числе В.Н. Земсков, на которого все ссылаются как на главного оппонента Солженицына, приводят цифру расстрелянных политических за 1937–1938 год — 681 692 человека, существенно больше, чем приводит Солженицын в «Архипелаге...».

Да, я именно считаю, что «Архипелаг...» предпочтительнее преподавать на уроках литературы, нежели на уроках истории, — просто потому, что эта книга проникает в сознание более всего благодаря своей художественной силе. Но тем не менее учителям — хоть истории, хоть литературы — те конкретные ссылки, которые я сейчас привела, могут помочь, когда речь идет о недобросовестных даже не критиках, а оболгателях.

С.Ф. Дмитренко: Спасибо, Наталия Дмитриевна. Мне кажется, что, когда мы отводим на второй план подсчеты, мы парадоксально возвращаемся к Достоевскому. Значит, у нас до 1917 года была слезинка ребенка, которая что-то значила. После 1917 года у нас миллионы слезинок. 100 тысяч туда, 100 тысяч сюда. Наши оппоненты работают как на птицеферме: вот тут птичек столько-то было, а тут столько-то, тут передохли, а тут нет.

Н.А. Формозов: Я преподаватель МГУ, биолог. И кроме того, я занимаюсь исследованием сопротивления в ГУЛАГе, восстаниями в ГУЛАГе. В прошлом году был у нас совершенно незамеченный юбилей — 60 лет Норильскому восстанию. В Норильске, слава богу, об этом вспомнили. Я был там на интересном круглом столе с учителями. И я вот все говорил и говорил: ну как же так, это же первый опыт в российской истории ненасильственного сопротивления. Это же люди, которых давили, убивали просто вот на их глазах, — они установили мир внутри лагеря. Кстати, во время Норильского восстания была проведена первая люстрация в советском блоке. Они получили списки стукачей, и ни один стукач не был убит. И вот я взывал, взывал.

Потом встала одна учительница и говорит: «Да как вы не понимаете, как мы живем. Мы же живем по-прежнему там же. Мы либо дети зэков, либо дети охранников. Но у нас город-то маленький. И мы же не можем все время ругаться и выяснять отношения, поэтому мы на уроках и молчим». Это потрясающее выступление мне открыло глаза. Это на самом деле модель нашей жизни. Мы все Норильск в большом масштабе. А потому общей дискуссии на эту тему нет и не может быть. И это очень страшно: зло гниет внутри нас, мы от него не освободились. И все перекосы 1990-х были связаны именно с тем, что зло не было названо злом. Так создавалось состояние вседозволенности. Вот почему так важно изучать «Архипелаг...» в школе.

С.Ф. Дмитренко: Как и всякий хороший круглый стол, наше собрание поставило больше вопросов, чем дало ответов. Но тем не менее я надеюсь, книга «Архипелаг ГУЛАГ» в школьной программе отныне навсегда и ее будут читать. Спасибо всем.

ЗАСЕДАНИЕ ВТОРОЕ

«Архипелаг ГУЛАГ»: сорокалетний опыт прочтения

Ведущий: *А.С. Немзер*

Выступления: *Н.Г. Левитская, Е.Ц. Чуковская, Н.Д. Солженицына, Л.И. Сараскина, А.Я. Разумов, Б.Н. Любимов, А.Д. Шмелев*

А.С. Немзер: Круглый стол продолжается, хотя уже в первой его части было сказано очень много. Потому я не хочу повторять общепонятное. Те, кто собрались сегодня, при возможном разномыслии, безусловно, ощущают и художественно-историческую невероятность «Архипелага...», и удивительный масштаб судьбы этой книги — книги, которая была написана вопреки всему, книги, которая явилась миру в трагических обстоятельствах, книги, издание которой страшным образом отозвалось на судьбе автора. Если искать в истории литературы примеры особой связи текста и судьбы автора, то едва ли не самым грандиозным будет «Архипелаг ГУЛАГ». При всей невероятности жизни Солженицына — эта связь слова, личности, судьбы в миг явления «Архипелага...» чувствуется особенно остро. Вероятно, сопутствующие, «жизненные», но таинственно соотнесенные со словом великого художника обстоятельства тоже продолжают определенным образом работать по сей день. Мне кажется единственно возможным, чтобы эту часть нашего разговора начали люди, причастные сюжету издания «Архипелага...».

Необходимо услышать тех, кто не постигал и изучал книгу Солженицына, как мы, а ощущал ее кожей, сердцем, всем существом своим — был рядом с писателем. Я очень прошу Надежду Григорьевну Левитскую начать наш разговор.

Н.Г. Левитская: Я была одной из тех невидимок, о которых Александр Исаевич написал впоследствии. Я делала, в общем, очень немного, но иначе я просто не могла. У меня вся семья сидела. Отец и мать погибли в лагерях, вернее, папу еще даже не осудили, он до следствия умер. Потом брата посадили, потом меня посадили. Поэтому, когда только намечался выпуск «Ивана Денисовича», я и мой друг Наталья Мильевна Аничкова, с которой мы сначала в лагере прожили пять лет вместе, а потом, после лагеря, двадцать лет жили вместе, ждали этого как какого-то необыкновенного события. Я с самого начала считала, что единственное, что я могла сделать, — это помочь человеку, который раскрыл все это. Могил у меня нет до сих пор, я не знаю, где мои родители похоронены...

Когда вышел «Один день Ивана Денисовича», Наталья Мильевна написала Александру Исаевичу и предложила ему нашу общую помощь. Я тогда работала в Библиотеке иностранной литературы, а Наталья Мильевна была читателем Ленинской библиотеки. Я знала немецкий язык, английский, Наталья Мильевна свободно владела французским. И мы предложили Александру Исаевичу помощь. Он согласился и летом 1964-го, по-моему, года пришел к нам. Первая встреча была такой, как будто мы друг друга знали много-много лет, никакого напряжения, никакого стеснения. Вот он пришел, мы уселись за стол с трех сторон. Он нам сказал, чем бы мы могли помочь ему. Он сразу сказал, что хочет написать книгу о лагерях и помощники ему будут нужны. И поставил нам сразу же очень строгие условия, на которых, так сказать, готов принять нашу помощь. Главное условие: полная конспиративность, то есть никто не должен знать, что мы для него делаем.

Мы сразу же приняли эти условия и ни разу их не нарушили, ни разу и никогда от нас ничего не утекло. Это были иногда самые мелкие задачи: что-то кому-то привезти, что-то у кого-то взять и кому-то отдать. И надо сказать, никаких перекрестных встреч у нас не было. Единственной, с кем мы были знакомы и с кем сотрудничали, была Елена Цезаревна Чуковская, которая, слава богу, и сейчас здесь. Вот с ней мы иногда пересекались. Что делалось конкретно в связи с «Архипелагом ГУЛАГом»? В 1968 году, весной, переписывался последний вариант. Работа шла на маленькой дачке, в садовом домике под Нарой. Елена Цезаревна и Елизавета Денисовна Воронянская перепечатывали текст, а мы его считывали. Раз в несколько дней я приезжала туда, иногда там прямо читала, иногда забирала с собой и уже дома читала. А когда весь текст был готов, я его отвезла в дом совершенно необыкновенных людей. Она была машинисткой, которая тоже много для Александра Исае-

вича печатала, а он был отставной полковник, который занимался переплетным делом. И он все это переплел. Настал день, когда я приехала к ним забрать, это было 12 томов. Когда я уходила от них (из дома на Беговой), они стояли у окна и крестили меня, говоря: «Господи, хоть бы проскочила, хоть бы проскочила». (Потом они так мне рассказывали.) Потому что это были все экземпляры, которые тогда существовали.

Никаких праздных разговоров, праздных встреч не было. Один только раз мы собрались — когда было уже известно, что «Архипелаг...» не только перепечатан, а и переснят на пленку. Тогда ведь не было никакой возможности полиграфически книгу размножить. Бобина этих пленок уехала за границу. Мы уже получили известие, что она пересекла границу. Тогда — единственный раз — собрались все участники дела на этой дачке, единственный раз какие-то делались шашлыки, что-то пили, что-то ели. Это было совершенно что-то из ряда вон, такого не было ни до, ни после. Была там Елена Цезаревна, была я — остальных уже нет в живых.

А потом уже работа шла с переводами — это была подготовка к «Красному Колесу», в частности к «Августу Четырнадцатого». Переводились статьи, их было не так много. Еще две книжки я переводила, — одну с немецкого, другую с английского. Одна была воспоминания немецкого генерала Франсуа (о Первой мировой войне), другая — сборник материалов из немецких архивов (о взаимоотношениях немецкого генерального штаба и большевистской партии). Эта книжка была издана после Второй мировой войны в Америке. Переводила я ее весь свой отпуск. Ну, а небольших заданий было много, разные. Я вот смутно помню, как в лифте передавала замечательному человеку Георгию Тэнно какой-то текст, я даже не помню сейчас, что это был за текст. Но передавала именно так, в закрытом лифте. Я могу вспоминать много мелких событий, мелких эпизодов. Частично то, что помнил Александр Исаевич, что рассказано в очерке, вошедшем в книгу «Бодался телёнок с дубом». Я рассказала то, что сочла самым важным, относящееся именно к «Архипелагу ГУЛАГу».

А.С. Немзер: С просьбой о том же самом я обращаюсь к Елене Цезаревне Чуковской.

Е.Ц. Чуковская: На днях мне подарили книгу Марка Розовского. Там меня поразил эпиграф: «Известные известны немногим». И подпись: Аристотель.

Я вспоминаю строки из «Теленка», Александр Исаевич пишет: «Хорош был бы я, автор “Архипелага”». Это очень важная фраза. Когда мы еще не знали, что существует такая книга «Архипелаг ГУЛАГ», Солженицын жил и вел себя именно как автор «Архипелага...». Он-то знал, что стоит у него за плечами. И еще он пишет в «Теленке»: «1970 был последний год, когда Нобелевская премия ещё нужна мне была, ещё могла мне помочь. Дальше уже — я начал

бы битву без неё. Приходила пора взрывать «Архипелаг». И в 1970 году ему была дана Нобелевская премия. Но еще ничего не было известно об «Архипелаге ГУЛАГе», книга никак не фигурировала в формулировке Нобелевской премии. То есть премия была дана независимо от этой книги. И последнее, что я хочу процитировать из «Теленка», Солженицын пишет: «Я уставал уже от конспирации, она задавала мне задачи головоломнее, чем само писательство». Это очень важное свидетельство. Александр Исаевич думал не только о том, что он писал и как он это напишет, но постоянно думал, какой объем написан, где это будет храниться, как он это будет прятать, кто это будет ему возвращать в нужное время.

Из решений этих задач — «мелких», как сказала Надежда Григорьевна, складывалась в значительной степени судьба «Архипелага...» и других работ Солженицына. Прежде всего их надо было сохранить. Тут была целая большая система. Александр Исаевич, как мы знаем сейчас на основании опубликованных документов, жил в обстановке постоянной слежки. И то, что не было никаких провалов и никаких предательств, — следствие его какого-то особого умения находить пути хранения своих вещей. В этом году я была на выставке рукописей Солженицына, где впервые увидела рукопись «Архипелага ГУЛАГа». То есть первые пять частей, написанные автором от руки, мелким почерком. Эта рукопись сохранилась в земле, ее выкопали потом на эстонском хуторе. Та рукопись «Архипелага...», которую я видела прежде, была перепечатана самим автором, машинопись первых пяти частей, напечатанных очень тесно, без полей, так же как и «Иван Денисович». А шестая и седьмая части «Архипелага...» тоже хранились в земле и были выкопаны только в 1968 году. Я участвовала в перепечатке очередной редакции, о которой у меня записано, что почти нет страниц без правки. То есть когда Александр Исаевич в 1968 году вернулся уже ко второй или третьей редакции «Архипелага...», он очень много дополнял. Но на самом деле, конечно, эта вещь может быть написана только одной рукой, и это чувствуется в книге, это видно.

Когда Александр Исаевич писал «Архипелаг ГУЛАГ» (а это значит — семь частей, три тома), он никогда не видел всей книги разом, у него никогда не было полной рукописи в руках, всегда — только отдельные главы, которые ему привозили и увозили. Если требовалось что-то дополнить, ему нужно было заказать определенную главу, чтобы привезли, внести туда какие-то исправления. Рукопись не хранилась у него дома, она не была в его распоряжении. Целое он выстраивал и держал только в памяти. Я записала некоторые его мысли о прозе: «Мне надо писать большие вещи. Я люблю архитектурно строить. Рассказы — растрачивание сил. Как сказал Замятин, в стихе ритм арифметический, а в прозе интегральный, и прозу писать труднее».

Надежда Григорьевна упоминала Георгия Павловича Тэнно. Случилось так, что я тоже с ним была знакома. Познакомилась при очень печальных

обстоятельствах. Александр Исаевич говорил мне, что если с ним что-нибудь случится, то его лучший друг, Георгий Павлович, всегда поможет сохранить, передать и прочее. И вдруг оказалось, что Тэнно — он был спортсменом, спортивным тренером — тяжело заболел. У него обнаружился рак, через три месяца после постановки диагноза он умер. В эти три предсмертных месяца я работала недалеко от того дома, где Тэнно жил. Александр Исаевич передал ему главу «Убежденный беглец» (это часть пятая, «Каторга»), где рассказывал о судьбе Тэнно. Георгий Павлович правил эту главу, там его почерк есть, и она, мне кажется, самая затянута в «Архипелаге...», то есть Солженицын не стал ее менять, она осталась такой, какой ее читал и правил Тэнно.

Я хочу напомнить: когда наступила перестройка, Солженицын выдвинул требование, чтобы прежде всех его книг в России был напечатан «Архипелаг ГУЛАГ». Из-за этого были большие волнения. «Архипелаг...» то разрешали, то не разрешали. Наконец, как мы знаем, «Архипелаг...» вышел, главы в «Новом мире», потом — в журнале «Даугава», в журнале «Литературный Киргизстан», в общем, можно было его собрать по журналам. На эти публикации читатели отозвались сотнями писем. В это время на «Новый мир» подписалось 2,5 млн. человек. Потому что «Новый мир» объявил, что приложением будет «Архипелаг...». Буквально мешки писем поступали от читателей глав «Архипелага...». Тогда мы с Надеждой Григорьевной при участии двух Дим — Димы Борисова и Димы Юрасова — сделали публикацию, которую я захватила сюда.

Вот эта «Независимая газета»: «“Архипелаг ГУЛАГ” читают на родине» называется. Это небольшая часть тех писем, которые получила редакция, но она точно отражает время. Например, о Кузнецове, руководителе восстания, пришло два письма. В одном говорилось о том, что он играл двойную роль, а в другом, наоборот, его очень хвалили. Потом здесь помещен ответ какого-то рабочего Рою Медведеву. Автор пишет: «Вы упрекаете Солженицына в неточностях, а ведь иначе и быть не могло. Разве КГБ или ЦК предоставили когда-нибудь Солженицыну свои архивы? Проявляли заботу? Платили зарплату? Давайте вспомним: “В самый разгар работы над ‘Архипелагом’, — пишет Солженицын, — меня настиг разгром моего архива”». Ну, и так далее. По выходе «Архипелаг...» оказался в центре внимания читающей публики. В 1990-х годах он был издан в шести издательствах, кроме журналов. Последнее, что я хотела сказать, вспоминая эти письма (по-моему, тех, что мы перебирали, было около 500). В прошлом году замечательно был отпразднован полувековой юбилей «Одного дня Ивана Денисовича» — вышла книга, в которой были собраны письма читателей. Письма об «Архипелаге...» тоже публикации достойны.

Интересно было бы, конечно, когда-нибудь увидеть архив «Архипелага...». Во-первых, рукописи тех воспоминаний, которые были в распоряжении Солженицына. Во-вторых, фотографии. В книге есть замечательные фо-

тографии: мертвая дорога, плакаты Дмитлага... Но вряд ли Александр Исаевич поместил всё, чем располагал. Я думаю, что в архиве у него много интересных материалов. Из того, что я помню, к «Архипелагу...» должна была быть приложена карта лагерей. Эту карту чертила Наталья Владимировна Кинд, геолог, наша открывательница алмазов. Совершенно замечательная была нарисована карта. Но Александр Исаевич очень твердо сказал, что эту карту помещать не будет, хотя она была уже готова, красивая, просто просилась в эту рукопись. Но он считал, что многое еще неизвестно (шел 1968 год), а потом ему будут ставить в вину, что на карте не указаны те или иные лагеря. Карта эта, сильно дополненная, была опубликована, «Мемориалом» по моему, много лет спустя.

Очень интересно, какие письма позже писали читатели. Уверена, что обсуждение этой книги продолжалось постоянно. Я выписала фамилии тех, кого я помню, чьи рассказы вошли в «Архипелаг...». Это Наталья Ивановна Столярова; Георгий Павлович Тэнно, которого я упоминала; Николай Иванович Зубов; Власов, Чульпенев, которых он много цитирует. Сведения, которые он собрал у этих людей, очень органично вошли в книгу, но ни в коем случае «Архипелаг ГУЛАГ» не является сборником рассказов разных людей. Это художественное произведение, где рассказы преобразованы в историю страны одной творческой волей и написаны одной рукой. Если бы не было у нас этой книги, то мы бы оказались просто без недавней истории. «Архипелаг...» — это единственный якорь, который позволяет сохранить надежно то, что происходило в те годы, которым он посвящен.

Н.Д. Солженицына: Я хочу огласить один документ, который имеет прямое отношение к появлению «Архипелага...» 40 лет назад, но странным образом оказался малоизвестен. Мое внимание на дату под этим документом обратила Галина Тюрина, она сказала: «Вот у нас круглый стол 26 марта, а этот текст подписан: “27 марта 1974”». То есть завтра будет 40 лет. Это текст, который я написала и раздала накануне нашего отлета вслед за Александром Исаевичем. Его выслали 13 февраля 1974 года, а я еще шесть недель с помощью Елены Цезаревны и бесстрашных скандинавских журналистов переправляла ту часть архива, которая должна была понадобиться Александру Исаевичу, чтобы продолжать работу над «Красным Колесом». (Лишь «Август...» в первой редакции был к тому времени опубликован, а все остальное было в процессе работы.) Через шесть недель после его высылки, а именно 29 марта, я с четырьмя сыновьями и матерью улетела к Александру Исаевичу, который в то время был уже в Цюрихе. Нам помогало много друзей. Не только с архивом, но и просто прожить эти шесть недель, которые прошли под постоянной, открытой, демонстративной слежкой. Всегда сидели на нашей лестнице, на этаж выше, два топтуна, не прячась. Ходили за нами всюду. В общем, такое было напряженное время.

Надо сказать, что «Архипелаг...», который был опубликован 28 декабря 1973 года, воспроизводился не с той пленки, о которой сегодня говорили. К сожалению. Потому что та пленка попала к людям, у которых были какие-то свои представления о том, что это за книга, в общем, руки она им не жгла. Александр Исаевич потерял возможность управлять ее судьбой. Пришлось делать заново пересъемку. И еще он вносил очень много уточнений. Это делалось в 1972 году, осенью, еще на даче Ростроповича. А в 1973 году на нашей квартире в Козицком переулке, где теперь располагается Фонд Солженицына, эта последняя редакция со всеми поправками была заново переснята. Сделал это Валерий Николаевич Курдюмов, ныне он возглавляет Фонд в Москве. Пленка отправлена была снова с риском, снова с острыми переживаниями, — и, к счастью, тоже благополучно. И вот после взрыва «Архипелага...» автор выслан, и нам нужно уезжать...

Было очень тяжело, надо сказать, ощущение было ужасное, казалось, что это навсегда. Александр Исаевич считал, что мы вернемся. Потом он заразил нас своей уверенностью, в которой оказался прав. Но в тот момент казалось, что — всё, жизнь обрублена, начинается какая-то другая. Дети маленькие, как их вырастить там, в этой неизвестности? И если с Солженицыным такое можно сделать, то друзья близкие остаются совсем незащищенными, — было очень страшно за них. Этот страх еще долго был, многих таскали в КГБ, у многих были обыски. Но тогда, слава богу, никого не посадили. Но в тот момент будущее было совсем неизвестно. Надежда на возврат еле теплилась. И вот я такой прощальный текст написала — и 27 марта, 40 лет назад, раздала корреспондентам. Он был передан, кажется, по Би-би-си, я сама не слышала, и напечатан в «Русской мысли», но потом больше вроде бы нигде не печатался.

Александр Исаевич Солженицын выслан из страны. Выслан силой, безсудно, вероломно. Русский писатель, главной болью которого была и будет судьба России — обречен жить в изгнании.

Многие годы стремились оборвать его связь с соотечественниками. Но газетная брань, и закулисная клевета, и грязные анонимные угрозы бессильны были исказить и приглушить его голос, всегда обращенный к этой земле, к ее народу. Наконец поняли, что добровольно Солженицын никогда не оставит России. Тогда решились: арест, конвой, принудительный увоз.

Можно разлучить русского писателя с родной землей, но пресечь его духовную связь с ней, но отнять у России Солженицына, такой власти и силы нет ни у кого. И пусть сейчас здесь запалили костры из его книг, их жизнь на родине неистребима.

Мое место рядом с ним. Но уезжать мучительно больно. Больно расставаться с Россией. Больно, что на жизнь без родины обречены

наши дети. Больно и трудно оставлять друзей, не защищенных мировой известностью от мстительной власти.

Вынести эту боль дает только вера: мы вернемся. Не знаю, когда и как, но верю твердо. Верю потому, что на моих глазах к России, казалось, уже погребенной и забывшей себя, начали возвращаться живое дыхание и память.

Еще недавно преследуемого человека окружало поле страха и неприязни. И вот вновь пробивается и крепнет подлинно русское чувство сострадания, не к единомышленнику только, а просто к гонимому, травимому, неправильно осужденному. И часто не обеспеченные, а те, кто сами едва сводят концы с концами, отрывая от себя и своих детей, помогают детям политзаключенных или терпящих за веру.

На наших глазах совершается чудо. Поруганная, оплеванная, затоптанная вера не умерла в России, но с каждым днем влечет к себе новые и новые души. Люди ждут и ищут истины. Молодые по крупицам собирают драгоценное духовное наследие, приговоренное к забвению. Для новых поколений исторический опыт не прошел даром. В этом чуде наше будущее, в нем основание надежды.

Не мне судить о сроках, но мы вернемся и детей наших вырастим русскими.

И потому — мы не прощаемся ни с кем.

27 марта 1974

Наталья Солженицына

Тогда еще не был объявлен фонд, но мы уже собирали деньги и помогали тем, кто сидел в лагерях. А фонд существует, как вы знаете, до сих пор. И хотя уже очень много бывших сидельцев умерло, но все-таки около двух тысяч еще у нас постоянных «стипендиатов» книги «Архипелаг ГУЛАГ», все гонорары от которой Солженицын отдал в этот фонд.

Л.И. Сараскина: Уважаемые коллеги, последние несколько лет я занималась очень неблагодарной, очень тяжелой работой. Я завидую тем, кто выступал сегодня, — и Елене Цезаревне, и Надежде Григорьевне, и Натальи Дмитриевне, которые говорили об истории «Архипелага...» и о высылке Александра Исаевича, с *этой* стороны, со стороны Александра Исаевича. А я, когда написала его биографию, поняла, что чего-то не хватает. Я не сразу это поняла, где-то через год. Меня стали эти шумы наступать и звенеть у меня в ушах: что что-то надо еще сказать. И вот это что-то в конце концов выразилось формулой: если Александр Исаевич написал «Бодался теленок с дубом», то мне надо рассказать, как дуб бодался с теленком, посмотреть с другой стороны. Не встать на сторону властей, которые его травили и преследовали, а просто посмотреть через их оптику на проблему. В результате вышла книга —

«Солженицын и медиа в пространстве советской и постсоветской культуры», книга о том, как дуб бодался с теленком, какие были у власти мотивы, чего они хотели, как действовали, на что и как они реагировали.

Картина получилась странная. Получается, что «Архипелаг...» они просто прозевали. Ведь у них были данные прослушки в доме Кобозева, где Солженицын подробно рассказывал о своих планах еще в 1965 году. Они ничего не сделали тогда, они это всё сложили, может быть, забыли, может быть, не забыли. Солженицын, кроме прочего, восхищается тем, что он их опережал всегда, он всегда делал первый шаг, а они реагировали поздно, в пустой след. И я думаю: какое счастье — ведь если бы они были ретивые, если бы они были усердные, если бы они были по-настоящему brave, то они бы, конечно, уже в 1965 году должны были схватить за горло всех — и Елену Цезаревну, и Надежду Григорьевну, и всех остальных, кто помогал, — и книги просто могло не быть.

О том, как история травли продолжалась, как она развивалась, я не буду сейчас говорить. Скажу другое. Как бы ни бездарны они были, как бы ни тупо они себя вели, как бы ни пропускали многое, что могли бы не пропускать, тем не менее усилия советской пропаганды, которая в течение двух десятилетий Солженицына дискредитировала и порочила, не остались тщетными. Ложь и клевета успели внедриться во многие головы, овладеть многими умами. Между писателем и читателями успела вырасти стена, которую ему приходилось преодолевать снова и снова, после каждого нового повода, нового нападения. И вот когда Александр Исаевич перед возвратом, уже в 1990-х, это все понял, он написал: «Разделяющий меня с читателями порог так высок, что его нельзя преодолеть одним усилием, одной большой публикацией или фактом приезда. Сколько же усилий и опять-таки лет надо, чтобы эту ложь отмыть?»

Мне последнее время приходилось много общаться с разного рода прессой. Недавно у меня было интервью на радио «Маяк», ВГТРК, Государственная компания. Три brave тридцатилетних молодых человека — о Солженицыне, об «Архипелаге...». Я кое-как выдержала эту битву, но было страшно. Во-первых, это поколение тридцатилетних, которые не знают ничего, а ведь это журналисты, это профессионалы, которые обязаны подготовленными быть, обязаны знать. Во-вторых, они насквозь ангажированы, они уверенно повторяют любую грязную ложь о Солженицыне. Уверена, что эти молодые люди не читали книгу Н.Н. Яковлева «ЦРУ против СССР», которая некогда выходила миллионными тиражами и продолжает издаваться сейчас, но воспроизводят они это старое вранье. Говорится, что Солженицын не написал «Архипелаг ГУЛАГ», а дал книге свое имя, что фальшивые факты («лагерный фольклор») ему сливало ЦРУ... И например, меня спросили: «А если он такой патриот, что же он взял и свинтил на Запад?» Отвечаю: «Как свинтил?! Его выслали насильственно».

Мне не раз приходилось слышать, множество раз возражать людям, которые настойчиво повторяли, что Солженицын сам уехал, удрал, предал родину и т.п. Я говорю: «Есть же документы!» Да кто им верит, доказать таким людям практически ничего невозможно. Самое простое доказательство — текст против текста, слово против слова — не действует. То, что в тебя не входит по твоему уже утвержденному какому-то образцу, ты и не хочешь видеть. Я не знаю, как с этим бороться.

Говорили здесь, что надо читать «Архипелаг ГУЛАГ», ведь там такой язык, такие чувства, такие люди выведены. Не видят этого, в упор не замечают, и не хотят видеть. Потому что зэк стоит против вохровца, и вохровец прав. Прав следователь, прав надсмотрщик. Они правы, а все прочие (мы с вами) — это всё пыль лагерная. Это разделение, думалось, уже в прошлом, мы это уже изжили. Нет.

Вот мои горестные, мои горькие мысли. Мне было очень тяжело писать новую книгу, потому что хотелось писать о высоком и вечном в «Архипелаге ГУЛАГе», но я поняла, что это будет не вся правда. Надо говорить о сегодняшнем — болезненном и опасном — отношении к Солженицыну в нашем обществе. Наша задача — делать все возможное, каждому на своем месте, чтобы это не стало официальной идеологией.

С.Ф. Дмитренко: Я согласен с Людмилой Ивановной. На душе тревожно. Но все-таки по итогам заочной части нашего круглого стола, в которой участвовали учителя из разных мест России, из Молдовы, из Казахстана, могу свидетельствовать: школа воспринимает «Архипелаг ГУЛАГ» как совершенно необходимую книгу для понимания того, что с нами происходило, происходит и может произойти. Учителя в этой книге находят залог здорового, серьезного и обнадеживающего развития как общества, так и человека. Так что есть, к счастью, и другая сторона.

Е.В. Иванова: Дорогие друзья, уважаемые коллеги! Я подготовила выступление. Но когда сегодня началось наше заседание и выступили Надежда Григорьевна, Елена Цезаревна и Наталия Дмитриевна, решила от него отказаться. И вот почему. Самое, может быть, удивительное в судьбе «Архипелага ГУЛАГа» — это люди, которые помогали Александру Исаевичу его создавать. В школе раньше проходили поэмы Некрасова о «декабристах». Я думаю, что помогать Александру Исаевичу было не легче, чем поехать за мужем в Сибирь. Люди, что добывали материалы, перепечатывали, хранили, передавали рукописи, — рисковали жизнью в самом прямом смысле слова. Елена Цезаревна рассказала мне, как она должна была встречаться по вторникам с Надеждой Григорьевной на станции метро, если не ошибаюсь, «Новокузнецкая» и передавать какие-то материалы. Они не созванивались, не переписывались — был только условленный день. Это конспирация высшей пробы. Однажды Надеж-

да Григорьевна не пришла. Не было возможности узнать почему. Арестована? Что-то случилось? Потом окольными путями пришло известие, что Надежда Григорьевна просто заболела. Эта героическая сторона существования «Архипелага ГУЛАГа» — очень существенный компонент его истории.

Сейчас очень часто приходится слышать, что нет свободы, нет того, сего, пятого, десятого. Но до какой степени не было свободы *тогда*, сейчас почти никто не представляет. Я близко общалась тогда с Габриэлем Гавриловичем Суперфином, он мне сказал, что среди всех его знакомых нет ни одного, кто согласился бы взять у него какой-то текст и отнести его иностранному корреспонденту. Просто передать — потому что самому Суперфину передать не дадут, сразу арестуют. И вот среди всех знакомых (а это большой круг людей, в том числе и храбрых) не находится того, кто рискнул бы. А эти три женщины перепечатавали, переплетали, носили, прятали — под самым бдительным взором КГБ...

Я мечтаю написать воспоминания об общении с этими великими женщинами. Я считаю, что это достойная часть нашей истории. Я хочу особенно отметить роль русских женщин второй половины XX века. Надеюсь, найдет-ся поэт, который когда-нибудь о них напишет.

Н.Д. Солженицына: Я бы хотела добавить, что было очень много людей, которые помогали, совсем не только «три женщины». Многих уже нет, кто-то умер, кто-то уехал, но их было много. Это могут засвидетельствовать и Елена Цезаревна, и Надежда Григорьевна, и я. Много было людей, включенных в систему «прятков», хранителей материалов и рукописей. И сколько было страшных моментов, когда случались утечки, и вспыхивала огромная тревога, и из одного тайного места перекладывали в другое. Все эти люди не безымянные. В «Невидимках», в последнем дополнении к «Теленку», Александр Исаевич перечислил 115 человек, тех, кто ему в разное время помогал. И если уж говорить, то обо всех них.

Еще обязательно надо отдать должное тем людям, которые напечатали «Архипелаг ГУЛАГ». Это тоже вовсе не так просто: дескать, пленка попала на Запад, а там все свободно и легко. «Архипелаг...» печатался в условиях тайны, участвовали буквально три человека — Леонид Лифарь, типограф, брат известного Сергея, Никита Алексеевич Струве и его жена Мария Александровна Ельчанинова, которые вычитывали то, что Лифарь набирал. Была машина линотипная, не было еще компьютеров. Лифарь вручную набрал весь первый том, Струве ездили, брали у него эти главы, как вот Надежда Григорьевна возила главы, на машинке напечатанные. Они привозили домой набор и дома его вычитывали тихими голосами — не то чтобы они были уверены, что их слушают, но на всякий случай.

Лифарь умер несколько лет назад, его жена, Мария Ивановна, отдала огромную библиотеку мужа в Дом русского зарубежья, и вообще друг это-

го дома. Ей совсем недавно исполнилось 90 лет, я отправила поздравление: «...Всегда помним тот бесценный вклад, который сделали Ваш замечательный муж Леонид Михайлович и Вы в историческую публикацию книги “Архипелаг ГУЛАГ” в 1973 году». Она ответила: «...Годы идут. Я храню в сердце память о ваших героических страдных годах. Леонид был большой патриот. Он покинул Россию в 1933 году. Он много видел, пережил и болел за Россию. Издание “Архипелага” для него было чудо, которому он отдался целиком. Мне передали, что, когда Александр Исаевич посетил типографию, Леонид от эмоций рыдал у него на груди. Мой же вклад в это великое дело — песчинка, была огромная мне честь».

Леонид Михайлович просил Струве тогда же, когда книга была опубликована, а он был еще не старый человек: «Когда я умру, я прошу положить эту книгу мне в гроб». Это было исполнено.

Г.А. Тюрина: Позвольте продолжить тему в чуть ином регистре. Я тоже хочу выразить восхищение людьми, без которых создание этой книги было бы невозможно. Предлагаем вашему вниманию крошечный видеоролик об эстонских друзьях Александра Исаевича, обеспечивших ему надежный тыл, место для спокойной, насколько это было возможно, работы. Думаю, все присутствующие узнают этих замечательных людей.

(Показ фрагмента документального фильма «Жизнь Солженицына» (НТВ, 1998) с участием Хели Сузи и Лембита Аасало.)

А.Я. Разумов: Я работаю над книгами памяти жертв политических репрессий в СССР. В той России, которую временно перешиб, перебил Советский Союз, был замечательный жанр памятных книжек губерний и областей. Отражалась реальная жизнь, помещались перечни учреждений губернских, земских и других, приводилась статистика экономических достижений. Жанр этот просуществовал вплоть до перелома 1917–1918 годов. А в советской России, на завершающем этапе ее существования сложился жанр книг памяти, книг памяти о людях, которых не удалось уберечь. Вот этими книгами мы и занимаемся. Что такое современная книга памяти? Это имена, это история, основанная на свидетельствах, и это документы. Мне кажется, Александр Исаевич представлял полнообъемно задачу создания этой книги памяти. Практически он даже предвидел то, что сложилось в этом жанре через пятнадцать лет.

Свою задачу он решил в жанре опыта художественного исследования, причем художественного исследования, как говорила Лидия Корнеевна Чуковская, совершенно оглушительной силы. И я счастливый человек, потому что я от Александра Исаевича слышал, как он оценивал «Архипелаг...», как «Архипелаг...» создавался. Мы обсуждали имена, когда готовился индекс к

«Архипелагу...». Я никогда это не забуду. А еще напомним, что Александру Исаевичу предложили и он написал предисловие к семитомному, самому большому документальному своду «История сталинского ГУЛАГа». Эта «История...» вышла десять лет тому назад. В предисловии Александр Исаевич, конечно, обратил внимание на самые болезненные вопросы из тех, которые все время звучат, к примеру численность заключенных. Тогда прошло тридцать лет с начала издания «Архипелага...», освоен колоссальный документальный свод. Он издается. И Александр Исаевич пишет, что если говорить о числе жертв, то «мы можем говорить пока о том, что находимся в пределах доступных нам возможностей для оценки этих жертв».

Мы находимся в этих пределах и сейчас. В ноябре прошлого года я решил попытаться получить доступ к документам — к тому времени в печати был уже 12-й том мартиролога и у меня был определенный опыт этой работы. Я написал заявление в архив, что прошу, как исследователь истории «Архипелага ГУЛАГа», рассмотреть возможность допуска к материалам о задержании и расследовании в отношении Елизаветы Денисовны Воронянской. Написал на имя начальника управления. Позвонил в архив людям, с которыми я непосредственно пересмотрел массу архивных дел, и посоветовался, как мне быть с таким заявлением. Мне посоветовали прийти к учреждению, открыть дверь и опустить письмо-заявление в соответствующий ящик. Через месяц последовал ответ, что никаких материалов относительно Елизаветы Денисовны Воронянской не существует в петербургском управлении. Значит, мы еще очень большую часть даже просто истории создания «Архипелага...» не знаем, она для наших возможностей остается недоступной...

А книга работает. Каждый год из школы выходят в жизнь новые люди, и знание того, что было предметом исследования в «Архипелаге ГУЛАГе», им абсолютно необходимо.

Б.Н. Любимов: Я прочитал «Архипелаг ГУЛАГ», первый том, вероятно, примерно в те месяцы, которые вспоминала сегодня Наталия Дмитриевна, весной 1974 года. Расскажу сначала об одном поступке своем, за который, думаю, Александр Исаевич, как великий конспиратор, меня бы обругал. Но что было, то было. Получил я экземпляр этой книги от старинного друга нашей семьи, смею сказать — и моего старшего друга, который, кстати говоря, тоже один из невидимок Александра Исаевича. Он дал мне «Архипелаг ГУЛАГ», завернутый то ли в журнал «Огонек», в страничку, как все тогда обрачивали, либо в газету «Правда». Мне нужно было проехать домой несколько остановок на троллейбусе. И вот я помню, как горит у меня в руках этот томик. Я не удержался, за несколько остановок до дома начал читать. При чем понимал, что этого не надо делать. Потом я сообразил: помимо того, что есть люди, которые любят заглядывать через плечо и смотреть, кто что читает, помимо слов, скажем, «Сталин, Берия, ГУЛАГ», которые мало где тогда

можно было увидеть, любому человеку понятно, что в книге не тот — не как в советских изданиях — шрифт. И без всякой слежки (за человеком, который дал мне книгу или за мной) я мог быть очень легко разоблачен. Пропаганда работала зимой — весной 1974 года очень мощно, все про это помнят: власовец, предатель и т.д. Я думаю, что если бы кто-то действительно заглянул ко мне через плечо, скорее всего, мне бы, говоря современным языком, «открутили ласты». Может, так поступили бы семь из десяти потенциальных свидетелей, а может, десять из десяти.

Я бы не стал рассказывать об этом, кабы не совпадение. Недавно одна моя коллега, которая тогда была студенткой, а сейчас декан, поведала мне, как в метро читала «В круге первом», тоже обернутый то ли в газету «Правда», то ли в «Огонек». И она не думала о том, что любой человек, заглянув, увидит шрифт, каким не пользуются в «Художественной литературе» и «Советском писателе» и т.д.

Прощения нет. Единственное оправдание может быть в самой книге. Только видишь ее, сразу начинаешь читать и не можешь оторваться. Так было тогда и так — сейчас. С любым изданием, включая и сокращенный вариант, имеющий, на мой взгляд, самостоятельную ценность. Всякий раз, когда я сталкиваюсь с этой книгой, с любой ее частью, она меня не принижает, не придавливает, не опустошает, она меня вдохновляет. (Так и со многими другими произведениями Александра Исаевича, но с «Архипелагом...» — особенно.)

Я понимаю, что о книге этой можно написать в духе русских формалистов, скажем: «Как сделан “Архипелаг ГУЛАГ”?». Наверно, такие работы пишутся. Почему бы и нет? Как сделаны «Записки из Мертвого дома» и т.д. Конечно, важно, как это всё сделано, — и блистательная ирония, и чувство юмора, и частая смена оптики, разные характеры, то сплошь идут документы, то собственные воспоминания. Она построена замечательно. Но это все потом. Я сейчас пытаюсь реконструировать то, что ощутил сорок лет назад, то потрясение...

Конечно, глава «Арест». Понятно, потому что от суммы да от тюрьмы не отказывайся, и в 1974 году человек на себя примеривал: как ты себя поведешь в такой ситуации. И все эти варианты, возможности — так и сяк, на улице, на вокзале, в ресторане, и всеми разными способами... Я к этому уже был подготовлен — читал роман «В круге первом», страшный эпизод ареста Володина. Это была «дантовская» школа вхождения в ад, очень мобилизующая. Но больше всего потрясали слова, которые, может быть, многие не хотят замечать: «Брат мой! Не осуди тех, кто так попал, кто оказался слаб и подписал лишнее...» И спрашиваешь себя: а ты бы, дорогой мой, вот ты бы, где мера твоя, ты после первого допроса всех бы сдал или после первого применения спецсредств, или даже угрозы спецсредств, или еще потерпел бы какое-то время? Тут погружение в текст становится погружением внутрь

судьбы, которую ты должен разделить с народом, о чем писала в «Реквиеме» Ахматова.

И еще. Эти обращения к самому себе, переходы от исторических документов, от того, что можно было узнать и собрать, к собственной судьбе. Я постоянно студентам об этом говорю. Вот глава «Голубые канты». А ты, дорогой мой, если бы тебя поприжали, где в тебе граница проходит? Ты бы от голубых кантов отказался? Вот вопрос, который человек совестливый не должен забывать. Солженицын не забывал. И судил себя строго. Он мог не рассказывать о том, как потребовал, чтобы немец нес его чемодан — пусть арестованного, но все же недавно капитана. Тут вроде бы ничего страшного. Любой капитан, да и сержант, ефрейтор, так же обошелся бы с пленным немцем. Но Солженицын по велению совести поделился с читателем этой, если вдуматься, очень горькой историей. Не всякому грозит Архипелаг ГУЛАГ, но в жизни всякого ждет множество испытаний. Об этом предупреждает нас великая книга Солженицына. Но она же говорит нам о том, что человек может пройти сквозь ад и выстоять.

Наталия Дмитриевна говорила сегодня о вере изгнанника Солженицына в возвращение на родину. В 1983 году в Париже я видел интервью с Солженицыным. Я соглашался с каждым его утверждением. Кроме одного — что он обязательно вернется в Россию. «Нет, — думал я, — этого не может быть». Потому что 1983 год, потому что у нас Андропов, потому что в ближайшие двадцать-тридцать лет ничего не предвидится, а сколько же Александр Исаевич собирается жить? Через десять лет я с ним познакомился в Москве. Эта способность к «опережающим суждениям» — поразительно вдохновляющая часть его творчества, которая не должна забываться. Ни школьниками, ни учителями, ни нами, взрослыми, убеленными сединами читателями.

Я разделяю тревогу, которую высказала Людмила Ивановна. Напомню: у Александра Исаевича есть книга про зернышко, угодившее промеж двух жерновов. Будем помнить, что есть и второй жернов, и кроме, скажем, Проханова, есть еще Сарнов, например. И не определишь, у кого больше ненависти к Александру Исаевичу. Одни его ненавидят за то, что он недостаточный христианин, недостаточный патриот, а другие за то, что он патриот и христианин. (То же и на Западе. Я думаю, когда-нибудь кто-то доберется до документов и напишет книгу «ЦРУ против Солженицына».)

Уже реакция на первое издание «Августа Четырнадцатого» и «Архипелаг ГУЛАГа» показала, что кроме тех, кто считал, что между 1917-м и 1953 годами все было замечательно (про них что говорить!), есть люди, для которых дурны только 1937-й и, скажем, 1949 годы. Прошу прощения, а в 1936-м было как-то иначе? Вся историческая часть, первые главы «Архипелага...» со ссылками на документы, которыми сами же большевики хвастались, это миропонимание опровергает. Все началось в 1937-м? А в 1935-м и в 1934-м в Ленинграде была тишь да гладь да божья благодать? Недавно вышла кни-

га о разгроме филологического факультета Ленинградского университета в 1949 году. Я прошу прощения, а в 1946–1947-м в Ленинградском университете был просто расцвет, что ли? А те ученые, преподаватели, еще не разогнанные в 1946–1947-м, они вслух произносили то, что они думают? И весь Ленинградский университет помогал Ахматовой и Зощенко в 1946 году? Да нет, конечно. Как только такое произносишь, получаешь яростных оппонентов. Как говорил Александр Исаевич, куда вы опыт Февраля денете? Скоро у нас столетия пойдут — Марта Семнадцатого, а еще раньше Августа Четырнадцатого. Думаю, нужно будет в связи с ними на эти темы поговорить.

Да, многое тревожит. Но с другой стороны, все же столько важного делается, в том числе и людьми, собравшимися в этом зале. В категориях оптимизма мне мыслить не удастся, а вот в категориях катарсиса, как однажды сказал Александр Исаевич, как-то получается. Нам надо жить и мыслить вслед за Александром Исаевичем, прежде всего вслед за «Архипелагом ГУЛАГом».

А.Д. Шмелев: Просто поделюсь своим опытом. В отличие от Бориса Николаевича, я не читал в транспорте «Архипелаг ГУЛАГ», хотя читал примерно в то же время, но дома у своего одноклассника и независимо от своих родителей и их круга. Они читали примерно тогда же, но независимо и в другом месте. Потом мы это обсуждали. И я помню, что у нас были разные чувства.

У родителей и их знакомых было чувство радости и облегчения, что это рассказано. Все это жило прежде в устных преданиях, а теперь уже никогда не удастся это замолчать. Все сказано и осталось навсегда. А для меня важным было, что я узнавал много нового, чего я не знал до тех пор. Да, многое существовало в устных преданиях. И некоторые вещи, связанные с гонением на церковь, как раз в «Архипелаг ГУЛАГ» вошли мало. Тут замечу, что в преданиях все же 1937 год был очень выделен, это заметно просто по годам смерти новомучеников. Но я отошел в сторону. Итак, какие-то вещи я знал и раньше, но открылось столько нового, что в первый момент я даже и не ощущал специально литературной стороны «Архипелага ГУЛАГа». Но довольно быстро это заметил. Потому что довольно быстро обнаружилось, что со знакомыми мы вдруг неожиданно обмениваемся цитатами, причем цитатами как будто бы и неходовыми, не имеющими никакой особой философской или жизненной нагрузки, какими-то почти полушутливыми цитатами, но запоминающимися. Ну, к примеру: «Не ошибешься, хрястнув по душегубцу». Трудно это рассматривать как руководство к действию. Такого рода цитат много ходило в 1970-х – начале 1980-х годов. А дальше судьба «Архипелага ГУЛАГа» известна. И сейчас я могу присоединиться к радости, что он есть. И то, что книга эта существует, отчасти позволяет не то чтобы полностью отвергнуть тревогу, высказанную Людмилой Ивановной, но выразить надежду, что сказанное Солженицыным — навсегда. Вот сейчас я присоединяюсь к своим родителям и их кругу.

А.С. Немзер: Дорогие коллеги, позволю себе зачитать несколько строк из книги Александра Исаевича. Не из «Архипелага...», но об «Архипелаге...». Это пронзивший меня при первом чтении фрагмент «Невидимок» из «Телёнка». Посвящен он не тем удивительным людям, что помогали Александру Исаевичу выстроить и донести до мира «Архипелаг...», а человеку другого склада. Тоже замечательному. В главке о Мире Геннадьевне Петровой, важнейшем литературном собеседнике Солженицына, где описан особый характер их дружбы, в частности сказано: «...изо всех моих книг к единственной она не прикоснулась сотрудничеством, — я её не прикоснул и не просилась она: к “Архипелагу”. В том жёстком самодвижении нашей истории и её не-ленивым рукам было не к чему прикоснуться. И когда все три тома я принёс ей на пять дней прочесть — она, единственно только об этой книге, не сказала мне ни слова. Потому что эта книга сделалась *сама* — не в мастерских искусства, не вспоминая ни единого завета его, не соотносясь ни с единым правилом».

Видит Бог, я это совсем не к тому процитировал, что никто не должен говорить о поэтике «Архипелага...» или его историко-литературном или религиозно-философском контекстах, что нельзя это исследовать. Все можно, и думаю, что нужно. А что лучше хорошо, чем плохо, это, знаете, для любого литературоведческого исследования верно. И про «Евгения Онегина» тоже лучше, когда хорошо, а когда плохо, не надо вовсе. Но помнить это особое отношение, явленное одним из самых проникновенных читателей Солженицына, и его, Александра Исаевича, чувства по этому поводу, — помнить про это, по-моему, нам тоже надобно.

«СОЛЖЕНИЦЫН И МЕДИА В ПРОСТРАНСТВЕ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Стенограмма обсуждения книги Л.И. Сараскиной¹

Ведущая: Г.А. Тюрина

Выступления: Л.И. Сараскина, Б.В. Орешин, Б.Н. Любимов,
Е.Ц. Чуковская, П.В. Басинский, Н.А. Формозов, В.В. Туркина

Г.А. Тюрина: С радостью открываю заседание солженицынского семинара, который проводится отделом по изучению наследия писателя. Сегодня наша встреча имеет не совсем обычный формат. Хочется, чтобы встреч подобного рода у нас было как можно больше, ибо выход книги — это праздник. Сегодня мы поздравляем Людмилу Ивановну Сараскину, которая завершила свой труд. Про книгу расскажет сама Людмила Ивановна. После ее выступления можно будет задать вопросы и выступить тем, кто уже имел возможность с книгой познакомиться.

Л.И. Сараскина: Спасибо большое, Галина Андреевна! Книга эта вышла в середине февраля, так что я смогла вручить авторские экземпляры моим друзьям и коллегам. Теперь же, во-первых, хочу поблагодарить Государственный институт искусствознания, где я работаю, и свой отдел медийных искусств. Интересно, что он стал так именоваться уже после того, как я свою книгу назвала «Солженицын и медиа». Я писала ее четыре года, и ежегодно она обсуждалась по главам, прошла через ученый совет. Никаких препятствий никто мне не чинил, за что я благодарна институту, который меня поддержал. Во-вторых, я благодарю издательство «Прогресс-Традиция». Здесь присутствуют директор его Орешин Борис Васильевич, заместитель директора, душа этого издательства Елизавета Давидовна Горжевская и замечательная художница Ирина Орлова, которая оформила эту книгу. И конечно, моя благодарность солженицынскому семинару, на заседаниях которого обсуждались ключевые главы. В «Солженицынских тетрадах»

¹ Обсуждению книги Л.И. Сараскиной «Солженицын и медиа в пространстве советской и постсоветской культуры» (М.: Прогресс-Традиция, 2014) было посвящено заседание семинара отдела по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья 3 апреля 2014 года.

уже опубликованы фрагменты этой книги. Главы из нее вышли в Белграде, в Петербурге, в московских альманахах, так что она уже плывет и плывет. Я сердечно благодарю руководителя семинара Галину Андреевну и всех участников семинара, которые весьма дружелюбно отнеслись ко мне и моей книге.

Итак, книга «Солженицын и медиа в пространстве советской и постсоветской культуры» вышла в серии «Испытание будущим». Расскажу, как появилась эта серия. Предыдущая моя книга, вышедшая в издательстве «Прогресс-Традиция», «Ф.М. Достоевский как участник современной культуры» (2010), изначально имела заголовок «Испытание будущим». Достоевский не только выдерживает это испытание, он порой будущее опережает. Явление Солженицына того же порядка: его наследие работает и на сегодняшний день, и на будущее. Моим издателям полюбилось название «Испытание будущим», и они предложили мне дать его серии. Так что следующие книги, уже не мои, конечно, а других авторов попадут в эту серию, если будут ей соответствовать. Я рада, что мы с издательством стали родоначальниками серии «Испытание будущим» в оформлении художницы Ирины Орловой.

Книга «Солженицын и медиа...» — это не продолжение моих биографических книг о Солженицыне (первое издание вышло в 2008 году, второе — в 2009 году). Я бы даже сказала, что это «перпендикуляр» к ним, альтернатива. В какой компании я была, когда писала биографическую книгу? Я была в компании самого Солженицына, его семьи, друзей, сотрудников, соратников, помощников. Заканчивая в 2007 году книгу, я написала, что работа с ее героем и близкими ему людьми дала мне неспадающий подъем духа. И хотя работа была трудной, долгой, в общей сложности у меня ушло лет семь на нее, она меня окрыляла и держала. Моей компанией были Чуковские, Ростроповичи, «невидимки» — люди сопротивления, мужества, преодоления. Они вдохновляли самим своим существованием.

В какой компании я оказалась в нынешней книге? Это Никита Сергеевич Хрущев и его Политбюро, его КГБ. Пришлось окунуться в отвратительные политические интриги, приведшие к его свержению («сковыру», как говорил Солженицын) и изгнанию из власти. Я с ужасом обнаружила, что Леонид Ильич Брежнев замышлял физическое устранение Хрущева. Потом я оказалась в компании брежневского политбюро и его КГБ; и там тоже были свои «ястребы» и свои «голуби». Одни хотели заслать Солженицына на полюс холода, чтобы там он скоренько закончил свои дни и чтобы ни один журналист до него не добрался. То есть компания у меня была та еще. Мне было очень тяжело находиться с этими людьми «под одной обложкой», читать их указы, донесения, циркуляры.

Но самое тяжелое было, как это ни парадоксально, даже не общество партийных чиновников и начальников. Тяжелее всего было находиться среди творческих личностей — писателей, художников, композиторов, скульпто-

ров, архитекторов. Думаете, с ними можно было отдохнуть душой? Никак нет. Я читала их письма к Е.П. Фурцевой, тогдашнему министру культуры, где они требовали: «Сколько можно его терпеть? Как земля его носит! Сделайте что-нибудь!» Они настаивали на «показательной порке», «нейтрализации», «устранении». Когда я видела фамилии подписантов, становилось еще тяжелее. На этой книге у меня испортился характер, я совсем перестала доверять людям, у меня стали развиваться подозрительность и обидчивость, возникли всякие мании и фобии. Это вредная работа — писать такие книжки.

И вот что еще хочется сказать. В начале работы я наивно предполагала, что, может быть, мне удастся оставить в прошлом весь этот морок, задвинуть его куда-нибудь подальше. Но чем дальше я продвигалась, чем больше погружалась в материал, тем сильнее осознавала, что надежды мои тщетны. Когда я наконец закончила, то поняла, что не от прошлого я ушла, а пришла в настоящее, уткнулась носом в сегодняшний день. Будет совсем плохо, если это станет нашим будущим.

Книга о медиа. Что это вообще такое? Это ведь не только газеты, журналы, радио и телевидение, это вся сфера распространения мнений, которые формируют общественное сознание. Медиа не только информируют, они еще занимаются манипуляцией, то есть создают реальность фальшивую, которую общество и отдельные люди начинают воспринимать как реальность истинную. Мне хотелось понять, как работают стратегия и тактика манипуляций, изучить механизмы лжи, диффамации, клеветы. В частности, как действует «клевета с трибун», которая широко применялась и к Александру Исаевичу. Клевета с трибун, то есть слухи, сплетни — это тоже медиа. И надо сказать, что наши медиа ничуть не лучше и не хуже, чем медиа в любой другой стране. Но, знаете, давным-давно сказано, что обмануть можно иногда и некоторых, но нельзя обманывать всех и всегда. Эта мысль не давала мне упасть духом, ведь отечественные медиа в отношении к Солженицыну почти всегда были беспощадны.

Технология манипуляции общественным сознанием описана давно и многократно. Бывают тонкие, изощренные технологии, бывают грубые. В отношении Солженицына наиболее живучими оказались самые грубые, самые топорные технологии. Казалось бы, сейчас ложь можно легко опровергнуть — документы напечатаны, клевета названа своим именем. Однако механизм внушения обладает таким свойством, что чем он грубее, чем он меньше связан с правдой, тем он действеннее. Солженицын не зря говорил о психологической самозащите, о недоверии к тому, что пишут газеты, о чем говорят по телевизору.

Когда я закончила работу и ее обсудили на ученом совете, мне высказали пожелание не прекращать это дело, продолжать отслеживать каждый новый случай клеветы и неправды. Значит, так тому и быть. Спасибо большое за внимание.

Г.А. Тюрина: Может быть, есть вопросы к Людмиле Ивановне?

Из зала: У меня такой вопрос. Медиа само собой, но, кроме медиа, есть еще известные люди. Я когда-то читал письмо Владимира Солоухина, потом книги Резника из США. В. Шаламов все-таки что-то оставил о Солженицыне, он же знал его?

Л.И. Сараскина: В моей биографической книге я рассказываю о знакомстве Варлама Тихоновича Шаламова с Александром Исаевичем. Это было еще до выхода рассказа «Один день Ивана Денисовича», когда он еще ходил по Москве в рукописи. Шаламов его прочитал и написал прекрасное письмо, дал рассказу высочайшую оценку. Я считаю, что эта первая оценка, как и первое впечатление, самые истинные и самые важные. Все что случилось потом — это уже сфера человеческих отношений. Знаете, историй, когда писатели ссорятся или расходятся во мнениях, — столько же, сколько писателей. Я могу рассказать про Тургенева и Достоевского, про Некрасова и Панаева, про Толстого и Страхова — про кого угодно, таких сюжетов будет множество. Для меня важно было то первое впечатление восторга и счастья Шаламова, который прочитал «Один день Ивана Денисовича».

Из зала: Вот это письмо якобы Владимира Солоухина, Вы эту историю рассматриваете? Потому оно фигурировало как письмо какого-то рабочего, какой-то неизвестной фамилии.

Л.И. Сараскина: Это личные истории. Такая же история произошла и с Нагибиным. Сначала восторг, который он описал в своем дневнике при высылке Солженицына: «Вот какими Ты создал нас, Господи!» А потом началось охлаждение. От Солженицына то и дело уходили люди, он об этом и сам написал много. Написал, в частности, такую грустную вещь, что до какой-то поры, пока были только «Иван Денисович», «Матрёна», другие новомировские рассказы, его принимали «нерасчлененно», и левые и правые. И все потому, что он олицетворял протест против существующего положения вещей. А потом, когда был написан «Август Четырнадцато» (1969-й год), начались расхождения. История восторгов, которая заканчивается разочарованием, а потом грубостями и несправедливостями, — с древним стажем. И конечно, есть еще вещи психологические. Когда у писателя в сорок пять лет печатаются первые рассказы — это одно, а когда он нобелевский лауреат и о нем говорит весь мир, — это совсем другое. Есть такое слово на букву «з», вы, наверное, его знаете...

Из зала: Зависть.

Л.И. Сараскина: Конечно. Это слово правит бал и среди писателей, и художников, и вообще среди людей. Я не судья тем, кто сначала любил, а потом ушел и сказал: знать тебя не хочу, чтоб ты вообще пропал.

Из зала: Даже речь не об этом, но вообще — связано ли появление этого письма с именем Солоухина или это инспирировали другие товарищи?

Л.И. Сараскина: Это и другими товарищами инспирировано, и, может быть, позвонили и спросили: как ты, Володя, вообще поживаешь? Даже если мы проведем отдельное расследование, мы не найдем концов и начал.

Из зала: Скажите Ваше мнение по проблеме: Солженицын как художник и Шаламов как художник.

Л.И. Сараскина: Кто лучше?

Из зала: Ну, вот художественный метод и так далее.

Л.И. Сараскина: Лучше всех, на мой взгляд, Шекспир. *(Смех в зале.)*

Из зала: Кто?

Л.И. Сараскина: Шекспир. Вильям Шекспир лучше всех для меня. В переводе Пастернака, в переводе Лозинского — он лучше всех. Величина абсолютная. Меряйте всех по Шекспиру. Вот, например, Лев Николаевич Толстой Шекспира не любил. Что с этим делать, как с этим поступать? Ничего, никак. О Шекспире этот факт не говорит ничего, эта информация для размышления о Толстом. Не нужно ссорить гениев. Если мы, читатели, задним числом начнем писателей сталкивать, расставлять отметки... Вот Владимир Владимирович Набоков, например, семнадцать лет преподавал в Корнельском университете в Америке и имел обыкновение, приходя к студентам на лекции, ставить оценки. Он говорил, например: Достоевскому — два, Толстому — пять, Пушкину — иногда четыре, иногда — четыре с плюсом, Лермонтову — тройку. Это бывало по настроению; настроение менялось, и менялись оценки. К этому как надо относиться? А как хотите, так и относитесь. Нельзя выставлять оценки писателю, нельзя их сталкивать и сравнивать. В моем сознании, например, легко умещаются и великий Шаламов, и великий Солженицын. Те, кто изучал XIX век, знают, как сталкивали Тургенева и Достоевского; при этом всегда находились люди крайне недалекие, которые говорили: если мы патриоты, то мы за Достоевского, а если мы либералы, то за Тургенева. Потому что Тургенев — величайший писатель земли русской и Достоевский величайший писатель. И хотя у них были распри и трения, мы, читатели, не должны их ссорить, мы должны их мирить. Вот мое мнение.

Из зала: Я, к сожалению, не успел прочитать Вашу книжку, может быть, в ней есть то, о чем я спрашиваю. Была книжка Т. Ржезача «Спираль измены Солженицына». Вы ее рассматриваете?

Л.И. Сараскина: Я ее рассмотрела очень подробно и в этой книге, и в биографической книге, причем в этой книге я привела секретные документы из Особых папок ЦК КПСС и КГБ СССР, где видно, что Ржезачу заказывали писать эту книгу, диктовали, какой она должна быть и в каком духе. Более того, я нашла замечательный документ, как книга Ржезача проходила в советском издательстве «Прогресс», ей назначили специального редактора, причем фамилия у нее...

Из зала: Правдина.

Л.И. Сараскина: Это псевдоним, такой говорящий псевдоним.

Из зала: Хачкис, Харкис...

Л.И. Сараскина: Мария Игнатьевна Хасхачих. Она занималась издательскими спецпрограммами.

Из зала: Редакция специзданий.

Л.И. Сараскина: Совершенно верно, редактор специзданий. Я нашла документы, которые показывают, как эта Правдина-Хасхачих готовила к изданию книгу Ржезача. Есть данные, как КГБ СССР через АПН, свою подведомственную структуру, строил план внедрения книги Ржезача в европейские страны. Вплоть до количества экземпляров, тиражей, системы распространения. И какой шел вокруг этого торг. У КГБ и у АПН в каждой европейской стране была своя издательская база, там были свои «адженты», люди, которые продвигали книгу Ржезача. Такая же история была и с книгой Натальи Алексеевны Решетовской «В споре со временем», первой из ее шести книг. Я привожу документы, как ей эту книгу заказали, как с автором работали. Но она все-таки была супругой, хоть и бывшей, и какая-то теплота к А.И. у нее оставалась. Так вот, резидент одной из европейских стран, прочитав ее книгу, сказал сотруднику: «Вы же говорили, что эта книга должна Солженицына очернить, а в ней ничего особенного нет, никакого специального компромата. Это действительно сделано по заказу?» Ему отвечают: «Да, это мы заказали» — и дальше объясняют, что, мол, нельзя слишком грубо писать, надо действовать специальными методами, ибо манипуляция должна быть тонкой. История с Ржезачем ясна как белый день. Но самое-то грустное, что позднейшие авторы, спустя 30–40 лет, воспроизводят, глазом не моргнув, все сюжеты Ржезача, будто это их находки.

Из зала: Резник.

Л.И. Сараскина: Не только Резник, я говорю про русских авторов. Не хочу называть, один из них покойный, и мне очень грустно думать о нем в этом ключе, потому что я была с ним хорошо знакома, сотрудничала с его журналом и считала его достойным человеком. И вдруг он пошел вслед за Ржезачем.

Из зала: В «Новом мире» в те годы было письмо Сахарова к Александру Исаевичу. Какую-то их идейную дискуссию Вы излагаете?

Л.И. Сараскина: Да, немного, но не в этой книге, а в биографической. Это отдельная большая история. Я могу Вас отослать к книге Роя Медведева, хотя с ней я во многом не согласна — и в трактовках, и в изложении фактов. Мне кажется, для начала лучше читать первоисточники.

Из зала: У Медведева поверхностно.

Л.И. Сараскина: Он небрежен с документами. Подбирает их под концепцию.

Из зала: Концепция там условна.

Л.И. Сараскина: Знаете, такие книги все равно нужно изучать. Они называют много источников, которые все равно надо проверять. Я лично перепроверяю все. Александр Исаевич, кстати, очень хорошо относился к пере-

проверкам. Документам тоже нельзя слепо доверять, они тоже могут быть лживыми, нарочитыми, сфабрикованными.

Спасибо большое за вопросы!

Г.А. Тюрина: Приглашаем высказаться тех, кто имел возможность с книгой познакомиться. Первым приглашаем в микрофону директора издательства «Прогресс-Традиция» Бориса Васильевича Орешина.

Б.В. Орешин: Добрый вечер. Мне кажется, хорошо, что избран такой формат. Это избавляет меня от необходимости говорить ритуальные фразы и позволяет выступить как одному из первых читателей этой книги. Но нельзя все же не сказать несколько слов об издательстве. Когда-то мы работали в «Прогрессе», но уже семнадцать лет существуем как самостоятельное издательство, а того большого «Прогресса», который выполнял важные идеологические функции, уже давно не существует. А мы успели выпустить большое количество книг по философии, литературоведению, искусствознанию, религиоведению.

Должен сказать, что книги Людмилы Ивановны — не только те, которые мы выпустили, но и другие — отличаются от многих книг, получающих гранты Российского гуманитарного научного фонда и других фондов, и вообще от огромной массы гуманитарных изданий, грешащих одним недостатком, очень существенным: они очень специализированы, дифференцированы, оторваны от интересов и потребностей людей. И может быть, этим объясняется то, что гуманитарная культура стремительно идет вниз и гуманитарное знание оказывает весьма незначительное влияние на общество.

Но вот Людмила Ивановна постоянно, во всех своих книгах, обращает внимание на темы большие, на проблемы, которые интересуют не узкий круг специалистов, а значительное количество людей, обеспокоенных тем, что у нас происходит. Она дает большой материал для раздумий, потому что многие вещи, которые у нас происходят и происходили на протяжении нашей истории, не могут не волновать, не могут не вызывать пристального внимания и к историческим реалиям, и к реалиям современности.

Скажу немного о серии «Испытание будущим». Нам действительно очень нравится это название, мы надеемся, что серия будет продолжена. Но здесь один есть момент, который важно обозначить. Конечно, думать о том, что время все поставит на свое место, справедливо лишь отчасти. Мы знаем, что очень многие идеи, концепции ушли в прошлое. Но мы живем в мире с открытой исторической перспективой, в мире проблематичном, в мире неопределенности будущего. Все ведь прекрасно понимают, что на будущее воздействует громадное количество факторов, там много новых флуктуаций, новых изменений, и мы не можем полагаться на естественное историческое развитие, как прежде думали.

Когда мы говорим об испытании будущим, очень важно понимать, что должно вообще делать. Как мыслить, как поступать, каким должно быть наше

сознание, наши взаимоотношения с другими. Это категория нравственная, и измерение будущим — нравственное измерение. Через всю книгу Людмилы Ивановны проходит галерея людей очень известных, которые занимали, прямо скажем, безнравственную позицию. Они могли быть хорошими художниками или артистами. О них думаешь: «Боже мой, это вот артист, которого мы все любили да и любим, — вот он говорил такие вещи!» Это ужасное, можно сказать, чтение. Но тем не менее художественная галерея и нравственная — это разные вещи. Нравственная есть нравственная, и это действительно есть испытание нравственностью. Многие не выдерживают этого испытания. И если говорить об Александре Исаевиче Солженицыне, он, мне кажется, дал сильный, мощный пример того, как можно бороться со злом в разных своих проявлениях.

В книге проходит несколько эпох: и Хрущев, и Брежнев, и Ельцин, и Горбачев, и современность — это вообще довольно большой исторический масштаб. Солженицын показал, как можно бороться с этим злом, имея оружием только литературный талант и потрясающую энергетику нравственного чувства, которая заставляла человека идти наперекор сразу всем, с такой колоссальной машиной сразиться. Конечно, это не всякому дано, это говорит о том, насколько значимо нравственное измерение, нравственный параметр деятельности человека.

Мне хотелось бы сказать и о названии книги — «Солженицын и медиа». Медиа представляют вообще весь спектр общественного сознания. Есть телеканалы, которые находятся на очень высоком уровне культуры. Но кто их видит, кто их смотрит? Очень мало. Доминирующие и преобладающие те каналы, которые манипулируют сознанием. Здесь я абсолютно согласен с Людмилой Ивановной. Но они не только манипулируют, они еще ведь и сознание отражают. И наиболее тяжелая, наиболее, я бы сказал, страшная проблема нашего общества — это преобладание в общественном сознании чудовищных предрассудков, предубеждений, инерционности, разного рода штампов, доставшихся нам в наследство. Вот Людмила Ивановна пишет, что Солженицын — одна из самых оболганных фигур.

Л.И. Сараскина: Оклеветанных.

Б.В. Орешин: Оклеветанных фигур, да, XX века. А вот другой человек, тоже всем хорошо известный, Владимир Бортко, режиссер, он говорит, что, оказывается, Сталин — наиболее оклеветанная фигура! Вот представьте себе, одна из самых отвратительных и жестоких фигур мировой истории и человек, который бросил вызов системе, — они в равной степени оболганы. И вот еще факт, Людмила Ивановна об этом пишет. Рекомендовано читать «Архипелаг ГУЛАГ» в средней школе. Хорошо, замечательно. Но посмотрите: в каждом книжном магазине вы увидите ряд совершенно чудовищных книг о Сталине, чудовищных в том смысле, что он в них герой. Я вот купил, не пожалел 100 рублей: «Спасительный 37-й год: Как закалялся СССР». Это читать невозможно...

Из зала: Кто автор?

Б.В. Орешин: Я скажу. Это автор бестселлеров «Почему ненавидят Сталина?» и «Если бы не сталинские репрессии». Романенко его фамилия. Но не та это личность, чтобы здесь о ней говорить. Просто омерзительно, что книжки «Генералиссимус Сталин», «Титан XX века», «Как Сталин боролся с Лубянкой» (оказывается, Сталин истреблял шпионов, которые прокрались на Лубянку), ну, и так далее, и так далее... Это заставляет задуматься, что же представляет собой наше сознание.

Когда-то Маркс говорил: философия — квинтэссенция эпохи. Так вот, квинтэссенция современного общественного сознания — это медиа, в которых есть чудовищные архаические низшие формы сознания. Они преобладают, в них переплетаются архаика, традиционность, мифология, модернизм, постмодернизм. Чудовищная картина, если внимательно присмотреться. Но не просто медиа отражают эти настроения. Поразительно, Людмила Иванова об этом написала, что хотя общество сейчас другое, но если посмотреть на обличительный пафос, если посмотреть на кампании против Солженицына, с выражениями «отщепенец», «злопыхатель», «клеветник», «марионетка враждебных сил» и так далее...

Из зала: «Литературный власовец».

Б.В. Орешин: «Литературный власовец», конечно... Понимаете? Это же традиция, идущая от большевизма. Я недавно прочитал высказывание Сергея Булгакова, что большевизм вырос из матерной брани, а не из учения Карла Маркса о диктатуре пролетариата. Это очень серьезное высказывание. Еще не сформировалась идеология, но существовало ненавистничество.

Надо сказать, что Людмила Иванова избегает, и очень правильно делает, злоупотреблений ценностными суждениями, но вместе с тем какой-то холодной объективности тоже не чувствуется. Чувствуется живая беспокойность, некая страстность, они, скорее всего, чувствуются. Но словесно все сделано так, что можно читать и думать, а не поддаваться эмоциям. Можно говорить, откуда вообще берется эта ненависть к Солженицыну, которая объединяет и либералов, и сталинистов, и многих других. Можно думать о том, и отчасти это верно, что есть зависть к мировой славе человека, есть несогласие с его интерпретацией истории, Февральской революции, монархизма, есть неприятие его художественной формы. Есть вообще травмированное состояние общества, которое от всего устало: от революции, от контрреволюции, от террора, от реформ. Устало общество, и это питает негативизм, и в книге, между прочим, это передано, такая вот взволнованность.

Но наиболее глубокий уровень кроется в том, почему люди не хотят знать правды. Почему они, не читая, говорят чудовищные слова проклятий. Мы видим крайне низкий уровень рефлексии, индивидуального сознания, отсутствие представления о том, что есть тень вообще. Это давным-давно известно, Юнг об этом писал, о фигуре тени, о том постыдном, нехорошем, что

есть в каждом человеке, которое транслируется и проецируется на агрессию в отношении других. Это очень серьезная вещь, учитывая, что в обществе нет понимания, что такое внутренний человек, что такое его самоосознание. Но проблема отставания сознания, культуры, ценностей, отсутствия смысла — это вообще проблема мировая, которая связана с переживаниями кризиса цивилизации.

В нашей культуре, в нашей истории появилась такая огромная фигура, как Солженицын. Люди почувствовали необходимость очищения, преобразования жизни, установления нравственных норм, которые потеряны. Книга Людмилы Ивановны как раз и есть некий призыв к самоосознанию, призыв к тому, чтобы мы осмыслили то, что мы только пробежали, на что не обратили внимания. Сейчас с книгами тяжелая ситуация, гуманитарные книги тоннами лежат на складах, их никто не покупает, потому что идет обесценивание гуманитарного знания как такового. Книга Людмилы Ивановны, я думаю, очень многим будет полезна: и молодым людям, и людям, которые помнят эту эпоху. Так что я хотел бы поздравить Людмилу Ивановну с хорошей книгой. Спасибо!

Г.А. Тюрина: Спасибо большое, Борис Васильевич. Приглашаю к микрофону Бориса Николаевича Любимова.

Б.Н. Любимов: Я принадлежу к вымирающему племени библиофилов, и поэтому мне небезразлично то, как книга издана и оформлена. Эту книгу не только читаешь как детектив, это понятно даже по вопросам к автору и по ответам. Но ее еще и приятно держать в руках, ее приятно поставить на полку, ее обязательно будешь брать с этой полки и многое в ней перечитывать. Поэтому мои поздравления издательству и художнику, с очень большим вкусом и выдумкой оформившему книгу.

Я уже сказал, что эту книгу читаешь как детектив. Действительно, биографии Александра Исаевича хватило бы на 150 сериалов; с любых сторон, куда ни зайди: война, ГУЛАГ, «раковый корпус», высылка, любой поворот биографии — это детектив. И не только жизнь дает такой материал, но и конечно автор, собравший, сконструировавший эту книгу. У Людмилы Ивановны огромный темперамент, в этом участники семинара, знающие ее лично, могли убедиться. Не буду сравнивать ее с «неистовым Виссарионом», я, как человек театральный, говорил бы о темпераменте великих русских трагиков Федора Волкова и Павла Мочалова, как там о Волкове писали: темперамент у него был бешеный. У Людмилы Ивановны этот темперамент сочетается с вьедливой, страстной любовью к документам. Есть такой исторический анекдот, как в XIX веке историк Бартенев опубликовал какую-то работу о Екатерине II, и ему приснился сон, будто Екатерина II грозно ему сказала: «Бартенев, откуда ты это знаешь?» А он сказал: «А как же, матушка, записочки-то не успела пожечь». Вот Людмила Ивановна знает цену этим «записочкам»: не сожженные вовремя, они дают этот особый эффект, она умеет их сводить

вместе. Когда идет параллельное чтение фрагментов из «Бодался теленок с дубом» и записей заседаний Политбюро, где этот «дуб» решает, что делать с этим «теленком», это такая полифония, полифония, так сказать, внутри Политбюро! Когда покойный Щелоков оказывается едва ли не самым главным гуманистом нашей партии и силовых структур, которые, прости Господи, живут «нераздельно и неслиянно», то становится немножко страшно не только по поводу 37-го года, но и, наоборот, по поводу 73-го. Ты понимаешь, что это верные люди того самого человека. Они немножко ругали ситуацию, но в общем они мыслили всеми теми же категориями, и можно сказать: слава Богу, что все обошлось так, как оно обошлось. Если там прикидывался вариант, как надо было устранить Хрущева в 1964 году (есть это у товарища Семичастного), то что стоило убрать Александра Исаевича в 1965 году — этого никто бы даже и не заметил... Сказали бы: скончался замечательный советский писатель, член Союза писателей и так далее, и так далее.

В этом смысле, конечно, книга ставит бесконечно много загадок, в том числе и для предполагаемого будущего автора детектива, и вообще для тех, кто интересуется общественной жизнью страны. У меня до сих пор нет полной картины ареста архива, прослушки Александра Исаевича у физика Кобозева, гибели Воронянской. Я все-таки думаю, что там нашлись люди, не только исполнители, но, конечно, и наводчики. Эта тема отчасти возникла в Швейцарии — там внедряются люди из чешского КГБ, стараются внедриться, до конца это не удается. Я, кстати говоря, абсолютно убежден, что то же самое предпринималось в 1974 году и с нашей стороны. Но и с той стороны тоже, там тоже Госдеп и ЦРУ существуют «неслиянно и нераздельно»...

Я допускаю, что книга эта выйдет вторым и, может быть, даже расширенным и дополненным изданием, потому что Людмила Ивановна обмолвилась, что материалы еще есть, и она сама сказала, что будет продолжать эту работу. Я понимаю ее мучительную сторону: когда ты видишь имена членов политбюро, сотрудников спецслужб и там же имена хорошо известных советских писателей, секретарей Союза. Во-первых, мы про них многое знаем, во-вторых, на многих клеймо уже стоит. В-третьих, ты понимаешь, что просто у них работа была такая.

Есть еще одна тема, очень трудная, но ее так или иначе придется ставить: как встретили Александра Исаевича наши «отъезжанты»-эмигранты. Это трудно, потому что среди них были люди и недостойные, и вполне достойные. Если бы это отношение было нейтральным, Александр Исаевич не стал бы писать работу «Наши плюралисты». А между тем это написано, и для меня это одна из самых трудных тем, тем более что мы с ней сталкивались, живя здесь. Ну, скажем, я помню, как известный актер всех прогрессивных театров, довольно романтично написавший о своем многолетнем сотрудничестве с КГБ, на гастролях в Англии в компании рассказывает, как

он в Лондоне встречался с Ефимом Григорьевичем Эткингом. Мы все затаив дыхание, слушаем рассказ, и он между прочим говорит: «Ну да, вот там про Солженицына меня спрашивали — он такое там несет...» Та-ак! Чтó он несет, мы не знаем: тексты публицистики Солженицына 70-х годов до нас доходят еще труднее, чем, допустим, «Ленин в Цюрихе» или «Бодался телёнок с дубом». А чтó же он такое «несет»-то?

Никто еще, кажется, не проанализировал его позицию там. Но не так все безнадежно было и там, потому что количество премий, которые он продолжал там получать, внимание СМИ, Темплтоновская лекция и так далее; он много и серьезно там работал и добивался больших успехов. Но я понимаю, что чувствует средний американский интеллеktуал, когда Солженицын начинает ему объяснять про Средние века, Возрождение, Просвещение; для него это примерно так же, как если бы нам сказали, что у нас кран течет, потому что мы скифы. Да кран починить надо! Они не мыслят в этих категориях. И конечно, расхождения с западными интеллеktуалами складывались серьезные. Или Собор Зарубежной Церкви ждет, что Александр Исаевич сейчас утопит Московскую патриархию, а он говорит: «Братцы, что вы делаете? Объединяйтесь. Все объединяйтесь». Во-первых, он произносит слова о том, что, теперь, когда он пересек границу, он уже не имеет права на такое письмо, какое он написал в 1972 году патриарху Пимену. Во-вторых, у вас общий враг, и даже не атеизм, а, условно говоря, вольтерьянство. Это чрезвычайно интересная тема, и я уверен, Людмила Ивановна, что вы с этим справитесь.

Я понимаю, когда это делают люди мелкого калибра или просто по заданию КГБ. Но среди оппонентов Александра Исаевича есть человек, который живет здесь, знаток зарубежной литературы Леонид Ефимович Пинский. Незаурядный, тут спору нет, хотя, скажем, мне лично ифлийская социология не очень близка, но уж это вопрос вкусов, убеждений и так далее. Но вот я случайно еще до выхода вашей книги снял с полки том, подаренный моему отцу вдовой Пинского с предисловием крупного исследователя Шекспира Аникста. Он заканчивает книгу высокими словами по поводу Пинского, «который развивает великие достижения отечественной культуры 1930-х гг.». Я аж поперхнулся... Я понимаю — 20-х годов, когда в один год издаются «Проблемы творчества Достоевского» Бахтина, работы Лосева, «Архаисты и новаторы» Тынянова, «О стихе» Томашевского, да, можно сказать, взлет гуманитарной культуры. А 30-х годах, тут что имеется в виду? Получается, что до 1937-го все было хорошо, все было славно в стране, а плохо стало в 37-м или 49-м. Вот это, мне кажется, тенденция чрезвычайно опасная, идущая от отечественной советской интеллигенции, которая, естественно, в штыки встретила не «Ивана Денисовича», а, как это верно говорила Людмила Ивановна, «Август Четырнадцатого» и дальше. Грибачевы и Софроновы заклеены, тут сомнений нет. Но те девятнадцать писателей, которые встретили Александра Исаевича так доброжелательно в 1989 году, их бы фамилии сейчас

тоже было бы справедливо вспомнить. Когда в 1989 году «Огонек» пиратски печатает «Один день Ивана Денисовича» без разрешения...

Из зала: «Матрену».

Б.Н. Любимов: «Матрену», конечно. Людмила Ивановна справедливо об этом пишет. Сопровождает публикацию Сарнов. Что же ты, порядочный человек, принимаешь участие в пиратском издании? Ты что, не понимаешь, что это пиратское издание? Но сразу там такая прослоечка, значит, чтобы он не закрывал нам горизонт. Что же это за горизонт-то такой у Сарнова, если ему Солженицын его закрывает?

Л.И. Сараскина: Там еще было сказано, что вот мы его напечатали, и теперь он будет доступен, открыт для критики.

Б.Н. Любимов: Да-да-да-да. Ну, вот смотрите, есть Дом русского зарубежья имени Солженицына, неподалеку есть улица Солженицына, книги его издаются, семинары проходят, но горизонт он нам почему-то не закрывает. Кто-то, кто хочет, читает Гранина, кто-то — Бондарева, кто-то — Распутина, кто-то — Войновича, кто-то — Быкова, кто-то — Прилепина. Как же это он в 1989-м году Сарнову горизонт-то закрывал? Не хотели ли эти девятнадцать писателей закрыть нам наш горизонт от Солженицына, потому что «бояху бо ся», как сказано. Вот это, мне кажется, очень большая тема.

Мне кажется, что, если мы говорим все про Софронова, тогда надо говорить все и про Бакланова, разумеется, их не уравнивая. Но если порядочный человек ведет себя непорядочно, мне кажется, это стоит сказать. И про западных интеллектуалов, не всех, конечно, ведь сколько там было людей, которые очень даже откликнулись на многое из того, что Александр Исаевич говорил, недаром все-таки звали его все время выступать. Может быть, потому-то у нас и появляются книги, восхваляющие 37-й год, что у нас шука и карась друг друга все время уравнивают, и не знаешь, кто из них иногда гаже.

Людмила Ивановна ведь не просто пишет книгу, так сказать, узко посвященную медиа, КГБ или МВД. Она всегда выходит за пределы этого. Поэтому ее книга — это еще в какой-то степени и конспект тех событий, которые мы переживали, будь то война в Афганистане, или перестройка, или Нагорный Карабах. Мне кажется, очень важным было бы посмотреть, как начиная с 1989 года, параллельно с публикацией текстов Солженицына началась публикация Соловьева и Розанова, Трубецких, Булгакова, Бердяева и так далее. Даже сама возможность купить Евангелие и молитвослов и сходить в восстановленный храм — это, поверьте, гораздо, по-моему, больше, важнее, чем прочитать «Белые одежды», «Зубра» и даже «Детей Арбата». Это люди прочитают один раз и второй раз точно не станут, а с этим многие живут каждый день.

Поэтому, к счастью, горизонт не закрыт, есть люди с талантом, одаренностью, эрудицией, темпераментом Людмилы Ивановны, есть издательства,

которые готовы такие книги печатать. Я думаю, найдутся и читатели, которые, подобно мне, будут ежедневно, возвращаясь после тяжелого трудового дня, хвататься за эту книгу и шаг за шагом, вот с 1962-го, 1963-го и дальше, до 1990-х годов, до возвращения, до последнего времени читать эту объемную и содержательную книгу. Поэтому ничего радостного в жизни как будто бы не происходит, но и не все так безнадежно, есть еще что читать, над чем думать, чему сочувствовать и сопереживать. Спасибо большое!

Г.А. Тюрина: Елена Цезаревна Чуковская, можно вас попросить?

Е.Ц. Чуковская: Я хочу, во-первых, вслед предыдущему оратору все-таки тоже сказать, что книга очень хорошо оформлена. Берешь и смотришь фотографии, вспоминаешь то, что с ними связано. И конечно, она очень нужна сегодняшнему дню. Я получаю рассылку по интернету обо всем, что пишет наша пресса о Солженицыне. К глубокому сожалению, я вижу, что все наработки Комитета госбезопасности, которые возмущали и удивляли в 1960-х годах, все они живут сегодня, и все они буквально изо дня в день повторяются в случайных статьях или даже в целых книгах. Поэтому книжка, написанная Людмилой Ивановной, необходима просто потому, что она дает документы для возражения, собирает их вместе. Я бы хотела сказать об объеме литературы, который там видишь. После каждой главы имеется список литературы, и литература меня очень эта заинтересовала. Наряду со ссылками на известные вещи Солженицына и на тех авторов, кто выступал против него, впервые здесь для меня были собраны Лигачев, Черняев, Семичастный, то есть воспоминания его гонителей, которые появились уже в 2000-х годах и дали совершенно другую сторону полемики.

Впервые я услышала об этой книге от Людмилы Ивановны на семинаре, когда рассказывалось об операции «Паук» и об архиве Митрохина. Потрясающее впечатление производят эти материалы и эта глава. Я обратила внимание на то, что кроме огромного охвата новой литературы, которая здесь собрана впервые, очень много ссылок на интернет, и это ссылки на такие работы, которых нет в печати, а есть только в интернете. В связи с операцией «Паук» я залезла в этот самый митрохинский материал и, честно говоря, начав читать, довольно быстро это бросила, потому что читать это тяжело, неприятно видеть, как подделывается почерк, как пишется подметное письмо, как подделывается знаменитый донос. Написано, как грозят семье. В какой-то момент просто не хочется это читать. Но хорошо, что это есть, хорошо, что есть чем ответить, а не просто возмущением.

В связи с вопросом о Ржезаче я вспомнила его книжку. Дело в том, что она была издана, но не продавалась. Она была издана только для агитпропа, ее давали только проверенным товарищам. И когда мне на работе один из знакомых дал эту книжку, и когда я ее прочла, я позвонила в «Прогресс», который издавал много произведений Чуковского, и сказала, что я все книжки «Прогресса» выкидываю с выставки нашего музея и перестаю вообще иметь

дело с этим издательством. И оказалось, что редакция, с которой я говорила, ничего не знала о книге Ржезача, то есть они были удивлены и говорили, что это не мы, к нам это не относится. Это была какая-то специальная редакция. Книжка эта, конечно, возмутительная, и очень хорошо, что то, как она создавалась, теперь совершенно наглядно видно.

Еще меня очень заинтересовало сопоставление солженицынского призыва «жить не по лжи» с тем, что писал на эту тему Лев Толстой, вот я просто выписала и хочу прочитать, что писал Толстой в 1896 году: «Простое, спокойное, правдивое исполнение того, что считаешь хорошим и должным, совершенно независимо от правительства, от того, что это нравится или не нравится ему <...>. Что может сделать правительство с человеком, который не хочет публично лгать, поднимая руку, который не хочет отдавать детей в заведения, которые считает дурным, не хочет участвовать в идолопоклонстве, коронациях, встречах, адресах, говорит и пишет то, что думает и чувствует»². По общей мысли это очень, конечно, близко к призыву Солженицына.

Если думать об этой теме, Солженицын и медиа, есть большой сюжет — Солженицын и телевидение, которое здесь лишь частично затронуто в главе «Солженицын и кино». А между тем Солженицын и телевидение — это тоже огромная тема, и очень интересная тема, потому что у него был и ряд выступлений на телевидении, и с ним была большая полемика по телевидению. Это тоже сюжет какой-то следующей книги. Ну вот, остается только порадоваться, что эта книга издана и что на нее можно опираться в будущих спорах, которые, конечно, будут продолжаться. Спасибо!

Г.А. Тюрина: Павел Валерьевич Басинский.

П.В. Басинский: Я тоже хочу поздравить Людмилу Ивановну. Книга, конечно, совершенно замечательная, и о ней трудно даже сразу в целом сказать. Я честно скажу, что какие-то главы ее я отложил на потом, потому что сразу за такой короткий период, когда у меня была эта книга, проглотить ее невозможно: это ведь еще и энциклопедия, это справочник, к которому будешь обращаться по разным периодам истории XX века и изучения Солженицына. В этой книге поднимается огромное количество тем, но я попробую остановиться на отношениях Солженицына и писателей. Почему случилось так, что вроде бы крупные писатели, хорошие писатели вдруг обрадовались его высылке? Это поразительный момент. Читая книгу Людмилы Ивановны, я наткнулся на выступление Валентина Катаева, замечательного писателя. Отнюдь не оскудевал его талант к концу жизни, он лучшие свои вещи писал в конце жизни, так вот, он пишет, что испытал облегчение, когда прочитал о высылке Солженицына, облегчение, именно это слово. Почему это происхо-

² Письмо Л.Н. Толстого к А.М. Калмыковой, 31 августа 1896 (*Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Терра, 1992. Т. 68–69. С. 132, 136. (Репр. изд. 1928–1958.)

дило? Меня тоже очень этот вопрос всегда интересовал, и, читая книгу Людмилы Ивановны, я не то чтобы решил его для себя, но какие-то новые вещи я для себя открыл.

Вообще, проблема с Солженицыным заключается в том, что его пытаются проглотить целиком. В этом несчастье многих выступлений и даже книг о Солженицыне. Вот мы знаем, какой он, плохой, гордый, еще какой-то. И мне кажется, что не всегда есть отчетливое представление о громадности этой фигуры с разных сторон: и с художественной, и с идеологической, с исторической. Ну, в частности, «Бодался теленок с дубом», удивительное название: с чем бодался Солженицын и против чего он выступил. У большинства людей представление, что он выступил против советской власти или вступил в противоречие с советской цензурой, или еще с чем-то. Я в «Российской газете» работаю, и вчера у нас было выездное заседание, деловой завтрак, как у нас это называется, в Архиве социально-политической истории, это бывший архив ЦК КПСС.

Из зала: Институт марксизма-ленинизма.

П.В. Басинский: Да. Я впервые там был, нам рассказали, что это за здание, что там находится. Я, честно говоря, был потрясен, потому что не представлял себе объема того, что там есть; нам сказали, что многие документы хранятся в сейфе, где может вместиться одновременно до тридцати танков и он может выдержать взрыв 20-тонной бомбы. Архив Коминтерна, например, там хранится полностью; нам показали этот архив Коминтерна — это огромное количество железных ящиков, покрытых бактерицидным составом, там поддерживается определенная температура — и слава богу, что поддерживается. Я давно не видел у нас архива, который существует на высшем уровне архивного хранения. Но главное, что там хранится огромное количество документов, связанных с историей социалистического, коммунистического движения, рабочего движения начиная с XVI века: Англия, Германия, Франция...

В том-то и дело, что Солженицын выступил не против чиновников или цензуры. Он выступил против колоссальной Вавилонской башни, которая создавалась, существовала, возникала и развивалась несколько веков. Вот в чем была проблема Солженицына. Появляется «Один день Ивана Денисовича», повесть о лагерях, в лучшем, но все-таки в советском журнале. Писатели дико рады: впервые такой протест. Но он не останавливается, он пишет «В круге первом», «Раковый корпус», наконец «Архипелаг ГУЛАГ». Солженицын входил в литературу в том формате, который существовал. Формат этот создавался полвека за время советской власти, к нему привыкли, он задавал определенные правила игры. А Солженицын не принял этих правил, ни с какой стороны. И в этом была проблема, потому что советские писатели, в том числе большие, приучили себя к тому, что можно говорить немножко правды, но что-то не говорить. Писатели поменьше — да, они были обременены

тем, что им давали, — квартиры, дачи в Переделкине. Это были определенные правила существования писателя внутри идеологии, а это колоссальная была идеология. И Солженицын ничего этого абсолютно не принимает.

Они просто не знали, что с ним делать. И идеологический аппарат не знал, потому что это происходило на их глазах, и они не представляли себе, что так можно. И в этом проблема, наверное, и писателей была. Сколько тогда писатель гнул себя, гнул вынужденно, это, знаете, как с отношением к насильнику. Можно сопротивляться насильнику до конца, можно цинически попытаться расслабиться и получать, как говорят, удовольствие, а можно сделать самое страшное — это попытаться полюбить насильника.

Несчастье многих крупных советских писателей заключалось в том, что они пытались заставить себя полюбить насильника, коммунистическую идеологию, убедить себя, что Сталин — это ужасно, но за ним же народ, он же воплощает волю народа, сколько ему приходится в голове держать, ночами и днями. Они убеждали себя в этом, они воспитывались в этом, и они уже не могли без этого. Я, прочитав книгу Захара Прилепина, узнал, что когда произошёл XX съезд, у Леонида Леонова отнялось пол-лица. Это был не страх, не ужас. Это было потрясение: партия сама говорит, что Сталин, может быть, не совсем хороший. Но Ленин-то все-таки хороший. «Уберите Ленина с денег», и в «Братской ГЭС» Евтушенко это есть: «Мой мальчик, не забудь вовек об этом: / сменяясь, перед ленинским портретом, / меня пытали эти суки светом, / который я для счастья добывал!»³ Какое кощунство, при взгляде Ленина они, значит, пытаются человека...

В этом архиве нам показали совершенно удивительный документ. Я не знал, что один из первых декретов Совнаркома, подписанный Лениным, был об упразднении всех сословий. Это поразительно. В один день уничтожаются все сословия: нет ни крестьян, ни священников, ни военных, ни рабочих, ни казаков, ничего нет. Есть советские люди. Для чего это принималось? Этот декрет позволял, в частности в политике казачества, утверждать: ты ужеступаешь закон, если позиционируешь себя как казак.

Солженицын был огромной проблемой для власти, для писателей. Он выходит за рамки обычных представлений о писателях, и это не укладывается у них в голове. Мне очень понравилось, как однажды, когда началась либеральная свистопляска вокруг Солженицына, Дмитрий Галковский, совершенно далекий от Солженицына человек, замечательно написал: на Востоке принято уважать умных стариков; вы, говорит, послушайте его, он очень умный человек, Солженицын, вы его послушайте просто для начала, просто послушайте.

Солженицына нужно брать, он очень большой, и в этом, мне кажется, еще одно качество книги Людмилы Ивановны, связанное и с ее темперамен-

том, и с ее умением работать, и с фигурой, которую она берет. Из ее книги можно почерпнуть очень много всего, она выходит за рамки только своей темы. Спасибо!

Г.А. Тюрина: Спасибо большое, Павел Валерьевич. Я позволю себе тоже сказать несколько слов. В первую очередь, хочу выразить восхищение Людмилой Ивановной, которая уже не в первый раз доказывает свою фантастическую работоспособность. Ваша книга имеет колоссальную важность для людей молодого поколения, у которых нет собственных воспоминаний о том времени и о Солженицыне, о реакции на него прессы и телевидения, и они узнают об этом только из книг и документов. Вы ввели в оборот огромное количество документов, и теперь они все под рукой, остается только прочесть эту книгу. Я еще хотела бы сказать о трудности работы с этими материалами. Поскольку я тоже много времени провожу в архиве, я свидетельствую: чтобы изучать эти материалы, надо иметь особую решимость, крепкий внутренний стержень. Когда я открываю в архиве материалы 1973-го или 1974 года, передовицы советских газет, у меня начинают течь слезы, потому что читать их совершенно невыносимо. Под мерзкими словами стоят подписи тех людей, которых мы все очень любим. И я всегда быстро закрываю эту папку, потому что понимаю, что ничего не смогу с этим материалом сделать. Я отдаю должное Людмиле Ивановне за ее отвагу, это правда очень тяжелое дело.

В рамках этого обсуждения мне показалось уместным показать фрагменты одного из выступлений Александра Исаевича. Это удалось осуществить благодаря замечательному видеоархиву, созданному Еленой Цезаревной Чуковской. С момента возвращения Александра Исаевича в Россию, с 1994 года, она собирала записанные на видео материалы, которые демонстрировались по телевидению, затем упорядочила все записи. Благодаря ей сегодня мы имеем возможность их использовать. Спасибо Вам большое, Елена Цезаревна.

Пересматривая архивные записи, я увидела, что, какой сюжет ни возьми, о чем бы он ни был снят, все актуально и сегодня, все производит сильнейшее впечатление. Ведь Солженицын говорит о самом больном, говорит искренно, свободно, убежденно, с огромной любовью. Он имеет отвагу и мужество публично признавать свои ошибки. Для нашей сегодняшней встречи я выбрала репортаж о вручении ему во французском посольстве 13 декабря 2000 года награду Французской академии моральных и политических наук, где Александр Исаевич произнес речь «Перерождение гуманизма». Она была напечатана в сборнике его публицистики. После его выступления была пресс-конференция, и разные телеканалы показывали сюжет об этом событии. У Елены Цезаревны есть запись, где подряд идут такие сюжеты, сделанные разными телеканалами: Первым каналом, «Культурой», НТВ, РТР. Можно видеть, как они преподносят это событие, как его комментируют, какая разница в подаче информации. И самое главное, что во всех этих сюжетах присутствует живое слово Александра Исаевича.

(Показ видеозаписи.)

Г.А. Тюрина: Можно задать вопросы Людмиле Ивановне.

Из зала: Еще две работы есть, как раз сегодня вспоминали, очерки «Бодался телёнок с дубом» и «Двести лет вместе», они тоже напечатаны. Можно в будущем об этих работах поговорить?

Л.И. Сараскина: Об очерках «Бодался телёнок с дубом» я много писала, в биографической книге и в этой. Что касается второй работы, у меня целая глава посвящена ей, называется «Каленый клин. Хождение по лезвию ножа». Полемика о книге «Двести лет вместе» продолжается до сих пор, не утихает. Скажу еще вот что. Есть ряд товарищей в Москве, которые говорят мне: «Когда вы наконец разочаруетесь в Солженицыне, когда вы наконец повернетесь в нашу сторону, мы вам расскажем очень интересные вещи о нем, дадим вам никому не известные материалы. Вот тогда вы и напишете о нем всю правду». Очень интригующая история. Никаких таких материалов, как я понимаю, нет, а если бы были, давно бы нашлись другие доброхоты.

Меня много раз спрашивали: а вы всё принимаете у него, со всем согласны? Нет, конечно, ну как можно согласиться абсолютно с каждым словом? У нас разный опыт, разный возраст, разное отношение ко многим вещам. Но я хочу вот что сказать. Допустим, у меня возникает внутреннее неприятие каких-то высказываний Александра Исаевича, каких-то его позиций, и я начинаю мучиться этим несогласием. А потом вдруг нахожу у него полемику с самим собой, которая возникла намного раньше, чем я мысленно ему возразила. Помню, я очень топорщилась от его выступления 1975 года в Америке. Я ему об этом честно сказала. Он отвечает: «Я сам это понял три года спустя», — и показывает мне место в «Зёрнышке...», где об этом пишет.

Александр Исаевич — один из редчайших случаев в моей литературной практике, случай писателя, который умеет признаваться в своих ошибках. Мы только что видели в записи, как он говорит: «Я неправильно советовал Ельцину, я неправильно говорил ему, я об этом думал не так». Он живой, и мог сам себе возражать и свои ошибки исправлять. Он показал, насколько механизм его мысли живой и подвижный. Именно это вызывает у меня чувство доверия. Галина Андреевна и Елена Цезаревна говорили сейчас, насколько трудный материал все эти документы, как противно читать все эти доносы. Но меня укрепляло только одно — чувство: стоит в этом копаться ради правды, которая все-таки выйдет наружу.

Солженицын написал очерки «Бодался телёнок с дубом». Моя книга — о том, как «дуб» бодался с «телёнком», как сильные мира сего пытались скрутить его в бараний рог. Они порой мучились, не зная, как с ним справиться, у них это не получалось. Я даже им иногда сочувствовала: что ж вы такие несчастные, такие бестолковые, такие бездарные... Я поняла, кстати, благодаря кому и чему Александр Исаевич остался жив. В 1965-м году был арестован его архив, «схвачена» прослушка. Я представляла себе его голос: ведь они, в

КГБ, этот голос слышали на пленке, вдохновенный, яркий, пламенный, как он рассказывает про будущий «Архипелаг ГУЛАГ», какие там будут главы, какая это будет бомба и что эта бомба взорвется и все расставит на свои места, так что мир вздрогнет. И вот «контора» это все слушает — и ничего. Я поняла, что удача Александра Исаевича, дописавшего и издавшего «Архипелаг ГУЛАГ», в том, в частности, что его гонители были «ленивы и нелюбопытны». Они не пошли по его следу, они не пресекли замысел в самом начале, дали ему эти семь лет, чтобы он написал и издал, а сами только кричали потом в пустой след. «Ленивые и нелюбопытные», — иногда это бывает очень полезным качеством власти.

Н.А. Формозов: Я не совсем согласен с Вашим тезисом, что они прозевали «Архипелаг ГУЛАГ», потому что ленивы и нелюбопытны. Мне кажется, здесь могут быть другие объяснения, потому что сам замысел еще не говорил о книге. КГБ не знал собственной истории. Ну, например, Филипп Бобков наверняка не знал все способы пыток в Сухановке: они были секретны, и ему они были неизвестны. Моя гипотеза такая.

Л.И. Сараскина: Есть ответ буквальный. В 2002 году вышли мемуары В.Е. Семичастного, председателя КГБ с 1961-го по 1967 год. Он дает этому факту прямое объяснение. Да, говорит, мы за ним следили, мы знали, что он пишет. Прослушку он не упоминает, но понятно, что он ее знал. Они поступали с ним по схеме «не буди лихо, пока оно тихо». То есть не трогали его, не дожимали, потому что не хотели слишком привлекать к нему внимание, не хотели, как бы сейчас сказали, пиарить его раньше времени. Они выжидали, но не предвидели, не просчитывали ходов. Они думали: ну, пришел писатель к приятелю и болтает языком, надувает щеки. Они не понимали, с кем имеют дело. Он же там все по главам рассказывает. Если бы они внимательно слушали звучание его голоса и поняли, что за ним стоит, они должны были бы вцепиться мертвой хваткой. Очень любопытная книжка Семичастного. И как называется — «Исповедь горячего сердца»...

Из зала: Я с удовольствием прочел Вашу книгу о Солженицыне, она мне показалась очень интересной, глубокой, и поэтому мне интересен вообще Ваш взгляд не только на Солженицына, но и на нашу жизнь. Вы где-нибудь пишете на общественные темы?

Л.И. Сараскина: Есть у меня странички в Фейсбуке, ВКонтакте. Есть несколько больших материалов на портале «Православие и мир», например «Сталинизация головного мозга» — о том, что сейчас происходит с мозгами, как нас пытаются подготовить к реанимации Сталина и сталинизма, как происходит скрещение православной веры и сталинизма.

В.В. Туркина: Я слушала внимательно всех, кто что говорил, какие вопросы были, какие недоумения. И я поняла, что на все недоумения могу ответить. И про отношения с Сахаровым, и про то, почему писатели так восстали против Александра Исаевича, и почему наши диссиденты были против

него — это все объяснимо. По большому счету, в основе всего лежит отношение к России. И у «наших плюралистов», и в отношениях с Шаламовым, и в отношениях с Сахаровым — к сожалению. И еще вера. Я уже истончилась до такой степени, что когда читаю писателя незнакомого, по тому, как он пишет о людях, как решает вопросы, могу сказать, верующий он или нет. Да, представьте себе. Вот Исаич — верующий, Шаламов — нет. И поэтому Шаламова читать тяжело. Шаламов не мог бы создать такого образа, как Матрена. Мог бы — смелого человека, который идет на смерть, все, что угодно. А Матрену он бы не смог написать.

Л.И. Сараскина: Вероника Валентиновна, спасибо большое. Я когда читаю книгу, вот так же, как и Вы, хочу понять, что же это за автор, что за человек. Но я его не по формальному критерию воспринимаю. Мне важно, бессовестный он или совестливый, честный он или бесчестный...

В.В. Туркина: Это почти то же самое.

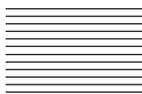
Л.И. Сараскина: Это, к сожалению, не всегда совпадает с верой. У нас сейчас очень много как бы православных верующих, которые и кланутся, и божатся, и стоят со свечкой, но которые в общем бесстыдные люди.

В.В. Туркина: А совесть-то что такое...

Л.И. Сараскина: Когда человек пишет, его совесть, честь, вера — они как на ладони. Он не скроется за словами. Он виден весь.

Г.А. Тюрина: Любой из поднимаемых сегодня вопросов стоит отдельного семинара, отдельного обсуждения, отдельной конференции. Еще раз от имени всех присутствующих поздравляем Людмилу Ивановну. Ее книга — это огромное подспорье нам всем.

Л.И. Сараскина: Спасибо! Я тоже всех благодарю за то, что досидели до конца и участвовали в обсуждении. Я выслушала много полезного для себя.

ВОСПОМИНАНИЯ

Т.А. Жидкова

«МОЯ МАМА, АННА ВАСИЛЬЕВНА ИСАЕВА...»

О знакомстве мамы с Александром Исаевичем Солженицыным я узнала из текста романа «В круге первом», который прочла в журнале «Новый мир» в 1990 году. Я сразу увидела, что образ «перепелочки» Симочки списан с мамы. Но когда я приступила к ней с расспросами, она не ответила мне ровно ничего. Сказала только, что — да, работала с заключенным тогда Солженицыным за одним столом. О том, что мама хранила его тайные рукописи, мне рассказала ее подруга-сослуживица уже после маминой смерти. Никаких подробностей, что именно и как мама хранила, не знала и она. Впервые я увидела листочки этих рукописей на выставке архива Солженицына в Пушкинском музее. В каталоге я прочла, что это не просто отдельные листочки, а фрагменты больших произведений. Одно из них — автобиографическая повесть, которой не было бы, если бы листочки, написанные на шарашке, не сохранились.

Не знаю, что побудило маму рисковать, вынося с засекреченного объекта (да еще при жизни Сталина) рукописи заключенного и хранить их в течение нескольких лет. Не рукописи классика литературы, осужденного за свое творчество, а рукописи Сани Солженицына, своего товарища по работе. Именно товарища, потому что мама и те из сослуживцев, с кем она дружила, никогда не делали различий между вольнонаемными и заключенными. Она была необыкновенным человеком, очень чутким и добрым. Конечно, в литературном образе Симочки присутствует значительная доля художественного вымысла. И все же самые важные мамины черты отмечены писателем верно — внутренняя чистота, честность, высочайшая порядочность, душевная теплота, женская сердечность и трепетность в сочетании с решительностью и отвагой. Единственное, за что я была обижена на Солженицына, так это за то, что Серафима Витальевна — некрасивая, долгоносенькая, не пользующаяся успехом у мужчин. В жизни она была очень красивой, обаятельной женщиной.

Моя мама, Анна Васильевна Исаева, родилась 26 ноября 1924 года в Москве в семье служащего и домохозяйки. Ее родители, Василий Тихонович Исаев, выходец из московской зажиточной купеческой семьи, имевшей собственный дом в переулке Александра Невского, что вблизи Белорусского

вокзала, и Ольга Никитична Нагольнова, дочь истопника на железной дороге в городе Самаре, познакомились в страшном 1919 году. Бабушка была медсестрой в самарском госпитале, куда на лечение попал раненый юнкер, мой будущий дед (сохранилась фотография тех лет). Поженились в том же году. Стоит ли говорить, что семья деда этот брак не приняла, поэтому по приезду в Москву молодые поселились в тогдашнем пригороде — Битце. Там и родилась моя мама, второй ребенок в семье.

Школу она окончила в 1941 году. После начала Великой Отечественной войны, осенью того же года мать увезла их с младшим братом в эвакуацию в свой родной город, Самару (тогда — Куйбышев). В 1943 году Анна вернулась в Москву и поступила в Московский институт инженеров связи. Окончила в 1948-м и была распределена на должность инженера в недавно организованную спецтюрьму в Марфине. Как и все вольнонаемные сотрудники означенного предприятия, она была офицером органов госбезопасности.

Сохранились фотографии тех лет — моя мама, совсем еще девочка, в кителе с погонами лейтенанта. А вот она вместе с сослуживцами перед зданием шарашки, бывшей церкви духовной семинарии. В свободное от работы время сотрудники шарашки любили гулять в Главном ботаническом саду Академии наук, который находился поблизости, на той же Ботанической улице. По-видимому, именно там сделан снимок, где мама стоит между двумя мужчинами. Тот, что в очках, — Авраам Менделевич Трахтман (читатели «В круге первом» его тоже хорошо знают — руководитель лаборатории Адам Вениаминович Ройтман). Они были в добрых дружеских отношениях.

С заключенным Солженицыным, а для всех, кто знал его в те годы, — просто Саней, они работали, сидя за одним большим столом и, нарушая распорядок, общались. Это само по себе уже было серьезным проступком. Мамина бывшая сослуживица рассказывала о себе, что, когда она молодым специалистом-инженером поступила на работу в Марфино (это было в 1952 году, Солженицына там уже не было), кто-то доложил начальству, что одна из сотрудниц обменивается записками с заключенным. Виновную сначала унижали бесконечными проработками на собраниях, потом уволили с «волчьим билетом» (дальнейшая ее судьба мне не известна). Не знаю, что могло ожидать девушку, которая осмелилась взять у отправленного на этап заключенного и вынести с шарашки тайные рукописи (не только листки, но и самодельные книжечки!)¹. К счастью, никто не узнал о мамином поступке. Он никак не повлиял на ее работу на шарашке. Она была уважаемым спе-

¹ «А раньше бы все вспомнить — Анну Васильевну Исаеву, сотрудницу шарашки Марфино: под страхом кары МГБ и уголовного кодекса она приняла от меня, сохранила 7 лет — и вернула мне в 1956 году мою рукопись “Люби революцию” (без того не собрался б её возобновить) и многочисленные блокнотики далеких выписок, так ценные для меня. Спасибо ей сердечное» (Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. М.: Согласие, 1996. С. 509).

циалистом, в 1950-м впервые была отправлена в командировку в Китай. На пенсию она вышла в звании майора.

Рукописи Солженицына мама хранила в течение семи лет, несомненно, у себя дома. Жила она в то время в здании бывшей церкви на Люсиновской улице (ныне вновь церковь, величественный храм Вознесения Господня). Вот ее фотография на «балконе» своей квартиры. Там же, возле этого «дома», произошла их встреча с освобожденным из ссылки Солженицыным в 1956 году, когда мама вернула ему сохраненные бумаги. Об этом я никогда ничего не слышала. Он вспоминает, что содержательного разговора не состоялось, мама отдала рукописи и ушла, что-то неладное происходило у нее дома². Я думаю, что это связано с ее разладом с первым мужем. О частной жизни мамы до ее замужества с моим отцом я знала крайне мало. Вообще, о том, что она замужем второй раз, я узнала, разбирая документы.

Мне передали, что в 1994 году, после возвращения в Россию, Солженицын пытался маму разыскать — он расспрашивал о ней во время встречи с сотрудниками НИИ автоматики³. Но это было уже невозможно. Мама умерла в 1991 году в больнице от онкологического заболевания в последней стадии. Умерла во сне, в тот момент, когда я уснула на соседней кровати. Очень тихо, не разбудив соседок по палате. Молодой доктор, дежуривший в ту ночь и ничего не знавший о ней, сказал, что она была святым человеком...

² «Я знал, что она живёт в бывшей церкви на Большой Серпуховской. И когда летом 1956-го я приехал в Москву, пошёл её искать. Нашёл церковь, посмотрел список жильцов, увидел фамилию “Исаева”, постучал. Она вышла в большом смущении (у неё был гость), потом вернулась и принесла тетрадки. В романе Нержин не оставляет Симочке архив — не мог же я дать на неё наводку! А на самом деле свои бумаги я Анечке оставил» (цит. по: Сараскина Л.И. Солженицын. М.: Мол. гвардия, 2009. С. 345).

³ Нынешнее название все еще действующей марфинской шарашки — ОАО «Концерн “Автоматика”».

Ж. Нива

«ОБНЯТЬ ТАКОГО АВТОРА — ЭТО НЕЧТО ОСОБОЕ...»¹

Дорогие друзья, уважаемые дамы и господа! Я очень рад, что сегодня в Доме имени Солженицына могу представить вам эту книгу. Этот Дом многим, всем нам дорог, и много здесь уже произошло событий, связанных с Александром Исаевичем, с солженицыноведением, которое есть филологическая и философская наука. Наука эта растет и растет, хотя долгое время казалось, что университет и академические люди у вас немного брезгают творчеством Александра Исаевича. Во всяком случае, как мы знаем, долгое время Александр Исаевич жил в изгнании, он был выслан из своей страны и не признан у себя дома.

Я написал эту книгу по-французски. Конечно, бывает, что я пишу по-русски, бывает, что я мыслю по-русски. Я даже заметил, что иногда мне снятся сны по-русски. Но в основном все-таки пишу по-французски, так я написал и «Феномен Солженицына». Как сказать... Это довольно долгая история, вкратце так. Я еще служил во французской армии, когда получил очередной номер «Нового мира», и там был «Один день Ивана Денисовича». На эту публикацию уже обратил мое внимание в газете «Monde» мой друг Мишель Татю, который написал статейку, что опубликован незнакомый автор из Рязани, что это история лагерей, и он — Татю — обещает, что в следующей статье побольше объяснит. Он написал и следующую статью, он знал по-русски, у него была жена русская. В армии очень часто скучаешь, когда нет военных действий, я уже был не в Алжире, а в Париже, в больнице, потом на службе в другом месте. Конечно, читать «Один день Ивана Денисовича» было неожиданно и трудно: диалектизмы, язык... Потом мы изучали этот текст со студентами — очень трудно иностранным студентам преодолеть этот язык.

Но внутренний диалог в этом рассказе был чем-то удивительным. И в особенности последний диалог Ивана с Алешей, этот лагерный вариант диалога Ивана и Алеши Карамазовых. Дальше я стал читать книги Александра Исаевича по порядку публикаций. И можно сказать, что это единственный

¹ Рассказ на презентации книги: Ж. Нива «Александр Солженицын: Борец и писатель» (пер. с фр. В.А. Петрова в сотрудничестве с автором. СПб.: Вита Нова, 2014) 25 апреля 2014 года в ДРЗ.

писатель, которого я всю свою жизнь читал целиком по порядку: как представлялись, появлялись книги, так я их брал и читал вплоть до посмертных изданий. То есть это довольно большой объем, это надо жить с таким объемом письма. Я много раз убедился, что не все солженицыноведы читали «Колесо» целиком — но замолчим.

В 1957-м мы получили в издательстве «ИМКА-Пресс» (там во главе еще не был Никита Алексеевич Струве) рукопись «Ракового корпуса» и поделили текст между пятью переводчиками. Мы с Люсиль переводили начало. Это незабываемо, как и время, когда мы вместе переводили «Август Четырнадцатого». Вот похороны полковника Кабанова в прусском лесу — это доставляло мне как будто особое счастье переводить. Там вдруг Арсений Благодарев занимает первое место, потому что знает литургию, он может петь, как пел он в церкви в своей деревне... Все участники эпизода, солдаты и офицеры, были сотни раз на службах, но сами провести отпевание не способны. Это место, которое меня действительно поразило: о том, что такое вера, что такое возможность давать символические знаки самым главным событиям нашей жизни. К тому же это чисто поэтический момент.

Потом я переводил статьи в сборнике «Из-под глыб». Естественно, переводить Солженицына нелегко. Хотя бы, скажем, «Образованщина» — надо было найти эквивалент, что такое «образованщина». Я перевел — «интеллектуальное племя», «la tribu instruite». Это нечто другое, но все-таки дает некоторые оттенки этого выражения. Дальше мой друг Владимир Димитриевич, великий издатель, который очень любил Солженицына, уважал его как мэтра нашего XX века, но, увы, не издавал ничего, потому что это было дело «Seuil», а потом «Fayard», мне сказал: «Напиши для меня книгу». И я написал книгу скорее о метафорах в прозе Солженицына, в особенности в Первом Узле «Красного Колеса»².

Через пару лет Клод Дюран, который был вице-директором издательства «Seuil» и скоро стал один из первых издателей во Франции, при встрече мне сказал: «Вы должны написать книгу о Солженицыне для нашей серии в “Seuil” “Писатели навсегда”». Объем был очень определенный. Тогда не было компьютеров, то есть добиваться точного объема было трудно, и я много раз сокращал, добавлял, потому что объем не получался как следует... Вышла эта книжка в 1980-м³. Мой тогдашний близкий друг Михаил Геллер сказал, что надо переводить ее на русский, у него есть издатель, ну, вот в лондонском «ОРІ» вышел перевод этой книги (1984)⁴. А переводчиком был совсем близкий друг, покойный Симон Маркиш. Симон Маркиш был удивительным

² Nivat G. Sur Soljenitsyne: essais. Lausanne: L'Âge d'homme, 1974.

³ Idem. Soljenitsyne. P.: Ed. du Seuil, 1980. — (Ecrivains de toujours).

⁴ Нива Ж. Солженицын / пер. с фр. С. Маркиша в сотрудничестве с автором. L.: Overseas publ. international, 1984.

стилистом, так что работа рядом с ним (он настаивал, чтобы я участвовал в каждом этапе работы) мне дала очень много. Я учился многому в ходе нашей общей работы над переводом моей книги. Когда она вышла по-русски, конечно, Александр Исаевич ее получил. И вот пришло письмо от него: один лист, от руки написанный, очень лестный для меня, ну, как высшая премия, скажем, и лист другой — на машинке, со списком ошибок, которые следует исправить в следующем издании. Следующего издания нужно было дожидаться... Было это уже в перестроечное время, когда в «Дружбе народов» вышел этот текст⁵. Тогда там был молодой сотрудник Александр Архангельский, и это дало мне возможность с ним познакомиться. И мы стали большими друзьями. После журнальной публикации книга была издана «Художественной литературой»⁶.

Личное знакомство... Может быть, Наталия Дмитриевна не помнит, но я помню, как она везла меня с Николиной Горы в Москву... Тогда я познакомился и с ее матерью. А потом имел счастье побыть в Кавендише и посмотреть, как работает мэтр. Не хочу вдаваться в ненужные детали. Я написал «малый отчет» об этой встрече.

Еще одним большим счастьем было организовать выставку в Женеве, выставку рукописей и личных предметов. Такая же выставка была представлена недавно здесь, в Пушкинском музее. Ее я не видел, но видел каталог. За два года до этого мы в Женеве, конечно с «санкции» Наталии Дмитриевны, с ее помощью, организовали первую выставку. Это было событие, женевская публика смотрела на рукопись «Архипелага ГУЛАГа», на эту кипу бумаг, мы для нее построили специальную витрину-пирамиду (на жаргоне музейщиков — «тотем»). Многие посетители выставки реагировали на нее весьма эмоционально.

Когда пишешь книгу о жизни и творчестве одного автора, это очень ответственно, даже если речь идет о Толстом, Достоевском, Гоголе или Расине. Когда ты пишешь о живом писателе, это вдвойне сложно. Как будто вступаешь на территорию, которая не совсем тебе принадлежит, как будто заглядываешь в чужие письма. Я не ставил задачи выстроить биографию Александра Исаевича, но первая глава («Вехи») написана — как бы это лучше сказать — под взглядом и с помощью Наталии Дмитриевны, и я выражаю ей большую благодарность за все исправления, которые она внесла. Я благодарен за нашу электронную переписку, которая шла на полях моей будущей книги. Некоторые замечания Наталии Дмитриевны с ее позволения я ввел в примечания, некоторые были настолько очевидны, что они вошли в текст, а

⁵ Нива Ж. Солженицын: Главы из книги / пер. с фр. С. Маркиша в сотрудничестве с автором // Дружба народов. 1990. № 4. С. 230–266; № 5. С. 250–266; № 6. С. 203–251.

⁶ Он же. Солженицын / пер. с фр. С. Маркиша в сотрудничестве с автором. М.: Худож. лит., 1992.

Анна Васильевна Исаева.
Москва. Конец 1940-х годов

С сослуживцами у своего дома на Люсиновской улице. Москва. Конец 1940-х годов

На прогулке в Ботаническом саду
Академии наук.
Справа — Авраам Менделевич
Трахтман. Москва. Осень 1949

А.М. Трахтман. 1947

На «балконе» дома на Люсиновской улице. Москва. Начало 1950-х годов

некоторые я не учел, хотя их читал с большим интересом. Это общение с Наталией Дмитриевной доставляло настоящее удовольствие и радость. Большое ей спасибо.

Вернусь к своей книге. Обнять такого автора — это нечто особое. Потому что это необъятно и потому что ты сознаешь, что чего-то не хватит. Конечно, ты не можешь всесторонне понять автора, который написал так много. Александр Исаевич, как мне кажется, очень любил малые формы: «Крохотки», и несколько других текстов, и его последние «Двучастные рассказы», которые, на мой взгляд, замечательны. Но как будто тема заставляла его перейти от малых форм не к крупным даже — не то слово! — к гималайским формам. И мы получили «Красное Колесо», и мы знаем — это лишь, так сказать, первая часть задуманного Александром Исаевичем «Красного Колеса». Есть у Солженицына особая взаимосвязь малых и больших форм. Форм «тесных», поэтических и форм широких. Поэзия там, где есть теснота. А проза, как говорил Синяевский в своей книге о Гоголе, — это география огромных пространств. Эта диалектика, мне кажется, очень важна для творчества Солженицына.

По-французски книга моя называется «Le phénomène Soljénitsyne»⁷, «Феномен Солженицына»; по-русски — «Борец и писатель», близко к тому называлась и женевская выставка: «Отвага писать». Связь между писателем и борцом очень тесна, как, например, у Герцена: в «Былом и думах» не отделить борца от писателя. Одна из самых для меня дорогих книг Солженицына это, конечно, «Бодался теленок с дубом», между прочим, непере译имое заглавие. «Le Chêne et le veau» — так переводил отец Маришаль. Я помню встречу в издательстве «Seuil», где Александр Исаевич принимал нас, своих переводчиков, и там был отец Маришаль, и это сеанс, который запомнился навсегда. Клод Дюран нашел в архиве издательства стенограмму, и она теперь издана: вкратце — в моем каталоге выставки женевской, а в полном объеме — в книге Дюрана «Agent de Soljénitsyne»⁸. Агент, конечно, литературный, но Дюран тут играет: «агент Солженицына». На этой незабываемой встрече шла речь и о непере译имости названия «Бодался теленок с дубом».

Почему оно непере译имо? Потому что это поговорка, а ее у нас по-французски нет. Вообще, структура стилистическая у Солженицына очень часто идет от народного сказа, от народного синтаксиса. А мне это напоминает о первой моей встрече с русским словом. Первые прочитанные мной на русском тексты — это рассказы для детей Льва Николаевича Толстого. Мой первый учитель русского языка был простым человеком, это был Георгий Никитин, переплетчик. Он мне сказал: «Ты для русского языка еще дитя, значит, детский текст для тебя годится». Он не осознавал, что синтаксис этих

⁷ Nivat G. Le Phénomène Soljénitsyne. P.: Fayard, 2009.

⁸ Durand C. Agent de Soljénitsyne. P.: Fayard, 2011.

рассказов Толстого очень трудный. Нельзя быть дальше от синтаксиса французского языка. Но тем самым мой учитель сделал мне особый подарок, я ему до сих пор благодарен. От синтаксиса рассказов Толстого я смог идти прямым путем к синтаксису Солженицына, в частности — замечательной книги «Бодался теленок с дубом», со всеми ее приложениями, с этим ощущением борьбы, которое заставляет автора все дальше писать мемуары, хотя он ненавидит, как сам объявляет, этот жанр. Как Блез Паскаль, он считает, что «я» — это нечто ненавистное, то, что должно отвергать. Но Солженицыну все же пришлось довольно часто говорить от себя, от своего «я», и особенно в мемуарных томах, которые столь интересны, — за «Теленком» ведь «Угодило зернышко...». Когда читаешь эти книги, кажется, что видишь его живого; эти записки дышат жаром борьбы, сарказма, иронии — и грусти.

Я писал, что Александр Солженицын — европейский писатель. Может быть, кого-то это смутит. При новой волне патриотизма может возникнуть впечатление, что я хочу украсть у русских их Солженицына. Конечно, ничего подобного. Но в книге я развивал мысль о писателе-европейце. Например, в связи с романом «В круге первом». «В круге первом» действительно европейская книга с русской фактурой. Это очень похоже на «Волшебную гору» Томаса Манна: в замкнутом месте рядом с молодым человеком, который еще не вполне нашел свой путь, ведут спор защитник традиций, справа, и слева — революционер. Эту конструкцию вы найдете у Томаса Манна. найдете ее и в романе Солженицына, где своего рода «три мушкетера» (Рубин слева, Сологдин справа, Нержин между ними) ведут замечательный диалог. О чем? О том, как жить, как противиться тирании.

У Толстого есть рассказ «Чем люди живы». Этот рассказ читает Поддубев в «Раковом корпусе». Простой человек залпом читает этот рассказ, потому что это ему нужно: чем жить, чем быть живым. И в романе «В круге первом» обсуждаются самые жгучие проблемы для любого молодого человека, что вступает в жизнь и в историю. Я, между прочим, заметил там сходство с Агриппой д'Обинье, этим удивительным французским стойком, другом Монтеня, гугенотом и поэтом, равным Ронсару. Мне кажется, у Солженицына есть толика стоицизма, он идет к христианству каким-то своим путем через стоицизм.

Скажу несколько слов о Солженицыне-драматурге и Солженицыне-поэте. Думаю, пьесы, с которых Солженицын начинал, помогли ему найти свой путь. Их почти не ставят; они, может быть, не поддаются или плохо поддаются постановке. Солженицын ушел от этого жанра, но пришел он к «повествованию в отмеренных сроках», жанру тоже по-своему драматическому, но в иных масштабах. Это переход от мала к велику. А «Крохотки», настоящие «стихотворения в прозе», он писал до главных «глыб», но они ведут к поэтическим моментам гималайских «глыб». Первая «глыба» — это «Архипелаг ГУЛАГ», невероятно развившийся из ядра «Одного дня Ивана Денисовича».

Вторая — «Красное Колесо». Когда «Красное Колесо» было дописано, Солженицын вернулся к малой форме и создал новую серию «стихотворений в прозе». Мне кажется замечательным — этот возврат к малым поэтическим формам через какое-то невероятное время и через 8000 рукописных страниц. То есть Солженицын был верен себе.

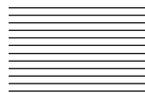
В этой книге я повторил выражение, которое вызывало возражение у Наталии Дмитриевны, когда мы были на конференции в Америке, в Урбане-Шампейне. Это выражение «гениальная неудача». Я имел в виду внутреннюю диалектику того, что хочет сказать великий писатель, и того, что он говорит. Например, Бальзак был легитимистом, но у него не получилось защищать легитимную династию и легитимные традиционные институты Франции. Наоборот, он стал певцом разрушения традиционного общества. Достоевский в «Дневнике писателя» прочерчивает свой идеологический путь. Это очень интересно, но это не то, что он нам дает в своих пяти великих романах. Мне кажется, что у Толстого и у Солженицына есть какой-то обратный хиазм, если можно так сказать. Лев Николаевич хотел в своей эпопее показать, что нет отдельных волей, отдельных личностей, что Наполеон смешон и смешны все те, кто думает, что Наполеон творит историю. Нет, историю творит народ, творит необходимость, вот есть видимая свобода и истинная необходимость. Исторический роман «Красное Колесо» строится на противоположном посыле, на волюнтаризме. Солженицын полагает, что любой человек может воздействовать на историю, если он того захочет. Другое дело, удастся это ему или нет. В последних Узлах я ощущаю преобладание некоторой грусти, некоторой меланхолии. Как будто автор видит, что не очень удастся волевым его героям овладеть ситуацией. Тут есть внутренняя диалектика, которая и захватывает нас в творчестве Солженицына. У Толстого и у Солженицына как-то получается в художественном процессе обратное тому, что в идеологическом процессе было задумано. К тому же эти процессы идут в противоположных направлениях.

Я с восхищением читал «Двучастные рассказы». Они построены очень интересно: первая часть и вторая часть как будто не соответствуют друг другу; читателям надо разгадать, как они связаны и что это значит. Возьмем шедевр — «Абрикосовое варенье». Пишет Писателю (мы узнаем его, это Алексей Николаевич Толстой), какой-то очень несчастный заключенный, рассказывает свою историю и попросту просит прислать посылку с едой. Александр Исаевич нам дает письмо этого человека, очень простого, которое пестрит необыкновенными стилистическими ходами. Во второй части мы на веранде у Алексея Николаевича, тот рассказывает за чаем гостям, что иногда получает какие-то любопытные курьезные письма, язык которых схож с языком судебных актов XVII века, когда пытали подсудимого... Мне это было особенно интересно: моя дипломная работа была об исторической прозе Алексея Николаевича, я узнал тогда, что он читал эти самые судебные акты в изда-

нии XIX века профессора Новомбергского. И некоторые почерпнутые оттуда и включенные в прозу Алексея Николаевича слова и выражения я нашел в рассказе «Абрикосовое варенье». Рассказ заканчивается вопросом гостя: «А Вы отвечаете?» — «Зачем?» То есть А.Н. Толстой солженицынского рассказа никак заключенному помогать не стал.

Мне показалось, что мой личный круг замкнулся. Вот первая работа — об Алексее Николаевиче; вот последнее чтение Александра Исаевича. Я возвращаюсь к вопросу, который задавал Андре Жид: пишется ли литература добрыми чувствами, нужна ли добродетель, чтобы хорошо писать? Ответ Алексея Николаевича, конечно, само собой: нет, не нужна; я могу менять позиции, а главное — это стиль. Что ж, по-моему, «Петр Первый» — это замечательная вещь со стилистической точки зрения. Но ответ Александра Исаевича принципиально иной. Он, борец, не мог бы занять такую позицию, он насмешливо отвечает Алексею Толстому. Его ответ: нельзя отделить борьбу от искусства. Во всяком случае, так я его понял.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

ПРЕМИЯ 2014¹

Решение жюри

Литературная премия Александра Солженицына 2014 года решением жюри от 25 февраля 2014 присуждена Ирине Бенционовне Роднянской за преданное служение отечественной словесности в ее поисках красоты и правды; за требовательное и отзывчивое внимание к движению общественной мысли на фоне времени.

*Павел Басинский
Борис Любимов
Виктор Москвин
Валентин Непомнящий
Людмила Сараскина
Александр Солженицын
Наталья Солженицына
Никита Струве*

Церемония награждения

*Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
24 апреля 2014*

Ведущая: *Н.Д. Солженицына*

Выступления: *Л.И. Сараскина, П.В. Басинский, В.С. Непомнящий,
А.С. Немзер, И.Б. Роднянская*

Н.Д. Солженицына, член жюри²:

Дорогие друзья, добрый день! Открываем нашу ежегодную церемонию награждения лауреата Солженицынской литературной премии. Впервые мы

¹ Об истории Литературной премии Александра Солженицына и ее лауреатах за 1998–2012 годы см.: Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2012. Вып. 1. С. 251–302; о Премии за 2013 год см.: Там же. М.: Русский путь, 2013. Вып. 2. С. 237–252. — *Ред.*

² Фрагмент вступительного слова.

собрались для этой цели 7 мая 1998 года, так что сегодня церемония проходит уже 17-й раз, и в этом году жюри уже 6-й раз делало свой выбор без Александра Исаевича. Без него, но не без его участия, ибо членам жюри был хорошо известен постоянный интерес Солженицына к работам нашего нового лауреата и высочайшая оценка их. И потому, дорогая Ирина Бенционовна, прошу Вас и всех присутствующих считать подпись Александра Исаевича под решением жюри — не виртуальной, а реальной.

...Наш Устав позволяет присуждать премию посмертно. Мы поступили так лишь дважды: в 2001-м лауреатом стал писатель Константин Воробьев, в 2009-м — Виктор Астафьев. Но уже и пятерых прижизненных лауреатов нет с нами, и слава Богу, что мы успели порадовать их нашей премией, признанием и любовью.

Совсем недавно, 12 марта этого года, умерла Инна Львовна Лиснянская. Ее похоронили в Переделкине, рядом с мужем, прекрасным поэтом и достойнейшим человеком, Семеном Израилевичем Липкиным. Инна Лиснянская была нашим вторым лауреатом, 1999 года, и тогда от имени жюри представлял ее Александр Исаевич. «Душа её дрожит, а стих — в свободном лёгком дыхании, и плотен, и безупречен поэтической формой... Казалось бы: после Ахматовой и Цветаевой, после двух столь великих — как можно проложить свою самобытность, и притом быть значительной и украсить русскую поэзию? А Лиснянской — это удалось», — говорил он с трибуны такого же, как сегодня, собрания.

Лиснянской казалось, что

Всего труднее быть самой собой —
Сестрой дождя, подругой снегопада, —
И знать, что между небом и землей
Тебе иных посредников не надо³.

Однако с этой трудностью Инна Лиснянская справилась, всю жизнь она была «самой собой». И, преодолевая страх тех памятных многим из нас страшных лет, писала:

Но нам ли страха утрашиться?
Со мною все мое добро —
Три пальца, чтоб перекреститься,
Три пальца, чтоб держать перо⁴.

Л.И. Сараскина, член жюри:

Уважаемые гости! Дорогие друзья!

Литературная премия Александра Солженицына 2014 года присуждена Ирине Бенционовне Роднянской «За преданное служение отечественной

³ Лиснянская И.Л. «...Но разве это новость для других...» (1980).

⁴ Она же. «И для тупицы нет секрета...» (1979).

словесности в ее поисках красоты и правды; за требовательное и отзывчивое внимание к движению общественной мысли на фоне времени».

Жюри поручило мне прокомментировать наше солидарное решение перед столь представительным литературным собранием, назвав наиболее выразительные факты, обозначив существенные аргументы, приведя свидетельства и признания.

Судьба Ирины Бенционовны, замечательного русского литератора, позаботилась, чтобы после восточноукраинского Харькова, где она родилась, после города Сталинска (ныне Новокузнецк Кемеровской области), где она поступила в школу, после буковинских Черновцов (юго-запад Украины), где было завершено ее среднее образование, случилась наконец Москва, где она поступила в Московский библиотечный институт (ныне Институт культуры) и успешно окончила его. Москва — как у чеховских героинь — была осознанной целью и горячим стремлением нашего лауреата. «Я, — рассказывает Ирина Бенционовна в своем эссе «Прожитие жизни», — рвалась прочь из этого прелестного австро-венгерско-румынско-гуцульско-еврейского городка, воображая его мещанским, а все окружение — нестерпимо пошлым, и, с благословения родителей, отправилась искать счастья в Москву. До 8-го класса я мечтала о профессии химика, начитавшись научно-популярной литературы об открытии новых элементов; но потом увлеклась русской классикой и чтением Белинского и вознамерилась стать литературным критиком»⁵.

И вот еще одно ее чрезвычайно важное признание: «Меня от рождения и даже до него крепко вписали в отечественную историю, и она мне остро небезразлична»⁶.

Обстоятельства и причины этого небезразличия стоит назвать особо.

Итак: дед по матери, народоволец, младший из группы Веры Фигнер, был приговорен к 20-летней каторге, но благодаря амнистии Николая II при его восшествии на престол срок юноше скостили до десяти лет. Бабушка-фельдшерица ездила в молодости на холерные эпидемии и получила грамоту от полтавского губернатора. Из дома политкаторжан в Харькове, где жила семья врача-эндокринолога Бенциона Борисовича Роднянского, — в 1938-м взяли деда и вскоре расстреляли. Много позже бабушку вызвали в органы и сказали, что муж расстрелян, но расстреляны и те, кто его расстрелял. «Утешили!»⁷ — горько иронизирует Роднянская, рассказывая историю своей семьи.

⁵ Ирина Роднянская: Пушкинская премия. Речь. Интервью // Гостиная: лит.-худож. ж-л. 2010. Вып. 6 (17). Цит. по: URL: <http://gostinaya.net/?p=2316> (дата обращения: 27.08.2014).

⁶ Там же.

⁷ См.: Ирина Роднянская: Прав был Солженицын — Бога забыли, отсюда и кризис / [беседовал Л. Виноградов] // Православие и мир. 2014. 25 марта. Цит. по: URL: <http://www.pravmir.ru/irina-rodnyanskaya-prav-byl-solzhenicyn-boga-zabyli-otsyuda-i-krizis/#ixzz2x6M8xTJK> (дата обращения: 27.08.2014).

Годы ежовщины, военная эвакуация, кампания против «космополитов» — всё это знаковые моменты «прожития жизни» нашего лауреата. Такие моменты ее быстро учили: школьница, которая в четырнадцать лет с энтузиазмом вступила в комсомол, уже через несколько лет, студенткой, рвалась на похороны вождя, «движимая звериным любопытством и не испытывая ни малейшей скорби»⁸. К двадцати годам она явственно ощутила себя отщепенкой, внутренней эмигранткой, вторым Климом Самгиным — дипломная работа была написана как раз по этому роману М. Горького. Ее попытки продолжить образование в других учебных учреждениях не раз пресекались из-за пресловутой пятой графы, но государственный антисемитизм она воспринимала как одну из второстепенных граней государства и «травмирована была не слишком»⁹.

При всем том выпускнице Библиотечного института, куда за «космополитизм» были в конце сороковых сосланы многие достойные преподаватели, замечательно повезло: здесь, в студенческом научном обществе, начались ее литературно-критические опыты, среди которых — доклад об «Оттепели» Ильи Эренбурга. Этот доклад волею случая попал в руки тогдашнего руководства «Литературки», и ей была заказана рецензия на тогда только что вышедшую сатирическую повесть Сергея Залыгина «Свидетели» — про благодущных обывателей, избегающих активного участия в жизни страны.

Свой литературный стаж Ирина Бенционовна отсчитывает именно от этого газетного подвала 1956 года. И конечно, от читательской конференции по роману В. Дудинцева «Не хлебом единым», которую она сумела организовать в Сталинске, где после окончания вуза по распределению работала библиотекарем. Там, во Дворце культуры Кузнецкого металлургического комбината, она впервые увидела, каким мощным может быть выплеск народного недовольства; там ощутила, какое оно, состояние счастливого бесстрашия.

Замечу, что дебют Ирины Бенционовны по времени совпал с выступлениями Н.С. Хрущева на XX съезде. «Так что и я, — признается Роднянская, — принадлежу к “детям XX съезда”, но лояльной к послесталинскому строю с его “восстановлением ленинских норм” не стала»¹⁰.

Неизменная лояльность, вернее сказать, преданность, приверженность Ирины Бенционовны всегда были направлены только к горячо любимой отечественной литературе. Определяя, однако, профиль своей литературной профессии и свое место в ней, Роднянская не раз утверждала, что она не писатель, не поэт, не филолог, не литературовед, хотя в филологию, в историю русской литературы и даже в философию и в стиховедение совершала спорадические вылазки.

⁸ Ирина Роднянская: Пушкинская премия. Речь...

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Кто же все-таки Ирина Бенционовна — на взгляд беспристрастного современника? Так или иначе, мне придется оспорить ее непритязательные отрицания.

Безусловно, Ирина Бенционовна — прежде всего критик. Она выбрала для себя эту профессию, вдохновившись даром и пафосом неистового Виссариона Белинского, которого всегда считала *блестящим* критиком. Но не только Белинский стал для нее путеводной звездой: в своем критическом творчестве она ориентируется на классическое определение Пушкина. Цитирую черновую заметку 1830 года: «Критика — наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусства и литературы. Она основана 1) на совершенном знании правил, коими руководствуется художник или писатель в своих произведениях, 2) на глубоком изучении образцов и на деятельном наблюдении современных замечательных явлений»¹¹.

И в той мере, в какой критика есть наука, а не праздный разговор о литературных мимолетностях, Роднянская — и филолог-исследователь, и литературовед, и стиховед, и писатель. И еще несомненный ценитель красоты, ибо, по замечанию Пушкина, «кто в критике руководствуется чем бы то ни было, кроме чистой любви к искусству, тот уже нисходит в толпу, рабски управляемую низкими, корыстными побуждениями. Где нет любви к искусству, там нет и критики. Хотите ли быть знатоком в художествах? <...> Старайтесь полюбить художника, ищите красот в его созданиях»¹².

Конечно, за два столетия формула Пушкина претерпела множество трансформаций, так что критика успела побывать и разновидностью филологии, и жанром социальной публицистики, и чем-то вроде члена экспертной комиссии по художественной словесности. Об Ирине Бенционовне нельзя сказать, что она — критик-мономан, избравший для себя один-единственный сегмент литературного пространства. В ее лице мы имеем дело с компетентным критиком-универсалом, которому доступны самые разные явления словесной культуры, как классической, так и современной; к тому же она владеет даром свободного высказывания в любом повествовательном ключе — от строгого академизма до прихотливого импрессионизма.

Литературная репутация Ирины Бенционовны необычайно высока — ее справедливо считают неподкупным экспертом-ценителем «чистой красоты» в словесном искусстве, признанным мастером из узкого круга знатоков «не-развлекательной» литературы высокого класса. Несколько смущаясь, она признается: «Единственным интересом и задачей того, что я писала, было открывать истинную красоту и, значит, правду в свежих произведениях сло-

¹¹ Пушкин А.С. [Заметки о критике и полемике] // Полн. собр. соч.: в 6 т. М.: Госиздат, 1936. Т. 6: Неизданное и черновое. С. 100.

¹² Там же. С. 100–101.

весности, выделяя их из среды тех, что блещут ложными красотоми и вольно или невольно лгут против истины, эстетической, жизненной и духовной»¹³.

Более двух десятилетий Роднянская служила в главном толстом журнале страны — «Новом мире» и руководила в нем отделом критики. Можно сказать, это ее альма-матер, как и другое родное издание — «Краткая литературная энциклопедия». Дебют в «Новом мире» состоялся еще в 1962-м и был замечен А.Т. Твардовским; в 1965 году Роднянскую приняли в Союз писателей. Выдача членского билета совпала с арестом Синявского и Даниэля, и она, свежий член Союза, написала в их защиту открытое письмо. Тогда этот ее поступок прошел без видимых последствий, однако ее то печатали, то не печатали, то «пропускали», то «не пропускали». Ее упрекали в «абстрактном гуманизме», ругали за восхищение Генрихом Бёллем. Но ей везло: те пять лет (1971–1976), когда Роднянская сотрудничала с академическим Институтом научной информации по общественным наукам, дали ей возможность близко познакомиться с зарубежными трудами по социологии и политической философии, и это стало важным этапом ее самообразования.

А вот те два десятилетия, когда Ирина Бенционовна служила в «Новом мире», она называет приподневшимся счастливым временем ее жизни. Многие из написанного ею, новомировским критиком, вошло позже в интереснейшие сборники: «Художник в поисках истины» (1989)¹⁴, «Литературное семилетие» (1994)¹⁵, двухтомник «Движение литературы» (2006)¹⁶.

Надо сказать, что статьи Роднянской — будь то о русских классиках, которые определяют движение идей в литературе, или о творчестве современников, ушедших и ныне живущих, — Заболоцком, Платонове, Вампилове, Белове, Владимове, Битове, Маканине, Чухонцеве, Кушнере, Аверинцеве, Екимове, — воспринимались литературным сообществом с большим воодушевлением. Филологическая пристальность, объемность мысли, неподдельная искренность, смысловая наполненность, подлинная языковая свобода, исключительное доверие к художнику и щедрая благодарность ему за его дар, — все это можно обозначить простой формулой: высокое искусство читать и понимать. Тексты Роднянской — это эталон критического бесстрашия и ответственности. Она никогда не была всего лишь информатором, торопящимся написать срочно в номер. Порой ее называли вызывающе старомодной (как правило, со знаком плюс) — ибо она не поддавалась искушению писать легковесно, не покупалась на модные литературные новинки, не соблазнялась сиюминутной телевизионной славой.

¹³ Ирина Роднянская: Пушкинская премия. Речь...

¹⁴ Роднянская И. Художник в поисках истины. М.: Современник, 1989. 384 с.

¹⁵ Она же. Литературное семилетие (1987–1994): Статьи. М.: Книжн. сад, 1995. 320 с.

¹⁶ Она же. Движение литературы: в 2 т. М.: Знак: Языки славянских культур, 2006.

В своем кратком биографическом очерке Роднянская с необычайной скромностью упоминает о спорадических вылазках в историю русской литературы, в философию, в стиховедение, которые она будто бы невзначай совершала. Как же это, хочется возразить, спорадически, когда ее интерес к русской классической литературе и философии, к современной отечественной прозе и поэзии столь настойчив и систематичен, когда поиск красоты и правды в художественном слове и в общественной мысли всегда руководит и управляет ее творческими устремлениями, когда задача обнаружить и назвать ложную красоту и псевдоистину всякий раз оказывается новым стимулом для работы критика, категорическим императивом!

Одной из таких удивительных «вылазок» стала книга «Мысли о поэзии в нулевые годы» (2010)¹⁷. В этой книге автор рассказывает о самых важных для себя поэтах — Олеге Чухонцеве и Олесе Николаевой, Борисе Херсонском и Владимире Губайловском, и не только о них; на материале литературы и средствами стиховедческого инструментария автор размышляет о вечности, о большом и малом времени, о свободе от Истории и сиюминутных идеологий, о вере и неверии, о возможном и невозможном.

Опровергну последнее отрицание Роднянской: «Я не поэт...» Только истинный поэт мог собрать и переиздать великолепный «Поэтический словарь»¹⁸ Александра Павловича Квятковского, рассказать о нем самом, о его «окрыленности восторгом перед красотой»¹⁹, дополнить книгу перепиской стиховеда Квятковского и математика, академика Андрея Николаевича Колмогорова и показать яркий образец диалога двух замечательных умов.

Важнейшей работой последнего времени стал для нашего лауреата сборник «К портретам русских мыслителей» (2012)²⁰, составленный из ее собственных статей, очерков философа Р.А. Гальцевой, а также исследований, написанных ими совместно. Занятия русской религиозной философией оказались для Ирины Бенционовны ничуть не менее важным направлением, нежели критика, и совершенно закономерным для ее творческих и человеческих запросов. Задача книги, как ее видели авторы, — показать в обновленном ракурсе многих ведущих лиц отечественного философствования, обозначить их духовный масштаб, их христианское измерение. Здесь — Владимир Соловьев, Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Лев Шестов, Павел Флоренский, Семен Франк, Георгий Федотов. Ко всему прочему, это еще и очень личная книга. Так, открывая для себя произведения о Сергия Булгако-

¹⁷ Она же. Мысли о поэзии в нулевые годы. М.: Русский Гуливер: Центр совр. лит., 2010.

¹⁸ Квятковский А.П. Поэтический словарь / науч. ред. и сост. И.Б. Роднянская. 3-е изд., испр. и доп. М.: РГГУ, 2013. 584 с.

¹⁹ Там же. С. 577.

²⁰ Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. К портретам русских мыслителей. М.: Петроглиф; Патриаршее подворье храма домового мц. Татианы при МГУ, 2012. 758 с.

ва, чьи мысли обращены к исторической трагедии человечества (в сборнике ему посвящены девять очерков), она видит в нем дерзновение и смирение, как раз в нужной ее душе пропорции. Ирина Бенционовна называет Булгакова «чернорабочим истины»²¹, и кажется, что в этом определении есть много от ее собственной литературной миссии. Показательно, что вехами на пути к вере у нашего лауреата были и Бердяев, и Достоевский, и Генрих Бёлль, и отвращение к коммунистической идеологии.

Роднянская часто говорит о радости критика, нашедшего достойные точки приложения для своей рефлексии. Она всегда верна своим литературным авторитетам, но по-молодому открыта и новым именам. Я с большим сочувствием узнала, что Роднянская чрезвычайно ценит романы-памфлеты Виктора Пелевина, считая этого писателя вовсе не производителем масскульта, а художником, обладающим почти пророческим воображением и почти свифтовским сатирическим даром. Особая читательская чуткость Роднянской распространяется и на события современной политической истории: пусть ее прочтения не всегда бесспорны, но в них неизменно присутствуют искренняя тревога и боль за происходившее в прошлом и происходящее сегодня. Вызывают уважение отважные опыты Роднянской в жанре актуальной публицистики; назову хотя бы недавнюю аналитическую статью о деятельности «Изборского клуба» («изборского ордена», как называет этот клуб Ирина Бенционовна) в его борьбе с «орденом интеллигенции», терпящим поражение за поражением²².

Наше настоящее Роднянская воспринимает как время экзистенциальных решений, когда каждый должен жить на свой страх и риск, самостоятельно разбираться в сложностях мира и искать свою дорогу.

Жюри Литературной премии Александра Солженицына сердечно поздравляет Ирину Бенционовну с заслуженной наградой. Хочется пожелать ей в наше тревожное время не выпускать пера из рук, ощущать вкус к жизни на острие событий, открывать новые литературные имена и радоваться, если за ними стоят красота и правда.

П.В. Басинский, член жюри:

Я не готовил специального доклада и хочу просто поделиться своими впечатлениями и воспоминаниями о 90-х годах, когда Ирина Бенционовна как критик вошла в мою жизнь как литератора того времени. По замечательному выступлению Людмилы Ивановны понятно, что Ирина Бенционовна — фигура очень многогранная и при всей ее скромности и непубличности она, конечно, сделала очень много в разных сферах: в литературоведении, в попу-

²¹ Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. К портретам русских мыслителей. С. 331.

²² См.: Роднянская И. Каноническая версия истории и ее проекция в будущее. «Изборский клуб» как визави Кремля? // Посев. 2013. № 7. С. 18–23.

ляризации философии, в литературной критике. А период ее руководства отделом критики «Нового мира» я считаю просто расцветом критики этого журнала, вторым, может быть, после расцвета критики «Нового мира» 50–60-х годов.

Я счастлив, что в то время печатался в «Новом мире» и общался с Ириной Бенционовной. Сегодня критика находится, на мой взгляд, в кризисном состоянии, и это происходит оттого, что она перестала справляться с современным литературным процессом. Хорош он или плох, этот процесс, но он существует, он сложный, пестрый, меняющийся, а у критики как будто бы нет инструмента для описания этого процесса.

Но проблема заключается в том, что инструментом для описания литературного процесса является сам критик, и ничто иное. В этом плане я считаю абсолютно точным название книги здесь присутствующего Сергея Ивановича Чуприна, которая называлась «Критика — это критики»²³. Более точной формулировки критики я не знаю, хотя их существует очень много.

Критика — это критики. И вот сегодня возникает ощущение, что нет фигуры, которая способна быть адекватной этому процессу, способна охватить этот процесс, выявить какие-то его узловые точки и дать его описание. Для меня в 90-е года фигура Ирины Бенционовны (именно в 90-е годы) представлялась таким критиком, которая была способна связать воедино этот процесс и дать о нем какое-то представление. А 90-е годы — очень сложное время.

Интересно, что она начинала в критике достаточно рано, но понастоящему, конечно, вошла в нее в конце 80-х – 90-е годы, когда недостатка в разного рода фигурах критических не было. Это было удивительное время, когда еще активно работали критики старшего поколения и пришло довольно много критиков нового поколения, моего поколения, которые печатались в газетах (был расцвет газетной критики: и «Литературка», и «Независимая газета», и «Сегодня», и «Коммерсант»). Да и журнальная критика была очень пестрой и разнообразной. Но фигура Ирины Бенционовны, безусловно, выделялась и здесь. И вот почему.

На мой взгляд, главным недостатком критиков старшего поколения в то время, при всем уважении к ним, было то, что они как бы не принимали того, что пришла новая литература, что литературная ситуация в корне изменилась. Я помню, как один очень известный поэт на церемонии вручения «Русского Букера» обратился к Вячеслову Курицыну со словами: «Ну, какживает русский постимпрессионизм?» То есть ему было все равно: постимпрессионизм, постмодернизм... Критики старшего поколения как-то старались делать вид, что ничего существенного в русской литературе не поменялось. Ну, поменялись условия, появилась свобода слова, да, — а вот так чтобы принципиально... нет. Появились какие-то Пелевин и Сорокин, но что это, разве это принципиально новые писатели? Да нет... И так далее.

²³ Чуприн С.И. Критика — это критики. М.: Сов. писатель, 1988.

Но для критиков старшего поколения очень важной была апелляция не только к профессиональному читателю, а к читателю широкому. Этим они, в общем-то, и отличались от нашего поколения. И, занимая такую позицию, они в известной степени теряли этого читателя, потому что читатель уходил к новым писателям: к тому же Сорокину, к тому же Пелевину.

А у критиков моего поколения был другой недостаток: нас не очень волновало мнение широкого читателя, нас интересовало цеховое мнение: мы вращались в своем кругу, мы писали так, чтобы это было понятно нам самим, людям из литературной среды, было понятно участникам тех дискуссий. Но было совершенно непонятно широкому читателю. И здесь была другая опасность, потому что со временем и этот круг читателей — внутрицеховой, внутрилитературный — тоже распадался, литература дробилась постоянно, и цельность диалога, понятность диалога в этой среде тоже терялись.

Ирина Бенционовна как-то в одной статье или интервью сказала, что она «критик-дилетант». Это, конечно, такое скромное лукавство, потому что она пришла в критику с огромными знаниями, с огромным аппаратом, но в этом была правда в том смысле, что она пришла оценивать эту литературу как бы в одиночку. Вот она одна, она говорит: «Я высказываю просто свое мнение о тех или иных фигурах». В ее статьях того времени не было самоуверенности, самонадеянности... Это был постоянный пытливый анализ и попытка понять, что это за писатель новый явился, что с ним происходит. И в этом плане упомянутая сегодня фигура Пелевина очень любопытна, потому что для критика ее поколения, конечно, выступить «за» Пелевина — это был, безусловно, поступок. Это был поступок, потому что Пелевин воспринимался скорее как раздражительный фактор и литераторами старшего поколения, и критиками старшего поколения, да и многими критиками моего поколения, которые придерживались более традиционных ценностей. И вдруг Ирина Бенционовна Роднянская пишет очень интересную статью о «Generation “П”»²⁴, романе, где исследует Пелевина, что было совсем неожиданно, как некую интеллектуально-духовную фигуру, что было совсем неожиданно и было очень интересно. И с этой же точки зрения, хотя, как мне кажется, уже более скептически, она оценивает его роман «S.N.U.F.F.» в одной из последних статей²⁵.

Вот в этом была ее неожиданность, в этом была и ее особая позиция. Ей как бы был внятен язык и нового поколения, и традиционные ценности. И вот эта позиция, такого пытливого, спокойного, а с другой стороны, очень субъективного и страстного анализа, была очень притягательна в ее статьях 90-х, а потом 2000-х годов. Недавно я стал перечитывать ее статьи и увидел, что они не утратили своего значения, они читаются сегодня вполне актуально.

²⁴ Роднянская И.Б. Этот мир придуман не нами // Новый мир. 1999. № 8.

²⁵ Она же. Сомелье Пелевин // Новый мир. 2012. № 10.

Я искренне поздравляю Ирину Бенционовну с этой заслуженной наградой. Критиков вообще мало, у них нет своих премий, их очень редко награждают, а критик — это куда более редкий талант, чем талант писателя: крупных писателей много, крупных критиков очень мало.

А.С. Немзер:

Как ни странно, я могу точно назвать обстоятельства места и времени, при которых для меня обрело особый смысл имя сегодняшнего лауреата. То есть читал-то я какие-то работы Ирины Бенционовны и раньше (да, видно, невнимательно), а увидел-услышал ее впервые 21 декабря 1977 года в Центральном доме литераторов, на дискуссии «Классика и мы», *совершенно случайно* — как заверяли ее инициаторы — пришедшийся на день рождения величайшего корифея всех наук вообще и литературоведения в частности. Адекватно передать истерически взвинченную атмосферу этого ристалища смог бы только тот писатель, что представил миру губернское «литературное утро» и последовавший за ним бал с «литературной кадрилию». Даже Зощенко и Булгакова тут, думаю, было б мало. Куда уж мне... Но свое — двадцатилетнего студента филфака — тогдашнее восприятие происходящего худо-бедно передать могу. Душно было неимоверно. Жутко. И вместе с тем болезненно смешно. Патологически неуютно. И чем дальше (действие тянулось долгонько!), тем тоскливей, противоестественней, безнадежней... Задним числом понимаю, что звучали в тот вечер и вполне разумные мысли, а биполярность зала и ораторов, словно бы выражающих настроения двух заранее означенных ярлыками групп, была кажущейся. Но уж слишком истоиво эта самая бинарность навязывалась, слишком уродливо сказывался контекст даже на вполне здравых суждениях, слишком силен был дух перекрестного раздражения, отнюдь не литературной злости. Постыдно тебя не отпускающей и не предполагающей продыху. Так что не надо объяснять, почему твердил я про себя, как заведенный, предсмертную реплику Меркуцио: «Чума на оба ваших дома!»

...Выступление Ирины Бенционовны началось другой цитатой: «Двух станов не боец, но только гость случайный...» Не буду врать: вдруг прозвучавшие горячо мною любимые строки А.К. Толстого *не* освободили меня от удушья вовсе. Но на несколько минут стало ощутимо легче. Грешен, плохо помню, о каких социокультурных сюжетах говорила в ЦДЛ Роднянская, какие имена и художественные явления анализировала, как спорила и/или соглашалась с выступавшими прежде. Тон, заданный стихами Толстого, строил музыку, которая была важнее конкретных решений. Позднее, читая статьи Роднянской, дискутируя с ней за всякого рода «круглыми столами» или просто разговаривая, я часто вспоминал не просто стихи Толстого, но то, как они прозвучали для меня на исходе 1977 года. Важны были и обреченность на «спор с обоими» станами, и мотив несносимой «пристрастной ревности» друзей, но всего важнее финальное заветное слово — *честь*. Для того что-

бы отстаивать честь «знамени врага», надобно верить, что существует *честь* как таковая, что это не красивое словцо или устарелый фантом, а реальное и непобедимое человеческое свойство. И что таковым оно остается всегда, сколько бы идеологов ни придерживались на сей счет своего якобы «особого» — унылого и тривиального — мнения.

Для Роднянской честь — реальность. Как реальность для нее и другая многократно упраздненная категория — вкус. Не те вкусы, о которых вроде бы спорить заказано (хотя только этим мы все — по крайней мере, люди «письменные» — и занимаемся), не личные пристрастия (которые, между прочим, вовсе не обязательно ошибочны или ущербны; можно и в точку попасть!), а вкус как далеко не всегда достижимое, но безусловно сущее мерило, к которому мы сознательно или бессознательно стремимся. Подобно лермонтовскому Максиму Максимычу, я не люблю метафизических прений, а потому не рискну рассуждать о том, каким образом *вообще* связаны *честь* и *вкус*. Скажу другое: на неразрывном единстве *чести* и *вкуса* строится и весь интеллектуально-поэтический (простите, не люблю слова «творческий») мир Роднянской, и буквально каждая ее работа, будь то отклик на новейший «литературный факт», перечитывание классического шедевра, диагностирование очередной идеологической хвори или гражданское суждение о мутациях политической атмосферы.

Не раз было уже говорено (например — сегодня, Л.И. Сараскиной, а сравнительно недавно — С.И. Чуприниным²⁶) о смысловой широте и жанровом разнообразии работ Роднянской. Надо обладать слишком большой самонадеянностью, чтобы выделять в корпусе ее сочинений нечто *самое главное*. Чем и почему, собственно говоря, размышления о современной прозе важнее, чем штудии по истории любомудрия, отклики на сегодняшние политические происшествия или что-нибудь еще? Сочинения Роднянской взаимосвязаны теснейшим образом, и связи эти не случайны, а глубоко системны: никакого звена тут не выдернешь. А все равно, хоть оно и неправильно, но смысловой центр отыскать хочется. На мой взгляд, это отношение Ирины Бенционовны к поэзии. Все истинное искусство прекрасно, вся живая литература замечательна, но у поэзии «особенная статья». Как и у поэтов, о чем Роднянская писала не раз и не два. В разных статьях, в разных контекстах напоминала она, в частности, слова Ахматовой о том, что *поэт всегда прав*. С понятной оговоркой, что поэт еще как бывает неправ, да только эта неправота ничтожнейшего из детей ничтожных мира не колеблет той высшей правды, что неотделима от священной жертвы, от назначения поэта. Роднянская наделена чудесным даром особого доверия к поэзии... (И поэтому — в скобках замечу — счастливы те ныне живущие поэты, о которых писала Ирина Бенционовна.)

Многие, наверное, помнят статью Роднянской «Возвращенные поэты»²⁷. Заголовок прямо вырос из «перестроечной» ситуации (были запрещенные, стали возвращенные), но, по-моему, выводил далеко за пределы этого проходящего контекста. Вот и мне хочется сказать о мотиве возвращенного поэта у Роднянской в несколько ином ключе. Отношения поэтов и их потенциальной аудитории всегда проблемны. Всегда, а не только сегодня. Всех поэтов (включая классиков), а не только тех, что впервые отдают свои заветные строки на растерзание публики (толпы, гражданского общества, корпорации критиков и доцентов, как бы «своего» цеха...). Назову четыре имени. Всё это имена ушедших, классиков, статьи Роднянской о которых мне особенно дороги. (Ну, тоже, сказал, будто остальные не дороги!) Не в последнюю очередь потому, что во всех работах этих остро чувствуется усилие возвращения. Таковы статьи о Лермонтове, писавшиеся ровно в ту пору (исход 1970-х), когда Лермонтов перестал для литературного истеблишмента быть «начальником», «персоной», «фигурой». Вот Тютчев с Боратынским — это серьезно, а что *по небу полночи ангел летел, русалка плыла по реке голубой, невольник чести пал, оклеветанный молвой да ветка Палестины где-то там росла и цвела* — так когда ж оно было? И к чему нам теперь эта затрепанная хрестоматия. В эту-то пору и появились две удивительных статьи — о лирическом герое Лермонтова и его «ускользающем» демоне (Демоне)²⁸. Примерно так же с Блоком. Ровно в тот момент, когда Блок был уже совсем канонизирован, когда наконец признала его власть (для чего, кстати, потребовались многолетние усилия), когда реакцией на свершившееся стало негласное, но отчетливо слышащееся *ну, какой там Блок, мы о Мандельштаме говорить хотим*, — появилась статья «Трагическая муза Блока»²⁹, одна из самых тонких и точных работ об этом поэте, что мне довелось читать. Блока, как и Лермонтова, в ту пору начали либо аккуратно отодвигать в сторону, либо учить уму-разуму, ставить на вид всю его «декадентскую гниль», корить за непотребное поведение его своенравную музу. (Я, между прочим, сам был не без склонности к этому. Заявиться печатно не довелось, но чувствовал — и долго — примерно так.) Так вот, нам ли, тем ли, кто будет после нас и лучше нас читать Блока, статьей Роднянской поэт *возвращается*. Понятно, что со Случевским дело обстоит иначе. Он никогда «командных высот» не занимал и едва ли займет (кстати, Ирина Бенционовна и об этом тоже пишет), но его необходимость (отнюдь не равная бесспорному историко-литературному значению), его несуразная правота, его право на сердечное внимание

²⁷ Лит. обозр. 1987. № 10; перепеч.: Роднянская И. Движение литературы: в 2 т. М.: Языки славянских культур, 2006. Т. 1. С. 269–298.

²⁸ См.: Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1981; Вопр. лит. 1981. № 5; перепеч.: Роднянская И. Движение литературы. Т. 1. С. 42–62, 63–89.

²⁹ Новый мир. 1980. № 11; перепеч.: Роднянская И. Движение литературы. Т. 1. С. 183–213.

(наше или опять-таки тех читателей, что будут лучше нас) в статье «Глубокая борозда: Константин Случевский через голову Серебряного века»³⁰ показаны и доказаны с замечательной мощью. Четвертое имя совершенно очевидно. Это, конечно, Заболоцкий. Можно лишь слезы лить (почти без самоиронии говорю) о том, что книга, над которой Ирина Бенционовна долго работала и о которой со светлой печалью вспоминает, осталось недописанной. Но и того, что сказано как в собственно «заболоцких» ее статьях, так и «заболоцких» эпизодах (а иногда — моментальных бликах), возникающих в других работах Роднянской³¹, «томов премногих тяжелей».

Я все о том же. О вере в поэзию и поэтов. О сквозящем в каждой строке сознании правоты эгоцентрика Лермонтова, демонического Блока, затырканного и закомплексованного Случевского, не сбывшегося вполне (не ставшего «новым Пушкиным») Заболоцкого... Вот это мне всего у Роднянской дороже. Что не отменяет возможности любить и ценить другое. И спорить — с третьим или двадцать третьим. Радуясь, если (это не всегда случается) с годами понимаешь: права была Роднянская.

Ирина Бенционовна получает премию Солженицына. Для меня в этом нет ничего удивительного. Много лет назад, впервые услышав о том, что такая премия у нас появится, я подумал, что ее лауреатом непременно станет Роднянская. Вообще-то я не лишен пристрастия к гаданиям на кофейно-премиальной гуще — да и положено критику (а я в этой должности двадцать лет числился) прикидывать, кто какой награды удостоится. Но о премии Солженицына я в таком ключе никогда не размышлял. Просто знал, что раньше или позже Ирина Бенционовна будет награждена. Потому что иначе быть не может. И точно так же я не удивился, когда узнал о статье «Солженицын», которую Роднянская написала для «Краткой литературной энциклопедии» в 1969 году, когда автор «Одного дня Ивана Денисовича» уже стал абсолютно неупоминаемым лицом. Да, такая *невозможная* статья должна была быть заказана великой редакцией литературы и языка издательства «Советская энциклопедия». И — с очень высокой степенью вероятности — именно Роднянской. Своим умом добраться до этого «литературного факта» мне, увы, не удалось (хотя оснований для такой догадки или хотя бы гипотезы хватало), но когда тайное стало явным, у меня не было и минутного изумления. Читая и перечитывая статью в роли редактора³², я все время чувствовал: это невероятно, ибо естественно. Так же естественно, как существование чести и вкуса, как особая статья поэзии и вера в ее правоту.

³⁰ Арион. 2005. № 3; перепеч.: Роднянская И. Движение литературы. Т. 1. С. 214–228.

³¹ Тут всего резоннее отослать к именному указателю итогового двухтомника работ Роднянской.

³² См.: Роднянская И.Б. Попытка не пытка: История несостоявшейся энциклопедической статьи о Солженицыне // Солженицынские тетради. Вып. 2. С. 93–97.

Надеюсь, понятно, почему мне невозможно закончить свое приветственное слово иначе как фрагментами не раз цитированного Роднянской и уже прозвучавшего сегодня стихотворения Алексея Константиновича Толстого «Против течения». Хочется прочесть его целиком, но речь и так затянулась, артистические мои навыки, мягко говоря, сомнительны, а текст, к счастью, многим памятен и всем доступен. Так что опущу первую строфу — о напастях середины XIX века, стимулировавших поэтический манифест Толстого, — и строфы, в которых говорится о временах еще более грозных, чем выпавшие поэту и нам с вами. Прочитаю строфы вторую и заключительную пятую.

Други, не верьте! Всё та же единая
Сила нас манит к себе неизвестная,
Та же пленяет нас песнь соловьиная,
Те же нас радуют звезды небесные!
Правда все та же! Средь мрака ненастного
Верьте чудесной звезде вдохновения,
Дружно гребите, во имя прекрасного,
Против течения!

.....
Други, гребите! Напрасно хулители
Мнят оскорбить нас своею гордынею —
На берег вскоре мы, волн победители,
Выйдем торжественно с нашей святынею!
Верх над конечным возьмет бесконечное,
Верую в наше святое значение
Мы же возбудим течение встречное
Против течения!³³

В.С. Непомнящий, член жюри:

Уже довольно долгое время такое собрание в честь Роднянской было для меня мечтой, желанием, намерением, имеющим не только общественный, культурный порядок, но и мою собственную личную нужду. Поэтому сегодня я особенно радуюсь, что оказался причастен к этому событию. Дело в том, что я болел и не присутствовал при выработке формулировки жюри, но, болея, я сделал свою, думая: а может быть, успею. Но не успел — так не успел. А формулировка такая:

«Литературная премия Александра Солженицына 2014 года присуждается И.Б. Роднянской за глубину и ясность литературно-критической мысли, сочетающей пронизательный анализ тонких стилистических материй с

³³ Толстой А.К. Против течения (<1867>).

масштабностью идейного взгляда на исследуемое произведение, за широту и основательность в рассмотрении современного движения нашей литературы при опоре на живое чувство традиций русской классики, ее ценностей и идеалов, за полувековое лидерство в отечественной литературной критике как науке и как искусстве слова».

И.Б. Роднянская:

Естественно, благодарю прежде всего премиальное жюри за честь, столь неожиданно и милостиво мне оказанную. Я осмелилась при жизни Александра Исаевича писать о нем лишь однажды, но с появления его имени еще до первой публикации, в самиздате, и впредь для меня не было большего авторитета, общественного и морального, и большего образца творческой мощи, нежели он. Однако в эти минуты мне положено размышлять о себе самой.

Когда в анкетах задается вопрос о профессии, я отвечаю: литератор, литературный критик, литературовед. Но если ответ требуется краткий, я останавливаюсь на втором из этих самоопределений. Потому что, чем бы я ни занималась впоследствии и наравне — вылазками в русскую классику и в вопросы поэтики или погружением с головой в нашу религиозную философию, куда ввела меня Рената Гальцева, — завязкой всему была актуальная критика. Люди предаются этому несколько странному занятию по-разному: кто-то из числа филологов внезапно чувствует потребность выйти, вооружившись своим опытом, навстречу текущему, кто-то из писателей и поэтов с годами влеком уже не к художественной фантазии, а к эссеистическому отклику на прочитанное. Мой же импульс был изначален.

Не стану распространяться насчет того, что критика есть форма самосознания литературы, зародившаяся еще у эллинов. Не стану в кой-то раз напоминать пушкинскую заметку 1830 года «О критике». Я веду разговор не в защиту критики (пусть она сегодня в такой защите и нуждается), а в защиту самой себя, своего психологического выбора, совершившегося рано, на школьной скамье, причем еще в сталинские времена, что можно бы счесть смесью наивности и безумия. Нет, известную фразу Пушкина я все-таки процитирую — ради ключевого в ней слова: «Критика — наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусства и литературы»³⁴. Слово это — «открывать». Историко-литературная работа над текстом — это *исследование*. Постижение созданий текущей литературы — это *открытие* (резкой грани между тем и другим нет, но все же...).

Так вот, у меня как у читателя, можно сказать, с отрочества возникла по сию пору необъяснимая потребность, оказавшись наедине с художественным текстом, выразить словесно, вербализовать то, что я из него какими-то

рецепторами своими извлекла. В этом азартно нуждалась я сама, а публичность высказывания представлялась вторым делом. Мне, этакому читателю-открывателю, текст виделся сверкающим белизной, никем еще не истоптанным снежным полем, где я впервые оставляю свой извилистый след, обозначая им лабиринты авторской акцентуации, в том числе и тупики, куда заводит творца измена *подлинности*.

Не берусь определять это понятие – «подлинность». Оно не равно тому, что сам критик полагает истиной жизни и духа и о чем он вправе открыто заявить, выйдя из принижения к тексту. Это, скорее, верность художника своей личной правде, ограждение ее от давления извне — коммерческого, популистского, социального, даже религиозного. Можно (а, может, и нужно) не соглашаться, к примеру, с концепцией цветаевского «Крысолова» или с нигилизмом Селина, отправившегося на край ночи. Но прежде несогласий следует признать за авторами полную удачу соответствия самим себе. Такое признание — сертификат независимости критической экспертизы и первый ее шаг.

Большая статья, подарившая мне репутацию «новомирского» критика: «О беллетристике и “строгом” искусстве»³⁵ — в заглавие введена цитация из Белинского — писалась тогда, когда мои общие взгляды («миросозерцание», как говорили в старину) совсем еще не сложились. Но стихийно меня повело к защите этой самой «подлинности». Так умильная фальшь повести Бориса Бедного «Девчата» (впоследствии — знаменитый фильм, который я так и не посмотрела) противопоставлялась на уровне лексики и сюжета неподдельности таких разных вещей, как «Иван» Владимира Богомолова и «Большая руда» Георгия Владимова. (Нынче я могла бы добиться такого же эффекта от сравнения куда более «качественного», чем «Девчата», «Лавра» Евгения Водолазкина и — как противоположности — «Обращения в слух» Антона Понизовского, да руки не доходят).

Снятие фальшивой позолоты в 1962 году, на пике оттепели, считалось либеральным актом, и меня причислили к стану либеральных критиков, что имело под собой некое основание ввиду защиты неангажированного творчества. Но со мною в этом отношении дело обстояло не так просто. На следующий год после этого решающего для меня дебюта я приняла крещение. Чтобы зерно веры могло прорасти, помимо несказуемых обстоятельств внутренней жизни, поле было вспахано чтением Достоевского и писателями католического возрождения XX века — Грэмом Грином, Мориаком, Ивлином Во и в особенности Честертоном и Бёллем. Это мои литературные учителя веры.

Как это новое состояние души сказалось на контрверзе «независимость/ангажированность», стала ли я в своей работе проводником христиан-

³⁵ Новый мир. 1962. № 4; то же в кн.: *Роднянская И.Б. Движение литературы*. Т. 1. С. 377–404.

ской доктрины, христианской этики? И да и нет. Во всяком случае, я не пристрастилась к тому, чтобы использовать «книгу как повод», как учительный повод, и ломать художественную вещь через свое крещеное колено. Но для меня стали особо привлекательны сочинения богоискательские, боговыскающие и богоприемлющие, созвучные тому, что и меня наполняло (христианские мотивы в них могли быть выражены лишь подспудно и косвенно, что куда лучше нынешней бодрой профанации таких тем и мотивов). Поскольку в критике я оставалась дилетантом, ускользающим от обязанности обводить взором литературную панораму, я начала выбирать своих героев среди тех, к кому лежало задетое верой сердце, — таких разных, как Битов, Чухонцев, Белов, Вампилов. И в антигероях невольно оказывались яростные противники Христа и веры в него: я писала о романе Фридриха Горенштейна «Псалом» «с пеной на губах», как сказал бы покойный Григорий Померанц. Но если бы это сочинение не рисовалось мне таким нарочито сконструированным и лживо идеологизированным, никакой бы пены не выступило. Я совершенно спокойно отношусь к ехидным выпадам в адрес христианства художественно состоятельного Виктора Пелевина — что с него, буддиста, возьмешь!..

Иначе говоря, у критика, имеющего мировоззренческую точку опоры (а для меня — в общественном и этическом плане — это либеральный консерватизм), идейное начало должно сказываться само собой, как произвольное следствие угла зрения, а не выбегать вперед в виде опережающей сверхзадачи. Я остаюсь верна своему непосредственному общению с произведением как с нетронутым полем, сулящим множество «открытий чудных», о коих мне заранее ничего не известно. И это же переживание текста как загадки, которую тянет разгадать, не оставляло меня, когда я писала о не мною досконально изученных Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Достоевском, Блоке; поэтому я отношу свое соприкосновение с ними тоже к области литературной критики, а не к собственно филологии.

Обозначенная здесь позиция, скажу честно, — двусмысленна. Индукция от текста к непредсказуемому выводу, приводящему подчас в такой круг сомыслеников, куда и не собирался попасть, — путь этот намного неустойчивей и проблематичней, чем дедукция от «руководящей идеи» к развинчиванию литературного сочинения. Наша литературная жизнь и в советское время, и в последующее являет идеологически поляризованные лагеря. И тут-то со своими непреднамеренными диагнозами не знаешь точно, какой лагерь тебя присвоит. В свое время я с равным усердием писала для слышного либеральным «Нового мира», а когда оттуда потеснили, — для почвеннического «Севера», куда меня закинул Вадим Кожинов. Один из видных организаторов своего «партийного» ядра в литературе назвал меня фигурой *амебообразной*. Этим раздраженным прозвищем он попал, можно сказать,

в болевую точку. Горячо любимое восьмистишие Алексея Константиновича Толстого служило мне сомнительным подспорьем. Чтобы объясниться конкретнее, воспроизведу вслух это хорошо известное стихотворение, написанное в 1858 году, в пору накаленной борьбы внутри русской общественности накануне великих реформ:

Двух станов не боец, но только гость случайный,
 За правду я бы рад поднять свой добрый меч,
 Но спор с обоими — досель мой жребий тайный,
 И к клятве ни один не мог меня привлечь.
 Союза полного не будет между нами —
 Не купленный никем, под чье б ни стал я знамя,
 Пристрастной ревности друзей не в силах снести,
 Я знамени врага отстаивал бы честь³⁶.

Мало того, что мысль поэта была явно враждебна левому лагерю, но истинно православный славянофил Иван Аксаков отказался печатать эти стихи в своем издании; в ответном письме он назвал их *вредными*, способными «поощрить многих слабодушных и породить *перевертней*»³⁷ (слова, выделенные мной интонационно, в письме подчеркнуты). Стихотворение так и не увидело страниц периодики и было впервые напечатано только в поэтическом сборнике 1867 года. В нем выражена неколебимая, жизненно подтвержденная надпартийная позиция, а не Алкивиадовы метания перебежчика, но вряд ли Толстому удалось согласить с ней бóльшую часть своих читателей. Где же мне, скромному работнику вторичного литературного жанра, утвердить как принципиальную ориентацию то, что в моем случае так заманчиво именовать всеядностью или аморфностью низшей твари?

Подкрепление пришло с неожиданной, но чтимой мною стороны. Я наткнулась на такие вот слова архиепископа Иоанна (Шаховского), известного духовного писателя, в его статье о лирике А.К. Толстого: «Ни одной партии человеческой он не назвал своею. Он покорен — высшим союзам и голосам... Это свое целокупно-жизненное состояние... он выразил в так влекущем к себе стихотворении “Двух станов не боец...”». И, приведя эти стихи, автор восклицает: «Чисто христианское мировоззрение!»³⁸ От себя добавлю: разве чувство этой целокупной правды не бывает оскорблено односторонней «пристрастностью» дружеского стана? И раз таков вердикт многоопыт-

³⁶ Толстой А.К. «Двух станов не боец...» (1858).

³⁷ Вестник Европы. 1905. № 10. С. 442. (Я даю ссылку на малодоступный источник, потому что в более поздних перепечатках допущена ошибка: вместо «перевертней» напечатано «перевёртыши».)

³⁸ Шаховской И., архиеп. Пророческий дух в русской поэзии. (Лирика Алексея Толстого) // Шаховской И., архиеп. Избранное. Петрозаводск, 1992. С. 185.

ного различителя духов, то и я, твердя это «влекущее к себе стихотворение» как собственное кредо, чувствую под собой надежную и родную почву.

И — напоследок. Критик, годами, да что там — десятилетиями, погруженный в поток сменяющих друг друга впечатлений — жизненных и художественно отраженных, не может избежать противоречий в конкретных суждениях и оценках, разделенных большими отрезками времени; но если он остается верен своим коренным взглядам, то, несмотря на случающуюся самопротиворечивость, обретет себя на твердо очерченном месте, про которое сможет сказать: «На том стою и не могу иначе». Приложим ли такой результат к моей персоне и к моей работе, не мне судить.

Сказанное прошу считать посильным отчетом о пройденном пути. Тем более что не знаю, как и когда вернусь к актуальной критике, поскольку оставшиеся силы необходимо отдать иным неотложным обязательствам.

Еще раз благодарю своих уважаемых судей, также тех, кто так трогательно потрудился над характеристикой моей работы, и всех не пожалевших времени на то, чтобы собраться в этом зале.

КНИЖНАЯ СЕРИЯ

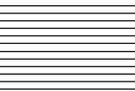
С 2005 года издается серия «Литературная премия Александра Солженицына», которую составляют избранные труды лауреатов премии (информация о вышедших книгах серии приведена в первом выпуске «Тетрадей»³⁹). С тех пор вышли тринадцатая, четырнадцатая и пятнадцатая книги серии:

Варламов А.Н. Рождение: повести, рассказы, эссе. М.: Русский миръ; Жизнь и мысль, 2012.

Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский миръ; Жизнь и мысль, 2013.

Чуковская Е.Ц. «Чукоккала» и около: Статьи, интервью. М.: Русский миръ; Жизнь и мысль, 2014.

³⁹ Солженицынские тетради. М.: Русский путь, 2012. Вып. 1. С. 262. — *Ред.*

ВЫСТАВКА «АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН: ИЗ-ПОД ГЛЫБ»

Г.А. Тюрина

ПЕРВАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЛЖЕНИЦЫНСКОГО АРХИВА В МОСКВЕ

Биография в рукописях

Первая в России выставка рукописей и мемориальных вещей из архива Александра Солженицына была представлена в стенах Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина на Волхонке, в его главном здании (9 декабря 2013 – 2 марта 2014). Инициаторами проведения выставки стали президент ГМИИ И.А. Антонова и хранитель архива писателя Н.Д. Солженицына. Основу экспозиции составили оригинальные рукописи, документы, личные вещи и рабочие принадлежности Солженицына (всего 98 экспонатов).

Биография в рукописях — так определила жанр выставки ее куратор Н.Д. Солженицына. Выбор концепции определялся самим экспонируемым материалом, ведь жизненный путь Солженицына неотделим от его творчества. Счастливо угадав в детстве свое призвание, писатель оставался ему верен при любых внешних препятствиях. Литературная работа Солженицына не прерывалась ни в годы войны, ни в годы заключения, ни в краткие годы официального признания, ни в долгие годы запрета, ни в изгнании, ни по возвращении на родину. И потому материалы рабочего архива и рукописи Солженицына, прошедшего через все испытания, выпавшие на долю нашего отечества в XX веке, являются и сами по себе свидетелями времени, «памятниками трудному веку России и подвигу его летописца»¹.

Архив Солженицына, наверное, один из последних *рукописных* писательских архивов — ныне компьютер решительно вытеснил из употребления перо и бумагу. Солженицын все свои произведения писал от руки (по свидетельству Н.Д. Солженицыной, исключение составляют только поздние публицистические работы и письма-ответы незнакомым корреспондентам).

¹ *Солженицына Н.Д.* «Всем, кому не хватило жизни об этом рассказать...» // Александр Солженицын: Из-под глыб: Рукописи, документы, фотографии: К 95-летию со дня рождения: [Выставка в ГМИИ им. А.С. Пушкина, 9 декабря 2013 – 9 февраля 2014] / [авт.-сост. Н.Д. Солженицына, Г.А. Тюрина]. М.: Русский путь, 2013. С. 10.

Несмотря на тяжелые потери, которые архив писателя нес на протяжении десятилетий, он поражает объемом и уникальностью документов. Удивительным образом сохранились образцы детских литературных опытов Солженицына, отдельные листки рукописей военного времени, тайно написанное во время заключения на марфинской шарашке. Значительный урон архиву нанес сам писатель, из соображений конспирации (многолетней вынужденной составляющей его творческого труда) уничтоживший промежуточные редакции или даже окончательные рукописи после перепечатки на пишущей машинке. Так, не существует рукописей «Одного дня Ивана Денисовича» и романа «В круге первом», их место заняли экземпляры авторской машинописи — не менее примечательные и уникальные свидетельства работы Солженицына: плотная печать с двух сторон листа, без интервалов и полей позволяла уменьшить физический объем книги и тем облегчить ее тайное хранение. Сохранившаяся в рукописи окончательная редакция «Ракового корпуса» — тоненькая стопка бумаги, исписанная мелким, но исключительно ясным почерком. Последняя рукописная редакция всех четырех Узлов эпопеи «Красное Колесо», напротив, впечатляет своим объемом (более 3,5 тысячи листов). Несомненным чудом является сохранность оригинала рукописи «Архипелага ГУЛАГа»².

Экспозиция, получившая название «Александр Солженицын: Из-под глыб», была развернута в уютном 31-м зале Пушкинского музея. Проект, разработанный выдающимся дизайнером Э.И. Белоусовым, сочетал разные формы подачи материала: и традиционные витрины, в которых размещались оригиналы рукописей, документов, писем, и сенсорные панели, предоставившие возможность «полистать» рукописи, и компьютерные проекторы, выводящие на экраны ленты фотоматериалов. Оригинальным решением художника для представления некоторых экспонатов стали стеклянные кубы, подсвеченные изнутри. Была разработана особая система освещения, разного для разных участков экспозиционного пространства. Современная концепция экспонирования не противоречила эстетике самого представляемого материала, что обусловило несомненный успех выставки и у специалистов (отзыв столичного дизайнерского сообщества на открытии выставки был согласно одобрительным), и рядовых посетителей. Этому способствовало и замечательное качество изготовления и монтажа оборудования, которые осуществила московская мастерская «Декоратория» (руководитель — М.В. Дьяченко).

В качестве художественного сопровождения, а точнее — равно мощного созвучия рукописям Солженицына — в экспозицию были введены офорты Рембрандта из собрания Пушкинского музея. Причиной выбора именно

² Историю создания и бытования рукописей, представленных на выставке, см. в аннотациях к экспонатам в каталоге; см. примеч. 1.

этих произведений стал тот факт, что Рембрандт был любимым художником Солженицына, репродукции офортов украшали (и продолжают украшать) стены дома писателя в Троице-Лыкове. Опоясывая лентой все выставочное пространство, эти офорты постоянно перекликались с помещенными в горизонтальные витрины рукописями.

Экспозиция рукописей была выстроена по хронологическому принципу и представлена в шести разделах (соответственно — в шести горизонтальных витринах, расставленных по периметру зала). Нарушая этот принцип, четыре рукописи главных произведений Солженицына вынесены в центр экспозиции: они помещены в витрины на четырех отдельно стоящих столбиках (получивших рабочее название «свечи»). Рядом с каждой такой «свечой» — большая фотография Солженицына, сделанная в период работы над представленным произведением, и сенсорный экран для знакомства с некоторыми его фрагментами. Так экспонированы авторская машинопись романа «В круге первом», рукописи «Ракового корпуса» и «Архипелага ГУЛАГа», а также всех четырех Узлов эпопеи «Красное Колесо». На больших плазменных панелях, установленных поверх центральных витрин, непрерывно сменяли друг друга электронные слайды: с лицевой стороны — репродукции представленных рукописей, на обороте — черно-белые фотографии разных периодов жизни Солженицына (более 200 снимков).

В горизонтальных витринах по стенам зала были представлены, как уже указывалось, хронологические разделы. Первый (1918–1941 годы) составили детские и юношеские опыты Сани Солженицына (рукописи рассказов, повестей и стихотворных произведений, датируемых 1929–1937 годами), конспекты по истории Первой мировой войны — начало будущей полувековой работы над эпопеей о русской революции (1937–1939).

Второй раздел наполнили чудом сохранившиеся рукописи военных и тюремно-лагерно-ссылных лет (1941–1956). Главные из них: текст тезисов доклада курсанта Солженицына в артиллерийском училище осенью 1942 года, конспекты по истории философии, фрагменты автобиографической повести и начальных глав будущего «Августа Четырнадцатого», написанные тайно во время пребывания на шарашке в Марфине, самодельные книжечки с выписками из «Толкового словаря» В.И. Даля, которые заключенный Солженицын вел с 1947 года через все тюрьмы, лагеря и ссылку.

Ключевым экспонатом третьего раздела (1956–1966) стала сделанная автором машинопись рассказа «Один день Ивана Денисовича» (именно этот экземпляр был передан в 1961 году в редакцию журнала «Новый мир»). С ней соседствовали первые издания «Ивана Денисовича», письма-автографы А.Т. Твардовского, К.И. Чуковского, Д.Д. Шостаковича, сборник стихов с дарственной надписью А.А. Ахматовой.

Четвертый раздел представил творческую работу Солженицына в условиях запрета его произведений и имени на родине в 1966–1974 годах. Особое

место в нем было отведено образцам самиздата конца 1970-х годов: рукописные, фото- и ксерокопии западных изданий Солженицына. Неизменным успехом у зрителей во время работы выставки пользовался «Вафельный торт з начинкою» — картонная коробка из-под торта, в которой на протяжении двух десятилетий тайно из рук в руки читатели передавали ксерокопию «Архипелага ГУЛАГа».

Пятый раздел (1974–1994) почти полностью был посвящен титанической работе писателя над эпопеей «Красное Колесо». Последовательные этапы этой работы представляли многочисленные конверты картотеки, разработанной автором для организации колоссального вспомогательного материала, образцы редакторской правки, уникальный «Дневник романа».

Последний раздел (1994–2008) отразил возвращение писателя на родину после двадцатилетнего изгнания и работу последних лет его жизни, включая рукописи художественных произведений (рассказов, крохоток и эссе из «Литературной коллекции») и публицистических книг и статей, посвященных актуальным проблемам.

Первый и второй разделы содержат и документы: самые ранние — свидетельство о рождении отца Солженицына и запись о венчании его родителей на фронте в 1917 году, затем школьные и студенческие документы самого писателя, фронтовые справки, ордер на арест и анкета арестованного 1945 года, свидетельства о реабилитации.

В святящихся кубах были представлены наиболее ценные из мемориальных предметов: блокнот и четки, помогавшие писателю сочинять в уме на общих работах в каторжном лагере; нашивки с номерами, тайно вывезенные Солженицыным из лагеря после освобождения в ссылку в Казахстан; кусок тюремного лефортовского хлеба, «свидетель» его второго ареста; регалии лауреата Нобелевской премии по литературе — золотая медаль и диплом, полученные писателем уже после изгнания из страны; постоянные спутники за рабочим столом — пенал с маленькими карандашиками и замечательно удобная складная лупа.

По соседству в вертикальной витрине помещен лагерьный бушлат писателя, а напротив — фрак, надетый Солженицыным лишь один раз в жизни для нобелевской церемонии. Выставленная в отдельной витрине пишущая машинка, на которой писатель на протяжении десятилетий перепечатывал свои произведения и письма, неизменно привлекала особый интерес сегодняшнего зрителя. Для многих это невиданный доселе предмет, артефакт.

Замечательным украшением экспозиции стали два книжных шкафа с образцами печатных изданий Солженицына: в одном — книги на русском языке, в другом — на иностранных (европейских и азиатских), всего около тысячи книг.

В зале были представлены также четыре художественные работы: картина Гавриила Гликмана «Матренин двор» (ок. 1980), знаменитое полотно

Сергея Ивашева-Мусатова, друга Солженицына по марфинской шарашке, — «Замок святого Грааля» (1966), портреты Александра Солженицына работы Анатолия Зверева (1978) и Резо Габриадзе (2011).

Все экспонаты сопровождали этикетки с аннотациями, настолько подробными, насколько позволило экспозиционное пространство (этикетаж, пожалуй, единственная позиция, вызвавшая критику некоторых зрителей, недовольство вызывали мелкий шрифт и отсутствие текста на английском языке). Разнообразие представленного материала и форм его подачи задерживали посетителей в зале надолго, при этом люди друг другу нисколько не мешали, у каждого было свое занятие: кто-то подробно изучал рукописи, кто-то смотрел фотографии, разглядывал корешки и обложки печатных книг, оценивал художественные работы, любовался офортами Рембрандта. Некоторые, не сумев вместить всю предложенную информацию и впечатления за один раз, возвращались на выставку снова. Желающие могли приобрести прекрасный каталог, вышедший из печати к открытию выставки (художник Е.А. Корнеев). В нем в полноте представлены экспонаты с подробными аннотациями, а также блоки художественных снимков рукописей и черно-белых фотографий писателя.

За время работы выставки Н.Д. Солженицына и сотрудники Дома русского зарубежья (отдела по изучению наследия А.И. Солженицына) провели несколько «живых» экскурсий, неизменно собиравших большое число слушателей. По просьбе учителей были организованы особые экскурсии в формате школьного урока — педагоги с радостью использовали такую возможность, поскольку на изучение произведений писателя в программе отводится недостаточно часов. Такие «уроки» неизменно встречали живой отклик детей, каждый из которых находил в экспозиции что-то важное для себя.

Ежедневно на огромной плазме перед Итальянским двориком музея демонстрировалась видеозапись лекции-экскурсии по выставке Н.Д. Солженицыной, снятой телеканалом «Дождь», который ведет летопись выставочной жизни ГМИИ. Представлению выставки была посвящена авторская программа И.А. Антоновой «Пятое измерение» на телеканале «Культура». В съемках приняли участие Н.Д. Солженицына и Б.Н. Любимов (демонстрировалась 21 января 2014). На радио «Россия» 11 февраля 2014 транслировался репортаж «Юбилейные “узлы” Александра Солженицына», подготовленный по материалам экспозиции Л.В. Варебрусом. Выставка освещалась и другими столичными СМИ.

Впечатления посетителей экспозиции отражены в книге отзывов (тетрадь большого формата, около 100 страниц). Авторы — люди разных возрастов, давние поклонники Солженицына и впервые открывшие на выставке его творчество. Записи — лаконичные, эмоциональные, весьма разнообразные по форме (от связного текста до набора смайлов и восклицательных знаков) — объединены общим лейтмотивом — искренней благодарно-

стью организаторам выставки за предоставленную возможность погрузиться в мир большого художника и восхищением его человеческим и творческим подвигом. На многостраничном просторе книги всего три негативные записи, но в них нет ни слова о выставке, лишь сообщение о давнем и полном «идеологическом» неприятии Солженицына.

Предлагаем читателю «пролистать» страницы этой книги. Из множества записей мы отобрали те, что, на наш взгляд, представляют палитру зрительских впечатлений наиболее полно. Приносим извинения авторам записей, фамилии которых нам не удалось расшифровать — многие оставляли лишь трудноразборчивую подпись. Просим прощения у тех, кто «попал под сокращение», и искренне благодарим всех, оставивших отзывы, которые сохраняют и будут передавать новым читателям живую атмосферу этого события.

Приводим также несколько «распространенных» отзывов о выставке, составленных учениками расположенной по соседству с музеем 57-й математической школы. Учителя-словесники С.В. Волков, Е.В. Кузнецова, Н.А. Шапиро включили выставку в учебный план всех старших классов. Главный результат они видят в том, что ребятам, которые побывали на выставке в Пушкинском, захотелось прочитать книги Солженицына. Об этом они расскажут сами.

ИЗ КНИГИ ОТЗЫВОВ

* * *

Выставка: жизнь — урок, жизнь — назидание, жизнь — подвиг. Сегодня 9 декабря — День Георгиевских кавалеров, героев Отечества. Посвящение герою подлинному. Ибо подвиг — длиною в жизнь.

Спасибо! Исполнено замечательно!

*Игорь Домнин
9 декабря 2013*

* * *

Невероятная личность, невероятная судьба! Спасибо Александр Исаевич, спасибо Наталия Дмитриевна!

*Александр Данилов,
Санкт-Петербург
10 декабря 2013*

* * *

Низкий поклон и душевное спасибо за выставку, за память и уникальные, бережно сохраненные реликвии, за возможность все это увидеть. Вечная память подвижнику земли Русской — Александру Исаевичу Солженицыну.

*Ольга Николаевна,
Екатеринбург
11 декабря 2013*

* * *

Мое знакомство с Солженицыным началось с «Ракового корпуса», после этого я, как зачарованная, глотала с болью в душе, но с наслаждением каждое его произведение. Спасибо организаторам выставки, такие экспозиции очень важны в нашем мире.

Спасибо земле, которая родила такого Великого человека.

Спасибо А. Солженицыну за тот дар, который он принес всем нам.

*[Подпись нрзб]
12 декабря 2013*

* * *

Творчество А. Солженицына, его Личность сопровождали меня по жизни. В 13 лет я прочитала «Один день...»! В 1974 пережила отъезд — изгнание из страны, когда физически ощущалась опустошенность в общественном пространстве. Потом, о какой это был радостный день, встречала вместе со всеми на Ярославском вокзале. Прощалась в Донском монастыре. Тогда, на отпевании, как мне кажется, не было случайных людей; обращаясь к известной картине Корина, это была «Русь уходящая», такие были значительные лица. На могиле А.И. Солженицына в любое время года цветы, люди приходят, молятся.

Величие личности А.И. Солженицына, его жизненный подвиг с годами в глазах думающих людей возрастают, и хотелось бы верить, что для молодых писатель будет примером в поисках смысла жизни.

Е.Ю.

12 декабря 2013

* * *

Великий человек! Несравненное творчество! Уникальная выставка!

Юрий Кублановский

13 декабря 2013

* * *

Спасибо огромное организаторам выставки... Пришла на выставку «на часок», в итоге осталась на три — не смогла уйти, пока не прочитала все заметки, не посмотрела все фотографии, не изучила все документы и рукописи. Поражена, что при таком непростом жизненном пути удалось сохранить (и найти) столько всего.

Кажется, что прошел рядом с человеком весь путь от начала и до конца. Столько фраз и столько мыслей после посещения выставки.

Еще раз спасибо большое человеческое!

Светлана Белова

15 декабря 2013

* * *

Огромное спасибо за выставку!
Свет от фотографий, от рукописей.

[Подпись нрзб]

15 декабря 2013

* * *

Очень понравилась выставка!

Спасибо от всей души и низкий поклон ее создателям!

*Иванова Мария, студентка МПГУ, 2 курс
15 января 2013*

* * *

Великое счастье соприкоснуться с подлинным и вечным! Вечная память великому и родному Александру Исаевичу Солженицыну!

*Священник Кирилл Даниличев
17 декабря 2013*

* * *

Я думаю, это правильно — помнить и узнавать, что было!! Спасибо!

*Группа из города Коврова
18 декабря 2013*

* * *

Удивительное, переполняющее чувство; и благодарности, и потрясения, и восхищения, и любви!

*Екатерина Лопатина
19 декабря 2013*

* * *

Комната, вобравшая в себя жизнь редкого Человека. В этом музее, на фоне и в продолжении всей европейской истории этики и эстетики.

*Г.Н. Климов
20 декабря 2013*

* * *

Сердечно благодарю за выставку, на которой Александр Исаевич Солженицын предстает перед зрителем живым человеком.

Спасибо за прекрасную организацию выставки. Четки, кусок хлеба, тетради — это нити жизни великого русского писателя, великого труженика.

Низкий поклон Александру Исаевичу!

*Е. Курбатова
20 декабря 2013*

* * *

«Архипелаг ГУЛАГ» — настольная книга. Не со всем можно согласиться, не все можно принять... Но величие и сила духа, писательский талант А.И. Солженицына бесспорны!

С чувством глубокой благодарности организаторам выставки.

[Подпись нрзб]
27 декабря 2013

* * *

Побольше бы таких людей в мире.

[Подпись нрзб]
29 декабря 2013

* * *

Огромное спасибо организаторам выставки, какая сила духа у писателя!! Заставляет каждого размышлять о жизни, о своем участии в ней, не быть равнодушным и безразличным к тому, что происходит вокруг тебя.

[Подпись нрзб]
31 декабря 2013

* * *

Китайский стажер здесь посещал чудесный музей. Желаю всем счастья, удачи, здоровья в Новом году!

Гао Инцзе
[и еще два имени — английское и испанское]
31 декабря 2013

* * *

Экибастуз готов долго ждать такую выставку!

Ф.Ф. Кислицын
5 января 2014

* * *

Маленькой девочкой с подружками ходила на сопку в поселок Ола Магаданской области. На ней не было деревьев, а только ямы, через которые мы стали перепрыгивать. Развеселило это нас, и встретился нам мужчина. Он рассказал, что это не ямы, а могилы. Здесь находился и лагерь для женщин — жен, дочерей врагов народа. Никто в живых не остался...

Низкий поклон организаторам выставки, представляющей титаническую работу величайшего писателя! Желаю Н. Солженицыной создать музей, чтобы новое поколение россиян знало историю страны и училось

у писателя мужеству сохранять свою личностную свободу в любых условиях.

*Марина Григорьевна Трифонова
5 января 2014*

* * *

Спасибо за столь приятную выставку. Было приятно прикоснуться хотя бы взглядом к вещам любимого писателя.

*[Подпись нрзб]
9 января 2014*

* * *

Спасибо за очень интересную выставку (но жалко, что перевода на английский нету!)

*Джудит,
Англия
11 января 2014*

* * *

Чудо!!! Радость! Да здравствует память о Солженицыне!
Россия прочтет!

*Екатерина и Матвей Марковы,
писательница и скульптор
11 января 2014*

* * *

Благодарю создателей выставки и дирекцию музея за это чудо, которое Вы нам подарили! В нескольких десятках рукописей Вы смогли отразить целую эпоху. Показать становление такого Человека. Я словно пережила все этапы его пути. Вот детские, школьные журналы, и через них мы видим «Сашку», его характер, черты, интересы. Особенно сильно поразили некоторые его цитаты и то, как прятали самиздат.

Желаю Вам новых начинаний и жду их с нетерпением.

*Анастасия, студентка
11 января 2014*

* * *

После просмотра выставки происходит очищение души, хочется плакать. Так бывает только когда человек приходит в Храм!

Спасибо!

*[Подпись нрзб]
11 января 2014*

* * *

Преклоняюсь перед мужеством и талантом А.И. Солженицына. Благодарю организаторов выставки за возможность хоть и недолго, но подышать свежим воздухом, ощутить тепло и свет, исходящие от настоящих людей.

Безмерно благодарна.

*Ольга
12 января 2014*

* * *

Я приехал в Музей специально на выставку Солженицына!

*Аскар
12 января 2014*

* * *

Большое спасибо организаторам выставки, которая кратко, но очень ярко рассказывает и показывает жизнь и творчество Александра Исаевича! Это Великий человек, который видел большое в малом; который тонко чувствовал все, что происходило вокруг; который «смог послать человечеству отблеск лучей» Его!

Светлая память!

*Екатерина,
Москва
12 января 2014*

* * *

Grazie!!!

Спасибо за все! Трудно объяснить по-русски все мои эмоции... по-итальянски было бы лучше!

В Италии я написала дипломную работу о Солженицыне... а теперь я здесь и видела его мир! Еще спасибо!

*Кристина Годди,
Италия
17 января 2014*

* * *

Крутая выставка!

*Аня Ш. и Саша Н.
17 января 2014*

* * *

Мурашки есть!

*Игорь
17 января 2014*

* * *

Огромное спасибо организаторам выставки! — о главном герое нашего времени должны знать и старики и дети. Кто открыл нам наше время, восстановил правду о нем, сделал бесстрашными в поиске своих пропавших отцов и дедов, научил не быть проводниками зла. Сказал — за всех.

*И.М. Невзорова, член Союза писателей Москвы
18 января 2014*

* * *

Большое спасибо за чудесную выставку-экспозицию. Я удивлен и впечатлен увиденным, очень много снимков, которые позволяют прочувствовать жизнь Александра Солженицына, заставляют задуматься над жизнью.

С большим уважением,

*Евгений Тефюков,
Студент Государственного университета
по землеустройству
18 января 2014*

* * *

Огромное спасибо за столь прекрасную выставку! Спасибо, что сохранено столько экспонатов!

Воочию прикоснулись к самой истории России, истории народа. Желаю, чтобы подобная выставка прошла и в Казахстане.

*Е.Е. Мезенцева, подполковник МВД,
Республика Казахстан
18 января 2014*

* * *

Спасибо Вам огромное за выставку! Спасибо, спасибо, спасибо!!!
С уважением,

*Чечина Валерия, 5 «Д», 11 лет
18 января 2014*

* * *

Сердечно благодарим Наталию Дмитриевну и организаторов выставки за возможность прикоснуться к жизни и творчеству великого русского писателя. Хотелось бы, чтобы выставка стала частью постоянной экспозиции ГМИИ им. Пушкина.

*Елена
22 января 2014*

* * *

Спасибо за ту теплоту и невероятную продуманность, с которой организована и оформлена выставка. Это чувствуется в каждом экспонате.

Но отдельное спасибо — за возможность увидеть собственными глазами переписку с дворником Спиридоном...

Пожалуй, ничего более трогательного я не видела уже очень давно.

С уважением и глубочайшей признательностью,

*Е. Жуйкова
22 января 2014*

* * *

Впервые выставка заставила меня захотеть немедленно ознакомиться с творчеством писателя. То, что я узнала о жизни Солженицына из выставки и те фрагменты его рукописей, которые я увидела тут, поражают. И я действительно уверена, что это самая полезная выставка, на которой я побывала в последнее время. Спасибо!

*[Подпись нрзб]
24 января 2014*

* * *

Впервые в этом прекрасном музее и на этой интересной выставке. Обязательно прочтем произведения Солженицына.

Спасибо от Зухры Согаевой и Яновой Дарьи

*[Подпись нрзб]
25 января 2014*

* * *

Из далекого Артема Приморского края с удовольствием ознакомились с выставкой, благодарим организаторов. Это нужно увидеть всем жителям России.

*С.Б. Косулина
Л.П. Кудашева
26 января 2014*

* * *

Глубокоуважаемый Александр Исаевич!

Хотя Вас и нет уже с нами, но все же хочу сказать, что слово Ваше услышано.

Уважаемая Наталья Дмитриевна, спасибо Вам за Ваш благородный и так необходимый всем нам труд.

Надеюсь, мы хоть что-нибудь поняли, и Вам не будет стыдно за нас, Ваших потомков. Спасибо Вам.

*Екатерина,
Москва
26 января 2014*

* * *

Очень понравилось. Обязательно прочитаю эти книги.

*Маша, 7 л.
26 января 2014*

* * *

Удивительно тонко подобраны цитаты. Попадают в самое сердце... Спасибо Вам!

*Александра,
Владивосток
28 января 2014*

* * *

Низкий поклон, спасибо за выставку, за реальную правду о великом человеке в нашем страшном и ужасном XX веке, настоящем Герое Века, как в личном, так и в творческом и трудовом смысле. Великая личность, великий подвиг, огромный труд всей жизни и заслуженный верный успех во всем, что он сделал.

Настоящий герой, русский герой всего XX века — бесспорный и неотразимый.

*Жанна Петровна
28 января 2014*

* * *

Огромное спасибо за выставку!

*Соцфак МГУ
30 января 2014*

* * *

Потрясающе! Спасибо!.. Слезы на глазах...

*Мария Т.
30 января 2014*

* * *

Спасибо за все!
Привет из Мексики ☺
Прикольно!!!
Спасибо Вам! Из Эквадора

*[Подписи нрзб]
31 января 2014*

* * *

Весьма познавательная экспозиция. Спасибо.
Курсанты Голицинского пограничного института ФСБ РФ

*[Три подписи нрзб]
31 января 2014*

* * *

Хорошо и интересно вернуться мыслью к школьным и студенческим годам. Друзья родителей дали почитать «Архипелаг» и «Круг». Спасибо

*Анджей из Токио (поляк)
1 февраля 2014*

* * *

Человек-Эпоха! Православный христианин, пронесший подвиг через всю земную жизнь! Вечная память рабу Божию Александру!

*Александра Мостовая, 55 лет,
город Сумы, Украина
1 февраля 2014*

* * *

Огромное вам спасибо за эту выставку. Получили много прекрасных впечатлений. Чувствуется уют, тепло и забота. Надеемся, что выставкой заинтересуется больше молодежи. Искренне благодарим, ваши навсегда,

*10 «А»
1 февраля 2014*

* * *

Студентки МГИ им. Е.Р. Дашковой посетили эту замечательную выставку! Мы очень рады, что оказались здесь! С большой благодарностью Таня, Оксана, Даша!:) Спасибо ☺

*[Подписи нрзб]
1 февраля 2014*

* * *

Дорогая, глубокоуважаемая Наталия Дмитриевна!
Друзья, принимавшие участие в хранении, подготовке и размещении уникальных материалов, ОГРОМНОЕ СПАСИБО!!!
Жизнь Александра Солженицына — это свет, который будет с нами, с нашими детьми до тех пор, пока говорят, думают и читают по-русски.
С низким поклоном,

*[Подпись нрзб],
город Владимир
6 февраля 2014*

* * *

Уважаемая Наталия Дмитриевна!
Выражаем благодарность за плодотворную встречу на выставке «Биография в рукописях», посвященной редчайшим экспонатам из жизни и творчества Александра Исаевича.
Огромное спасибо за теплый прием, оказанный нам, приехавшим из далекого поселка Мезиновский Гусь-Хрустального района Владимирской области.

*Ученики и учителя МКОУ Мезиновский СОШ им. А.И. Солженицына
[10 подписей]
7 февраля 2014*

* * *

Наталия Дмитриевна! ГБОУ СОШ 1420 выражает огромную благодарность за сохранность и возможность увидеть эти превосходные экземпляры и атрибуты жизни такого выдающегося и великого русского писателя, как А.И. Солженицын!
Желаем дальнейшего благополучия Вам и Вашему фонду.
С уважением,

*В. Савин
7 февраля 2014*

* * *

Восторгаюсь! Сегодня открыла для себя много нового и удивительного.

*Гончарова Дарья
7 февраля 2014*

* * *

Спасибо за эту выставку, очень хорошо сделана. Хлеб потрясает!

*[Подпись нрзб]
8 февраля 2014*

* * *

Пожалела, что так мало читала Солженицына.

*Аня,
Нижний Новгород
8 февраля 2014*

* * *

Спасибо за прекрасную выставку. Душевная атмосфера. Провела здесь 2,5 часа, не пожалела.

*Даша, 16 лет,
Москва
9 февраля 2014*

* * *

Спасибо большое Наталии Дмитриевне за все, чем предстает перед нами Александр Исаевич.

*В. Распутин
9 февраля 2014*

* * *

Выставка в полной мере раскрывает нам сильные стороны характера этого удивительного человека. Благодаря его работам мир узнал страшные реалии лагерной жизни. Спасибо за отличную экспозицию!

*11 «Д» 57-й школы
13 февраля 2014*

* * *

Были на выставке с внуком 9 лет, он впервые увидел пишущую машинку, которая его заинтересовала, и о ее устройстве он подробно расспрашивал и меня, и зрителя зала. Кроме того, мы внимательно осмотрели всю экспозицию, и пришлось многое объяснять о том времени.

С благодарностью за организацию этой выставки,

*Зазулина Наталия Васильевна
и Филиппов Александр
20 февраля 2014*

* * *

Александр Исаевич!

Мы Вас любим и гордимся. Во всех трудностях Вы никогда не теряли чести и человеческого достоинства.

*И.С. Поташов, студент МГТУ им. Н.Э. Баумана,
С.М. Ушакова, учитель школы 2042
21 февраля 2014*

* * *

Благодарим организаторов выставки по творчеству А.И. Солженицына, произведения которого пропитаны любовью к России, на страницах их не прерывно звучит мысль: «Люди, будьте честными, живите по совести», а его слова «Жить не по лжи» — это крик его души к нам, его завет для всех живущих.

*Татьяна Потапова
22 февраля 2014*

* * *

Спасибо за прекрасно организованную документальную выставку! Это, как и вся жизнь Солженицына, говорит о величайшей трагедии русского духа в XX веке — и вселяет надежду на его триумф в XXI.

*Владислав Краснов,
автор книги «Солженицын и Достоевский:
искусство полифонического романа»
22 февраля 2014*

* * *

Спасибо за историю добра и зла.

22 февраля 2014

* * *

Спасибо огромное за эту выставку! Благодаря ей я познакомилась с биографией Солженицына. Ходила я на экспозицию 2 раза. Один — с экскурсоводом, второй — одна. Спасибо за прекрасный рассказ! Вдохновили прочитать книги Солженицына.

*[Подпись нрзб]
22 февраля 2014*

* * *

Очень интересная выставка! Одна из самых лучших за последние несколько лет, на которых я побывал. Обязательно прочитаю еще раз произведения Солженицына!

*[Подпись нрзб]
26 февраля 2014*

* * *

Спасибо большое за такую замечательную выставку!

За один раз не смогла уложить в памяти все увиденное, поэтому пришла второй раз. Сделать круг по выставке — это как пройти целый век. Я знакома с Солженицыным с детства, — с его рассказами, но до крупных его произведений не дотрагивалась, сейчас, увидев их воочию, конечно же захотелось их прочитать.

Сколько создал этот великий писатель, что он сделал для русской литературы, не выразить словами.

Спасибо большое еще раз!

*[Подпись нрзб]
26 февраля 2014*

* * *

Потрясающий рассказ о великом человеке. И, конечно, о времени и пространстве. Время Солженицына — нашей Родины — наших предков. Рады были побывать здесь — и учителя и лицеисты «Второй школы». Масса пересечений, внутренних смыслов несет каждый экспонат.

Спасибо всем организаторам, лично Наталии Дмитриевне за титанический труд!

*Лицей «Вторая школа»
[Два десятка подписей]
26 февраля 2014*

С.В. Волков

УРОКИ ВЫСТАВКИ

Когда я слышу фамилию «Солженицын», почему-то сразу, против воли, вспоминаю раннее детство в начале 1970-х, телевизор, который смотрят взрослые (видимо, новости), — и оттуда голос диктора, с какой-то угрожающей интонацией произносящий эту фамилию: Солженицын, бу-бу-бу, Солженицын, бу-бу-бу. Из этого «бу-бу-бу» следовало, что речь идет о страшном и нехорошем человеке, который совершил что-то ужасное и которого надо немедленно начать ненавидеть. Потом фамилия надолго исчезла и забылась. И только когда я уже в университете взял в руки «Архипелаг...», картинка из детства вдруг вспыхнула перед глазами и поразила каким-то диким несоответствием тому, что я читаю.

Почему я пишу именно об этом? Потому что сейчас вижу в отношении Солженицына такие же предустановки у своих учеников и их родителей. В каком-то непроговариваемом бэкграунде даже не читавшие ни строки имеют тем или иным образом окрашенное отношение, которое могло возникнуть, как и у меня когда-то, случайно, на лету. Один мальчик признался, что считал Солженицына глубоким стариком и побаивался его — потому что где-то увидел его поздний портрет. Другого пугала многотомность — так же случайно он обратил внимание на корешки толстых книг. Третий услышал какой-то взрослый спор — и вынес из него убеждение, что Солженицын — это совсем не для него.

Если не иметь эти предустановки в виду, то изучение литературы (вообще, не только произведений Солженицына) в школе весьма затрудняется. За нежеланием подростков читать может стоять множество мотивов, и учителю, который хочет увлечь детей литературой, чтением, необходимо эти мотивы находить и с ними работать.

А Солженицыным ребят увлечь хочется. Почему? Ответ на этот вопрос помогли мне постепенно сформулировать сами школьники и студенты: в нем есть сила и энергия, которая так редко встречается в наше усталое и раздробленное время.

Эта не иссякающая даже после физической смерти человека энергия каждый год становится явной для меня и моих учеников во время отчетного доклада Фонда Александра Солженицына, который проходит в стенах Дома русского зарубежья. Он приурочен к дню рождения Александра Исаевича. Во

время отчета Наталия Дмитриевна Солженицына и сотрудники Фонда просто рассказывают о произошедших за последний год событиях, связанных с Солженицыным. Какие книжки выходили, какие конференции состоялись, какие памятники открылись. Кажется, ну что рассказ, даже и с презентацией? Какая тут невидаль? А вот — невидаль. Каждый раз. Из простого перечисления издательств по всему свету, на немыслимых языках, из обыкновенного показа обложек, фотографий каких-то городов и городков, где открывают бюсты, называют улицы, проводят праздники или выставки, конференции, семинары и диспуты, постепенно возникает и ширится вопрос — почему? Почему так много всего происходит, что связано с этим человеком? Что он такого дал миру, что люди иных времен и совсем непонятных культур его переводят, издают, читают, помнят, спорят? Какая сила тянет к нему?

А показ продолжается и продолжается, спокойный и как бы эпически-бесстрастный. На учеников, которые приходят со мной в Дом русского зарубежья, он производит оглушающее, ошеломляющее впечатление. После этой встречи они хотят понять и разобраться — в чем феномен Солженицына. И конечно же, берут в руки книги.

А в прошлом учебном году к этому мощному мотиватору чтения добавился еще один — выставка фотографий, документов и рукописей Солженицына, которая прошла в Пушкинском музее. Мне повезло — моя школа находится за углом. И мы конечно же воспользовались возможностью провести уроки в зале выставки, а не в классе. И сделали это не один раз.

Примерно недели за две я объявил ребятам о том, что мы пойдем на выставку, и попросил к этому дню «что-нибудь прочитать из Солженицына». Что же? Стали попутно выяснять, кто что о Солженицыне слышал, кто что читал. Нобелевский лауреат. Сидел в лагере. Был эмигрантом. «Архипелаг ГУЛАГ». «Один день Ивана Денисовича». «Матренин двор». В общем-то, набор сведений ожидаемый. У студентов — а я еще работаю в Школе-студии МХАТ и студентов тоже на выставку водил — база, конечно, несколько больше, но не намного. Но это в принципе и не так важно: главное — создать ситуацию ожидания и подготовить почву для встречи.

В день похода в музей я дал задание: после экскурсии побродить по выставке, выбрать один предмет (объект, артефакт) и написать о нем небольшой рассказ. Почему выбрали именно его? Чем запомнился и обратил на себя внимание? Что через этот выбранный объект вам открылось в писателе? Такая мотивация перед походом в музей важна — у школьника и студента появляется задача, ему есть что делать, так или иначе он должен активизировать свое внимание, наблюдать и выбирать.

На выставке нам очень повезло — экскурсию провела Галина Тюрина, сотрудник архива Солженицына и один из авторов выставки. Она придумала емкий и интересный маршрут, создала интригу, обратила внимание на узловые точки экспозиции и связала их динамичным рассказом. Благодаря

ему школьники неожиданно для себя поняли, что присутствуют на выставке, может быть, последнего в истории писателя, который писал... рукой, не на компьютере. Листы с мелким, бисерным почерком, с живыми исправлениями и подчеркиваниями вдруг стали для ребят интереснее вещей — и после экскурсии они рассыпались по залу, застыв над листами и читая написанное.

Экскурсия подсказала мне несколько ходов, которые я потом использовал в своем рассказе (повторю, что на выставке я был несколько раз с разными классами и курсами). Например, в школе я учу ребят-математиков. И как же поразил многих девятиклассников диплом Солженицына, где были выставлены отличные оценки за математические дисциплины, которые школьникам еще предстоит изучать в университете. А тема его дипломной работы (по какой-то труднопроизносимой теореме) вызвала настоящее уважение. «Да он, оказывается, наш, он тоже математик!» — этот первый шаг к установлению связи между писателем и читателем может показаться смешным — но он важен. Возникший через побочную, на первый взгляд, деталь интерес становится началом чтения.

А студентам-сценографам и театральным художникам оказалось интересно думать о пространстве выставки, о находках оформителей. Их внимание привлекли рисунки Рембрандта, в штрихах которого есть несомненные соответствия почерку Солженицына. Некоторые ребята увлекаются составлением трэвел-буков по материалам путешествий — такие же сделанные руками и проиллюстрированные путевые книжки Солженицына были выставлены в одной из витрин. И конечно же, большой интерес вызвал уникальный каталог выставки — настоящий полиграфический и дизайнерский шедевр.

Иными словами, выставка была сделана так, что она давала возможность разным посетителям найти близкое для себя или, наоборот, неожиданное, цепляющее, притягивающее внимание. Для педагогической практики — неоценимое свойство.

Многие работы, которые потом написали студенты и школьники, показали именно динамику отношения к Солженицыну. Они строились на сравнении своих ожиданий или предустановок (о которых я говорил в начале) с полученными впечатлениями. И опять тот же эффект — мы не ожидали, что это может быть так интересно. Так масштабно. Так необычно. Так энергетически заряжено. Посещение выставки стало для многих открытием новых сторон — и в истории своей страны, и в самих себе. И конечно же, в писателе, который мог казаться чужим и отстраненным, а оказался живым. Конечно же, не всех выставка затронула в одинаковой степени, были ребята, довольно сдержанно отнесшиеся к ней, но тех, для кого этот поход стал событием, — много.

Некоторые из работ школьников и студентов — перед вами. Мне кажется, что портрет современных молодых людей разного возраста, который складывается, как мозаика, из кусочков этих работ, будет небезынтересен взрослому читателю, у которого в отношении молодежи тоже есть свои, не всегда отрадные, предустановки.

РАССКАЗЫ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ¹

* * *

На выставке в Пушкинском музее, посвященной Александру Солженицыну, было много интересных экспонатов. Это и его детские рассказы, и рукописи произведений, написанных в годы заключения, и контрольные, написанные для сыновей, и личные вещи из заключения, и нобелевский фрак с дипломом и медалью, а также кусок хлеба, который Солженицын сунул в карман, когда его выводили из камеры.

Но больше всего мне понравились четки и блокнот, в котором была записана система, благодаря которой он запоминал строки своей поэмы. Конечно, с помощью четок запомнить что-либо гораздо проще, но все равно очень сложно не столько сочинить, сколько вспомнить такой большой текст. А поскольку все это писалось в тюрьме, то вспоминалась поэма после очень тяжелого труда, а для этого нужно было обладать несгибаемой силой воли. И так происходило изо дня в день. А значит, это была ежедневная борьба с усталостью, с внешними причинами и с собой.

Наверное, поэтому мне и понравились эти четки больше всего, как олицетворение преодоления трудностей.

*Алексей Симкин,
9-й класс*

* * *

О Солженицыне я слышал с самого детства. Тогда мне казалось, что он писал рассказы о природе (его фамилия, как ни странно, ассоциировалась у меня с подсолнечником). Эта ассоциация сохранялась у меня класса до 8-го, когда я узнал, о чем его произведения. Желанием читать не особо загорелся, ведь, судя по отзывам, его произведения тяжелые. И вот нам сообщают, что мы пойдем на выставку Солженицына и что надо прочитать несколько его произведений. Много дней я перебарывал себя, чтобы прочитать хоть что-нибудь. Возможно, причиной отторжения была та детская ассоциация с рассказами про природу. В общем, читать я начал в поздний вечер перед экскурсией, поэтому полностью не прочел ни одного его рассказа.

¹ Подобная, но не тождественная подборка напечатана в журнале «Литература» (2014. № 7–8).

Когда я зашел в зал, посвященный Солженицыну, первым делом наткнулся на стенд с его фотографией и рукописной версией «Архипелага ГУЛАГа». Конечно, я и раньше много раз слышал про удивительный почерк Солженицына, но когда я увидел его своими глазами, то был поражен. Он не просто мелкий, не просто читабельный, а красивый. Завораживающе красивый...

Из всех предметов мне наиболее запомнилась упаковка из-под торта. На самом деле это не торт, а одна из книг, написанных Александром Исаевичем. Когда мне рассказали, что произведения Солженицына читали, передавая их в замаскированном виде (например, под видом торта) лишь на одну ночь, это произвело на меня неизгладимое впечатление. Произведения Солженицына длинные, так что как можно было за ночь успевать их прочитывать, для меня непостижимо. Но люди были готовы рисковать, готовы были не спать ночами ради прочтения произведений Александра Исаевича. Это вдохновляет и воодушевляет.

В рассказе «Матренин двор» Матрена всю жизнь живет как бы не для себя. Она помогает другим вне зависимости от своего самочувствия. Она даже погибла, помогая людям, которые отнимали у нее часть дома, часть ее самой. После выставки у меня создалось впечатление, что Солженицын тоже жил не для себя, а для других. Жил ради того, чтобы писать, чтобы люди могли узнать правду...

Напоследок хочу рассказать о том, что я открыл для себя в свободное время на выставке после экскурсии. Я гулял по залу, рассматривая по второму разу рукописи Солженицына, когда ребята прервали меня и сказали, что нашли кое-что интересное. Это была зачетка Солженицына, в которой среди прочих зачетов по математическим дисциплинам нашелся один, который мне запомнился. Это был зачет за доклад по «аксиоме выбора». Для многих в этом нет ничего особенного, но для меня эта тема одна из самых любимых. Несколько месяцев назад мы писали на уроке литературы оду, и я посвятил свою аксиому выбора. Мне ближе математика, но я написал литературное произведение, посвященное аксиоме выбора, а Солженицын, которому ближе оказалось писательство, делал доклад по аксиоме выбора. Мне эта мысль очень запала в душу и сделала произведения Солженицына ближе. Я дочитал «Матренин двор», сейчас читаю «Один день Ивана Денисовича», планирую также прочитать другие произведения Солженицына, потому что пропало то отторжение, что было до выставки. Оно заменилось желанием изучать творчество Александра Исаевича.

*Михаил Фадин,
9-й класс*

* * *

На выставке А.И. Солженицына особое впечатление произвел на меня экспонат, стоявший отдельно в уголке — шкаф с книгами писателя, переведенными на почти все языки мира. Не сам шкаф с книгами, а то, о чем говорили эти книги. Многих писателей переводят на другие языки, но на такое множество лишь лучших, всеми признанных. Когда перед глазами видишь такую гамму цветов, такое количество обложек, и все на разных языках, понимаешь, насколько этот человек великий.

На выставке также можно было увидеть и не похожие на чьи-либо рукописи писателя, выполненные настолько изящным бисерным почерком, что аж дух захватывает, и его диплом об окончании факультета по математике, с почти всеми отличными оценками. Но ничто не произвело на меня такого впечатления, как этот шкаф.

*Григорий Гауцгори,
9-й класс*

* * *

...Более всего мне запомнился, наверное, один из главных предметов экспозиции — рукопись «Архипелага ГУЛАГа». Солженицын писал это произведение очень долго. Пока автор создавал его, как и многие другие свои книги, ему приходилось постоянно думать о том, как хранить работу. Замечателен почерк Александра Исаевича — бисерный (иногда самому писателю приходилось воспользоваться лупой, также находящейся среди экспонатов, чтобы прочесть написанное), но удивительно разборчивый. То, что почерк Солженицына был мелким даже в детстве, очень пригодилось ему в будущем. Понятно, как сложно спрятать большую рукопись. Писатель даже говорил, что важен был не творческий объем вещи, а физический.

Стоит отметить то, что часть «Архипелага ГУЛАГа» была написана в Эстонии. Александр Исаевич провел две зимы (65-го, 66-го и 67-го года) на одиноком хуторе. То, что он провел это время в глуши только ради того, чтобы иметь возможность спокойно продолжать работать над рукописью, удивительно.

На выставке мы можем увидеть никак не относящийся к ней, казалось бы, предмет — истертую картонную коробочку, на которой написано «Вафельный торт з начинкою». На самом деле в этой коробке долгое время хранились листы «Архипелага ГУЛАГа». Чтобы отдать их следующему человеку на прочтение, люди звонили друг другу и произносили текст наподобие «Тортик съели, а коробочка осталась», имея в виду, что книгу они прочли, и ее можно забирать. В большинстве случаев это большое произведение прочитывалось в целях безопасности всего за одну ночь. Несмотря на то

что люди осознавали, что грозит им за прочтение книги автора, само имя которого было запрещено в стране, они стремились прочесть ее, прибегая подчас к подобным уловкам. Я считаю, это говорит о многом.

*Наталья Бернштейн,
9-й класс*

* * *

Около трех лет назад я с родителями был на моноспектакле Александра Филиппенко по рассказу А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в театре «Практика». Спектакль произвел на меня сильное впечатление — смотрелся на одном дыхании, после него мне захотелось прочитать эту повесть. Прочиталась она мною «взахлеб». Поразило количество лагерей на территории нашей необъятной родины (на спектакле висела карта СССР, вся черная от квадратиков, указывающих на местонахождение тюрем и лагерей) и как в один день вместились столько чувств, эмоций, переживаний, страха и... надежды.

Познания мои о Солженицыне были тогда небольшими, как, впрочем, и перед походом на выставку: я знал лишь, что он сидел (кажется, за свою литературную деятельность), что его депортировали из страны, что он был нобелевским лауреатом, что он написал роман «В круге первом» о сталинских временах... в общем-то, и все. Идя на выставку, я даже хотел, чтобы она была поменьше — рядом в Музее частных коллекций началась выставка моих любимых сюрреалистов.

Был чуть удивлен маленьким залом, выделенным под экспозицию — такая «камерная» выставка получилась (пишу и понимаю, какая зловещая игра слов получается). Не могу выделить что-то одно-единственное, что меня удивило на выставке. Это был поток впечатлений и эмоций! С первых же минут просмотра меня впечатлил убористый, аккуратный, «мелкий, как луковые семена» почерк. Буквы, заполняющие чуть ли не все пространство каждого листа без полей! Крошечные, совсем микроскопические буквы, как шифр, как шпаргалка, а это — сочинение в пяти томах! Как это можно прочитать?! У меня все расплывалось перед глазами от напряжения (позже я узнал, что и Солженицын в конце жизни уже не мог читать свои заметки без лупы).

Особенно запомнилось то, что в лагерях в свободное от работы время этот человек читал томик Толкового словаря В. Даля. Он понял, что обычная русская речь (особенно в условиях тюрем и лагерей) становится бедной, скудной. Это удивительные самодельные книжечки с выписками из словаря, которые заключенный Солженицын вел во всех ссылках. Сразу становится не по себе — как мы ограничиваем себя сейчас сами, имея всегда под руками интернет... Но, наверное, по-другому уже не будет. В нашем доме есть словари Даля и Ожегова, этимологические словари Фасмера и Черных, но

мне легче и быстрее пользоваться интернетом. Поэтому понимаешь, какую работу проделал Солженицын и как благодаря этому (в том числе) он смог выжить и остаться там прежде всего Человеком и писателем.

Еще меня поразило следующее: помимо того что на долю этого удивительного человека выпали тяжелые годы лагерей, высылка из страны, всемирная слава, он еще смог побороть страшную болезнь — рак! Это был сильный, благородный и, видимо, очень открытый человек, по крайней мере, мне так ощущалось после выставки — открытый для своих учеников, детей, друзей и всех-всех людей! И еще насчет учеников — это же поразительно: будучи учителем математики, он ставил в классном журнале оценку за урок не только своим ученикам, но и себе!

Запомнились и его детские тетрадки — целые сборники рассказов: пираты, приключения... «Синяя стрела», «Страна пирамид», журнал «XX век»... И тут на меня нахлынули мои детские воспоминания — я два лета подряд тоже выпускал свои журналы с рассказиками, шарадами, новостями, играми... а потом решил, что это было детской глупостью, и больше этого никогда не делал...

А еще впечатлили офорты Рембрандта и портрет Резо Габриадзе, выставка которого была тоже в этом зале и на спектакль которого «Сталинград» я попал перед этим Новым годом! Вот такое совпадение! Я открыл благодаря этой выставке для себя нового писателя, удивительного человека.

А на сюрреалистов в тот день я не пошел... Не хотелось расплескать то, что вынес с выставки о Солженицыне — хотелось принести домой возникшие от соприкосновения с чем-то очень честным, правдивым, настоящим, сложным и сокровенным какие-то очень глубокие, трудно передаваемые ощущения, чувства, эмоции и мысли...

*Савва Морозов,
9-й класс*

* * *

...Была возможность посмотреть на рукописи писателя. Я много слышала о необыкновенно мелком размере его почерка, но все равно была поражена... В особенности удивило меня то, что каждое слово можно было разобрать невооруженным глазом. Если верить тому, что в почерке отражается характер человека, то, наверное, у Солженицына было отчетливое осознание своих желаний и целей. А все же каким мужеством нужно обладать, чтобы вытерпеть все эти долгие годы скрытности и не забросить литературу!

Одним из экспонатов был альбом со сделанными им фотографиями. Те, которые были на раскрытой странице, выполнены крайне удачно. Не сомневаюсь, что и остальные не хуже. Нам пояснили, что один знакомый подсказал Солженицыну, что фотопленку хранить проще, чем бумагу. Мне кажется, для того чтобы фотографировать рукописи, не обязательно учиться

по книгам и вообще осваивать мастерство фотографии. Но за все, за что Солженицын брался, он брался основательно.

Еще одним примером этой его черты характера может послужить словарь (и даже он крайне маленьких размеров!). Писатель создал его из выписок из других словарей, чтобы обогатить свой язык и придать яркости произведениям.

Если бы я умела рисовать и хотела бы высказать свое восприятие творчества Солженицына в картине, то, наверное, попыталась бы написать нечто схожее с тем, что изображено на его Нобелевском дипломе.

Солженицын застал свое признание, был с пониманием принят народом. А проведение таких выставок оставляет его жизнь и произведения примером для людей и после смерти.

*Елизавета Токарева,
9-й класс*

* * *

Самое большое впечатление на выставке об Александре Солженицыне на меня произвел простой кусок хлеба. Честно говоря, я не могу прекратить думать о нем и о том, что он символизирует. А символизирует он, как мне кажется, все ужасы сталинских репрессий. Потому что не доедать пищу — это в природе человека. Мы всегда берем больше, чем можем съесть, и, оставляя еду на тарелке, совершенно не думаем о том, что в эту же минуту, в эту же секунду кто-то, например в Африке, голодает. А Солженицын понимал. Более того, он сам через это прошел, и этот кусок хлеба показывает нам, что он усвоил урок.

Дома я довольно часто хожу выкидывать мусор. Раньше я не обращал на это внимания, но теперь каждый раз вижу множество недоеденных, а иногда и нетронутых продуктов. И в такие моменты ты начинаешь осознавать, как хорошо ты живешь. Ты не голодаешь, не мерзнешь зимой, высыпаешься (по крайней мере, у тебя есть такая возможность). В конце концов, у тебя просто-напросто есть крыша над головой и близкие люди рядом. А у заключенных в лагерях и того не было. Может, это и жестоко, но мне кажется, что в жизни каждого должен быть свой «лагерь». Отрезок времени, когда ты почти постоянно мерзнешь, постоянно голоден и совсем один. Такая «школа» помогла бы каждому из нас переосмыслить себя и свой образ жизни.

И хоть я почти на сто процентов уверен, что тот самый кусок хлеба не сохранился, а хлеб на выставке не более чем муляж, у меня нет никакого желания выяснять правду. Потому что важен не сам кусок хлеба, не его физическая часть, а важен кусок хлеба как символ. Символ того, что ничто в жизни не проходит бесследно и что за все в жизни надо платить.

*Олег Иванников,
9-й класс*

* * *

Я впервые услышал об Александре Исаевиче Солженицыне давно. Я узнал и запомнил, что это был писатель, который в советские годы сидел за что-то в лагерях и потом написал о том, что там происходило, чтобы об этом знали все. Что его в итоге за это выдворили из страны. Что он написал толстенную книгу «Архипелаг ГУЛАГ», что он лауреат Нобелевской премии и так далее — такой вот стандартный набор фактов.

Нельзя сказать, чтобы он меня никогда не интересовал, но мне очень долго казалось, что все его книги — этикие тяжелые фундаментальные труды, в которых надо сидеть и копать и до которых я дорасту еще очень нескоро. В этом году имя Солженицына наконец появилось в списках для чтения летом, но тогда я до него так и не добрался.

Солженицын ворвался в мою жизнь неожиданно, в лице учителя литературы, вбежавшего в класс точно по звонку и заявившего, что на следующей неделе мы пойдем на выставку «Из-под глыб» в Пушкинском музее. Тогда же нам было поручено прочитать хоть что-нибудь из его творений, чтобы мы имели какое-то представление о том, куда идем. Всю эту неделю я, конечно же, находил более важные занятия для себя, поэтому я сел читать «Один день Ивана Денисовича» в последний вечер. Я ушел в рассказ с головой, и когда наконец кончил читать, то понял, что переполнился настолько, что уже не мог сосредоточиться ни на чем другом. Я пошел спать, предвкушая завтрашний день. Я вдруг заподозрил, что за всем, что привык вспоминать при имени Солженицына, может скрываться человек. Настоящий, обычный и при этом необыкновенный.

Выставка впечатлила. Мне даже как-то неловко употреблять сейчас по отношению к ней слово «выставка». У меня создалось ощущение, что я знакомился не с экспонатами и даже не с книгами или жизнью, а с самим Александром Исаевичем. Фамилия автора на глянцевого обложке — это одно, а его мысли, выведенные его рукой на бумагу, — совсем другое. Не могу хорошо описать впечатление, которое на меня произвели эти стопочки тоненьких листков, на которых такими же тоненькими строчками ровным почерком выведены слова, магические слова, которым дано менять человека; слова, которые когда-то, может быть, изменят и меня. И ведь это не выверенные и отлаженные строки печатного текста. Здесь то и дело что-нибудь зачеркнуто, что-нибудь вставлено, заменено. Видно, что человек к этому шел.

Мне кажется, что создатели выставки хотели в первую очередь как раз показать посетителям, что за человек был Солженицын. Рядом с каждым экспонатом — множество других, которые показывают, какая за всем стояла работа. Первое издание «Одного дня Ивана Денисовича» выставлено рядом с экспонатами, посвященными молодости Солженицына, — его детскими и студенческими блокнотами. Я с удивлением узнал, что он еще в детстве

понял, что станет писателем и напишет о революции. Поразила огромная картотека, подготовка для «Красного Колеса». Я просто не мог вообразить, для чего понадобились все эти коробочки со странными подписями, пока не прочитал разъясняющую надпись. Но даже после этого я не ожидал, что рукопись «Красного Колеса» окажется настолько объемистой — с солженицынским-то почерком!.. Диплом нобелевского лауреата (никогда не думал, что он такой красивый и интересный!) был окружен экспонатами, напоминающими о времени, проведенном писателем в тюрьме. Я не ожидал увидеть там полоску с номером из лагеря — после «Ивана Денисовича» впечатление было сильное. Кусок тюремного хлеба показался мне лишним, но история очень интересная.

Но дольше всего я стоял перед экраном, на котором высвечивались фотографии молодого Солженицына — из школы, из института, в армии. Вообще я никогда не любил, чтобы на таких выставках что-то показывали на экране, в электронном виде. Но эти снимки рушили последние остатки моих стереотипов о Солженицыне. Я всегда представлял себе его в том образе, в котором он предстает на более поздних фотографиях, седым, бородатым, с морщинами на лице. Именно этот иконный образ чаще всего выводят на обложки его книг. Казалось, этот старик столько пережил, что в нем уже высохли все чувства, все человеческое. А тут перед моими глазами проплывал именно человек, живой, такой же — или почти такой же, — как я; ему, наверное, тоже что-то интересно, что-то нравится, а что-то нет; он чего-то ждет от жизни, что-то чувствует, но еще ничего не знает. Я видел, что и лицо, в общем, не очень изменилось у Александра Исаевича за годы, и удивлялся, как я мог раньше принимать его за бесчувственную каменную глыбу...

Мне очень жаль, что наша экскурсия продлилась всего один урок... Но все же что-то я вынес из этого небольшого темного зала с собой, и когда я через три дня ходил в библиотеку, куда не заглядывал с лета, сдавать книжки младшего брата, то домой я вернулся с книгой Александра Исаевича Солженицына.

*Михаил Молодык,
9-й класс*

* * *

...Больше всего мне запомнились выписки слов из словарей. Человек, находившийся в заключении, не знавший, когда его выпустят и выпустят ли вообще, продолжал работать над собой. Хотя шансы, что его работы станут хоть сколько-нибудь известными и вообще выйдут за пределы ГУЛАГа, выглядели в тот момент достаточно призрачными.

Мы знаем, что история сложилась так, что Солженицын стал знаменитым на весь мир писателем, но история могла сложиться и по-другому. Он мог,

например, не выжить в заключении или просто в какой-то момент сдаться. И кто знает, скольких талантливых людей погубила проводимая в то время внутренняя политика.

*Иван Гущенко,
11-й класс*

* * *

Больше всего впечатлений я получил, когда читал конспекты Солженицына по истории философии. Когда я их читал, я будто видел, что думает Солженицын о концепции Декарта или о логике Аристотеля. Казалось, он любит этот предмет... Вся система обозначений казалась мне пропитанной симпатией к этой древней дисциплине. Буквы стоят ровно, строго, но грациозно. Ни одна из них не ленится. Нет округлой «а», зовущей тебя спать, она остра, похожа на флаг, дерзко висящий на наклонном древке. А ведь это та самая «а», которая в каждом моем конспекте пузата — сразу видно по ней, нравится ли то, что я слышу или нет. В буквах чувствуется сила, и кажется, что каждой и места лучше не найти. Я стоял и читал. И ко мне приходила странная уверенность в себе. Будто я буква в одном из этих слов... И когда меж строк я вижу себя, мне кажется, что если бы мы общались с автором, то он понял бы меня... Я вижу его меж строк, меж строк я вижу и себя. Наверное, именно поэтому он стал мне близок.

*Даниил Кротков,
11-й класс*

* * *

Большинство экспонатов на выставке определенным образом запомнилось мне потому, что они «какие-то не такие». Нельзя подобрать определенного слова. Все эти вещи, они просто не такие, как сейчас. Тетради, заметки, выписки из словаря В.И. Даля, даже конспекты по философии другие. И многое удивляет, заставляет задуматься и остановиться. Мне кажется, что когда ты смотришь на почерк А.И. Солженицына и на толстый том аккуратнейшим образом исписанных страниц, то время исчезает. Перед тобой часы, дни и года. В одном месте. А стоит поднять голову, и видишь «Голгофу» Рембрандта...

Но все это не существовало бы без одной самой важной вещи. Я не сразу ее заметила и почувствовала. Это Пространство. Единое, всепоглощающее и очаровывающее Пространство. Созданную авторами атмосферу я поняла только потом, после того как задумалась о том, что не могу выделить одну-единственную вещь из всей выставки, хотя на протяжении просмотра меня поражали разные, отдельные экспонаты. Все дело в Пространстве. Оно каким-то волшебным образом собирает воедино мелкие детали, которые оказываются не просто личными вещами человека, но его жизнью. Пространство выставки стало для меня частью Солженицына.

Детские записи, первый самолично выпускаемый журнал, диплом с отличными оценками, а потом блокнотики с выписанными словами, корочка хлеба, миниатюрный карандаш, гениальные, совершенно не поддающиеся моему понимаю четки — все это детали, отдельные части, личные вещи, но они соединены единым Пространством. И в какой-то момент выставка от самого начала до конца становится понятной и связанной. Когда я увидела отдельные тетради для заметок о природе, о птицах, которые после стали частями его произведений, то те сотни страниц удивительного почерка, увиденного мною вначале, не просто остановили время в моем понимании, но обрели необъяснимую ценность. Труд, который вложен в каждую строчку.

Наверное, если бы мне просто сказали, что Солженицын изучал математические науки и получал отличные оценки, я бы восхитилась, но когда я лично увидела поразительно аккуратный почерк математика, Нобелевскую премию по литературе, четки для написания своих произведений в уме... То можно просто сойти с ума!

Все будто открывает глаза... Простые вещи, но здесь и сейчас, в одном месте, кажутся удивительными.

Для меня самым важным осталось именно ощущение тайны, в которую мне разрешили заглянуть... Конечно, кроме гениальных четок, загадка которых останется для меня непостижимой.

*Дарья Серпуховитина,
1-й курс*

* * *

...Напоминанием о долгой и невероятно тяжелой жизни — сгорбленные маленькие карандашики. Их много, их жалко выкинуть, словно хлеб, ведь в них еще остался стержень. На архивных видеозаписях видно, как задумчивый, практически вековой старец умело управляет этими маленькими работниками, периодически стирая графит ластиком. Целая эпоха восседает на стуле за рабочим столом. Карандаш — отражение хозяина. К писателям это относится тем более.

Мой карандаш — предмет средней длины, острейше наточенный ножом, очень высокой жесткости. Карандаш Писателя — крошка с мягким грифелем. Таким же просто невозможно писать! Я выкину карандаш или потеряю, когда он уже не подходит для нормального написания слов. У Писателя же явно другой подход. Он исписывает каждый до предела — эта, теперь уже странная, деталь дает понять — этот человек знает цену даже простой вещи. Эти карандаши страшные, на них видна его жизнь.

*Ольга Романова,
1-й курс*

* * *

Что хранит в себе русский человек, из чего у нас органы сделаны, если после стольких издевательств он продолжает хранить, и не просто, а еще подвергая себя опасности, чтобы вынести нашивки из каторжного лагеря? Как? Каким образом, что должно повернуться в голове, чтобы я захотела оставить воспоминание об этом месте на всю жизнь? Больше всего его хотелось бы забыть — место, где не просто подчиняешься воле других людей и выполняешь работу, которую не хочешь делать, а понимаешь, что для своей родной страны ты враг народа, каторга, где издеваются над твоим внутренним миром. Так зачем, зачем это ШЦ-262? Даже имя забрали. Лучше «после прочтения сжечь», но никак не выносить тайно, и хранить, и вспоминать, и думать, и другим показывать спустя сотни лет.

Сильный человек этот ваш Солженицын. Пока я знакома только с короткими произведениями и «Архипелагом...», но посадила своих друзей и себя на «В круге первом». Конечно, он был бы прочитан в любом случае, но позже. А теперь хочется скорее окунуться в мир выносливого и стойкого человека. Спасибо за выставку, мне стало проще представлять образы и понимать, о чем произведения Солженицына, спасибо.

*Дарья Уфимцева,
2-й курс*

АРХИВНЫЕ НАХОДКИ

*Публикация, подготовка текстов,
предисловие и примечания Г.А. Тюриной*

Публикуемые ниже статьи основаны на материалах, хранящихся в фондах отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Первая составлена по письмам, обнаруженным в личном фонде А.Я. Яшина. В основе второй лежит, напротив, *не находка*, отсутствие каких бы то ни было материалов, связанных с Солженицыным, там, где они должны были бы присутствовать, а именно — в архиве И.Н. Медведевой-Томашевской. Обе публикации дополнены материалами архива писателя в Троице-Лыкове.

Приносим глубокую благодарность Наталии Дмитриевне Солженицыной и сотрудникам отдела рукописей Российской государственной библиотеки за предоставленную возможность изучения и публикации документов.

«ПУСТЬ НАСТУПАЮЩИЙ НЕ БУДЕТ СЛИШКОМ ЗЛЫМ!»:

К истории письма А.И. Солженицына к А.Я. Яшину

Письмо Солженицына Александру Яшину, написанное 11 июля 1968 года, в последний день жизни поэта, часто упоминается в посвященной ему новейшей биографической литературе¹. Фрагменты солженицынского письма неоднократно публиковались в разного рода изданиях² и, кроме того, прозвучали в документальном фильме «Босиком по земле», созданном на телеканале «Культура» к 100-летию со дня рождения Яшина³. В теплых, сочувственных строках письма, которого адресат уже не успел прочесть, сформулировано жизненное кредо Солженицына: цель земного бытия человека — непрерыв-

¹ См., напр.: Шеваров Д.Г. Колокол сердца: 27 марта исполняется 100 лет со дня рождения Александра Яшина // Российская газета: Неделя. 2013. 21 марта. № 6037 (61).

² Полный текст письма напечатан впервые в воспоминаниях дочери поэта: Яшина Н.А. «Из распутия, из бездорожья...» // Север. 1989. № 7. С. 119–120. Из последних публикаций: Берсенева М.В. Александр Солженицын: «Автор “Рычагов” навсегда останется в мировой литературе» // Красный Север. 2013. 13 марта. № 42.

³ Режиссер Владимир Дав. Демонстрировался впервые 27 марта 2013 на телеканале «Культура».

ное духовное развитие, устремленность вверх, к небу. Сходные мысли и чувства живут в зрелых сочинениях Яшина, с их напряженным поиском *зрения души*.

Имя Александра Яковлевича Яшина (1913–1968) сегодня, к сожалению, мало знакомо молодому читателю, старшее же поколение хорошо помнит, какой мощный общественный резонанс вызвали его рассказы и очерки о послевоенной советской деревне. «Рычаги» (Литературная Москва. 1957. № 2) и «Вологодская свадьба» (Новый мир. 1962. № 12) одними читателями были встречены благодарно как веяние свежего воздуха среди привычной недвижимой затхлости официальной печати, другими — злобно, как клевета на советскую действительность⁴. Большинство официальных критиков называли эти произведения *серьезным срывом* в творчестве Яшина⁵. И в самом деле, прежде лауреат Сталинской премии писал совсем иначе. Рано оставивший малую родину уроженец вологодской деревни вполне успешно продвигался по обычному для советского литератора пути, славил революцию, социалистическое строительство и подвиги новых героев⁶. В центре поэмы «Алена Фомина», отмеченной в 1950 году высшей наградой страны, — председатель колхоза, твердой рукой ведущая вперед вверенное ей хозяйство⁷.

Поэма эта неожиданно сыграла очень важную роль в судьбе автора. Вот как рассказывал о том младшему товарищу сам поэт: «Получил я премию за “Алену Фомину”, купил “Победу” и поехал к своим землякам-вологодцам хвастаться. Собрать дань славы. Приехал, а там голод... До сих пор как вспомню, так и краснею»⁸. Столкнувшись со страшной реальностью народной жизни, Яшин отводит взор от передовой идеи и обращает его на человека. И, неизбежно, — внутрь самого себя. При собственном внешнем благополучии любовь к родной земле и сострадание к людям пробудили в нем то, что он сам назвал *зрением души*. Изменилась и форма его работы: прежде писавший только стихи, он обратился и к прозе. Его рассказы и повести конца 1950-х – 1960-х — зарисовки повседневной жизни разных представителей

⁴ О реакции на эти сочинения см., напр.: Солоухин В.А. Дорогой совести к правде... // Яшин А.Я. Земляки. М., 1989. С. 7.

⁵ Негативные отклики на «Рычаги» появились во многих периодических изданиях, в том числе — региональных. Приведем характерный пример проработочной критики: «Автор выдает за коммунистов — проводников партийной политики в деревне заурядных обывателей с очень узким кругозором...» (Дон. 1957. № 2. С. 159–160).

⁶ В книге Яшина «Северянка» (1938) помещены стихотворения «Чапаевцы», «Так начиналась молодость». В 1940 году была опубликована посвященная коллективизации поэма «Мать». И все же одним из основных мотивов лирики Яшина была любовь к родному краю; см., напр., стихотворение «Я давно на родине не был...» (1918).

⁷ Яшин никогда эту поэму не переиздавал.

⁸ Цит. по: Солоухин В.А. Дорогой совести к правде... С. 6.

современной ему деревни (реже — города) — подчас не менее страшные, чем лагерь, описанный в «Одном дне Ивана Денисовича». Разделенные колючей проволокой яшинская *воля* и солженицынская *неволя* являют собой один и тот же уродливый и жестокий антимир, подчиненный человеконенавистнической идеологии, отменившей естественный уклад русской жизни. Если воспетая в 1949 году энергичная и успешливая Алена Фомина — антипод горемычной Матрены, то Баба Яга, героиня одноименной повести, написанной десятью годами позже, явно сродни солженицынской праведнице.

Внутренняя метаморфоза определила особое место Яшина в современной ему литературной среде, вывела его из ряда унылых «классиков» соцреализма. Доброе дружеское взаимопонимание — неизменная тональность его переписки с Солженицыным, начавшейся после короткого личного знакомства. Переписка не была продолжительной, крайние ее даты: декабрь 1967-го – июль 1968-го. В архиве Яшина сохранились три письма Солженицына⁹, а также машинописный экземпляр «Письма IV съезду советских писателей»¹⁰. В архиве Солженицына в Троице-Лыкове обнаружился короткая записка Яшина, новогодняя открытка с приложенной машинописью стихотворения и неотправленное письмо Солженицына. Еще одно письмо Яшина, о существовании которого известно из книги Н.А. Решетовской, обнаружить пока не удалось¹¹.

Известные нам письма дают общее представление о контактах двух художников. Главное здесь — горячая взаимная духовная поддержка: «Почувствуйте! — очень желаю Вам всяческого добра...» — концовка одного из писем Яшина. Солженицын, младший по возрасту, но прошедший к своему прозрению тюремными и лагерными тропами раньше, стал для Яшина *сратником* в самом первом значении этого слова. И прежде всего — в борьбе за саму жизнь, поскольку время их знакомства выпало на последний год жизни Яшина, когда у него была обнаружена раковая болезнь — еще одно испытание, преодоленное Солженицыным.

В какой именно день на исходе 1967 года и при каких обстоятельствах произошла встреча писателей, пока не удалось установить. Это могло произойти у кого-либо из общих знакомых: теплые отношения связывали Яшина в течение многих лет с семьей Чуковских¹², о близком общении с

⁹ ОР РГБ. Ф. 647. К. 35. № 32.

¹⁰ Там же. № 33.

¹¹ См.: Решетовская Н.А. Отлучение. М., 1994. С. 73–74.

¹² Об одном из посещений Яшина К.И. Чуковский пишет: «...Яшин прочитал четыре великолепных стихотворения, — таких глубоких и таких проникновенных, что у всех в комнате стали просветленные лица. Он вологодский крестьянин — у него крестьянское обличье, — и мне кажется, что в нем воплотилась красота духовной силы и ясности, свойственной так называемой “русской душе”» (Чуковский К.И. Дневник: 1936–1969. М., 2011. С. 361 (запись от 17 февраля 1963)).

ним вспоминала М.В. Юдина¹³, находим имя Яшина на страницах дневника А.Т. Твардовского¹⁴, младшим товарищем его был Б.А. Можаяев. Заочно Солженицын и Яшин были знакомы по крайней мере с 1962 года («Вологодская свадьба» вышла в свет в следующем номере «Нового мира» после «Одного дня Ивана Денисовича»). Описывая детали встречи Н.С. Хрущева с интеллигенцией в Кремле (март 1963), Солженицын упоминает имя Яшина в весьма выразительном (пожалуй, символическом) контексте, рассказе о погромном выступлении главного редактора журнала «Октябрь» В.А. Кочетова:

«Ещё прошёлся Кочетов по “Вологодской свадьбе” Яшина, противопоставил такой пьянствующей деревне — просвещённую, ждущую журналов (его “Октября”), и закончил неудовлетворённо: — Не выбрасывать же со Сталиным и Советскую власть. Я приготовил другую речь, извините, прочёл эту.

Так понять: речь-то была — против “Ивана Денисовича”»¹⁵.

По записям в дневнике К.И. Чуковского от 5 и 7 марта 1963 можно предположить, что Яшин на встрече не присутствовал, т.к. не получил приглашения на этот «разгром литературы, живописи и кино в ЦК»¹⁶.

В отличие от закаленного ээка Солженицына, Яшин весьма болезненно переживал критику своих произведений в печати, а самым тяжелым для него было — продиктованное сверху обсуждение и осуждение его рассказов земляками-вологжанам¹⁷. *Переходный возраст* (так Яшин называл время укрепления собственного внутреннего жизненного и творческого стержня) ему помогла пережить родная деревня, где он стал подолгу бывать, выстроив себе уединенный домик в заповедном месте с изумительным названием — Бобришный Угор. Коротко наезжал в эти годы в Москву и Солженицын, вернувшийся к привычному для него быту писателя-подпольщика после недолгой поры официального признания. Известно, что писатели пересеклись в столице весной 1967 года: 30 мая Солженицын присутствовал на чествовании юбилея К.Г. Паустовского в Доме литераторов, на котором

¹³ Известно, что Юдина работала над воспоминаниями о Яшине, однако местонахождение рукописи не установлено. См.: Юдина М.В. Жизнь полна Смысла. Переписка 1956–1959 гг. / подгот. текста, вступ. ст., примеч. А.М. Кузнецова. М., 2008. С. 349.

¹⁴ См.: Твардовский А.Т. Новомирский дневник: в 2 т. М., 2009 (по указателю).

¹⁵ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М., 1996. С. 80.

¹⁶ См.: Чуковский К.И. Дневник... С. 364–365.

¹⁷ В центральной газете было напечатано письмо, подписанное участниками читательской конференции в библиотеке города Никольска Вологодской области. Зоотехник, тракторист и другие представители трудового населения возмущались нарисованной Яшиным картиной их быта: «Что за люди живут на родине А. Яшина? Воры, плуты, хулиганы, пьяницы — и ни одного честного человека... Как могла подняться у Вас рука, чтобы всех собравшихся на свадьбу вывести такими?... Своей “Вологодской свадьбой” Вы нас кровно обидели. Через темные очки смотрите Вы на нашу сегодняшнюю жизнь» (Свадьба с дегтем: Открытое письмо писателю А. Яшину // Комсомольская правда. 1963. 31 янв.).

выступал Яшин¹⁸. За две недели до этого Яшин получил по почте экземпляр «Письма IV съезду советских писателей»¹⁹.

И все же личная встреча произошла, скорее всего, через полгода, когда *баталии* Солженицына с секретариатом Союза писателей, следовавшие за обнаружением «Письма...», были уже позади²⁰. Общее отношение руководства СП к Солженицыну наиболее четко сформулировал М.А. Шолохов, призвавший запретить ему прикасаться к перу²¹. Яшин, встретив, по-видимому случайно, опального писателя, горячо выразил ему свою поддержку. Он общается Солженицыну все возможные координаты для связи, настаивает на встрече. К новому 1968 году Яшин присылает Солженицыну поздравительную открытку с видами вологодского Кирилло-Белозерского монастыря, а также машинопись своего стихотворения 1966 года «Я обречен на подвиг...» — впоследствии ставшего одним из самых цитируемых его сочинений. Солженицын тепло ответил на поздравление, выразив надежду на встречу в близящемся новом году.

Однако наступивший год выдался для Солженицына не менее напряженным, чем предыдущие. Первые его месяцы были посвящены внесению поправок и созданию окончательной редакции «Архипелага ГУЛАГа», для этого писатель уехал сначала в Солотчу, затем — в Рождество-на-Истье: «...только “Архипелаг” вытянуть — надо было ни на час не разгибаться апрель и май. Лишь бы в эти два месяца ничто не ворвалось, не помешало!..»²² И все же в начале апреля произошло событие, на которое он не мог не откликнуться: в литературном приложении к лондонской газете «Таймс» по-английски напечатаны главы «Ракового корпуса».

Вместо ожидаемого публичного покаянного письма (такие письма составляли некоторые писатели, чьи книги тем или иным образом *утекали* на Запад), Солженицын составляет новое обращение к собратьям по перу. Он рассылает 50 машинописных экземпляров истории своего противостояния правлению Союза писателей: изложение заседания секретариата СП СССР 22 сентября 1967 (выдержанного им «Бородинского» сражения) с приложением своих писем в этот орган от 12 сентября и 1 декабря 1967, а также текст ответа одного из секретарей, К.В. Воронкова, от 25 ноября 1967, со-

¹⁸ См.: Каверин В.А. Эпилог: Мемуары. М., 1997. С. 439.

¹⁹ Съезд проходил 22–27 мая 1967 года.

²⁰ Собрания секретариата СП СССР 15 и 22 сентября 1967 года с обсуждением Солженицына он сам назвал «Шеварино» и «Бородино».

²¹ Письмо Шолохова было адресовано секретариату Союза писателей в связи с проходившим 22 сентября заседанием, посвященным обсуждению Солженицына; секретарь СП Шолохов на это мероприятие не прибыл. Текст письма см.: Шолохов М.А. Письма / РАН; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; Гос. музей-заповедник М.А. Шолохова. М., 2003. С. 389–390.

²² Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 199.

проводив эти документы необходимым объяснением²³. В числе адресатов — и Александр Яшин. Объемный конверт с этими материалами 17 апреля 1968 года Солженицын принес сам по домашнему адресу Яшина, однако надежда на встречу не оправдалась — Яшин был в больнице. Родные уже знали о его страшном диагнозе, однако знакомым говорили об осложнениях после простуды. Солженицын вложил в конверт записку со словами сожаления о не встрече и пожеланием «прочного выздоровления». Конверт был передан адресату через два дня, и Яшин тотчас ответил. К сожалению, нам известен лишь фрагмент этого письма, который цитирует Н.А. Решетовская: «На следующей неделе меня будут резать. Бесконечно жалею, что, видимо, так и не удастся нам поразговаривать до этого. Мне кажется, что этот разговор был бы хорошим. Почувствуйте! — очень желаю Вам всяческого добра — спокойствия, сдержанности, здоровья»²⁴.

Разговор этот так и не состоялся. Операция не принесла желаемого результата (как и еще две повторных). Солженицын узнал о степени серьезности недуга лишь летом. 10 июля он пишет Яшину ободряющее письмо, где сообщает о намерении посетить адресата в больнице. «Дорогой Александр Яковлевич! Мне передали, что Вы — в нелегком состоянии. Знаю я этот колодец, сам в нем был. Но все-таки неба кусочек оттуда виден, и даже ясней, резче, чем из рассеянного просторного мира. <...> Я приехал бы к Вам в больницу, если бы легко нашел туда доступ в немногие часы, когда буду в Москве (я здесь никогда не в силах задержаться). Я предполагаю быть 18-го июля, позвоню — и если сойдется, то приеду к Вам». К письму приложена записка жене Яшина: «Многоуважаемая Злата Константиновна! Это письмо посылаю на суд Вам. Если сочтете, что Александру Яковлевичу хорошо будет его прочесть — передайте... С глубоким сочувствием. *Солженицын*». Отправлять письмо Солженицын не стал. Едва окончив писать, он узнал от Бориса

²³ Тексты этих документов см.: Там же. С. 601–618.

Отметим здесь весьма печальный факт небрежного обращения с историческими источниками. Изложение заседания секретариата СП СССР 22 сентября 1967 года — живое и красноречивое свидетельство времени — часто используют в современных публикациях, когда речь идет об отечественной литературной среде тех лет. В одном методическом пособии по изучению в школе «Одного дня Ивана Денисовича» предложено даже организовать на уроке «импровизированное заседание Союза писателей СССР», состоящее из сокращенных выступлений участников заседания секретариата. В списке «действующих лиц» присутствует и имя А.Я. Яшина! Ему приписана гневная реплика с призывом изгнать автора «Пира победителей» из Союза писателей (!). В подлинном тексте изложения находим ее под фамилией *Яшен*, принадлежавшей одному из секретарей СП СССР, узбекскому писателю, лауреату и орденноносцу, депутату Верховного Совета Камиллю Яшену (1909–1997). Думается, что произошедшая путаница была неумышленной — публикаторы просто хотели уточнить личность самого непонятого участника обсуждения (впрочем, фамилии всех остальных тоже мало что говорят уму и сердцу современного читателя). И все же очень обидно, что оклеветанным оказался горячо сочувствовавший Солженицыну писатель.

²⁴ *Решетовская Н.А.* Отлучение. С. 73.

Можаева, что Яшин очень плох; на следующий день Солженицын и Можаев поехали в больницу. Долго ждали, но не дождалось разрешения войти в палату. Опасаясь, что повидаться так и не удастся, Солженицын в больничном коридоре пишет новое письмо, надеясь передать его через Злату Константиновну, постоянно находившуюся рядом с мужем. Его текст в целом повторяет письмо, написанное накануне, однако получает новое окончание: увиденная из больничного окна колокольня храма Вознесения Господня в Коломенском символизирует ту устремленность ввысь, что заповедана всем живущим на земле.

В палату Солженицын вошел лишь после того, как больной скончался. Земной путь прозрения Александра Яшина завершился мирной христианской кончиной²⁵. Первую молитву о его упокоении вознесли самые близкие ему люди: по плоти и по духу. Письмо Солженицына осталось у жены Яшина и хранилось ею вместе с другими его письмами все время запрета писателя на родине. В 1990-х годах дочерью поэта Натальей Александровной Яшиной эти документы были переданы в фонд А.Я. Яшина в Ленинской библиотеке²⁶.

Ниже приводим тексты писем Солженицына и Яшина и стихотворение «Я обречен на подвиг...» — в архиве Солженицына оно сохранилось в редакции, пусть незначительно, но все же отличающейся от опубликованной в сборниках Александра Яшина.

²⁵ В последние годы Яшин вернулся к православной вере. Особую роль в этом сыграла М.В. Юдина. Она была рядом во время болезни, играла на похоронах. «...Я приняла близкое участие в болезни и смерти Яшина, он умер как мученик и праведник» (Юдина М.В. Вы спасетесь через музыку: Литературное наследие. М., 2005. С. 200).

²⁶ В папке с письмами Солженицына имеется сопроводительная записка Н.А. Яшиной. Она сообщает о существовании письма от 10 июля 1968 года, но его местонахождение было ей неизвестно.

1. А.Я. Яшин — А.И. Солженицыну¹

[Декабрь 1967]

АД-1-92-48 раб. комната²

В-1-00-87

А.И. Мне мало такого знакомства на ходу.

АЯ³.

Ал-др Як. Яшин

Злата Конст <антиновна>⁴

¹ Архив А.И. Солженицына. Автограф А.Я. Яшина. Зеленая шариковая ручка.

² Ручкой Солженицына красной шариковой ручкой подписано: «Аэропорт».

³ Им же расшифрована фамилия: «Яшин».

⁴ Последние две строки — на обороте листа.

2. А.Я. Яшин — А.И. Солженицыну¹

27 декабря 1967

Дорогой Александр Исаевич!

Примите мои новогодние поздравления и одно новогоднее стихотворение². Мое. Вам.

Александр Яшин

Я обречен на подвиг
И некого винить,
Что свой удел
свободно
Не в силах изменить,

Что этот трудный жребий
Приняв, как благодать,
Я о дешевом хлебе
Не вправе помышлять.

Щадить себя не вправе,
И бестолковый спор

О доблести, о славе
Не завожу с тех пор.

Что ждет меня, не знаю,
Живу не как хочу
И ношу поднимаю
Себе не по плечу.

У бедного провидца
Так мал в душе просвет,
Что даже погордиться
Собой охоты нет.

А други смотрят просто,
Какое дело им,
Крещусь я троеперстно
Или крестом иным.

Как рыцарь старомодный
Я в их глазах смешон.
Да нужен ли мой подвиг?
Ко времени ли он?

Земли не чую сдуру,
Восторженно визжа,
Ползу на амбразуру,
В зубах клинок держа.

1966 Александр Яшин³

¹ Архив А.И. Солженицына. Открытка с цветной фотографией Кирилло-Белозерского монастыря. Автограф А.Я. Яшина. Синяя шариковая ручка. Почтовый конверт не сохранился.

² Приложены 2 л. с машинописным текстом стихотворения. Опубликовано впервые в сборнике Яшина «День творения» (М., 1968), который вышел в свет вскоре после кончины автора.

³ Подпись синей шариковой ручкой. Ниже помета рукой Солженицына: «Прислано к 1.1.68».

3. А.И. Солженицын — А.Я. Яшину¹

3 января 1968

Дорогой Александр Яковлевич!

Душевное Вам спасибо за стихотворение! И за поздравление.

Отдариваться вот не умею (некогда было в жизни привыкнуть) — а поздравляю встречно Злату Константиновну и Вас!

Пусть Наступающий не будет слишком злым!

Тогда мы в нем увидимся и побеседуем без гонки.

А в Кирилло-Белозерском и в Феррапонтовом я бывал (два года назад).

Вологду же — смаху, и посмотреть не успел².

Крепко жму руку!

А. Солженицын

Мой истинный адрес:

Рязань, 12

проезд Яблочкова 1, кв. 11

¹ ОР РГБ. Ф. 647. К. 35. № 32. Письмо в почтовом конверте. Автограф А.И. Солженицына. Черная шариковая ручка. Л. 1 — конверт, л. 2 — само письмо. На конверте адрес получателя: «Москва Ж-17, Лаврушинский пер. 17, кв. 102. Яшину Александру Яковлевичу». По получении Яшин сделал помету синей шариковой ручкой: «9/1 68 г. А. Яшин». Позже в правом нижнем углу подписал голубой ручкой: «от Солженицына А.Ис.» Два почтовых штемпеля: отправителя — Рязань, 4.1.68; получателя — Москва, 8.1.68.

² Десятидневная поездка Солженицына на Север в июне 1966 года была частью его работы над «Архипелагом ГУЛАГом». Главной целью этого путешествия был Беломорканал.

4. А.И. Солженицын — А.Я. Яшину¹

17 апреля 1968

Дорогой Александр Яковлевич!

Вот теперь-то, при передаче Вам этой переписки², я и надеялся с Вами встретиться — а Вы в больнице. Хочу надеяться, что — несерьезно. Желаю прочного выздоровления!

Всего Вам доброго и лучшие мои пожелания Злате Константиновне!

Крепко жму руку!

А. Солженицын

¹ ОР РГБ. Ф. 647. К. 35. № 32. Л. 5. Записка. Автограф А.И. Солженицына. Черная шариковая ручка. Вложена в белый конверт (л. 4) с машинописными документами (см. при-

меч. 2 к этому письму). Почтовые штемпели отсутствуют. Адрес получателя напечатан на машинке. Рукой Яшина простым карандашом помечено: «19/IV 68 г. Онкол<огический> ин<ститут>т».

² Там же. Л. 7–17. Машинопись: обращение Солженицына к члену Союза писателей от 16 апреля 1968, письмо в секретариат от 12 сентября 1967, изложение заседания секретариата 22 сентября 1967, ответ К.В. Воронкова от 25 ноября 1967, письмо Солженицына от 1 декабря 1967. На первом из этих документов — рукописное обращение к А.Я. Яшину и подпись Солженицына синей шариковой ручкой.

5. А.И. Солженицын — А.Я. Яшину¹

11 июля 1968

Дорогой Александр Яковлевич!

Не было меня в Москве, а теперь я поздно пришел: Вы без сознания, и меня не смогли к Вам допустить.

Я надеюсь всё-таки, что Вы прочтете это письмо.

Знаю я этот колодец, сам в нём был. Но всё-таки неба кусочек оттуда виден, и даже еще ясней, резче, чем из рассеянного просторного мира.

Сказали мне, что именно это зрение у Вас сейчас и обострилось. Я душевно этому рад. Для обоих выходов из болезни это нужно, и даже трудно сказать, для какого больше. С возрастом ощущаю: всё менее ценным то, за чем мы гонялись, всё более дорогим духовное зрение.

Из окна Вашей палаты видна одна из самых дорогих русскому сердцу церквей. Я вижу её и из коридора, из которого пишу. Она вытянута к небу и напоминает нам о том развитии, для которого только и дана нам земная жизнь, да не всегда мы успеваем её пройти. Но никакое прозрение здесь не поздно никогда.

Я молюсь за Вас и дружески Вас обнимаю. Автор «Рычагов» навсегда останется в русской литературе, те рычаги кое-что повернули.

Искренне Ваш

А. Солженицын

¹ ОР РГБ. Ф. 647. К. 35. № 32. Л. 6. Автограф А.И. Солженицына. Синяя шариковая ручка.

«МНЕ ПРЕДСТОИТ НЕЛЕГКОЕ С ВАМИ СОСТЯЗАНИЕ»:

Ирина Николаевна Медведева-Томашевская
(1903–1973)

Среди *невидимок*, мужественных помощников Солженицына в годы его запрета и преследования на родине, были и выдающиеся отечественные ученые. Важной составляющей их поддержки писателю, лишенному возможности работать в библиотеках и архивах, было предоставление необходимых исторических справок и публикаций. Дополняли эти материалы устные рассказы — мало кого в академической среде не коснулись лично темы, которым посвятил свое творчество Солженицын. К таким людям принадлежит и И.Н. Медведева-Томашевская, не по книгам знавшая правду о жизни новгородской деревни в 1920-х годах, раскулачивании ее в 1930-е, выселении татар из Крыма в 1944-м. Филолог, автор значимых научных трудов, И.Н. и сама взялась за работу, которая, по сути, стала частью *опыта художественного исследования* Солженицына.

Подлинная история создания и бытования романа «Тихий Дон» — еще один пример гибели в жерновах советской идеологической машины живого ростка отечественной культуры. Его настоящий автор — еще одна *черная бабочка копоты*, вылетевшая из трубы поглотившей страну лубянской печи¹. Задача, которую поставила перед собой И.Н., состояла, по ее собственным словам, в *раскрытии исторической правды*. Решить ее она бралась привычными профессиональными средствами текстологического, лингвистического и исторического анализа. Нет нужды пояснять, что в конце 1960-х – начале 1970-х годов никаких внешних пособий для проведения такой работы не было (судебную ответственность за сомнение в авторстве М.А. Шолохова, обещанную советскому читателю еще в 1929 году, в то время никто не отменял²).

¹ «О, сколько же гинуло в этом здании замыслов и трудов! — целая погибшая культура. О, сажа, сажа из лубянских труб!! Всего обидней, что потомки сочтут наше поколение глупей, бездарней, бессловеснее, чем оно было!..» (*Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956: Опыт художественного исследования // Собр. соч.: в 30 т. М., 2006–... Т. 4. С. 134).

² Открытое письмо в редакцию газеты «Правда» за подписью верхушки советской писательской номенклатуры (А.С. Серафимовича, Л.Л. Авербаха, В.М. Кирсона, А.А. Фадеева, В.П. Ставского) было опубликовано 29 марта 1929 года. Помимо грозного предупреждения читателю, в тексте письма присутствует характерный призыв: «Чтобы неповадно было клеветникам и сплетникам, мы просим литературную и советскую общественность помочь нам в выявлении “конкретных носителей зла” для привлечения их к судебной ответственности».

Постигая в достаточно немолодом возрасте азы конспирации, теперь уже И.Н. обратилась к Солженицыну за помощью в добывании необходимых сведений, архивных документов и книг. Истории этого тайного сотрудничества посвящен последний очерк Пятого дополнения книги «Бодался телёнок с дубом»³. Написанный по впечатлениям от личного общения с И.Н., он остается самым ярким ее литературным портретом.

Впервые Солженицын рассказал об этом исследовании в 1974 году в предисловии к книге «Стремя “Тихого Дона”», составленной из уцелевших после смерти И.Н. фрагментов ее работы. Издание вышло из печати в Париже; по известным причинам имя исследователя было скрыто за криптонимом *D**. Через два десятилетия книга была републикована в отечестве с указанием подлинного автора⁴, и с этого времени упоминания об И.Н. Медведевой-Томашевской встречаются по преимуществу в изданиях и статьях, посвященных проблеме авторства романа⁵. Приводимые в них сведения о ее жизни почти всегда скудны, причем авторы заимствуют информацию друг у друга, допуская при этом массу неточностей или даже существенные ошибки⁶. Первоисточником является послесловие к московскому изданию «Стремени...» дочери И.Н., З.Б. Томашевской⁷. Еще прежде, в 1989 году, были напечатаны ее воспоминания о многолетней дружбе матери с Анной Ахматовой⁸. Впоследствии эти материалы перепечатывались неоднократно, З.Б. Томашевская дала множество интервью, где сообщала разнообразные сведения о круге общения ее родителей⁹. Однако не все они безошибочны. Не раз появлялись в печати корректирующие их комментарии специалистов, в том

³ *Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М., 1996. С. 580–592.

⁴ *Медведева И.Н. (D*)*. Стремя «Тихого Дона»: (Загадки романа). М., 1993.

⁵ Таких работ с начала 1990-х годов вышло в свет немало. По сути, исследование И.Н. положило начало целому направлению в отечественном литературоведении. См., напр.: *Макаров А.Г., Макарова С.Э.* Вокруг «Тихого Дона»: от мифотворчества к поиску истины. М., 2000.

⁶ Так, факт трехдневного пребывания Солженицына в домике И.Н. в Гурзуфе в марте 1969 года из публикации в публикацию толкуется как регулярные приезды писателя в числе других именитых гостей Томашевских. См., напр.: «У Томашевского в Гурзуфе подолгу гостили Бродский и Солженицын...» — цитата со страницы официального сайта Музея А.С. Пушкина в Гурзуфе, где с 2007 года существует мемориальная комната Б.В. Томашевского (он был одним из инициаторов создания музея в 1938 году, воссоздания его после окончания Великой Отечественной, его исследования легли в основу новой экспозиции, открытой в 1989).

⁷ *Томашевская З.Б.* Как и зачем писалось «Стремя» // *Медведева И.Н. (D*)*. Стремя «Тихого Дона». С. 121–126.

⁸ *Томашевская З.Б.* «Я — как петербургская тумба» // Октябрь. 1989. № 6. С. 188–199.

⁹ Фрагменты из интервью З.Б. Томашевской легли в основу документального фильма «Канал Грибоедова, 9: семейные хроники: З.Б. Томашевская рассказывает».

числе исследователей жизни и творчества Ахматовой¹⁰. Ряд высказываний З.Б. Томашевской о работе И.Н. над исследованием «Тихого Дона» опровергла, на правах непосредственного участника событий, Е.Ц. Чуковская¹¹. К сожалению, мы вынуждены констатировать полное отсутствие ответственных научных публикаций, посвященных И.Н. Медведевой-Томашевской, одной из значимых фигур отечественной филологической науки XX века.

Между тем в настоящее время в распоряжении специалистов имеется широкий круг источников для воссоздания в возможной полноте жизненного, научного и творческого пути Ирины Николаевны и ее мужа, выдающегося филолога Бориса Викторовича Томашевского (1890–1957). Речь идет о его архиве, составившем один из самых обширных и важных личных фондов отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Фонд Б.В. Томашевского в этом хранилище слагался на протяжении полутора десятков лет (первые поступления — начало 1970-х годов, последние — середина 1980-х). Ныне он обработан и доступен для изучения (ОР РГБ. Ф. 645. Оп. 1, 2). Разнообразие его материалов можно условно представить в трех группах: личные документы, творческая работа, переписка. Крайние даты в описях охватывают столетие: 1872–1970-е. Последнюю дату укажем точнее — 1973 год, год смерти Ирины Николаевны, чей архив тоже включен в этот фонд. Общее количество единиц хранения в фонде Томашевского — 1728, всего около 30 000 листов.

Даже первое беглое знакомство с материалами архива (сквозной просмотр описей) дает представление о масштабе личности его хозяина. Самая обширная часть — подготовительная работа и черновые редакции статей и книг, как опубликованных, так и оставшихся незавершенными (последних не меньше, чем первых). Спектр тем, над которыми трудился Б.В., весьма широк¹². Магистральные направления его исследований: в первую голову, разумеется, пушкинистика¹³, кроме того, история и теория языка, история

¹⁰ См., напр., рецензию на изданные отдельной книжкой воспоминания З.Б. Томашевской: Барыкова М.И. Петербург Анны Ахматовой: [Рец. на кн.: Петербург Ахматовой: Семейные хроники. З.Б. Томашевская рассказывает. СПб., 2001] // Вестник Воронежского государственного университета. 2002. № 1. С. 298–304. – (Гуманитарные науки).

¹¹ Чуковская Е.Ц. Ради красного словца // Литературная газета. 1999. 24 февр. Статья является ответом на интервью З.Б. Томашевской в документальном фильме «Избранник» (1999).

¹² Основные вехи жизни и обзор научной деятельности Б.В. см., напр.: Ларин Б.А., Еремин И.П. и др. Борис Викторович Томашевский // Русская литература XX века: Ученые записки Ленинградского государственного университета. Л., 1958. № 261, вып. 49. – (Филологические науки). Новейшие публикации посвящены по преимуществу отдельным работам Б.В., напр.: Тамарченко Н.Д. «Поэтика» Б.В. Томашевского и ее судьба // Томашевский Б.В. Теория литературы: Поэтика. М., 1999.

¹³ Необозримый массив черновиков работ, посвященных Пушкину, подготовительных материалов к изданию томов собраний сочинений поэта, редактором которых был Б.В., статей для Пушкинской энциклопедии, рецензий, отзывов, выписок образует, по сути, отдельный архив внутри фонда Томашевского в РГБ.

литературы, текстология, поэтика, стилистика. Присутствует в архиве несколько составленных ученым курсов лекций, в том числе по текстологии и стихосложению (есть и образцы собственных юношеских поэтических опытов, а также множество переводов европейских поэтов). Немало рукописей посвящено проблеме перевода старой орфографии в новую в изданиях русских классиков, Томашевский составлял инструкции по орфографии для собраний сочинений не только Пушкина, но и Белинского, Гоголя, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Достоевского. Много занимался Б.В. и лексикографией, был членом редколлегии «Толкового словаря русского языка» Д.Н. Ушакова. Рядом с перечисленным выше — внушительная стопка конспектов лекций по алгебре, тригонометрии и другим областям высшей математики, читанных Томашевским в Институте путей сообщения в 1932–1936 годах, в пору, когда ученый был изгнан из Пушкинского Дома за принадлежность к формальной школе¹⁴. Есть и документ, соединивший две сферы творческой вселенной Б.В.: подготовительные материалы для Пушкинской энциклопедии со сложными многоуровневыми математическими формулами на полях и оборотах¹⁵. Многие черновые рукописи Томашевского хранят на своих листах следы участия в работе его жены, Ирины Николаевны: пометы, замечания, обширные вставки. После смерти мужа она начнет составлять заметки о его исследованиях, но эта работа останется незавершенной и неопубликованной¹⁶.

Собственный архив Ирины Николаевны также свидетельствует о широте ее научных интересов. Значительную часть этих материалов составляют работы по текстологии, которой она занялась по окончании Института истории искусств в 1930 году. Среди ее «подопечных» — Пушкин, Баратынский, Лермонтов, Грибоедов, Гнедич. Все рукописи несут на себе печать самостоятельного, независимого, «блистательного и жёсткого», как скажет впоследствии Солженицын, ума¹⁷. Темы ее докладов и работ всегда оригинальны, даже сами названия привлекают внимание. Из всего архивного разнообразия выделим два документа, перекликающихся с сюжетами жизни и творчества Солженицына. Первый — статья «Лермонтов и Рембрандт» (1947)¹⁸. В ней показано, как Лермонтов в словесной ткани своих стихов использует рем-

¹⁴ Возвращение Томашевского в Пушкинский Дом было связано с подготовкой академического издания сочинений Пушкина и другими начинаниями, приуроченными к 100-летию со дня смерти поэта.

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 645. К. 24. № 4.

¹⁶ Там же. К. 49. № 21.

¹⁷ *Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом. С. 581.

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 645. К. 25. № 16. Гранки статьи, подписанные в печать. Текст готовился к публикации во второй книге лермонтовского тома «Литературного наследства» (Т. 45/46, 1947 год), однако на этом последнем этапе редакционной работы из сборника был изъят (вместе с сообщением Л.П. Гроссмана «Рембрандт в творчестве Лермонтова»).

брандтовские художественные приемы передачи света и тени. О перекличке текстов Солженицына с произведениями любимого с детства Лермонтова не раз писали специалисты¹⁹. И именно офорты Рембрандта из всего многообразия мирового художественного пространства были выбраны сотрудниками Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина для сопровождения рукописей Солженицына на выставке его архива²⁰.

Название еще одной примечательной статьи И.Н. — «Жизнь и необыкновенные приключения Алексея Молчалина», рукопись датирована 1960-ми годами²¹. Работа посвящена герою комедии Грибоедова, в привычном школьном прочтении традиционно противопоставляемому «прогрессивному» Чацкому. Для И.Н. он — новый в литературе герой, открытие автора (Чацкий скорее из компании Онегина, а Молчалин — уж никак не *лишний* человек). В союзники себе исследовательница берет Ф.М. Достоевского, а именно его «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863), и прослеживает судьбу этого героя у Гоголя (Чичиков), Салтыкова-Щедрина и Чехова (выдвигает и собственную гипотезу, что бы с ним было далее, после залпа «Авроры»). Статья не окончена, многие положения остались лишь в тезисах. Любители творчества Солженицына, конечно, знают его этюд «Протеревши глаза» с подзаголовком «“Горе от ума” глазами ээка», написанный сосланным навечно писателем в 1954 году, во время лечения в ташкентском онкодиспансере. Это — совсем не научная статья, в предисловии автор подчеркивает, что стал перечитывать комедию «безо всякой цели что-то пересмотреть или перепонять, просто понасладиться»²². Тем не менее его заметки по ходу чтения весьма любопытно сравнить с выводами академической исследовательницы. Именно Грибоедов станет одной из первых тем их личного общения.

В середине 1940-х годов в рабочих бумагах И.Н. впервые возникают сюжеты, связанные с историей Крыма. Очень скоро множество выписок и набросков складываются в книгу, посвященную этой земле как уникальному явлению русской культуры. Первое ее издание — сборник очерков — вышло в свет в 1946 году²³, окончательная редакция — полноценная монография — через десять лет²⁴. Ныне, пожалуй, эта книга может оказаться самым актуальным и востребованным сочинением И.Н.

¹⁹ См., напр.: *Немзер А.С.* Диалог с русской классикой в «Августе Четырнадцатого» // Путь Солженицына в контексте Большого Времени: Сборник памяти. 1918–2008. М., 2008. С. 137–149.

²⁰ О выставке рукописей и мемориальных вещей из архива А.И. Солженицына в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина см. на с. 202–235 наст. изд.

²¹ ОР РГБ. Ф. 645. К. 28. № 7.

²² *Солженицын А.И.* Протеревши глаза: «Горе от ума» глазами ээка // *Солженицын А.И.* Протеревши глаза. М., 1999. С. 345.

²³ *Медведева И.Н.* Русская Таврида: Очерки. Симферополь, 1946. Кн. 1.

²⁴ *Она же.* Таврида. Л., 1956.

Из кандидатской диссертации, посвященной Гнедичу (защита состоялась в 1949 году), вырос интерес И.Н. к русскому театру конца XVIII – начала XIX века. На протяжении нескольких лет И.Н. изучала этот вопрос, и к середине 1950-х у нее было готово исследование о великой русской актрисе Екатерине Семеновой (1786–1849). История публикации этого труда дала И.Н. особый опыт — она оказалась в положении автора, у которого украли книгу, и не просто украли, а исковеркали весь текст и опубликовали под чужим именем. Случилось это в трагический момент жизни И.Н. Машинопись была сдана на редактуру в ленинградское отделение издательства «Искусство» в 1956 году, в 1957-м последовала внезапная смерть Бориса Викторовича. Помимо тяжести утраты, на плечи И.Н. легла ответственность за творческое наследие Б.В. В первую очередь она довела до конца несколько оставшихся незавершенными работ. Огромной задачей стали разбор и сохранение его архива (относительно последнего в течение нескольких лет с ней вела переписку тогдашняя заведующая отделом рукописей Ленинской библиотеки С.В. Житомирская²⁵). О сданной в издательство собственной книге на протяжении нескольких лет она не получала никаких известий. И.Н. думала, что без ее участия рукопись бездвижно лежит в редакционном портфеле. Однако в начале 1961 года книга вышла в свет: название было изменено, текст полностью перекроен, на титульном листе стояла фамилия сотрудника издательства «Искусство», которому было поручено редактировать эту работу²⁶. Большой корпус документов в архиве И.Н. посвящен ее борьбе за авторские права. По требованию доказать факт плагиата она переписала весь текст книги, показывая, как именно он был изменен новым автором²⁷. Работа была выполнена столь тщательно, что не признать правоту И.Н. Медведевой-Томашевской оказалось невозможно. В 1964 году была выпущена истинная версия книги о Семеновой под именем подлинного автора²⁸.

Последнее десятилетие жизни И.Н. занималась по преимуществу договорной работой. Главным образом она состояла в подготовке к печати, составлении комментария и аппарата для новых изданий классиков. В 1967 году вышло в свет подготовленное И.Н. издание Грибоедова, с комментариями и обширной вступительной статьей²⁹. Позже этот материал дорабатывался, став основой книги³⁰. В архиве мало рукописей этих лет. Из

²⁵ Таких писем сохранилось несколько. ОР РГБ. Ф. 645. К. 35. № 40.

²⁶ Родина Т.М. Русское театральное искусство в начале XIX века. М., 1961.

²⁷ ОР РГБ. Ф. 645. К. 35. № 5, 6.

²⁸ Медведева И.Н. Екатерина Семенова: Жизнь и творчество трагической актрисы. М., 1964.

²⁹ Грибоедов А.С. Сочинения в стихах / вступ. ст., подгот. текста и примеч. И.Н. Медведевой. Л., 1967.

³⁰ Медведева И.Н. «Горе от ума» Грибоедова. М., 1971 (2-е изд. — М., 1974). Книга напечатана в конволюте с работой Г.П. Макогоненко по «Евгению Онегину».

вестно, что последней подобной работой, оставшейся неоконченной, была подготовка комментированного издания «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, работа над которым шла с января 1973 года. Однако следов этого труда в архиве И.Н. нет. Как нет и ни одного листочка, связанного с ее исследованием «Тихого Дона». Нет и ни одного письма, адресованного ей Солженицыным, хотя эта переписка велась — фрагменты писем А.И. были опубликованы З.Б. Томашевской³¹.

Отсутствие таких материалов вполне объяснимо, последнее поступление рукописей И.Н. в фонд главной библиотеки страны датировано 1984 годом, когда имя Солженицына было еще под глухим запретом. Ныне круг документов, связанных с этой работой И.Н., постепенно проявляется. Некоторые черновые материалы вместе с частью архива Ф.Д. Крюкова с 1998 года находятся на хранении в фондах Дома русского зарубежья³². Выявлена часть писем И.Н. к Солженицыну в архиве писателя в Троице-Лыкове, там же имеется копия одного из ответов. Надеемся, что и оригиналы его писем к И.Н. не пропали после кончины З.Б. Томашевской и будут доступны для изучения³³. Еще одним постоянным «доверенным» корреспондентом И.Н. была Е.Ц. Чуковская, сохранившая все полученные письма. Работа по розыску таких источников в государственных и частных фондах только начата и будет продолжена.

Из уже выявленных архивных материалов для публикации мы выбрали документ, освещающий суть работы И.Н., как никакой другой — фрагмент ее переписки с Солженицыным. Шесть писем 1967–1973 годов передают поразительные подробности их общения и творческого сотрудничества-соперничества. Прежде всего обращает на себя внимание тон этих писем, всегда энергично-деловой со стороны И.Н., хотя она была горячей поклонницей Солженицына. Не меньшей, чем подруга ее студенческих лет Е.Д. Воронянская, которая с момента выхода из печати «Одного дня Ивана Денисовича» стала постоянной корреспонденткой писателя и его преданным помощником³⁴. И.Н., несомненно зная об этом, тем не менее долго оставалась в стороне. Личное знакомство состоялось лишь в «зиму на 1967», когда Солжени-

³¹ По крайней мере в двух публикациях З.Б. Томашевская обильно цитирует письма Солженицына к И.Н. См.: *Томашевская З.Б. Как и зачем писалось «Стремя»*. С. 125; *Она же. И сей день не без завтрашнего // Звезда*. 1994. № 6. С. 75–78. Факсимильным фрагментом письма от 7 декабря 1971 года украшена четвертая сторонка мягкой обложки «Как и зачем писалось “Стремя”».

³² Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва). Ф. 014. Ф.Д. Крюков.

³³ З.Б. Томашевская скончалась в 2010 году.

³⁴ См. посвященный Е.Д. Воронянской (1906–1973) очерк «Невидимок»: *Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом*. С. 441–454.

цын собирал недостающий материал для последних поправок к «Архипелагу ГУЛАГу». Обстоятельства этой встречи в ленинградской квартире Томашевских он описал в «Невидимках»³⁵. Писатель упоминает также полученное по почте от И.Н. издание Грибоедова с отправленным вдогонку письмом, поясняющим необычную в нем «дарственную» надпись. Письмо датировано 30 декабря 1967 года, т.е. является самым ранним из выявленных в архиве Солженицына (не беремся, однако, утверждать, что оно было первым адресованным ему письмом И.Н.). Это открытка с черно-белым видом волшебного Гурзуфа, где И.Н. после выхода на пенсию проводила большую часть года, возвращаясь в Ленинград лишь по необходимости. Писатель позже скажет: «Фотография эта меня долго манила: кусочек свободного ласкового края, как я никогда не успеваю жить...»³⁶ Текст открытки не содержит ни ожидаемых поздравлений с наступающим Новым годом, ни сердечных пожеланий. Строгий, мужской ум И.Н. находит форму для выражения уважения и признательности писателю за его труд без проявления эмоций. «Вы и не знаете, как Вас любят люди», — заключает она письмо.

Следующее датировано апрелем 1968 года, и речь в нем идет об «Архипелаге...». И.Н. получила возможность прочесть машинопись только что завершенной редакции книги, несомненно, через Е.Д. Воронянскую. Впечатления были настолько сильными, что И.Н. с трудом удается сохранять обычную невозмутимость. С волнением она отмечает главную силу книги — по ее мнению, она заключается не в изложении страшных фактов нашей истории, но в «человечности, которою эти факты освещены». Однако И.Н. не считает творческую задачу Солженицына выполненной до конца. Свидетельница гибели новгородской деревни, она ждет от писателя еще «летопись страстей крестьянских» и самое трудное: «...историю гибели русской интеллигенции не там, а на воле». Дабы помочь Солженицыну, И.Н. предлагает ему свой кров: «Я полагаю, что Вы теперь и сами знаете, что не только дом с кипарисом, но и — заваленный книгами³⁷, в любой день и час, — к Вашим услугам».

В марте 1969 года Солженицын решился отправиться в манящий своей удаленностью Гурзуф для начала работы над эпопеей «Красное Колесо». «Это — ошибка была: *начинать*, да ещё чрезмерно трудное, неподъемное, надо именно на старом привычном месте, чтобы никакие трудности не добавились, кроме самой работы, — а я понадеялся, наоборот, в новых условиях на новое настроение. Привыкнуть я там не мог, ничего не сделал, в три дня и уехал», — напишет он позже³⁸. И все же смысл у этой поездки был:

³⁵ Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом. С. 581.

³⁶ Там же. С. 582.

³⁷ Речь идет о ленинградской квартире И.Н., где в первое свое посещение Солженицын был поражен «множеством книг — не по стенам только, но серединными полками, как в библиотеке» (Там же. С. 581).

³⁸ Там же. С. 582.

именно тогда А.И. и И.Н. впервые поговорили о «Тихом Доне». «Не я ей — она мне сказала о статье Моложавенко, и какой на неё ответ грозный был из Москвы»³⁹. Солженицын тогда высказал свою давнюю уверенность в том, что если кто-нибудь из литературоведов возьмется за анализ текста, то неизбежно придет к выводу о шолоховском похищении романа. Тема была для И.Н. не нова, разговоры об этом среди специалистов-текстологов, в частности в среде близких коллег ее мужа, велись не одно десятилетие. Для Б.В. Томашевского в этом не было никакого вопроса. По свидетельству З.Б. Томашевской, еще в 1942 году он слышал о Ф.Д. Крюкове как о возможном авторе «Тихого Дона». Отслоение первоначального текста романа представляло для него бесспорный профессиональный интерес⁴⁰. Несомненно, И.Н. сочла, что пришло время довести до конца этот замысел мужа. Такое решение вполне соответствовало ее человеческому и гражданскому складу, но никак не житейским обстоятельствам. По словам Солженицына, «всем литературоведам нужно кормиться, а за такую работу не только не заплатят, а ещё голову оттяпают»⁴¹. Разумеется, И.Н. ясно это понимала. Профессиональную задачу она перед собой поставила сразу совершенно определенно: доказать присутствие в «Тихом Доне» *соавтора*, восстановить подлинного автора, а в конечном итоге — первоначальный текст романа. На неизбежное *оттяпание головы* она отправилась, как обычно, твердо и невозмутимо.

Три уцелевших ее письма декабря 1972-го, апреля и сентября 1973 года посвящены только и исключительно этой работе, в которой Солженицын принял, несмотря на собственное *удушие* последних лет перед высылкой из СССР, самое деятельное участие. Прежде всего, добыванием необходимых источников, исторических справок и книг (начиная с первого издания «Тихого Дона»). Неоценимую роль в этой, без преувеличения, детективной истории сыграла Е.Ц. Чуковская⁴². Она ездила к И.Н. и в Гурзуф, и в Ленинград, доставляя нужные материалы и забирая написанные куски работы. Они были знакомы задолго до этого эпизода — с 1930-х годов И.Н. дружила с Корнеем Ивановичем. «Конспиративное» общение с Е.Ц. Чуковской в последние годы жизни И.Н. было окрашено большой взаимной душевной теплотой⁴³. И все же на первом месте было дело. Е.Ц. не только возила материалы, но и сама занималась розыском литературы в библиотечных фондах.

³⁹ Там же. Речь идет о статье «Об одном незаслуженно забытом имени», посвященной Ф.Д. Крюкову, что была напечатана в ростовской газете «Молот» 13 августа 1965. Год спустя в «Советской России» от 14 августа 1966 появилось «опровержение»: «Об одном незаслуженно возрожденном имени».

⁴⁰ См.: Томашевская З.Б. Как и зачем писалось «Стремя». С. 123.

⁴¹ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 583.

⁴² Рассказ об участии Е.Ц. Чуковской в этой работе см.: Там же. С. 583 и сл.

⁴³ Переписка с Е.Ц. Чуковской — еще один важнейший документ истории этого труда И.Н. Надеемся, что и она со временем будет выявлена в полноте и изучена.

Многие добытые для И.Н. документы нужны были и Солженицыну для работы над «Красным Колесом»: немало сюжетных линий эпопеи имели точки пересечения с исследованием И.Н. Возникло настоящее сотрудничество, соработничество. Или, как скажет впоследствии И.Н., *состязание*. Она работала с открывающимися материалами как ученый, Солженицын — как художник. Высшая точка притяжения — личность Федора Дмитриевича Крюкова (1870–1920). И.Н. слышала это имя в связи с «Тихим Доном» еще с 1940-х годов, для Солженицына оно было совсем новым. В 1969 году у него появилась возможность познакомиться с уцелевшим после революции архивом Крюкова (не только познакомиться, но и спасти его от исчезновения⁴⁴). В нем было множество рукописей, так или иначе связанных с темой романа. Однако невозможно было представить, как из этого хаотичного множества, пусть талантливых, но небольших очерков и записок могло вырасти столь масштабное эпическое произведение. Солженицын, сам работая в это время над эпопеей, не мог нащупать и почувствовать такой замысел в рукописях Крюкова. И.Н., изучив материал, напротив, окончательно утвердилась, что подлинный автор «Тихого Дона» — Крюков. Она, всегда твердая в своих убеждениях, взялась доказать это научными методами.

Сохранилась копия ответа Солженицына на присылку И.Н. в декабре 1972 года законченной главы исследования (не менее 75 рукописных страниц), которую писатель прочел «с упоением и светлой радостью». Уже в этих первых результатах он увидел бесспорный успех работы И.Н. К письму Солженицын приложил перечень замечаний и поправок — все фактологического свойства (в это время он всюду писал «Октябрь Шестнадцатого», где в повествование вошла донская тема, весьма тщательно проработанная). Письмо Солженицын заканчивает обещанием: «К осени 73 г. представлю Вам несколько глав своих о Феде⁴⁵ — каким он был осенью 16-го... Исхожу из подразумеваемой возможности, что в нем зреет роман. Вообще в 73-м надеюсь увидеться с Вами, прочесть Ваше дальше».

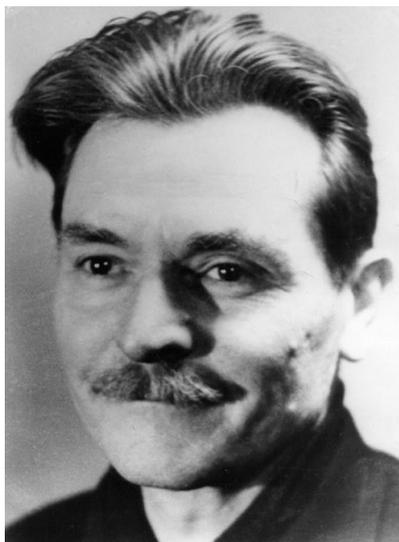
По-видимому, встреча и знакомство И.Н. с избранными главами «Октября...» произошли раньше, в апреле 1973-го она уже откликается на этот текст: «13-я и 14-я (ф)⁴⁶ — большая удача Ваша, и я счастлива, что мне дано ее оценить как читателю. В 13-й Вам удалось в художественно сильном сгустке дать то главное, чем богат Крюков...» Далее И.Н. делает критические замечания по прочитанным главам, а также высказывает соображения о разных исторических персонажах, как всегда тщательно их обосновывая.

⁴⁴ Историю архива Крюкова см.: *Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом. С. 584–586.

⁴⁵ Федор Ковыньёв — персонаж «Октября...», прототипом которого послужил Ф.Д. Крюков.

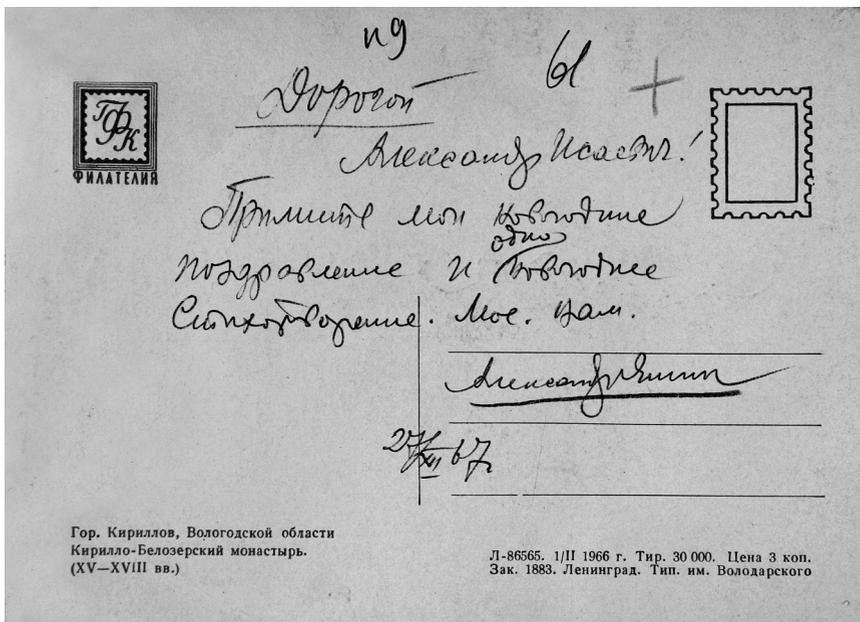
⁴⁶ Главы второго Узла (в окончательной редакции — 15 и 16). «Ф» — фрагментная глава, извлечения из записей и очерков Крюкова.

А.Я. Яшин. Москва. 1960-е годы

ng 58
~~А-1-92-48~~
~~реп. закон~~
~~законод~~
В-1-00-87
А.И.
Мне надо
законозвонка
звонка
Яшин

Записка А.Я. Яшина
А.И. Солженицыну.
Москва. [Декабрь 1967].
Листок из блокнота. 10×7 см.
Зеленая шариковая ручка
Архив А.И. Солженицына

Открытка А.Я. Яшина к А.И. Солженицыну. Москва. 27 декабря 1967.
10,5×14,5 см. Синяя шариковая ручка
Архив А.И. Солженицына

И.Н. Медведева-Томашевская. Ленинград. 1950-е годы

1.

№ 80

16 апреля 1973

Дни то какие, дорогой Александр
Исаевич, - вербная - весиная, а впереди
- безмерно печальная, страдная! Сергей
мне приветствует. Вас, благодарно за
доверие, за встречу и заботу о моем ту-
дак. Как профессионал, как человек,
наконец, пошла все как должно,
впрочем, - об этом уже писал Л.
13 (а) и 14 (ф) - большая удача Ваша и я
счастлива, что мне дано ее увидеть,
~~как~~ ^{как} ~~печальнее~~ В 13 от Вам удалось в ху-
дожественно силовом аспекте дать
то главное, чем богат КВ., ту его
ценность (но никуда - не произведе-
ность), которая отливает этого пре-
красного писателя. Каким он удивитель-
но не книжный человек; напротив,
это всю жизнь возился с книгами
и не так уж много воскофинкой и записей!
Это его свобода и даром, сох досто-
примегабельности" (выражение одного
турецкого дипломата), мне заслужен-
ны и загадочный проходивший. В
- функциональна, как мне представлял
х) Какое славное слово!

Письмо И.Н. Медведевой-Томашевской к А.И. Солженицыну. 16 апреля 1973.

Первая из десяти страниц. Бумага обычная. 21×15 см.

Черная шариковая ручка

Архив А.И. Солженицына

В окончательной редакции «Октябрь Шестнадцатого» можно видеть, что некоторые поправки И.Н. были приняты Солженицыным.

В последнем письме И.Н. (сентября 1973) утрачены первые листы. Фрагмент этого письма Солженицын цитирует в предисловии к «Стремени...»⁴⁷. Здесь И.Н. излагает план работы (принимая во внимание и возможность скорой кончины), слова ее полны решимости и уверенности в достижении цели. Опущенное при цитировании окончание этого письма передает то, о чем читатель за творческим горением прежних писем И.Н. не догадывается — бедственное положение одинокой больной пожилой женщины. Обстоятельства кончины И.Н. в Гурзуфе (октябрь 1973) и утраты части ее исследования поныне остаются непроясненными⁴⁸. Страшное известие о гибели Е.Д. Воронянской, достигшее И.Н. в конце августа, беспокойство не столько за жизнь, сколько за сохранность работы (в частности, рукописей, оставшихся в ленинградской квартире) нанесли удар ее больному сердцу. С последствиями инфаркта И.Н. помогала бороться именно работа. И дружеская поддержка приехавшей к ней давнишней доброй приятельницы, Екатерины Васильевны Заболоцкой⁴⁹. Вскоре после отъезда Заболоцкой в Москву И.Н. скончалась⁵⁰.

Все же осмелимся утверждать, что мужество, вера, надежда (и отличающая И.Н. самоирония) оставались с ней до конца. В статье Е.Ц. Чуковской, посвященной последним дням жизни И.Н., находим фрагмент обращенного к ней письма, отправленного в Москву вместе с последним письмом к Солженицыну: «Что касается меня, то выяснилась полная никчемность стенок, клапанов и прочих деталей моего сердца, так что я вроде совсем уж бессердечна и всячески демонстрирую эти качества своей Корделии, уже месяц меня пестующей. 5-го [октября] она [Екатерина Васильевна] отбывает. Ей пора. И нечего меня баловать: и одна управлюсь, хотя пока еще едва пошевеливаюсь. Живется мне хорошо: синицы прилетели, дятел постукивает, пьяницы гурзуфские не оставляют своими милостями (а без них ведь совсем пропадешь, и гроба сколотить будет некому. Я, впрочем, о нем и не думаю, а так, по склонности к толковому хозяйству, расспрашиваю о сухой щепочке)»⁵¹.

Уцелевшие осколки исследования И.Н. Солженицын готовил к публикации в последние дни перед арестом и высылкой из Советского Союза (предисловие к первому изданию подписано январем 1974). Даже в таком далеко не окончательном виде эта книга стала рубежным для проблемы авторства «Тихого

⁴⁷ См.: *D**. Стремя «Тихого Дона»: Загадки романа. Р., 1974. С. 11–12.

⁴⁸ См.: Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 590–591.

⁴⁹ О мужественном и сердечном участии Е.В. Заболоцкой (1906–1997) пишет в статье Е.Ц. Чуковская. См. примеч. 11.

⁵⁰ 26 октября 1973 года. Похоронена рядом с мужем, Б.В. Томашевским, на старом кладбище в Гурзуфе.

⁵¹ См. выше, примеч. 11.

Дона» исследованием и в то же время — одной из вершин отечественного литературоведения XX столетия. Не успев ответить на все поставленные вопросы, И.Н. открыла дорогу и снабдила всем необходимым тех исследователей, для которых понятие *исторической правды* является не заезженным штампом, но жизненной необходимостью. И потому судьбу работы И.Н. никак нельзя назвать трагичной, скорее — победной. Строки ее писем горят этим победным пламенем: человеческий дух берет верх над убожеством внешних жизненных обстоятельств, непоколебимая вера в правду — над трусостью и ставкой на сиюминутный успех, талант — над бездарностью.

Публикацию писем Ирины Николаевны Медведевой-Томашевской к Александру Солженицыну предваряем текстами двух документов из ее архива в РГБ. Первый — свидетельство о рождении И.Н. (до замужества — Блиновой), выписанное в августе 1903 года при крещении в *лепой* Крестовоздвиженской церкви в Женеве, описанием которой заканчивается посвященный ей очерк «Невидимок», второй — свидетельство об окончании коммерческой школы в Киеве в 1920 году, освещающее неизвестный период жизни И.Н.

Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии, письма — с частичным сохранением авторской орфографии. Сокращения развернуты без угловых скобок. Подчеркивания в письмах переданы курсивом, опечатки исправлены без оговорок.

ДОКУМЕНТЫ И.Н. МЕДВЕДЕВОЙ-ТОМАШЕВСКОЙ

1. Свидетельство о рождении

24 августа 1903

Метрическая выпись № 30¹

В метрической книге Женевской Крестовоздвиженской православной русской церкви² за 1903-й год, в первой ее части «о родившихся», под № 9 женска пола значится, что сего тысяча девятьсот третьего года августа месяца двадцать третьего дня протоиереем означенной церкви Николаем Апраксиным с псаломщиком Евфимием Швидченко крещена была дочь русского дворянина Николая Ивановича Блинова и законной жены его Елизаветы Максимовны, урожденной Калиновской, обоих православного вероисповедания, *Ирина*, родившаяся десятого августа того же 1903-го года. Восприемниками при крещении записаны: дворянка Марья Ивановна Блинова и капитан Александр Аристархович Будянский. Что нижеподписавшиеся и удостоверяют своею подписью с приложением церковной печати.

Женева, в Швейцарии, 24 августа 1903 г.

Женевской Крестовоздвиженской православной русской церкви протоиерей *Николай Апраксин*, псаломщик *Евфимий Швидченко*³

¹ ОР РГБ. Ф. 645. К. 34. № 1. Л. 2. Рукописный текст коричневыми чернилами на типовом бланке. Заверен печатью и подписью консула Императорского российского консульства в Веве и Женеве 4/17 сентября 1903. В левом верхнем углу запись синими чернилами: «Отдел управления Петроградского совета. 30 участковое бюро Д.К.В. Снята одна копия для получения трудовой книжки № 491. 22 апреля 1921. Выдана трудовая книжка № 35370».

² Историю этого храма, существующего в Женеве с 1866 года, см.: *Антонов В.В., Кобак А.В.* Русские храмы и обители в Европе. СПб., 2005. С. 321–324.

³ Подписи заверены печатью Крестовоздвиженской церкви.

2. Удостоверение об окончании Киевского женского коммерческого училища имени Л.Н. и Н.Н. Володкевич

28 декабря 1920

Удостоверение¹

Сим удостоверяется, что Ирина Блинова окончила весной 1920 года полный курс семи классов Киевского женского коммерческого училища имени

Л.Н. и Н.Н. Володкевич Третьего общества преподавателей и сдала зачеты по следующим предметам: Закону Божьему, украинскому языку и литературе, арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии, французскому языку, немецкому языку, истории Украины, русской истории и всеобщей, географии Украины, русской и всеобщей, природоведению, физике, химии и товароведению с технологией, коммерческой арифметике, коммерческой географии, политической экономии, законоведению, бухгалтерии, коммерческой корреспонденции, рисованию и рукоделию.

Председатель школьного совета *В. Зарудский*²
28 декабря 1920

¹ ОР РГБ. Ф. 645. К. 34. № 1. Л. 1. Простой тетрадный лист в клетку. Текст написан от руки коричневыми чернилами. В левом верхнем углу штамп школы: «Київська жіноча комерційна школа имени Л.Н. и Н.Н. Володкевич Третього Київського Товариства Учителів. Кузнечна, 44».

² Подпись заверена печатью школы.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ И.Н. МЕДВЕДЕВОЙ-ТОМАШЕВСКОЙ И А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА (1967–1973)

1. И.Н. Медведева-Томашевская — А.И. Солженицыну

30 декабря 1967

30 декабря 1967¹

Дорогой Александр Исаевич! Я послала Вам Грибоедова с выпиской из Екклесиаста². Не подумайте, что это эпиграф. Если Вас это будет интересовать, я объясню свой ход мысли и отношение этого библейского речения к замыслу удивительной пьесы. По ходу своих размышлений я записала слова библии на титуле «Горе от ума» и именно этот экземпляр нечаянно послала Вам. Впрочем, все нечаянное оказывается резонным, но я испугалась, что в таком виде текст можно принять за грибоедовский, т.е. им выписанный. Простите и будьте здоровы. Вы и не знаете, как Вас любят люди.

Ирина Медведева

¹ Архив А.И. Солженицына. Почтовая открытка — черно-белая фотография с видом Гурзуфа. Почтовый штемпель один (только отправителя): «Гурзуф Укр. ССР, Крым, обл., 2.1.68». Адреса получателя и отправителя, как и основной текст открытки, написаны голубыми чернилами рукой И.Н.: «Рязань 12, Проезд Яблочкова д. 1, кв. 11 Александру Исаевичу Солженицыну», «И.Н. Медведева-Томашевская, Крым, Гурзуф, Виноградная 37».

² По-видимому, речь идет об издании: *Грибоедов А.С. Сочинения в стихах / вступ. ст., подгот. текста и примеч. И.Н. Медведевой. Л., 1967.* Эта книга в архиве Солженицына пока не обнаружена. Не беремся утверждать, какое именно библейское изречение имеет в виду И.Н. — выписки из Священного Писания присутствуют в черновых рукописях ее работ на самые разные темы. Скорее всего, она делала их исключительно для себя, в чистовых редакциях статей, публиковавшихся в советских изданиях, их, разумеется, нет.

2. И.Н. Медведева-Томашевская — А.И. Солженицыну

21 апреля 1968

21 апреля 1968¹

Александр Исаевич!

Вы всколыхнули в душе читателя все лучшее и повернули глаза зрчками внутрь (*к совести*). Именно в этом и заключена сила, которая ринула огромное скопление фактов так, что устоять не смогут и самые устойчивые из закоренелых. Сила неотвратимая и свалит напрочь рано, или позже. Устоять нельзя. Свалят не сами факты, а та человечность, которою эти факты *освещены*.

Как историка меня поразила тщательность подбора, систематизации и анализа. Тут возможна доработка, но не в ней сила. Дело сделано.

Мне почему-то не очень нравится слово *художественное* (исследование). М.б., не надо? Именно потому, что оно истинно художественное, в самом подлинном значении слова.

То ли будет! восклицаю я (не очень склонная к восторгам и восклицаниям, как Вы, вероятно, заметили). То ли будет, когда Вы совершите свою миссию еще и, равной по силе, летописью страстей крестьянских. А дальше, задача м.б. наитруднейшая и тончайшая: история гибели русской интеллигенции не *там*, а на *воле*. Паноптикум уродов (уродство не сразу и не у всех различимое), а среди них барахтаются последние уцелевшие: трогательно все сохраняющие, ничего *не смея*, или изошедшие справедливым гневом, их же сжигающим (иссушающим).

Простите за «программы», Вы уже, наверное, все обдумали и увидели своим особым взором.

Я полагаю, что Вы теперь и сами знаете, что не только дом с кипарисом, но и — заваленный книгами, в любой день и час, — к Вашим услугам.

В Крыму я с конца мая. У меня есть телефон (Ялта 633–68). Буду счастлива услышать Ваш голос или прочесть несколько слов о добром здравии.

Простите за невнятный рассказ о 1944-м². Виню себя за невнимательность к подробностям и расплывчатость, отчасти и оправданную тем, что неясен был спрос (т.е. *что важно для Вашей работы*). Постараюсь, впредь, служить лучше (Е.б.ж., болею. Пишу лежа).

Ирина Медведева

¹ Архив А.И. Солженицына. Рукопись. 2 л. Синяя шариковая ручка.

² И.Н. имеет в виду сведения о выселении крымских татар.

3. И.Н. Медведева-Томашевская — А.И. Солженицыну

20 декабря 1972

20 декабря 1972¹

Дорогой Александр Исаевич!

Глава, которую посылаю — сердцевина всей книги, и аргументация, которую Вы здесь найдете, является решающей для всего замысла, в который, кстати сказать, должно войти и «реставрационное» издание романа.

Главное сказано в первых двух главках (+5-я), которые теперь перед Вами.

Две последующие главки написаны еще вчерне, но, просмотрев мою объяснительную записку к Вам (после стр. 75) — Вы поймете, что к чему. Эти две, недостающие главки и исторический комментарий Вы получите, надеюсь, не позже марта. Впрочем, это находится в зависимости не только от тех клочков свободного времени, которое я могу посвящать этой работе, но и от материала, которым буду «подковывать» своего Пегаса (довольно живого, несмотря на тяжело-медленный ход, не правда ли?). Исторические сведения в мемуарах и архивные документы радуют меня тем, что все они впадают и утверждают мой анализ.

Мне важно Ваше суждение о степени убедительности и логичности моих доводов, Ваше слово о слабых местах в ходе аргументации. Может быть пропущено что-либо важное, не учтено какое-либо из противоречий и глупостей текста. Также хотелось бы знать Ваше суждение обо всем замысле сердцевинной главы. Сейчас я еще не совсем утвердилась в характере исторического комментария, убедившись лишь в том, что он необходим. Давать ли общий обзор событий гражданской войны на Дону, прежде чем перейду к примечаниям к отдельным местам моего сочинения?

Пожалуйста, черкните свои соображения, независимо от того, состоится ли наша беседа. Последнего очень хотелось бы (но не в помеху Вашей работе). Наша ленинградская встреча² показала, что в разговоре легче добраться до важнейшего, хотя это и были одни мимолетности. М.б., я смогу быть чем-нибудь полезной в Ваших трудах и планах. Спасибо за драгоценный подарок. Лекция хороша во всех смыслах³. Спасибо и за ласку, которая поддерживает.

Любящая Вас

Ирина Медведева

¹ Архив А.И. Солженицына. Рукопись. 2 л. Синяя шариковая ручка.

² Эта встреча И.Н. с Солженицыным в марте 1972 года оказалась последней.

³ Без сомнения, речь идет о машинописном экземпляре «Нобелевской лекции». К сожалению, его нынешнее местонахождение неизвестно.

4. А.И. Солженицын — И.Н. Медведевой-Томашевской

24 декабря 1972

24 декабря 1972¹

Дорогая-дорогая Ирина Николаевна!

Горько, но встретиться с Вами в этот раз не могу: нет физической возможности покинуть свою работу и на два часа в пустом доме².

Зато: с упоением и светлой радостью прочел присланные Вами 1, 2, 5 подглавы. Они превосходят (убедительностью) то, что можно было ожидать по первоначальной «заявке», и даже то, что Вы высказывали мне при встречах. Уже от трех-четырёх десятков страниц охватывает полное согласие с исследователем, находят выход все старые подавленные в себе недоумения: откуда эти неувязки, откуда этот вздор в «Тихом Доне» порою, от которого отмахиваешься как от досадливой мухи и, действительно, опять ныряешь в авторское «сцепление мыслей» и забываешь, «прощаешь» — а как же можно было успокаиваться? Как же мы 40 лет читали и не видели такой простой вещи? И когда я мечтал, что найдется человек, докажущий плагиат следствиями литературоведения или языкового анализа, — я всё-таки не представлял, что такую сложную задачу отслоений и отметания подделок придется ему решать. Всякий плагиатор — убийца, но такого убийцы поискать: чтоб над трупом еще изгалялся, вырезал ремни, перешивал в другие места, выкалывал, вырезал внутренности и выкидывал, вставлял другие, сучьи. Очень ясно, очень профессионально Вы посмотрели на свою задачу — и потому сразу пошли верным путем. Убеждает всё кряду — и грубая подделка Лист-

ницкого; и равная «иногородность» белых и красных; и многоцветность, тщетно прикрашиваемая в дву-; и (меня — особенно и сразу, я на это чуток и падох) — счёт глав по частям, простой счёт!; и перестановка событий во времени; и грубая механическая подшивка деклараций к образам; и непоследовательности с Атарщикковым, Извариным, Штокманом, Лиховидовым, Гаранжей, самим Григорием; и догадки о подменах, как стр. 36 (Ваша) и т.д.; и многое другое, да просто сплошь — кроме небольших оговорок, которые я делаю ниже.

И теперь я совершенно разделяю Ваше решение. Такую работу и нельзя остановить прежде, чем восстановить истинный текст автора, пусть с любыми пропусками, но без каких-либо гадких добавлений соавтора (а петитом в пропущенных местах или сносками — предположения исследователя: что здесь могло быть). Теперь ведь и перечитать не захочешь «Тихого Дона» в его обычном виде: грязно в руки взять, хочется очищенного.

Пошли Бог, чтобы всю эту работу успели сделать бы Вы! Но если даже нет — кто-то должен будет докончить. По Вашему плану и при достаточном языковом и художественном чутье это уже будет доступно.

Замечания и возражения

к стр 14. — до запроса во 2 ГД³, раньше того (и важнее для данного исследования!!) — 13.6.06 выступал в 1 ГД ее депутат Крюков (и был он, кстати, — от крестьян) и именно — против использования казаков для подавлений;

14-я же — «боевые неудачи зимы 1916-го»? Таких не было! Последние неудачи в масштабе всего фронта окончились осенью 1915-го. Частные неудачи были только на Румынском фронте в сентябре — ноябре 1916-го, но они не сотрясли всей русской армии и не отпечатались на ней. (Само вступление Румынии было нашей дипломатической глупостью, и только.) Накоплялась усталость войск и лопались нервы кадетской интеллигенции, а больше в 1916 г. ничем Россия не ослаблялась, не поддавалась.

59 — у Чернецова был не офицерский полк, а — небольшой отряд, почти только из гимназистов и юнкеров, и «сорок» расстрелянных были в основном мальчишки (да Чернецов и в чине-то был не старше капитана, сейчас проверить мне некогда). Казачьи офицеры сидели в Новочеркасске и не хотели добровольно идти против Подтелкова!

64–65 — Надо бы проверить. Ведь Дон действительно пропускал красных, и при этом действительно вынужден был на унижения — и авторский замысел мог быть: распространить унижения и на Григория, раз их испытывал весь Дон. Однако: когда это было?

66 — Верхнедонцы ослабли духом с октября 1918, открыли фронт красным в январе 1919 — (Вы неверно пишете — низ стр. 66 — что «с весны 18 по весну 19» верхний Дон был занят красными) — вот тут и унижения, тут

и убежал Григорий в «зимние скирды» — и пробыл там до весны, и сюда — партизанские сцены — эта догадка у Вас великолепна!

стр. 71 — всё верно, но помните в скобках, что Миронов — близкий друг Крюкова (у нас — много материалов⁴) и у автора могло быть некоторое душевное смятение — в миг, когда М-в окружал их общую родную Усть-Медведицу.

Вот и все замечания. (На стр. 57 — пропущено слово).

С первой частью задачи Вы уже блестяще справились. Даже вот этих трех главок на худой конец было бы достаточно, чтобы поставить проблему, оценить соавтора и дать указания к составлению подлинного текста романа. Но более сложная, тонкая, трудообильная задача — еще впереди: идентифицировать автора. Федор ли Дмитриевич? Противопознаний пока почти нет. Всё, что я знаю о его мировоззрении, склонностях и жизненном опыте, вполне приложимо к автору «Тихого Дона». И всё-таки — 100% уверенности тоже нет. Я много прочел его опусов 1907–1916 гг. (и даже из них составлю фрагментную главу его записных книжек): отдельные места у него есть огромной силы, но никогда не встречал я сплошной художественной плотности, всегда — или разводнение, или, в авторской речи, даже дешевая сентиментальщина, «красивости». Конечно, человек растет и к 40-летнему возрасту, да еще в такие бурные годы может возвыситься вдвое и втрое, — а всё-таки?.. А и другого никого не видно, не придумаешь: как бы мог родиться сразу готовый?

К осени 73 г. представлю Вам несколько глав своих о Феде — каким он был осенью 16-го (м.б. и — весной 17-го, на казачьем съезде в Петрограде). Исхожу из подразумеваемой возможности, что в нем зреет роман. Вообще в 73-м надеюсь увидеться с Вами, прочесть Ваше дальше. Пошли Вам Бог всех условий, здоровья, сил и упорства докончить Ваш великий труд!! Переполнен радостью от того, что Вам уже удалось и терзаюсь, что бессилён пока помочь Вам. Обнимаю и целую Вас.

Всегда Ваш

Солженицын

¹ Копия. Архив А.И. Солженицына. Рукопись. 2 л.

² Солженицын работал над «Октябрем Шестнадцатого» во флигеле на даче М.Л. Ростроповича в подмосковной Жуковке.

³ ГД здесь и далее — Государственная дума.

⁴ Ф.К. Миронов (1872–1921) — командир 2-й конной армии. О связанных с ним материалах см.: *Солженицын А.И.* Бодался теленок с дубом. С. 588 и сл.

5. И.Н. Медведева-Томашевская — А.И. Солженицыну

16 апреля 1973

16 апреля 73¹

Дни-то какие, дорогой Александр Исаевич, — вербная = вешняя, а впереди — безмерно печальная, страстная! Сердечно приветствую Вас, благодарю за доверие, за встречу и заботу о моих трудах. Как профессионал, кажется, я наконец поняла все как должно, впрочем, — об этом расскажет Л.²

13-я и 14-я (ф)³ — большая удача Ваша, и я счастлива, что мне дано ее оценить как читателю. В 13-й Вам удалось в художественно сильном сгустке дать то главное, чем богат К., ту его земность (но *нитнюдь*⁴ — не приземленность), которая отличает этого прекрасного писателя. Какой он удивительно не книжный человек; притом, что всю жизнь возился с книгами и не так уж много — со скотинкой и землицей! Это его свойство и дало «сок достопримечательности» (выражение одного турецкого дипломата), ныне замутненный и загаженный проходимцами. 13-я — функциональна, как мне представляется во всем Вашем замысле, не только в данных главах. И 14-я, — разумеется. Эта — просто прелесть и чудо. Т.к. я, в свою очередь (в своем качестве) тоже сделала некую сводку и даже две (и по запискам и по очеркам) для предстоящей мне главы, то первым движением моим было предложить Вам несколько кусков из моего варианта: (замечательную запись от 19 октября 1914-го, где зимний лес и жаркая встреча с женщиной, сильный орис от 13 окт. 1914, где проводы на войну и др.). Однако одумалась и не хочу встревать в цельность Вашей главы. Все, что у меня сделано, имеет наводку на анализ главной поэмы, а у Вас — другая цель. Вам удалось из дебрей записных книжек взять ярчайшее и характерное, т.ч. выявилась его палитра — ярко-переливчатой, своеобразной и сильной. Мне предстоит нелегкое с Вами состязание.

Начало 15-й главы, в котором Вы мое влияние отмечаете⁵, — сильное начало, и все мною замеченное получило силу в Вашей передаче, но... «Но» — состоит в адской трудности объяснения (у Вас — показа художественного) перехода «собирателя» к большой стройке. Как и когда получилось, что вся несметность разрозненных наблюдений жизненных, исторических, психологических — вдруг однажды вошла в русло и пригнана была к огромной стройке? С моей точки зрения процесс этот закономерен и заметен не только в самой постройке, но и в давних заготовках. Кажущаяся россыпь объединена изначально существовавшей направленностью. Вокруг россыпи наблюдений и заготовок — особая атмосфера, и определена она одержимостью любви к тем людям, к той земле. «Где ни стоишь везде середина круга / И к своему дух никнет средоточью». Да, Вы же, Александр Исаевич, об этой одержимости и сказали 13-й и 14-й. А в 15-й — вдруг, пошли в сторону.

С моей точки зрения, в самой поэме между тем очень заметна чрезмерность деталей, и что важнее — конструкторская слабость автора. «Сцепле-

ние мыслей», единый образ — налицо. Но налицо и некая статика, отсутствие четкой линии внутренних перипетий. Все это искупилось грандиозностью эпоса (чего сам автор поначалу и знать не мог), событиями, которые сами по себе ведут и решают судьбы. Однако не чрезмерность накоплений (они никогда не чрезмерны), а привычка складывать и брать ограниченную частицу, — сказались при большом развороте. Словом, я хочу сказать, что здесь, как и должно — всё слилось. В мелочишках видно целое, а в целом видна манера создавать. Следовательно, не верна Ваша мысль, что «ничем написанным и напечатанным та книга не предсказывалась, никакой предварительной работой или начатыми главами она не была обоснована и самому тебе не просвечивалась». Дальше скажу о том, что считаю и насчет «глав» мысль Вашу ошибочной, а насчет «предварительной» и вовсе. Так не бывает ни с одним художником; всё дело лишь в том, как у каждого сливаются понятия предсоздания и самого создания. Полагаю, что стимул, ближайший толчок к созиданию можно, как говорится, засечь. Самая идея Ваша связать замысел начала с любовными переживаниями К. может быть хороша. Но Вы как-то уж очень прямо и уверенно дали этот толчок. И получилось, что Вы сами рассеиваете обаяние Вашей идеи. Читатель (по крайней мере — я) начинает сомневаться и в критическом даре Зинки (кстати, зачем это *ка?* К Вашему начертанию самого характера отношений — это не подходит, и невольно перед глазами встает та «Зинка», которую К. сделал «шмарой» Подтелкова, именно «та» девка. Ведь для товарищеского, домашнего «Зинка» — у Вас тоже не дано оснований), начинает сомневаться читатель и в Ваших датах. Ведь встреча в поезде происходит в 1916-м, значит Вы уверены, что в ту пору «романа» не было? Было только предчувствие, эмбрионы? Даже «сквозь магический кристалл» (Пушкин) даже «неясно» — не различим был роман.

Очень уверена, что в ту пору уже первая книга была написана! Основываюсь и на анализе стиля и, прежде всего, — на творческих особенностях К. Именно эти особенности уверяют меня в том, что большая поэма уже где-то около 1912-го в замысле оформилась, но по скромной робости автора замысел еще не казался ему самому чем-то большим. Так, — привычное повествование. Именно вышеизложенное убеждает меня в том, что писалась эта поэма по частям, с передышками (что тоже заметно). Как раз в Вашем году, я полагаю, шли военные главы и какая-то основная часть не была создана. Только удивительное знание тех людей, той жизни, которую и охватывал К., помогло ему свести концы с концами, выражаясь фигурально: венцы с венцами, при надстройке. Первая книга, вопреки толкованию в качестве «бытовой», чуть не этнографической, уже содержит ведущую мысль: поколебленность устоев. Так, уход вольного, вольнолюбивого, мужественного — в подневольную жизнь слуги — сущий обвал тогдашней жизни. И заметьте, что такого рода обвалы, потом, при развороте событий, возымеют не малое значение, они-то и составят внутреннюю трагическую подоплёку этих собы-

тий. Однако уже в первой части есть и главнейшее, то, что для К. составляло заветнейшее. Здесь уже сказано главное о земле, о страсти к ней, — любушке. Это и противостанет по мысли К. надвигающемуся крушению. Во второй книге дано и другое, объясняющее. Здесь — о мужестве, смелости. Ими и силен тот народ, хотя война измочалила и истомила. Затем, когда с февраля двинулась лавина обвала огромного, всероссийского, К. опять нашел необходимое для связи «венцов» своего строения. Тогда-то осознал он свою поэму уже как эпос, что и дало ему силу воздвигать куски для дальнейшей постройки до самого своего смертного часа. Так представляется мне эта работа и эта поэма-жизнь. Конечно, всё «достругаю», когда сяду за поэтику, но, м.б., и в том хаотическом виде, в каком здесь изложено — Вам и небезынтересно. Я далека от мысли подавать советы. Смешно было бы. Но как-то Вы найдете способ свести все прекрасно сделанное в главе 15-й с главами 13–14. А сейчас, поверьте моему глазу и вкусу, — Ваша Зинаида — клин, расщепивший созданное. Теперь о другом.

Жадная подчистка или прочтение разных материалов для моего исторического комментария — дала мне не мало. Л. расскажет Вам о моих вставках в исторические главки, главы о Листницком, о Московском совещании, о цельности самой фигуры, чисто белого офицера — антипода любимому герою. Но это потом поглядите. Сейчас хочу сказать о М.В. Алексееве. Этот генерал, чистенький и внутренне, казалось бы, чистый — сыграл роль немаловажную в провале белых. И только потому что уж очень был плоть от плоти той бездарности, какую создал царствующий дом. Ведь генерал Алексеев почти главнокомандующий. Ведь он небось не последняя помеха в военных делах Великого Князя Николая Николаевича? И вот именно он ведет Корнилова на верную смерть в Екатеринодар, перед тем убивши (невольно) генерала Крымова и замысел Корнилова. Сговор с Керенским — не сговор в настоящем смысле, но анемичность, какую отличались все последние соратники Николая. И такой человек представляет национальный центр, является довереннейшим лицом для всех этих умных и честных людей (Кривошеина, Трубецкого, Федорова и проч.). Что мог этот человек понять в большевиках и во всем, что творилось. Казак сибирский Корнилов (бившийся в цепких ручках чистенького генерала) — мог. Мог даже увертливо-честолюбивый генерал П.Н. Краснов, но не Алексеев. Недаром лично сдружился он только с Деникиным, который и сам был туп на поворотах. Таким развернулся этот генеральчик (повторяю: честный и чистенький) на очень важном донском участке, в донской всей сложности.

Хотелось бы, чтобы в Вашем 1916-м это лицо осветилось было Вашим прожектором. Еще выхватить бы Вам и Кривошеина. Двух хороших и честных, которые, м.б., больше других — ничего не поняли. Впрочем, Кривошеин, вероятно, как недолгий министр, сваленный прохвостами — у Вас есть.

Кончаю. Боюсь, что, не успев хорошо заострить мысли, написала Вам хаотично. Прошу прощения и еще раз душевно Вас приветствую, желая Вам и семье Вашей — всего светлого.

И.Т.

Кажется, не было случая сказать спасибо за подарок, за узел первый⁶.

¹ Архив А.И. Солженицына. Рукопись. 4 л. Синяя шариковая ручка. Еще один лист отпечатан на пишущей машинке.

² Люша — Е.Ц. Чуковская.

³ См. выше, примеч. 46.

⁴ Какое славное словцо! — *Примеч. И.Н. Медведевой-Томашевской.*

⁵ В последней редакции «Октября...» — 16-я глава.

⁶ Вышедшее в 1971 году в Париже издание «Августа Четырнадцатого».

6. И.Н. Медведева-Томашевская — А.И. Солженицыну

[Сентябрь 1973]¹

За весну и лето, несмотря на всевозможные помехи, — сделала три новые главы, которыми наконец завершилась (удовлетворяя) часть историческая². Эти главки нужно сейчас только подтесать и угладить, к чему, надеюсь, уже помех не будет. Тогда срочно начинаю приводить в порядок часть вторую (поэтику). Исподволь, в простом карандаше делаю задуманную реставрацию (пока только композиционную). Фразеологический и лексический отсыл сам собой делается после поэтики. Исторический комментарий получает другое назначение. Он будет не так, как я раньше полагала — лишь опорой моего исследования. Он явится необходимым добавлением к самому произведению.

Верю, что к весне завершу задуманное и, как никогда раньше, понимаю важность именно этой первой части моей работы. Дело ведь не в разоблачении одной личности и даже не в справедливом увенчании другой, а в раскрытии исторической правды, представленной поистине великим документом, каким является изучаемое сочинение. Это дело я уже не могу не довести до конца. Верю, что доведу.

Что касается детектива, то я решила составить краткий конспект этой второй своей книги, с приложением собранной документации (библиография и т.п.), а также написанных глав (2). Это, равно как резюме, будет «Приложением» ввиду кончины автора. В кратком сообщении издателя будет сказано, что есть надежда найти 2-ю часть в завершенном виде. Вдруг

мой век продлится и эта книга окажется написанной. Посмертно найденная рукопись составит вторую книгу. Таковы планы. Я получила по болезни годовую отсрочку по договорам с издательствами и посему до весны на них не работаю.

Где-то в феврале надеюсь сообщить (воззвать) о необходимой помощи в части машинописи и графической разметки³.

Я еще не знаю, как смогу распорядиться своим бытом. Пока я еще почти не передвигаюсь и очень плохо дышу (надеюсь, что это всего лишь сердечная астма или застойные явления в легких, а не самое плохое). Исход инфаркта, в целом, удовлетворительный. Можно сидеть и вставать с постели (изредка).

Никакие санатории, дома отдыха и дома творчества мне не подходят. Вернее, — я им не подойду, т.к. числюсь «кочной» больной. Врачи не дадут нужной справки. Вот, все. Естественно, я очень беспокоюсь о Ваших делах, живя в полнейшей, тупой изоляции. Моя «Рига» — не больше как хлам. Т.ч. если ко мне поедет некая нянька (дети хлопочут, не знаю, что из этого выйдет), то пришлите мне в пакете с остренькими (но мягкими) карандашами и блокнотиком — письмо, сколько-нибудь информирующее о Ваших трудах и судьбах. Только пусть это будет положено в нечто объемно-ощутимое для той тетки. Ну, например, между двумя пакетами крупы «Геркулес». Доставьте это моему сыну, который будет, несомненно, провожать означенную сиделку⁴.

[*Письмо не подписано.*]

¹ Архив А.И. Солженицына. Рукопись. 2 л. Фрагмент, начало письма утрачено. Черная шариковая ручка.

² План задуманного И.Н. исследования см.: *D**. Стремя «Тихого Дона». С. 23–24.

³ В ходе работы И.Н. в перепечатке ее рукописных фрагментов помогали Е.Ц. Чуковская и Е.Д. Воронянская. См.: *Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом*. С. 587–588.

⁴ Сведений о прибытии в Гурзуф сиделки для ухода за И.Н. нет ни в одной публикации З.Б. Томашевской.

Раздел подготовлен

И.Е. Мелентьевой и Г.А. Тюриной

Издания произведений А.И. Солженицына

В вышедшем из печати в декабре 2013 года втором выпуске альманаха «Солженицынские тетради» было продолжено первопечатание не изданных прежде эссе из «Литературной коллекции» — опубликован очерк «Мой Булгаков» (2004). Здесь же помещена переписка Солженицына с Е.С. Булгаковой 1962–1968 годов (публикация и примечания Н.Д. Солженицыной). Продолжено издание переписки Солженицына и Л.К. Чуковской (письма 1967–1974 годов, публикация и комментарии Е.Ц. Чуковской). Т.С. Царькова, заведующая отделом рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, впервые познакомила читателей с текстами пятнадцати писем Солженицына к Н.Г. Губко (1963–1968) из фонда этого хранилища (публикацию дополнили ответы Губко и комментарии В.В. Радзишевского).

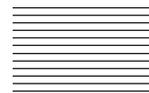
Несколько фрагментов еще не изданных текстов Солженицына напечатаны в каталоге выставки рукописей и мемориальных вещей писателя, которая проходила в декабре 2013 — марте 2014 года в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина¹. В книге впервые опубликован целый ряд документов и фотографий писателя.

Из переизданий книг Солженицына назовем лишь некоторые. Отметим активность, проявленную питерским издательством «Азбука», — во второй половине 2013-го – начале 2014 года оно выпустило в свет шесть книг: в двух разных сериях в твердом переплете изданы сборники с одинаковым названием «Один день Ивана Денисовича», один содержит рассказы 1960-х годов², другой рассказы 1960-х и «Раковый корпус»³. Кроме того, издательство продолжило публикации произведений Солженицына в формате pocket book.

¹ Александр Солженицын: Из-под глыб: Рукописи, документы, фотографии: К 95-летию со дня рождения: [Выставка в ГМИИ им. А.С. Пушкина, 9 декабря 2013 – 9 февраля 2014] / [авт.-сост. Н.Д. Солженицына, Г.А. Тюрина]. М.: Русский путь, 2013.

² *Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича*. СПб.: Азбука, 2014. – (Мировая классика).

³ *Он же. Один день Ивана Денисовича*. СПб.: Азбука, 2014. – (Русская книга).

Вслед за «Архипелагом ГУЛАГом» напечатаны рассказы⁴, «Раковый корпус»⁵ и «В круге первом»⁶. В подарочной серии «Малая библиотека шедевров» вышел сборник повестей, рассказов и крохоток⁷.

Издательство «АСТ» вновь выпустило «Раковый корпус» (серия «Русская классика»)⁸, роман «В круге первом»⁹ и рассказы¹⁰.

За рубежом появились новые переводы ряда произведений Солженицына. В Португалии продолжена публикация серии рассказов¹¹. На галисийском диалекте испанского языка издан «Один день Ивана Денисовича»¹². В Венгрии напечатан сборник, в который вошли несколько рассказов и публицистика¹³. В чудесном оформлении вышло в свет новое издание «Матренина двора» на корейском языке. Новое издание «Ракового корпуса» осуществлено в Китае¹⁴. Повесть переиздана в Румынии¹⁵, а на албанском языке она вышла в свет впервые¹⁶. Французы впервые опубликовали перевод сокращенного издания «Архипелага ГУЛАГа», подготовленного к печати Н.Д. Солженицыной¹⁷. Третья книга полного «Архипелага...» стала шестым томом нового французского собрания сочинений¹⁸. Перевод «Архипелага...» с пометой «исправленный» напечатан в Италии¹⁹. В Лондоне в серии «Ex libris: Vintage classics» переиздан «Август Четырнадцатого»²⁰. Сербы выпустили книжечку с параллельными русскими и сербскими текстами крохоток 1990-х²¹.

⁴ *Он же*. Один день Ивана Денисовича: Рассказы 60-х годов. СПб.: Азбука, 2014.

⁵ *Он же*. Раковый корпус. СПб.: Азбука, 2014.

⁶ *Он же*. В круге первом. СПб.: Азбука, 2014.

⁷ *Он же*. Раковый корпус. Один день Ивана Денисовича. Повести. Рассказы. СПб.: Азбука, 2014. – (Малая библиотека шедевров).

⁸ *Он же*. Раковый корпус. М.: АСТ, 2014. – (Русская классика).

⁹ *Он же*. В круге первом. М.: АСТ, 2013. – (Русская классика).

¹⁰ *Он же*. Рассказы. СПб.: Астрель, 2013.

¹¹ Начало серии было положено публикацией «Одного дня Ивана Денисовича». Новые книги серии: *Soljenitsyn A. A casa de Matrona seguido de Incidente na estação de Kotchetovka* / trad. A. Pescada. Porto, 2013; *Idem. Zacarias escarcela e outros contos* / trad. A. Pescada. Porto, 2014.

¹² *Solzhenitsyn A. Un día na vida de Iván Denísovich* / trad. M. Andor. Cangas do Morrazo, 2013.

¹³ *Szolzsényicin A. Orosznak lenni — vagy nem lenni?* / trad. I. Kiss, B. Ibolya. Budapest, 2013; *Idem. Ivan Gyenyiszovics egy napja* / trad. J. Elbert, E. Katona, L. Wessely. Budapest, 2013.

¹⁴ Воспроизвести выходные данные этих изданий, к сожалению, не можем.

¹⁵ *Soljenitin A. Pavilionul cancerosilor*. Bucharest, 2013. Vol. 1.

¹⁶ *Sollzhenjicin A. Pavijoni i kancerozëve*. Tiranë, 2014.

¹⁷ *Soljénitsyne A. L'Archipel du GULAG*: Ed. abrégée. P.: Fayard, 2014.

¹⁸ *Idem. L'Archipel du GULAG*. Vol. 3 // *Œuvres complètes*. P.: Fayard, 2013. T. 6.

¹⁹ *Solženicyan A. Arcipelago Gulag*: Nuova edizione aggiornata. Milano: Mondadori, 2013.

²⁰ *Solzhenitsyn A. August 1914* / trad. H.T. Willets. L., 2014. – (Ex libris: Vintage classics).

²¹ *Солженицын А. Крохотки* / *Солжењицин А.*: [на рус. и сербск. яз.]. Мрвице: Бања Лука,

ВЫСТАВКА «АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН: ИЗ-ПОД ГЛЫБ»

Государственный музей изобразительных искусств
имени А.С. Пушкина.

Москва. 9 декабря 2013 – 2 марта 2014

Пригласительный билет на открытие выставки.
Художник Е.А. Корнеев

Дизайнер экспозиции Э.И. Белоусов и художник каталога Е.А. Корнеев у входа в 31-й зал

И.А. Антонова и Н.Д. Солженицына на открытии выставки в Итальянском дворике музея. 9 декабря 2013

Панорама выставки

Витрина с рукописями
четырёх Узлов эпопеи
«Красное Колесо».
Фотографии К. Жуковой

Витрина первого раздела экспозиции с детскими рукописными опытами Солженицына и любимым томом Лермонтова

Фрагмент экспозиции. Светящиеся кубы с экспонатами; витрина с лагерной телогрейкой; шкаф с иностранными изданиями книг Солженицына

Посетители на выставке

У светящихся кубов

*Чтение фрагмента рукописи
на сенсорном экране.
Фотографии К. Жуковой*

Портрет работы А.Т. Зверева;
шкаф с русскими изданиями
книг Солженицына

У витрины
с «нобелевским» фраком.
Фотографии К. Жуковой

ФОРУМ «ТУРЦИЯ ЧИТАЕТ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА:
ОПЫТ ПОКОЛЕНИЙ»

Эрджиесский университет.
Кайсери. 19–20 декабря 2013

Первое заседание, посвященное проблемам перевода Солженицына на турецкий язык.

Слева направо: Мехмед Озгюль, Угур Бюке, Севинч Учгюль и Юлия Арслан

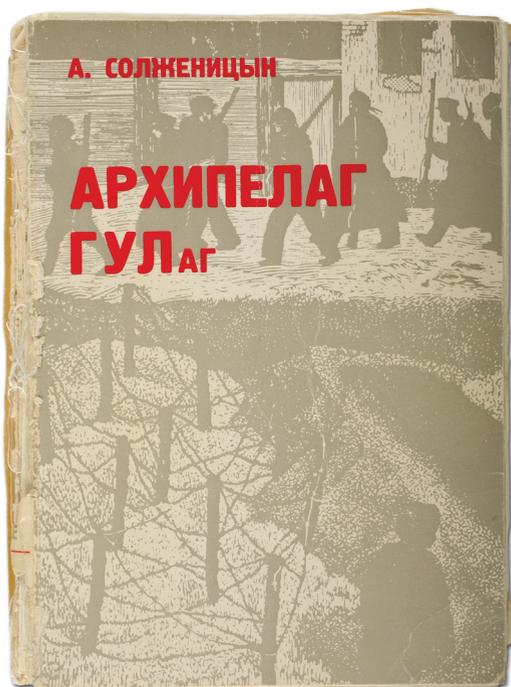
Гости форума с руководством и преподавателями кафедры русского языка и литературы

Памятный знак участнику форума

Выставка изданий книг Солженицына в университетской библиотеке.
Студенты-слависты у одного из столов

К Сорокалетию
Публикации
«Архипелага ГУЛАГа»

Обложка первого тома книги
(Paris: YMCA-Press, 1973)

В типографии. А.И. Солженицын,
Н.А. Струве, Л.М. Лифарь
(показывает писателю станок,
на котором печатался
«Архипелаг ГУЛАГ»). Париж. 1974.
Архив М.И. Лифарь

Бюст А.И. Солженицына в поселке Мезиновский, во дворе школы, где писатель учительствовал в 1956–1957 годах.

Фотография 2013 года

А.И. Солженицын. Красное Колесо. Художник Т. Салахов. 2013.
Холст, масло. 2×1,4 м

Отдельные рассказы и фрагменты произведений писателя вошли в состав специальных изданий и сборников. Так, издательство «Никея» включило рассказ Солженицына в подборку произведений русских писателей, посвященных празднику Пасхи²². В Таллине предпринято специальное издание к 40-летию первой публикации «Архипелага ГУЛАГа». В книге, получившей название «Архивы памяти», напечатаны фрагменты очерка «Эстонцы» Пятого дополнения мемуаров «Бодался теленок с дубом». Среди других материалов, связанных с созданием «Архипелага...», помещены фрагменты переписки Солженицына с Арнольдом и Хели Сузи и Лембитом Аасало²³.

В связи с трагическими событиями на Украине многие средства массовой информации обращались к словам Солженицына, задолго до разразившейся катастрофы предостерегавшего об ее опасности. Самый обширный материал, составленный из фрагментов книги «Архипелаг ГУЛАГ», статьи «Как нам обустроить Россию?», других публицистических работ и интервью писателя, был напечатан в «Российской газете» в мае 2014 года²⁴.

Литература о творчестве А.И. Солженицына

В предыдущем, втором, выпуске «Солженицынских тетрадей» напечатан ряд исследований, выросших по преимуществу из докладов, сделанных на солженицынском семинаре Дома русского зарубежья. В их числе статьи Е.В. Ивановой «Реальность и вымысел в творчестве Солженицына», А.Д. Шмелева «Историческая память слова в прозе Александра Солженицына: *мир и воля*», И.В. Дорожинской и Г.А. Тюриной «Москва и москвичи Александра Солженицына: Перспективы изучения темы», А.С. Немзера «Колесо в Круге»²⁵, Л.И. Сараскиной «Обустройство против “Перестройки”: Идеальный конфликт 1990-го глазами художника и власти». Кроме того, во втором выпуске «Тетрадей» опубликована статья А.А. Баранович-Поливановой «Мелко плавает Хемингуэй», в которой выявляются точки соприкосновения и различия творчества двух писателей; рассказ И.Б. Роднянской «Попытка не пытка...» о неудавшейся попытке публикации энциклопедической статьи

²² Солженицын А.И. Пасхальный крестный ход // Пасхальные рассказы русских писателей. М.: Никея, 2014. С. 405–412. – (Пасхальный подарок).

²³ Архивы памяти: Сборник. Очерки, воспоминания, письма, документы, рукописи, рисунки, фотографии / авт.-сост. Л.Ф. Глушковская. Таллин: Эстонский культурный центр «Русская энциклопедия», 2013.

²⁴ Солженицын А.И. С Украиной будет чрезвычайно больно // Российская газета. 2014. 16 мая.

²⁵ Три уже публиковавшиеся ранее статьи А.С. Немзера, посвященные роману «В круге первом» и эпопее «Красное Колесо», переизданы в составе обширного сборника: Немзер А.С. При свете Жуковского: Очерки истории русской литературы. М.: Время, 2013. С. 796–859.

о Солженицыне в 1969 году; «Невидимка “номер один”» — воспоминания И.В. Куклиной и И.А. Хроль о Н.И. Зубове, многолетнем друге и помощнике Солженицына; развернутая рецензия В.В. Туркиной «Заметки при чтении книги Б. Сарнова “Феномен Солженицына”». В разделе «Архивные находки» сообщается о выявленных архивных материалах, связанных с фронтовым путем отца писателя, И.С. Солженицына.

В декабре 2013 года из печати вышли еще три сборника, посвященные Солженицыну. В издательстве «Русский путь» напечатаны долгожданные материалы конференции 2011 года «Жизнь и творчество Александра Солженицына: На пути к “Красному Колесу”»²⁶, а также материалы конференции к 50-летию публикации «Одного дня Ивана Денисовича»²⁷ (книга завершила серию изданий, подготовленных к этому юбилею отделом по изучению наследия Солженицына Дома русского зарубежья²⁸). Ко дню рождения писателя был издан специальный выпуск «Вестника Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина», в числе авторов — аспиранты и преподаватели РГУ, а также специалисты из других отечественных и зарубежных учебных центров, в частности известный американский славист Ричард Темпест²⁹. В начале 2014 года из печати вышел сборник материалов Четвертой Всероссийской научной конференции «А.И. Солженицын и русская культура», проведенной в ноябре 2013 в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского³⁰.

²⁶ Жизнь и творчество Александра Солженицына: На пути к «Красному Колесу»: сб. ст. / сост. Л.И. Сараскина. М., 2013.

²⁷ Международная научная конференция «“Ивану Денисовичу” — полвека»: К 50-летию публикации рассказа Александра Солженицына. Москва, 15–16 ноября 2012 г. / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; [сост. И.Е. Мелентьевой]. М., 2013.

²⁸ В серии вышли еще два издания: «Ивану Денисовичу» полвека: Юбилейный сборник (1962–2012) / сост. П.Е. Спиваковский, Т.В. Есина; вступ. ст. П.Е. Спиваковского; «Дорогой Иван Денисович!..»: Письма читателей: 1962–1964 / сост., коммент., предисл. Г.А. Тюриной. М.: Русский путь, 2012.

²⁹ Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина: Научн. ж-л (Рязань). 2013. № 3(40). Посвящается 95-летию со дня рождения А.И. Солженицына. В сборнике 16 статей. Из авторов-рязанцев назовем Ю.В. Лазарева (статья «Оттепель в школьном преподавании литературы: К истории изучения творчества А.И. Солженицына в школе»), В.Н. Козлякова («Отражения: А.И. Солженицын о драматической трилогии А.К. Толстого»); А.В. Сафронова (После «Архипелага...» (поэтика лагерной прозы конца XX века)).

³⁰ Известия Саратовского университета. Новая серия. Саратов, 2014. Т. 14, вып. 2 (к 95-летию А.И. Солженицына). – (Филология. Журналистика). Раздел «Литературоведение» содержит 19 статей, среди них: «Художественное слово в публицистике А.И. Солженицына» Л.Е. Герасимовой; «“Страшные” слова у Солженицына» И.Е. Мелентьевой; «Риторические корни романа А.И. Солженицына “В круге первом”» Г.М. Алтынбаевой.; «“Узлы” истории в изображении М. Алданова и А. Солженицына» Е.Г. Трубецковой. В разделе «Публикации» напечатано интервью с Н.А. Струве: «К 50-летию первой публикации “Крохоток” А.И. Солженицына».

Статьи, посвященные разным аспектам творчества писателя, опубликованы и в других научных сборниках. Так, в материалах очередного симпозиума Международного общества Достоевского присутствует доклад Л.И. Сараскиной по публицистике Достоевского и Солженицына³¹. В журнале «Философские науки» две статьи с анализом произведений Солженицына составили специальный раздел под названием «История в размышлениях»³².

Изучению произведений Солженицына в средней школе посвящены публикации в журналах «Русская словесность»³³ и «Литература»³⁴. К 95-летию со дня рождения писателя подробную иллюстрированную методическую разработку подготовил журнал «Школьная библиотека»³⁵.

Московский священник и писатель протоиерей Артемий Владимиров выпустил мемуарную книгу, одна из глав которой представляет рассказ о том, какое влияние на его судьбу оказало творчество Солженицына³⁶. О своем опыте прикосновения к произведениям Солженицына пишет в новой книге писатель, общественный деятель, богослов А.Л. Дворкин³⁷.

Начало 2014 года было ознаменовано выходом в свет двух посвященных Солженицыну монографий. Биограф писателя Л.И. Сараскина опубликовала исследование под названием «Солженицын и медиа в пространстве советской и постсоветской культуры»³⁸. В нем прослежены и проанализированы основные тенденции деятельности отечественных СМИ по осве-

³¹ Сараскина Л.И. Церковь и общество в публицистике Ф.М. Достоевского и А.И. Солженицына: Переключки столетий // XV Симпозиум Международного общества Достоевского «Достоевский и журнализм»: Тез. докл. М.: Междунар. о-во Достоевского, 2013. С. 108–109. (Симпозиум проходил в Доме русского зарубежья 8–14 июля 2013.)

³² Нижников С.А. Социально-политические взгляды А.И. Солженицына // Философские науки (М.). 2014. № 2. С. 64–74; Ликинцев Н.В. Богословские и антропологические основания надежды в «Красном Колесе» // Там же. С. 75–88.

³³ Княжицкий А.И. Солженицын. Писатель. Историк. Публицист // Научно-методический журнал «Русская словесность». 2013. № 5. Приложен электронный диск с комментариями А.И. Княжицкого к «Архипелагу...».

³⁴ Дмитренко С.Ф. «Архипелаг ГУЛАГ»: вопросы изучения и чтения в школе // Литература (М.). 2014. № 5–6; Он же. Герой книги — правда // Там же. № 7–8; Волков С.В. Уверенность буквы, стоящей в слове // Там же.

³⁵ Профессиональная библиотека школьного библиотекаря. М.: Школьн. б-ка, 2013. Вып. 4: Александр Исаевич Солженицын 11 декабря 1918 – 3 августа 2008. К 95-летию со дня рождения. Выставка в школьной библиотеке. – (Прилож. к ж-лу «Школьная библиотека». Сер. 2).

³⁶ Владимиров А.В., прот. Мой Университет: воспоминания о студенческой юности. М.: Артос, 2013.

³⁷ Дворкин А.Л. Моя Америка: Автобиографический роман в двух книгах с прологом и двумя эпилогами. Н. Новгород: Христианск. б-ка, 2013.

³⁸ Сараскина Л.И. Солженицын и медиа в пространстве советской и постсоветской культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2014.

щению творчества, общественной позиции и биографии писателя от его публичного дебюта и до наших дней. Источниковую базу этой работы составили официальные материалы советского времени (1962–1974), секретные документы ЦК КПСС и КГБ СССР (с 1965 по 1989), публикации сам- и тамиздата, материалы СМИ, появившиеся после возвращения Солженицына из изгнания (1994)³⁹.

В петербургском издательстве «Вита Нова» издан русский перевод книги ветерана солженицыноведения, французского слависта Жоржа Нива — результат почти полувекового изучения жизненного и творческого пути писателя⁴⁰. В книгу «Александр Солженицын: Борец и писатель» в переработанном и дополненном виде вошли уже публиковавшиеся на русском языке результаты исследований Нива, а также новые наблюдения, сделанные в ходе изучения текста «Красного Колеса» и двучастных рассказов⁴¹.

Важным событием стало появление второго издания дневниковых записей и воспоминаний Л.К. Чуковской, где записи о Солженицыне представлены в значительно более полном объеме, чем в издании первом (более 200 страниц)⁴².

Написанная Л.И. Сараскиной биография Солженицына переведена на китайский язык и опубликована в КНР.

Выставки, конференции, лекции, чтения, обсуждения

Конец 2013-го и первая половина 2014 года были богаты на годовщины: 95-летие со дня рождения Солженицына, 40-летие публикации «Архипелага ГУЛАГа» и изгнания его автора из СССР, 20-летие возвращения. В связи с этими датами прошло множество мероприятий в культурных и учебных центрах разных городов России и зарубежья. Назовем лишь некоторые.

К 95-летию писателя несколько региональных библиотек провели книжные выставки и читательские конференции. В их числе Национальная библиотека Республики Ингушетия, Амурская областная библиотека, Ставропольская библиотека-филиал № 8, Рязанская областная универсальная научная библиотека им. Горького. Помимо книжной выставки, Вышневолоцкая центральная библиотека организовала 14–21 октября 2013 года в рамках

³⁹ Стенограмму обсуждения книги см. в разделе «Статьи и дискуссии» на с. 150–170 наст. изд.

⁴⁰ Нива Ж. Александр Солженицын: Борец и писатель / пер. с фр. В.А. Петрова. СПб.: Вита Нова, 2014. Французский оригинал: *Nivat G. Le phénomène Soljénitsyne*. P.: Fayard, 2009.

⁴¹ Об этапах своей работы Жорж Нива рассказал на презентации книги, которая состоялась 25 апреля 2014 года в Доме русского зарубежья. Текст его выступления см. на с. 174–180 наст. изд.

⁴² Чуковская Л.К. Из дневника. Воспоминания. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Время, 2014.

ежегодных Дней чтения фестиваль «Большое чтение: Александр Солженицын». Лекции о творчестве писателя в разных школах района прочли сотрудники Дома русского зарубежья, в самой библиотеке состоялось выступление лауреата Литературной премии Александра Солженицына 2013 года поэта Максима Амелина.

С особой тщательностью юбилейные мероприятия готовились в кисловодской Центральной городской библиотеке имени А.И. Солженицына, сотрудники которой не первый год трудятся над популяризацией наследия писателя в его родном городе. Выставку фотографий и книг представили и их коллеги в Кисловодском историко-краеведческом музее «Крепость». В мае 2014-го в его стенах прошел круглый стол, на котором представители библиотек и музеев города обсуждали вопросы формирования в регионе солженицынского культурного пространства. В разговоре, пока еще с «теоретических» позиций, принял участие и Государственный литературный музей, который планирует открыть свой кисловодский филиал — музей Солженицына в доме тетки писателя М.В. Гориной.

Несколько школ в декабре 2013 года провели солженицынские уроки; в их числе школы в Биробиджане (МБОУ СОШ № 1) и Медыни (МОУ Медынская СОШ). Открытый урок организовали преподаватели рязанской школы — центра дистанционного обучения, в котором занимаются 180 учеников из разных районов области с ограниченными возможностями развития или движения. Благодаря современным средствам связи преподаватели центра обсудили со своими учениками тему «Уроки нравственности на примере жизни и творчества Солженицына». Калужский государственный институт модернизации образования совместно с местной Ассоциацией учителей русского языка и литературы провел открытый дистанционный семинар по методике преподавания произведений Солженицына для педагогов области. Жизнь и творчество писателя стали одним из главных направлений Педагогического марафона, который проводился в марте 2014 года в школах города Великие Луки. Лекции о Солженицыне были организованы как для учеников, так и для учителей.

Лекцию для читателей Российской государственной библиотеки для молодежи (у Преображенской заставы в Москве) 27 марта 2014 года прочла Н.Д. Солженицына. А 20 мая прошла ее встреча с петербуржцами в музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме.

Масштабные Дни литературы Калининградской области завершились 1–2 ноября 2013 года научно-практической конференцией «Александр Солженицын в диалоге со временем», которая проходила в стенах Калининградского представительства МОФ «Центр развития межличностных коммуникаций». Программа конференции была весьма насыщенной, с докладами выступили студенты и преподаватели Балтийского федерального университета им. Канта, школьники старших классов. На стенах зала, где

проходили заседания, была размещена фотовыставка «Дорогами армии генерала Самсонова. Спустя столетие» — результаты совместной научной экспедиции сотрудников Калининградского областного историко-художественного музея и их польских коллег (часть территории Восточной Пруссии, где проходили фронтовые пути самсоновской армии, в том числе, место гибели самого Самсонова, ныне находятся на территории Польши). Второй день конференции был посвящен посещению мест боев Первой мировой войны в Калининградской области. По материалам конференции издан сборник⁴³.

В Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского 20–21 ноября 2013 года прошла Четвертая Всероссийская научная конференция «А.И. Солженицын и русская культура», организованная трудами руководителей кафедры новейшей русской литературы Института филологии и журналистики профессора Л.Е. Герасимовой и доцента Г.М. Алтынбаевой⁴⁴. Исследовательская работа в этом направлении ведется на кафедре уже больше пятнадцати лет (Первая Всероссийская научная конференция состоялась здесь в 1998-м). За это время преподаватели кафедры опубликовали более семидесяти научных статей, выпустили в свет две монографии, защищены два диссертационных исследования.

Самой масштабной по количеству участников стала Международная конференция «Наследие А.И. Солженицына в современном культурном пространстве России и зарубежья», проводившаяся 16–17 декабря 2013 года Рязанским государственным университетом имени С.А. Есенина. В конференции приняли участие филологи, историки, философы, краеведы, педагоги, архивисты и музейные работники (в шести параллельных секциях было представлено более ста докладов). Завершение конференции было торжественным — экскурсия по солженицынским местам Рязани и концерт пианиста Игната Солженицына в Рязанской областной филармонии. Накануне, 15 декабря, такой же концерт прошел во Владимире, в Концертном зале им. С.И. Танеева.

В необычной для вуза форме был отмечен день рождения писателя в Благовещенском государственном педагогическом университете. В рамках Недели русской литературы театральной студией «Дебют» был представлен спектакль о жизни Солженицына. 18 декабря 2013 года вечер, посвященный Солженицыну, прошел в Московском Доме кино Союза кинематографистов России. В программу вошли просмотр и обсуждение документальных фильмов «Тайная история “Архипелага ГУЛАГа”» Николая Мелетича и «Беседы с Солженицыным» Александра Сокурова.

⁴³ Александр Солженицын в диалоге со временем: К 95-летию писателя: сб. мат-лов науч.-практич. конф. 1–2 ноября 2014. Калининград, 2014.

⁴⁴ Материалы конференции опубликованы. См. примеч. 30.

В Санкт-Петербурге в Литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского 11 и 12 декабря 2013 года состоялось круглосуточное нон-стоп чтение «Архипелага ГУЛАГа». По замыслу организаторов, театральный зал музея на сутки превратился в большую «диссидентскую кухню» — ведь именно на кухнях в 1970-х годах люди читали и обсуждали литературные новинки, нередко — запрещенные. В чтении приняли участие актеры, деятели культуры, журналисты, политики.

Публичные чтения «Архипелага ГУЛАГа» прошли еще в двух городах, Архангельске и Воронеже, по инициативе местных православных братств. В Архангельске — в стенах Областной научной библиотеки им. Н.А. Добролюбова. Чтения в Воронеже были организованы прямо на Никитинской площади при участии регионального отделения Союза российских писателей, историко-просветительского общества «Мемориал» и Воронежского культурно-исторического общества.

26 марта 2014 года в Доме русского зарубежья прошел круглый стол, приуроченный к 40-летию публикации первого тома «Архипелага ГУЛАГа». Первое его заседание было посвящено обсуждению вопросов, связанных с преподаванием «Архипелага...» в школе, местом книги в образовательной программе; второе наполнили воспоминания свидетелей создания и публикации книги, размышления о ее философии и этике, поэтическом строе, роли в истории, сегодняшней и будущей жизни России. Материалы обсуждения см. во втором разделе настоящего издания.

Почти день в день, 25 марта 2014 года, памятный вечер прошел в Париже, в магазине издательства «Les éditeurs réunis». Детальями непривычной для западных издателей конспиративной операции по подготовке и изданию первого тома «Архипелага...» поделился с присутствующими ее непосредственный участник Н.А. Струве. Выступил на вечере и многолетний литературный представитель Солженицына писатель Клод Дюран. Он рассказал о своем опыте прочтения «Архипелага...», а также о том, как «опыт художественного исследования» издавался и издается сейчас в разных странах и на разных языках.

В Музее «Terror Naза» в Будапеште 20 сентября 2013 года состоялось открытие постоянной экспозиции, посвященной творчеству Солженицына. Она была организована по инициативе Общественного фонда по изучению истории и общества Центральной и Восточной Европы. Выставку открыл премьер-министр Венгрии Виктор Орбан. С приветственным словом выступила Л.И. Сараскина. Автор биографии писателя прочла также лекцию «Солженицын vs Сталин. Сталинизм и антисталинизм в России сегодня» в будапештской Библиотеке иностранной литературы.

В университете старинного венгерского города Дебрецен День русского языка — 6 июня 2014 года — был отмечен круглым столом, посвященным творчеству Солженицына, в частности роману «В круге первом». Меропри-

ятие проводилось при активном содействии Генерального консульства России в Венгрии. По приглашению руководства Института славистики Дебреценского университета в работе круглого стола приняли участие сотрудники Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, передавшие в дар университетской библиотеке более 300 книг (по признанию директора Института славистики Йозефа Горетитя, — настоящее богатство для преподавателей и студентов-славистов). Переданные книги были показаны на немедленно организованной замечательной выставке, где центральное место занимали издания произведений Солженицына и новейшая литература о нем. Основу круглого стола составили доклады студентов и докторантов, представившие результаты изучения романа «В круге первом». Содержательные выступления порождали оживленные продолжительные дискуссии. Солженицынские дни в Дебреценском университете стали праздником для всех, кому удалось на них побывать.

Дом русского зарубежья был приглашен принять участие еще в одной встрече — солженицынском фестивале, по-восточному шумном и красочном. Масштабный форум под названием «Турция читает Александра Солженицына: опыт поколений» был проведен 19–20 декабря 2013 года в Эрджиевском университете города Кайсери (Средняя Анатолия). Эрджиевский университет — второй по количеству студентов университет Турции (первый — Анкарский), его кампус представляет собой целый город, расположенный у подножия красивейшей горы, высшей точки этого региона (ее высота — 3,5 тысячи метров над уровнем моря). На 12 факультетах обучаются более 40 тысяч студентов. На отделении русского языка и литературы — более 250 студентов, 18 аспирантов и докторантов. Отделение принадлежит факультету литератур, но активно сотрудничает с департаментом культуры и искусства, что способствует значительному расширению диапазона знаний студентов о культуре и истории России. Союзом этих университетских подразделений и был организован солженицынский форум (председатель оргкомитета — профессор факультета литератур доктор Севинч Учгюль). Его участники — переводчики, педагоги, ученые, журналисты — приехали из разных регионов Турции.

К открытию форума в центральной университетской библиотеке им. Кадира Хаса была развернута подготовленная студентами выставка «Отраженья в воде: 95 лет в одном “Дыхании”». Организаторы представили в фотографиях жизнь писателя, а также издания его произведений на турецком, русском и других языках. Демонстрировались документальные фильмы о Солженицыне (все, что студенты смогли «выкачать» из интернета).

Первое заседание форума было посвящено переводам произведений Солженицына на турецкий язык. В обсуждении приняли участие четыре переводчика, работавшие над первым турецким изданием двучастных рас-

сказов и крохоток 1990-х годов. Почетным гостем стал старейший специалист в этой области Мехмет Озгюль, первый переводчик «Одного дня Ивана Денисовича» (его издание вышло в свет в 1967 году). Предметом весьма эмоционального спора стали главным образом конкретные сложные случаи перевода — «горница», «держурняк», «недокурок», «осень *переступает*» и т.д. Зачастую для передачи всей палитры смыслов, заложенных в солженицынском слове, в турецком языке просто не находится необходимых средств. Отдельная дискуссия развернулась вокруг перевода крохотки «Отраженье в воде», сделанного в стихотворной форме Угуром Бюке (он немало перевел Солженицына и Виктора Астафьева). По устоявшейся традиции перевод должен быть выполнен в той же форме, что и оригинал. По убеждению Бюке, русский текст крохоток определенным образом ритмизован, что позволяет переводить их на другие языки стихами. Остальные участники обсуждения с ним не согласились. Итог дискуссии подвел сам Бюке: «Умом Россию не понять! А ее писателей тем более».

Следующее заседание было посвящено обсуждению основных тенденций турецкого солженицыноведения, а также специфике изучения произведений Солженицына в университетах Турции. Были подведены итоги трех студенческих конкурсов: «Мое открытие Александра Солженицына» (конкурс на лучшее эссе о судьбе и творчестве писателя); «Сила малого: читаем “Крохотки” Солженицына» (конкурс инсценировок и художественного чтения на русском и турецком языках); «Солженицын о мире и мир о Солженицыне» (конкурс документальных мини-фильмов). Победитель последнего конкурса — десятиминутный видеоролик по «Одному дню Ивана Денисовича». Впечатления от прочитанного рассказа представлены в нем очень неожиданно — в жанре пантомимы, только музыкой и движениями «актеров» (студентов 4-го курса).

На завершающем заседании иллюстрированное сообщение об освоении наследия Солженицына на родине сделала заведующая солженицынским отделом Дома русского зарубежья Г.А. Тюрина. После ее выступления обсуждение этой темы продолжилось в форме вопросов-ответов — особый интерес студентов и преподавателей состоял в том, какой отклик находят произведения Солженицына у молодой российской аудитории. В заключительном слове ректор университета профессор Фахреттин Келештемур отметил важность состоявшего события, которое стало и для преподавателей, и для студентов настоящим праздником. Форум был завершён замечательным концертом ансамбля народной музыки из Анкары. Все участники получили на память «сертификаты» — специально изготовленные стеклянные «книжки» на подставке с изображением горы Эрджиесс и записью об участии в солженицынском форуме. Такой памятный знак украсил и «стену достижений» университета.

Произведения А.И. Солженицына в искусстве

Седьмой год неизменным успехом у зрителей пользуется спектакль «Матрёнин двор», ежемесячно представляемый на сцене Государственного академического театра им. Евг. Вахтангова Еленой и Александром Михайловыми (режиссер В.В. Иванов). В этом году постановка впервые была включена в гастрольный график театра и показана в нескольких городах России. 16 сентября 2013 года спектакль прошел в Иркутском академическом драматическом театре им. Н.П. Охлопкова в рамках IX Международного театрального фестиваля современной драматургии им. Александра Вампилова и был высоко оценен публикой и членами жюри: работа отмечена специальным призом фестиваля. Видеозапись спектакля транслировалась по телеканалу «Культура» в день 95-летия со дня рождения Солженицына, 11 декабря 2013 года.

Накануне, 10 декабря, в Большом зале Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского состоялась столичная премьера литературно-музыкальной композиции «“Отраженье в воде”: А.И. Солженицын — Д.Д. Шостакович». Тексты крохоток 1960-х и 1990-х годов в исполнении народного артиста России Александра Филиппенко перемежались фортепианными прелюдиями Шостаковича в переложении для гобоя и камерного оркестра в исполнении Алексея Уткина и руководимого им Государственного академического камерного оркестра России. К премьере был напечатан буклет, точнее — полноценная книга, содержащая, помимо программы вечера и информации об исполнителях, тексты крохоток, сведения о жизни Солженицына и Шостаковича и даже впервые публикуемый фрагмент их переписки. Зрители, очарованные волшебством соединения Слова и Музыки, по окончании представления тепло и долго приветствовали исполнителей.

23 декабря 2014-го в рамках выставки рукописей и мемориальных вещей Солженицына в ГМИИ им. А.С. Пушкина⁴⁵ Александр Филиппенко исполнял эту программу в Греческом дворике музея (музыка Шостаковича звучала в записи). Еще одно произведение Солженицына постоянно присутствует в репертуаре этого артиста — ежемесячно на сцене столичного театра «Практика» Филиппенко читает «Один день Ивана Денисовича».

В течение почти целого месяца, с 9 октября по 2 ноября 2013 года, на сцене лондонского South Wark Playhouse ежедневно шли представления спектакля «Олень и шалашовка» на английском языке.

Портрет Солженицына стал «визитной карточкой» персональной выставки Таира Салахова, народного художника СССР, лауреата Государственных премий СССР и Азербайджана. Выставка под названием «На стыке ве-

⁴⁵ Выставке в ГМИИ посвящен специальный раздел этого выпуска «Тетрадей». См. с. 202–235 наст. изд.

ков» проходила 27 февраля — 14 марта 2014 года в Париже, в главном здании Французской академии изящных искусств. Среди ее центральных экспонатов важное место заняли два портрета Солженицына, созданные художником в последние годы. Один из них организаторы выставки поместили на гигантской афише, украшавшей фасад Академии.

Скульптура писателя работы Виктории Тищенко была представлена в московском Центральном выставочном зале «Манеж» 17 июня — 6 июля 2014 года в рамках выставки «Ступени мастерства», которую составили дипломные работы выпускников Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова.

Семинар, посвященный трудам и дням писателя

Семинар солженицынского отдела Дома русского зарубежья продолжает свою работу. Новый сезон, после летних каникул, был открыт 3 октября 2013 года докладом Л.И. Сараскиной: «КГБ против Солженицына: Спецоперация 1974–1978», составленным по материалам одной из глав новой книги этого автора «Солженицын и медиа в пространстве советской и постсоветской культуры». Презентация вышедшего из печати издания состоялась также на солженицынском семинаре, 3 апреля 2014 года⁴⁶.

6 ноября 2013 года доктор филологических наук, старший научный сотрудник Отдела рукописей РНБ Н.И. Крайнева представила сообщение: «“...С полук сумрачной Публичной библиотеки...”»: Материалы А.И. Солженицына в отделе рукописей Российской национальной библиотеки». Н.И. Крайнева рассказала о солженицынских материалах в фондах А.А. Ахматовой, Дуровых, Е.Г. Эткинда, А.М. Кондратова и др. Среди этих архивных документов — автографы (письма, телеграммы, открытки и др.), копияные материалы, фотографии, документы с упоминанием имени Солженицына.

20 февраля 2014 года П.Е. Спиваковский прочел доклад о полифонии у Ф.М. Достоевского и А.И. Солженицына⁴⁷. После дискуссии докладчик представил иллюстрированный отчет о своей командировке — в 2012/13 учебном году он читал лекции в США, в Иллинойском университете (Урбана-Шампейн) и наблюдал, как американские студенты осваивают творчество Солженицына.

В связи с юбилейной датой — 200-летием установления дипломатических отношений между Россией и Швейцарией — внеочередное заседание солженицынского семинара 26 мая 2014 года было посвящено швейцарским

⁴⁶ См. примеч. 39.

⁴⁷ Текст доклада лег в основу статьи «Полифония у Ф.М. Достоевского и А.И. Солженицына». См. на с. 51–63 наст. изд.

годам жизни писателя (в этой стране он жил после высылки из СССР с февраля 1974-го по май 1976 года). Вечер был организован при участии посольства Швейцарии в Москве. С приветственным словом выступил Юрий Майле, атташе, ведающий в посольстве публичной дипломатией. Он рассказал об истории дипломатических отношений России и Швейцарии и о роли людей, которые повлияли на судьбы обеих стран; к их числу принадлежит и Александр Солженицын.

Основными докладчиками были гости из Цюриха — М.А. Банкул-Кирпичёва, профессор-эмеритус русского языка и литературы Цюрихского университета, и Франциска Рих, многолетняя сотрудница института «Религия и общество на Востоке и на Западе». Мария Александровна представила обстоятельный иллюстрированный рассказ о первых годах жизни Солженицына на Западе, а также о своем участии в работе писателя и жизни его семьи. Ее помощь заключалась в обработке корреспонденции и переводе фрагментов иностранных книг, в частности для «ленинских» глав «Красного Колеса». Особое внимание рассказчица уделила созданному Солженицыным в первый же швейцарский год Русскому общественному фонду помощи преследуемым и их семьям, которому писатель передал все гонорары и сами права на книгу «Архипелаг ГУЛАГ» на всех мировых языках. Муж Марии Александровны, Виктор Сергеевич Банкул, активно помогал в формальном учреждении фонда и стал членом его правления. Для реализации целей и задач фонда в условиях тех лет приходилось преодолевать, кажется, непреодолимые препятствия, и тем не менее работу удалось наладить.

Кроме помощи по работе, семьи Солженицыных и Банкул связывали теплые дружеские отношения. Мария Александровна показала множество фотографий, на которых были запечатлены разные эпизоды их общения — прогулки с детьми, рождественские праздники, автомобильные путешествия Александра Исаевича (очень непродолжительные, но невероятно насыщенные) в соседние страны: Францию, Италию, Испанию.

Франциска Рих рассказала о своем знакомстве с семьей Солженицыных, что состоялось летом 1974 года благодаря М.А. Банкул, которая была ее преподавательницей в Цюрихском университете. Госпожа Рих переводила Солженицына на его первой пресс-конференции на Западе в ноябре 1974-го, посвященной выходу сборника «Из-под глыб», переводила и его первое телевизионное швейцарское интервью, приуроченное к выходу второго тома «Архипелага ГУЛАГа». Интервью, в котором Солженицын не только отвечал на вопросы, но и читал по-русски и по-немецки выдержки из книги, было передано по швейцарскому телевидению 19 декабря 1974 года и вызвало большой общественный резонанс. Госпожа Рих представила публике фрагменты архивной записи этого интервью.

In memoriam

В 2013 году в России было установлено два памятника Александру Солженицыну. Первый открыт 26 сентября на аллее нобелевских лауреатов Белгородского государственного университета в день 137-летия этого учебного заведения (автор — А.А. Шишков). По замыслу скульптора, фигура писателя, сидящего на табурете в лагерных ботинках и с книгой в руке, передает и драматизм его жизни, и совершенный им творческий подвиг.

Месяц спустя, 26 октября 2013 года, в поселке Мезиновский (Владимирская область, Гусь-Хрустальный район) состоялось открытие бюста писателя на площади перед зданием школы, названной его именем. Школа, в которой Солженицын учительствовал в 1956–1957 годах, становится центром популяризации его наследия на владимирской земле. Музей, существующий в ее стенах уже более десяти лет, расширился — перед зданием школы построили копию избы Матрены Васильевны Захаровой (подлинная сгорела). Экскурсии на русском, английском и немецком языках проводят ученики старших классов школы.

Назовем еще одно место, где памятный знак о пребывании в нем Солженицына появился еще пять лет назад, однако в России о нем мало кто знает. Обелиск с барельефом писателя был установлен в польском городе Бродница — так местные краеведы отметили область бывшей Восточной Пруссии, где командир батареи звуковой разведки капитан Солженицын был арестован в феврале 1945 года.

По-своему увековечила память Солженицына авиакомпания «Аэрофлот» — в 2013 году она присвоила его имя вновь приобретенному самолету Boeing 737–800 поколения Next Generation. Самолет рассчитан на перевозку 158 пассажиров, дальность полетов с максимальной загрузкой составляет 4500 км.

В память писателя ежегодно присваиваются персональные солженицынские стипендии десяти российским студентам, показавшим выдающиеся успехи в литературном творчестве, журналистике и политологии (стипендия учреждена Правительством Российской Федерации в 2009 году). В учебном 2013/14 году победителями конкурса стали студенты 1–5 курсов десяти вузов разных городов России: Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), Пятигорского государственного лингвистического университета, Вятского государственного гуманитарного университета (Киров), Сибирского федерального университета (Красноярск), Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург), Алтайского государственного университета (Барнаул), Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Якутск), Российского университета дружбы народов и Российского государственного гуманитарного университета (Москва). Церемония чествования стипендиатов прошла в стенах Российского государ-

ственного гуманитарного университета, возглавляющего экспертный совет конкурса, уже в пятый раз. 28 марта 2014 года ею открылся Седьмой Международный научный форум «Гуманитарные чтения РГГУ — 2014». Приводим текст приветствия, с которым обратилась к молодым исследователям и литераторам Н.Д. Солженицына:

Дорогие солженицынские стипендиаты!

В присутствии ваших старших коллег — уважаемых участников Гуманитарных чтений РГГУ и членов высокого требовательного жюри, признавшего вас победителями всероссийского конкурса, — позвольте поздравить вас, ваших профессоров, наставников и всех, кто за вас радуется.

Надо бы отметить — не без удивления, и с осторожным оптимизмом, — что из года в год конкурс выигрывают по большей части студенты и аспиранты провинциальных университетов. Вот сегодня это молодые люди из Тамбова, Красноярска, Пятигорска, Барнаула, Якутска, Екатеринбургa, Вятки, Ростова-на-Дону.

Уверена, что Александр Исаевич Солженицын увидел бы в этом некоторую надежду. Он не устал повторять, что централизация всех видов духовной жизни в советские десятилетия (а и в постсоветские четверть века мало что изменилось) — это уродство, духовное убийство. Что прежние русские города имели культурную и духовную насыщенность, позволявшую самым образованным людям с наслаждением жить там и не тесниться всем в одну многомиллионную столицу. Он не сомневался: станет или не станет наша страна цветущей — решительно зависит не от Москвы и Петербурга, а от провинции. Ключ к жизнеспособности страны и к живости ее культуры — в том, чтобы повсюду нащупать ступеньки развития.

Вы, дорогие друзья, взяли себе в неразлучные спутники — перо, компьютер, камеру, микрофон, а значит, выбрали своим инструментом — слово. И тем самым огромную ответственность взвалили на себя. Принято считать, что условия жизни, ее качество — определяются техническим прогрессом, учеными; а рамки жизни чертят, определяют политики. Но источник силы или бессилия общества — духовный уровень жизни. Если в нации иссякли духовные силы — никакое наилучшее государственное устройство и никакая рыночная экономика не спасут ее от угасания, «с гнилым дуплом дерево не стоит». И те, кто взялся за перо, — уже не просто регистраторы событий, уже не сторонние судьи своему обществу, своим властям, они — соучастники и совиновники всего, что творится вокруг. «Найдем ли мы дерзость заявить, что не ответчики мы за язвы сегодняшнего мира?» — спрашивал Солженицын.

В своей Нобелевской лекции Александр Исаевич размышлял — каковы в нашем динамичном, жестоком, взрывном мире место и роль Слова, и оценивал их высоко. Однако в силу слова верят не только идеалисты, но и циники: мы видим, как бушуют повсюду информационные войны, как «к штыку приравняли перо». И если в будущем кому-то из вас придется быть солдатом такой войны, помните, что самое сильное оружие — правда и открытость, что нет ничего дороже человеческой и профессиональной чести и что умение слышать оппонента, вместо того чтобы «вырубить» его, не ослабляет вас, а делает сильнее.

Солженицын верил в победительную силу Правды. Его Нобелевская лекция оканчивается пословицей —

ОДНО СЛОВО ПРАВДЫ ВЕСЬ МИР ПЕРЕТЯНЕТ.

Он верил, что люди, вооруженные словом, способны помочь миру в его раскаленный час.

Всей душой желаю вам разделять эту веру, она осветит вашу работу и вашу жизнь.

С верой в высшую ценность правдивого слова трудятся все, кто вносит свой вклад в освоение наследия Солженицына. Это — один из неизменных лейтмотивов памятных вечеров, которые проводятся дважды в год в стенах Дома русского зарубежья в Москве, носящем имя писателя. По уже сложившейся традиции 11 декабря 2013 года Наталия Дмитриевна Солженицына представила иллюстрированный отчет о новых событиях в солженицынском пространстве, в России и за рубежом. 3 августа 2014 друзья и почитатели писателя собрались на его могиле в некрополе Донского монастыря, где была отслужена православная панихида. Все выступления на поминальной трапезе объединяла общая убежденность — жизнь Александра Солженицына продолжается...

Актуальную информацию о новостях и событиях «солженицынского поля», эталонные тексты произведений писателя и литературу о нем можно найти на официальном сайте по адресу: www.solzhenitsyn.ru.

ОБ АВТОРАХ

Волков Сергей Владимирович — главный редактор журнала «Литература», учитель высшей категории, преподаватель русского языка и литературы московской школы № 57, член Общественной палаты Российской Федерации (Москва).

Дорожинская Ирина Викторовна — автор статей и методических пособий по русской литературе XIX–XX веков, учитель высшей категории, преподаватель русского языка и литературы Московской гимназии на Юго-Западе № 1543 (Москва).

Жидкова Татьяна Александровна — дизайнер интерьеров жилых помещений, дочь А.В. Исаевой (Москва).

Мелентьева Ирина Евгеньевна — автор ряда статей по истории русской литературы XIX–XX веков, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник отдела по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья (Москва).

Немзер Андрей Семенович — автор статей и книг о русской литературе XIX–XXI веков, кандидат филологических наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики (Москва).

Нива Жорж — автор статей и книг о русской литературе XX–XXI веков, в том числе трех монографий об А.И. Солженицыне, профессор Женевского университета (1972–2000), академик Европейской академии естественных, гуманитарных наук и литературы (Женева).

Сараскина Людмила Ивановна — автор статей и книг по истории русской литературы XIX–XX веков, биографий Ф.М. Достоевского и А.И. Солженицына, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Государственно-го института искусствознания РАН (Москва).

Спиваковский Павел Евсеевич — автор статей о русской литературе XX–XXI веков и монографии об А.И. Солженицыне, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва).

Тюрина Галина Андреевна — автор ряда статей и монографии по греческой палеографии, истории классической филологии и образования в России, источниковедческих исследований, связанных с творчеством А.И. Солженицына, кандидат исторических наук, заведующая отделом по изучению наследия А.И. Солженицына Дома русского зарубежья (Москва).

Федянина Мария Евгеньевна — студентка 5-го курса русского отделения филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Рига).

Чуковская Елена Цезаревна — публикатор и комментатор многочисленных материалов из архивов К.И. и Л.К. Чуковских, а также четырех томов их переписки с разными корреспондентами; составитель Собрания сочинений К.И. Чуковского в 15 томах и Собрания сочинений Л.К. Чуковской в 11 томах; автор статей и воспоминаний об А.И. Солженицыне. Кандидат химических наук (Москва).

SUMMARY

Following past practice, the current issue of *Studying Solzhenitsyn* opens with a section of “NEW PUBLICATIONS”. The piece on Ivan Goncharov’s *The Precipice*, part of the “Literary Collection” series of essays, was written in 1986 or 1987, fresh after a rereading of the novel. Although Solzhenitsyn notes certain strong aspects of this work, speaking as a reader he renders a very harsh judgment of Goncharov’s literary manner and of his views of Russian life in the 1860s. Solzhenitsyn is convinced that the novel has failed the test of time and will not be in demand in the twenty-first century. He notes with some annoyance the slowness of the narrative, the weakness of the plot, the contradictions and inaccuracies in the character depictions, the poverty of the linguistic medium used, the tendency of “naming” instead of the depiction of persons and events that Solzhenitsyn deems vital. It is not accidental that the word “heedless” is repeated in the essay, since in Solzhenitsyn’s opinion that is precisely how Goncharov “broadened the framework of the novel” and how he viewed the time he lived in — a time that the author of *The Red Wheel*, writing at the end of the twentieth century, saw in entirely different colors. Hence the contrast drawn between *The Precipice* and the more consistent antinihilistic novels of Pisemsky, Leskov, and Dostoevsky. Freedom from conventional stereotypes permits Solzhenitsyn to place Goncharov on a level with Gleb Uspensky, if not below, while at the same time pointing out certain noteworthy features of Goncharov’s poetics, in particular his disinterest in historical realia that result in the “timelessness” of the narrative in *The Precipice*.

E.Ts. Chukovskaya provides further selections from the correspondence between Solzhenitsyn and L.K. Chukovskaya. Following the publication of letters from the 1974–1977 period (“Moscow has cut off direct postal contact between us in both directions...” — *Studying Solzhenitsyn*, issue 1) and from the 1967–1974 period (“The word ‘Samizdat’ must be written with a capital letter...” — *Studying Solzhenitsyn*, issue 2), the current issue features a later period of this dialogue (1977–1979). The general tonality of Solzhenitsyn’s letters is captured by the phrase “...I’m joyfully hard at work”. This relates to *The Red Wheel*, fragments of which, published in the West, elicited some acute comments in Chukovskaya’s letters. The correspondents also discussed the depressing social, political, and “quasi-literary” events of a difficult time: the persecution of dissidents in the USSR (in particular the brutal treatment of Y.F. Orlov, A.N. Tverdokhlebov, A.I. Ginzburg), the pro-Soviet activity of certain members of the third emigration, the libelous attacks on Solzhenitsyn, and the ill fortunes of the museum planned for the home of K.I. Chukovsky in Peredelkino. But the overall theme of this correspondence

is Russian literature, its past and present. There is a free and responsible dialogue about the nature of prose and the properties of criticism, about Russian classics (in particular Chekhov, Herzen, and Tsvetaeva), about literary novelties (e.g. the prose works of B.A. Mozhaev and V.G. Rasputin, or the appearance of Akhmatova's book on Pushkin), about editorial politics and the publications in Western periodicals (in particular in *Vestnik RKhD*). This general context includes Chukovskaya's reports on her work at the time (the second volume of her *Notes on Anna Akhmatova* and the book on how she had been drummed out of the Writers Union) as well as the plans she had set for herself (the third volume of *Notes on Akhmatova* and a book entitled *Dom Poeta*). Solzhenitsyn responds to all of these themes with interest and great sympathy.

All the materials appearing in the "ESSAYS AND DISCUSSIONS" section are linked to the Solzhenitsyn-focused branch of the Dom russkogo zarubezhya: a number of them were first presented and discussed at sessions of the seminar that is part of the formal activity of this body, while others took shape in the context of roundtable discussions organized by this organization.

P.E. Spivakovsky's essay, "Polyphony in the works of F.M. Dostoevsky and A.I. Solzhenitsyn", is based on M.M. Bakhtin's highly influential view of the nature of Dostoevsky's prose. Having characterized the phenomenon of "polyphony" (which, according to Spivakovsky, is discernable even in Pushkin) and pointing out that the polyphony in Dostoevsky is above all the polyphony of the ideas possessing the characters, one that decidedly does not imply any nonjudgmental relativism on the part of the author, Spivakovsky views Solzhenitsyn's poetics (starting with *One Day in the Life of Ivan Denisovich* but mostly focused on *The Red Wheel*) as a creative continuation and intensification of Dostoevsky's poetics. The author links the polyphonic nature of *The Red Wheel* with a criticism of both anthropocentrism (which assumes that whatever is expressed by the subject is the full truth) and relativism (which denies the very concept of truth). A kind of "negative hero" of the essay turns out to be Chekhov, who is contrasted to both Solzhenitsyn and Dostoevsky in that his late works, in Spivakovsky view, lack any authorial judgment. In *The Red Wheel*, events and characters are evaluated, but judgement is expressed by specific literary means that assume a qualitatively new "image of the author".

In his essay "Russian literature in Matryona's Home", A.S. Nemzer points out a large series of reminiscences of folkloric and classic literary texts in Solzhenitsyn's story. This includes the *bylina* of the unsuccessful marriage of Alyosha Popovich, "The Lay of Igor's Campaign", Derzhavin, Pushkin, Gogol, Lermontov, Turgenev, Nekrasov (references to these last two are especially common), Leo Tolstoy, Leskov. The "citation-ladedness" of the text is related to its "literariness" (its complex structure and the deliberately mystifying opening), its unbroken theme of memory, and its identification of the first-person narrator as a writer. Telling the story of the righteous Russian woman is the duty and the lot of a writer who is heir to the great tradition. Preserving the memory of Matryona (who perished but who lives again in literature) is inseparably linked to a restoration of a living Russian language and Russian literature.

I.V. Dorozhinskaya's essay deals with a theme that at first sight could appear to be of secondary importance — “Apparel in A.I. Solzhenitsyn's novel *In the First Circle*”. But in her careful commentary and analysis of what turns out to be a remarkably rich “wardrobe” in the novel, Dorozhinskaya succeeds in characterizing the significance of numerous physical details in the text and determining their various functions. Clothing and footwear, their color, texture, and style can point to social status or to unique personal qualities (or both); they can signal common features of characters who might not be familiar with each other, as in the headscarf that women wrap themselves in or the boots of former front-line soldiers; they can characterize the time of the action or the past fortunes of the protagonists (generally the recent past) or they can serve as instruments in the plot by acquiring a symbolic function as in the case of the motif of a “masquerade”. In her explanation of the meanings of the various details of the apparel depicted in the novel (details that typically did not seem to need commentary to early readers of the text, but which have now acquired significance), the author links every one of these “minutae” with the poetics of the novel and with its overarching meaning.

The title of M.E. Fedyanina's essay, “Innovation in the archaic mode: *The Gulag Archipelago* as a synthesis of the peasant world view with avant garde poetics”, spells out the author's conception very precisely. As she argues, those of the work's metaphors that are grounded in physics and mathematics in part reproduce avant garde poetics but are simultaneously linked to the mythopoetic view of the world that has been preserved in folklore — an outlook that serves as a peculiar substitute for a world view in the modernized twentieth century. Agreeing with B. Groys that the Stalinist antiworld represents a fulfillment of avant garde utopias, Fedyanina maintains that Solzhenitsyn speaks about an inhuman reality in its own “language”, thereby destroying its mechanistic essence.

I.E. Melentyeva's essay “Horses and other animals in *The Gulag Archipelago*” deals with Solzhenitsyn's animal imagery. Starting with a citation of Georges Nivat's witty comparison of Solzhenitsyn's literary universe with the animal world of fables, and noting two important references to the fable writer Ivan Krylov in *The Gulag Archipelago*, Melentyeva offers impressive lists of the creatures mentioned in this work. Rightly heading her list are the metaphorical rabbits, but they are followed by crowds of other representatives of the animal world: birds, fishes, domestic animals, predators, insects, reptiles, amphibians, and even fantastic dragons. The supervisors of the gulag and its worst inhabitants are endowed with odious characteristics of some animals (predators, threatening gorillas, pigs), but other animals are visibly humanized. Horses are described with particular sympathy, and Melentyeva not only juxtaposes them in the title of her essay to all other non-human characters in *The Gulag Archipelago*, but goes on to expand her subject area and lovingly enumerates the images of horses in other Solzhenitsyn works, from *One Day in the Life of Ivan Denisovich* to the book of memoirs *Ugodilo zernyshko promezh dvukh zhernovov* [not yet translated into English, but tentatively referred to as *The Little Grain*]. The scrupulously compiled and

annotated inventory of the fauna in *The Gulag Archipelago* leads to the logical conclusion concerning the unity of Solzhenitsyn's literary world.

In connection with the fortieth anniversary of the publication of the first volume of the “experiment in literary investigation”, Moscow's Dom russkogo zarubezhya organized a roundtable discussion titled “*The Gulag Archipelago* — forty years later” a transcript of which is now being made available to our readers. The first session, moderated by S.F. Dmitrenko, was dedicated to the theme of *The Gulag Archipelago* in the contemporary Russian classroom. Prose writer and winner of the Aleksandr Solzhenitsyn Prize in Literature in 2012, O.O. Pavlov, was the first speaker. He pointed out the incompatibility of a book stressing commiseration with the inhuman nature of bolshevik “mobilized” experience. Pavlov spoke about the importance of the book in his own life and about the value of its influence on today's secondary school students. It will steer them away from infantile pursuits, from a heedless neglect of history, and from indifference toward human values. And it will implant the feelings of charity and responsibility. Along the way Pavlov spoke about the increase in attacks on Solzhenitsyn, about unscrupulous polemics and the torrents of defamation that seek to discredit the writer and his life's work. This unhappy theme was developed in the comments of L.I. Saraskina who had studied the phenomenon closely while working on the final section of her book titled *Solzhenitsyn and the media in the environment of Soviet and post-Soviet culture* [not yet available in English translation]. And N.D. Solzhenitsyna pointed out the blatant misuse of facts and the deliberate distortion of quotations by those who seek to “expose” the author of *The Gulag Archipelago*. N.T. Orlova, a teacher from the town of Bezhetsk, spoke about her experience of presenting the works of Solzhenitsyn to various classes in her secondary school. Other comments were made by Yu.S. Tsurganov, E.E. Viazemsky, and N.A. Formozov. At the second session, “The fruits of forty years of interpretations”, N.G. Levitskaya, E.Ts. Chukovskaya, and N.D. Solzhenitsyna shared their memories of how the “experiment in literary investigation” was written and how it moved toward publication. And E.V. Ivanova, L.I. Saraskina, A.Ya. Razumov, B.N. Lyubimov, and A.D. Shmelev spoke about their first (and their subsequent) encounters with *The Gulag Archipelago*, about the fate, the structure, and the many contexts of the book.

A special session of the Solzhenitsyn Seminar was dedicated to the above-mentioned monograph by L.I. Saraskina. Apart from the author, the speakers included B.V. Oreshin, B.N. Lyubimov, E.Ts. Chukovskaya, P.B. Basinsky, N.A. Formozov, and V.V. Turkina.

The section titled “MEMOIRS” contains two texts. In “My mother, Anna Vasilyevna Isaeva...”, T.A. Zhidkova writes about the person who served as the prototype of Simochka, a character in the novel *In the First Circle*, an employee of the special prison who risked accepting and safekeeping a manuscript from a nameless “enemy of the people” who was being sent off to a labor camp.

Georges Nivat's account ("Encompassing such an author is a very special task...") of his many years of reading, translating, and interpreting Solzhenitsyn is based on this French Slavic scholar's talk at the book launch of a Russian translation of his latest work, *Aleksandr Solzhenitsyn: Writer and Fighter* (2014). [The French original of 2009 is titled *Le phénomène Soljénitsyne*.]

In 2014 the Aleksandr Solzhenitsyn Prize in Literature was presented to the literary critic I.B. Rodnyanskaya. The section titled "THE ALEKSANDR SOLZHENITSYN PRIZE IN LITERATURE" consists of the text of the jury's decision and a transcription of the comments by L.I. Saraskina, P.V. Basinsky, V.S. Nepomniashchy, A.S. Nemzer, and the response of the laureate. This is followed by information on new publications of works by authors who have been presented the Solzhenitsyn Prize.

An exhibit titled "ALEKSANDR SOLZHENITSYN: FROM UNDER THE RUBBLE" mounted in Moscow's Pushkin Art Museum to mark the ninety-fifth anniversary of the writer's birth is here described in a special section. G.A. Tyurina, one of the organizers of this exhibit, presents a detailed account of the numerous manuscripts, documents, and other objects on public display, along with a description of the general design of the exhibit and of its catalogue ("The first exhibit of the Solzhenitsyn archive in Moscow: A biography reflected in manuscripts"). This is followed by a selection of comments from the book for visitors, and of the remarks of high school and university students who experienced "the lessons of the exhibit" as S.V. Volkov, a teacher, has titled his introduction to the texts of these young commentators.

Both items included in the "ARCHIVAL DISCOVERIES" section were prepared by G.A. Tyurina. In the first, "May the Attacker not be overly harsh!": On the history of A.I. Solzhenitsyn's letter to A.Ya. Yashin", traces the brief but emotionally rich story of the relationship between the two writers.

The second item, "I will have to face a difficult competition with you", is focused on one of Solzhenitsyn's "invisible allies", I.N. Medvedeva-Tomashevskaya (whose outstanding personality, scholarly interests, and misfortunes after the death of her husband, B.V. Tomashevsky, are detailed in the introduction to the letters). Medvedeva-Tomashevskaya belonged to the narrow circle of individuals who had read *The Gulag Archipelago* before it was published. In 1968 she reacted with elation and delight to the clandestine book and forecast its future triumph. Most of her letters to Solzhenitsyn published here (as well as the writer's response to one of them, reproduced from a copy in his archive) deal with Medvedeva-Tomashevskaya's work on a book about the authorship and original text of *The Quiet Don*. Just like her correspondent, Medvedeva-Tomashevskaya was convinced that the novel was not written by M.A. Sholokhov and that its true author was F.D. Kryukov (whose biography was used by Solzhenitsyn in creating the fictional character Fyodor Kovynev in *November 1916* and in subsequent knots of *The Red Wheel*). The "competition" to which Medvedeva-Tomashevskaya refers in a letter to Solzhenitsyn involves the recreation of Kryukov's personality and fate,

which indeed proved to be “difficult”. In one of her letters, Medvedeva-Tomashevskaya offers a response to the chapters in *November 1916* that feature Kovynev, accepting some of Solzhenitsyn’s solutions while sharply disagreeing with others.

“NOTES ON CURRENT EVENTS”, the final section, was compiled by I.E. Melentyeva and G.A. Tyurina. It consists of information on new editions of the works Solzhenitsyn, on new translations of his works, on published scholarship and conferences (in Russia or abroad) focused on Solzhenitsyn, on exhibits, dramatic or musical interpretations of the writer’s works, on the proceedings of the Solzhenitsyn Seminar, and on physical expressions (monuments and plaques) that seek to commemorate the author of *The Gulag Archipelago*.

CONTENTS

NEW PUBLICATIONS

SELECTIONS FROM THE PAPERS OF ALEKSANDR SOLZHENITSYN

- ALEKSANDR SOLZHENITSYN. From the “Literary Collection”:
“Ivan Goncharov’s *The Precipice*” 5
Edited with notes by N.D. Solzhenitsyna
- “I’M JOYFULLY HARD AT WORK”:
Selections from the correspondence between Aleksandr Solzhenitsyn
and Lydia Chukovskaya (1977–79) 11
Edited, annotated and with a preface by E.Ts. Chukovskaya

ESSAYS AND DISCUSSIONS

- P.E. SPIVAKOVSKY. Polyphony in the works of F.M. Dostoevsky
and A.I. Solzhenitsyn 51
- A.S. NEMZER. Russian literature in Matryona’s Home 64
- I.V. DOROZHINSKAYA. Apparel in A.I. Solzhenitsyn’s novel *In the First Circle* 98
- M.E. FEDYANINA. Innovation in the archaic mode: *The Gulag Archipelago* as a
synthesis of the peasant world view with avant garde poetics 112
- I.E. MELENTYEVA. Horses and other animals in *The Gulag Archipelago* 117
- THE GULAG ARCHIPELAGO — FORTY YEARS LATER
A roundtable discussion on the fortieth anniversary of its publication
Session I: The Gulag Archipelago in the contemporary classroom 123
Moderator: S.F. Dmitrenko
Presentations by: O.O. Pavlov, N.T. Orlova, Iu.S. Tsurganov, E.E. Viazemsky,
N.D. Solzhenitsyna, L.I. Saraskina, N.A. Formozov
- Session II: The Gulag Archipelago: The fruits of forty years*
of interpretations 133
Moderator: A.S. Nemzer
Presentations by: N.G. Levitskaya, E.Ts. Chukovskaya,
N.D. Solzhenitsyna, L.I. Saraskina, A.Ya. Razumov, B.N. Lyubimov,
A.D. Shmelev

“SOLZHENITSYN AND THE MEDIA IN THE ENVIRONMENT OF SOVIET AND POST-SOVIET CULTURE” <i>A transcript of a discussion of L.I. Saraskina’s book</i>	150
---	-----

Moderator: G.A. Tyurina

Presentations by: L.I. Saraskina, B.V. Oreshin, B.N. Lyubimov,
E.Ts. Chukovskaya, P. V. Basinsky, N.A. Formozov, V.V. Turkina

MEMOIRS

T.A. ZHITKOVA. “My mother, Anna Vasilyevna Isaeva...”	171
G. NIVAT. “Encompassing such an author is a very special task”	174

THE ALEKSANDR SOLZHENITSYN PRIZE IN LITERATURE

The 2014 Prize

The jury’s statement.	181
The award ceremony	181

Moderator: N.D. Solzhenitsyna

Comments by: L.I. Saraskina, P.B. Basinsky, V.S. Nepomniashchy,
A.S. Nemzer, I.B. Rodnianskaya

Book series	201
-----------------------	-----

“ALEKSANDR SOLZHENITSYN: FROM UNDER THE RUBBLE”. AN EXHIBIT

G.A. TYURINA. The first exhibit of the Solzhenitsyn archive in Moscow: <i>A biography reflected in manuscripts</i>	202
COMMENTS MADE BY VISITORS. Some excerpts.	208
S.V. VOLKOV. The lessons of the exhibit.	222
COMMENTS BY STUDENTS	225

ARCHIVAL DISCOVERIES

“MAY THE ATTACKER NOT BE OVERLY HARSH!”: <i>On the history of A.I. Solzhenitsyn’s letter to A.Ya. Yashin</i>	236
“I WILL HAVE TO FACE A DIFFICULT COMPETITION WITH YOU”: <i>Irina Nikolaevna Medvedeva-Tomashevskaya (1903–1973)</i>	247
Documents bearing on I.N. Medvedeva-Tomashevskaya	259
Selections from the correspondence of I.N. Medvedeva-Tomashevskaya with A.I. Solzhenitsyn (1967–1973).	260

Edited with preface and notes by G.A. Tyurina

NOTES ON CURRENT EVENTS

Compiled by I.E. Melentyeva and G.A. Tyurina

New editions of the works of A.I. Solzhenitsyn	271
Literature on the works of A.I. Solzhenitsyn	273
Exhibits, conferences, lectures, readings, discussions	276
Works of A.I. Solzhenitsyn in art	282
Seminar on the life and works of the writer	283
In memoriam	285
NOTES ON CONTRIBUTORS	288
SUMMARY	290
CONTENTS	296

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

Из наследия АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

<i>Александр Солженицын. Из «Литературной коллекции» «Обрыв» Гончарова</i>	5
<i>Публикация, подготовка текста и примечания Н.Д. Солженицыной</i>	
<i>«...Работаю радостно и много»: Из переписки Александра Солженицына и Лидии Чуковской (1977–1979)</i>	11
<i>Публикация, подготовка текстов, вступительная заметка и комментарии Е.Ц. Чуковской</i>	

СТАТЬИ И ДИСКУССИИ

<i>П.Е. Спиваковский. Полифония у Ф.М. Достоевского и А.И. Солженицына</i>	51
<i>А.С. Немзер. Русская словесность на Матрёнинском дворе</i>	64
<i>И.В. Дорожнинская. Костюм в романе А.И. Солженицына «В круге первом»</i>	98
<i>М.Е. Федянина. Архаизирующее новаторство: «Архипелаг ГУЛАГ» как синтез крестьянского мировоззрения и авангардистской поэтики</i>	112
<i>И.Е. Мелентьева. Лошади и другие животные в «Архипелаге ГУЛАГе»</i>	117
<i>«Архипелаг ГУЛАГ» — сорок лет спустя Из материалов круглого стола, посвященного юбилею первой публикации Заседание первое. «Архипелаг ГУЛАГ» в современной школе.</i>	123
<i>Ведущий: С.Ф. Дмитренко</i>	
<i>Выступления: О.О. Павлов, Н.Т. Орлова, Ю.С. Цурганов, Е.Е. Вяземский, Н.Д. Солженицына, Л.И. Сараскина, Н.А. Формозов</i>	

Заседание второе. «Архипелаг ГУЛАГ»: сорокалетний опыт прочтения	133
<i>Ведущий:</i> А.С. Немзер	
<i>Выступления:</i> Н.Г. Левитская, Е.Ц. Чуковская, Н.Д. Солженицына, Л.И. Сараскина, А.Я. Разумов, Б.Н. Любимов, А.Д. Шмелев	
«Солженицын и медиа в пространстве советской и постсоветской культуры»: Стенограмма обсуждения книги Л.И. Сараскиной	150
<i>Ведущая:</i> Г.А. Тюрина	
<i>Выступления:</i> Л.И. Сараскина, Б.В. Орешин, Б.Н. Любимов, Е.Ц. Чуковская, П.В. Басинский, Н.А. Формозов, В.В. Туркина	
ВОСПОМИНАНИЯ	
Г.А. Жидкова. «Моя мама, Анна Васильевна Исаева...»	171
Ж. Нива. «Обнять такого автора — это нечто особое...»	174
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА	
Премия 2014	
Решение жюри	181
Церемония награждения	181
<i>Ведущая:</i> Н.Д. Солженицына	
<i>Выступления:</i> Л.И. Сараскина, П.В. Басинский, В.С. Непомнящий, А.С. Немзер, И.Б. Роднянская	
Книжная серия	201
ВЫСТАВКА «АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН: ИЗ-ПОД ГЛЫБ»	
Г.А. Тюрина. Первая презентация солженицынского архива в Москве:	
<i>Биография в рукописях</i>	202
Из книги отзывов	208
С.В. Волков. Уроки выставки	222
Рассказы школьников и студентов	225
АРХИВНЫЕ НАХОДКИ	
«Пусть Наступающий не будет слишком злым!»:	
<i>К истории письма А.И. Солженицына к А.Я. Яшину</i>	236
«Мне предстоит нелегкое с Вами состязание»:	
<i>Ирина Николаевна Медведева-Томашевская (1903–1973)</i>	247

Документы И.Н. Медведевой-Томашевской	259
Из переписки И.Н. Медведевой-Томашевской и А.И. Солженицына (1967–1973)	260

*Публикация, подготовка текстов, предисловие
и примечания Г.А. Тюриной*

ХРОНИКА

Раздел подготовлен И.Е. Мелентьевой и Г.А. Тюриной

Издания произведений А.И. Солженицына	271
Литература о творчестве А.И. Солженицына	273
Выставки, конференции, лекции, чтения, обсуждения	276
Произведения А.И. Солженицына в искусстве	282
Семинар, посвященный трудам и дням писателя	283
In memoriam	285
ОБ АВТОРАХ	288
SUMMARY	290
CONTENTS	296

Солженицынские тетради: Материалы и исследования : [альманах].
С-60 Вып. 3 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына ; [гл.
ред. А.С. Немзер]. — М. : Русский путь, 2014. — 304 с. : ил.

ISBN 978-5-85887-440-9

Ежегодный альманах «Солженицынские тетради» призван способствовать общению профессиональных исследователей жизни и творчества писателя и его заинтересованных читателей. Альманах представляет неопубликованные тексты из наследия А.И. Солженицына, документы, связанные с жизнью и работой писателя, мемуары о нем и его эпохе, исследования, посвященные конкретным произведениям, их взаимосвязям, логике творческого пути писателя, его месту в литературе и культуре, роли в истории XX столетия и той истории, что творится сегодня.

В этом выпуске впервые публикуются очерк писателя «“Обрыв” Гончарова» из «Литературной коллекции», фрагменты переписки А.И. Солженицына с Л.К. Чуковской (1977–1979), А.Я. Яшиным (1967–1968), И.Н. Медведевой-Томашевской (1967–1973). Хроника происходящего в солженицынском пространстве включает информацию о значимых изданиях книг писателя и их переводах, новинках исследовательской и учебной литературы, конференциях, выставках, театральных и музыкальных интерпретациях, очередном решении жюри Литературной премии Александра Солженицына. Издание иллюстрировано репродукциями рукописей и фотоматериалами.

УДК 82.0

ББК 84(2Рос)6 + 83.3(2Рос)6

Литературно-художественное издание

Современные
ТЕТРАДИ
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

3

Корректор: *О.А. Савичева*

Верстка: *Л.А. Фирсова*

В соответствии с ФЗ-436 для читателей старше 12 лет

Подписано в печать 14.11.2014. Формат 70x100/16.

Тираж 1000 экз.

ЗАО «Издательство «Русский путь»»

109240, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

Тел.: +7 (495) 915-10-47

E-mail: info@rp-net.ru

Сайт издательства: www.rp-net.ru

Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru

Отпечатано в типографии «Наука»

121099, г. Москва, Шубинский переулок, д. 6

ISBN 978-5-85887-440-9

9 785858 874409 >

Опечатки, замеченные в вып. 2 «Солженицынских тетрадей» (М., 2013)

Стр.	Абзац	Строка	Напечатано:	Следует читать:
60	3 сн.	2 сн. Гадючник. Гадюшник.
72	3 сн.	1 св.	...оправила...	...отправила...
74	5 сн.	1 сн.	2006. ...	2007. ...
206	2 св.	3 св.	...Валерьевна...	...Валерьяновна...
324	1 св.	3 св.	«“Отражение в воде”...	«“Отраженье в воде”...